

ISSN 2542-2197

Вестник

МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

2018 14 (809)

MINISTRY OF SCIENCE AND HIGHER EDUCATION
OF THE RUSSIAN FEDERATION
FEDERAL STATE BUDGETARY
EDUCATIONAL INSTITUTION OF HIGHER EDUCATION
"MOSCOW STATE LINGUISTIC UNIVERSITY"

The year of foundation – 1940

**VESTNIK
OF MOSCOW STATE
LINGUISTIC UNIVERSITY
HUMANITARIAN SCIENCES**

Issue 14 (809)

Moscow
FSBEI HE MSLU
2018

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Год основания издания – 1940

**ВЕСТНИК
МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ**

Выпуск 14 (809)

Москва
ФГБОУ ВО МГЛУ
2018

Печатается по решению Ученого совета
Московского государственного лингвистического университета

Главный редактор
доктор филологических наук, профессор **Г. Г. Бондарчук**

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Алиева Н. М., д-р филол. наук, проф. (Азербайджан)
Воронина Г. Б., канд. филол. наук, проф. (МГЛУ)
Гаспарян Г. Р., д-р филол. наук, проф. (Армения)
Голубина К. В., канд. филол. наук, проф. (МГЛУ)
Гомес М. К., проф. лингвистики (Кадис, Испания)
Дудик Н. А., канд. филол. наук (МГЛУ)
Имомзода М. С., д-р филол. наук, проф. (Таджикистан)
Ирисханова К. М., канд. филол. наук, проф. (МГЛУ)
Ирисханова О. К., д-р филол. наук, проф. (МГЛУ)
Краева И. А., канд. филол. наук, проф. (МГЛУ)
Красноженова Г. Ф., д-р социол. наук, проф. (МГЛУ)

Кунанбаева С. С., д-р филол. наук, проф. (Казахстан)
Медведева Т. В., канд. филол. наук, проф. (МГЛУ)
Моисеенко Л. В., д-р филол. наук, проф. (МГЛУ)
Мусаев А. И., д-р филол. наук, проф. (Кыргызстан)
Ноздрина Л. А., д-р филол. наук, проф. (МГЛУ)
Писанова Т. В., д-р филол. наук, проф. (МГЛУ)
Радченко О. А., д-р филол. наук, проф. (Россия)
Русецкая М. Н., д-р пед. наук, проф. (Россия)
Сорокина Т. С., д-р филол. наук, проф. (МГЛУ)
Убин И. И., д-р филол. наук, проф. (МГЛУ)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Бондарев А. П., д-р филол. наук, проф.
Васильюк И., канд. филол. наук
Воробьев В. В., д-р филол. наук, проф.
Ганин В. Н., д-р филол. наук, проф.
Голубкова Е. Е., д-р филол. наук, проф.
Гусейнова И. А., д-р филол. наук, доц.
Евдокимов А. Ю., академик РАН, д-р техн.
наук, канд. культурологии, доц.
Евтушенко О. В., д-р филол. наук, доц.
Жаринов Е. В., д-р филол. наук, доц.
Жданова Л. М., канд. филол. наук, доц.
Захари Захариев, д-р филол. наук, проф.
Карневская Е. Б., канд. филол. наук, проф.
Косиченко Е. Ф., д-р филол. наук, доц.
Кузнецов В. Г., д-р филол. наук, проф.
Мальгина И. В., д-р филос. наук, проф.
Осьминина Е. А., д-р филол. наук, проф.
Полетаева М. А., канд. культурологии, доц.
Порохничкая Л. В., д-р филол. наук

Потапова Р. К., д-р филол. наук, проф.
Семина И. А., д-р филол. наук, доц.
Силантьев Р. А., д-р истор. наук, доц.
Собакин А. Н., д-р филол. наук, доц.
Сомова Е. В., д-р филол. наук, проф.
Сухарев Ю. А., д-р филос. наук, проф.
Тёмкин В. А., канд. истор. наук, доц.
Толкачев С. П., д-р филол. наук, проф.
Травников С. Н., д-р филол. наук, проф.
Трыков В. П., д-р филол. наук, проф.
Уралова Л. А., канд. филол. наук, доц.
Фадеева Г. М., канд. филол. наук, доц.
Харитончик Э. А., д-р филол. наук, проф.
Хитина М. В., д-р филол. наук, доц.
Цветаева Е. Н., канд. филол. наук, доц.
Ченки А. Дж., д-р наук по славянским языкам
Чернозёмова Е. Н., д-р филол. наук, проф.
Янулевичене В., д-р гуманитарных наук, проф.

СОДЕРЖАНИЕ

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

ЛЕКСИКА И СЕМАНТИКА: АКТУАЛЬНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ИССЛЕДОВАНИЙ

Краева И. А.

Функционирование английских относительных прилагательных
в качественном значении как проявление модусной
перекатегоризации 13

Анисимова В. Б.

Концепт «отношение» в английском языке
и функционально-когнитивная семантика его репрезентантов
(на материале позднедревнеанглийского периода) 24

Елизарьева М. А.

К вопросу о признаках языкового союза: семантике – быть? 36

Исакова Л. Д.

О лингвостилистике в сопоставлении германских языков 45

Лентовская А. В.

Акциональные характеристики русских и итальянских глаголов 57

Пискарьёва А. В.

Метафоры в терминологии когнитивных исследований языка 72

ПСИХОЛИНГВИСТИКА В ОСВЕЩЕНИИ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ И ЗАРУБЕЖНЫХ ЛИНГВИСТОВ

Панарина Н. С.

Понятие прецедентности в работах В. С. Страховой 81

<i>Пищальникова В. А.</i> Некоторые тенденции развития современной зарубежной психолингвистики	93
<i>Хлопова А. И.</i> <i>Arbeit / работа</i> в языковой картине мира швейцарцев и австрийцев	105

СОВРЕМЕННЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ИССЛЕДОВАНИЙ: ИСТОРИОГРАФИЯ ЛИНГВИСТИКИ, ЭКОЛИНГВИСТИКА И ДИСКУРСИВНЫЙ АНАЛИЗ

<i>Анисимова Е. Е.</i> Особенности католического газетно-публицистического дискурса в ФРГ	118
<i>Громорушкина А. А.</i> Спорные вопросы в эколингвистике	132
<i>Костева В. М.</i> Нарративный метод в лингвоисториографии и особенности его использования для исследования научного интрадискурса	143
<i>Лебедева И. С., Романова И. Д.</i> Модальные комбинации «might have done» и «could have done» в персональном и институциональном дискурсе	152
<i>Овсянникова А. А.</i> Эвокативность в современном театральном дискурсе (на примере творчества Богдана Ступки)	161

ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ АКСИОЛОГИЯ: ЦЕННОСТИ И АНТИЦЕННОСТИ

<i>Линь Сюе</i> Зоометафора как средство выражения негативной оценки в политическом дискурсе (на материале китайского и русского языков)	173
<i>Пэй Цайся</i> Социально-философский аспект исследования антиценности «коррупция» (на материале русского и китайского языков)	187

Чэнь Ваньжоу

Русские ценности в повестях В. Г. Распутина

«Прощание с Матёрой» и «Живи и помни» 198

ПРИКЛАДНЫЕ АСПЕКТЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ: СТАНДАРТИЗАЦИЯ ЯЗЫКА, ЛИНГВОДИДАКТИКА И ПЕРЕВОДОВЕДЕНИЕ

Германова Н. Н.

Еще раз о споре примордиалистов и социальных конструктивистов:
возрождение миноритарных языков или их конструирование?

(на материале скотс) 210

Ударова Н. И.

Учет частотности употребления приложений с эргонимами в русском
и английском языках в переводе

223

Филичева О. С.

Типичное использование и актуализация языковых средств
в англоязычном научно-учебном тексте

246

Хухуни Г. Т.

Бытовые реалии в сакральном тексте:

проблемы межязыковой передачи 257

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Пищальникова В. А., Чэнь Ваньжоу

Репрезентация базовых ценностей в деревенской прозе
(на материале произведений В. Астафьева, В. Белова)

268

Раренко М. Б.

Разговор по-русски на страницах романа И. А. Гончарова
«Обломов»

281

Ретивкина О. М.

Ретро как один из способов организации
межкультурной коммуникации в творчестве Н. Абгарян

293

Салиева Л. К.

В. О. Пелевин и новояз масскульта 303

Тиболов И. С.
Особенности прозы Сека Гадиева в осетинской литературе 313

Шевченко С. Н.
Эмоциональное мироощущение Уильяма Каллена Брайанта
сквозь призму его поэтических текстов 322

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Бутакова Л. О., Вязигина С. Ю.
Ценностные ориентации русских как аксиологический компонент
языкового сознания: экспериментальное исследование 335

Дробышева Е. Э.
Высшая школа и креативные индустрии:
возможности взаимодействия 356

Евдокимов А. Ю., Клименко О. И.
Экологичность культуры в контексте религии (православие) 369

Зибен Ю.
Функции русских культурно-исторических реалий
в немецком туристическом дискурсе (*на нем. яз.*) 375

CONTENTS

LINGUISTICS

VOCABULARY AND SEMANTICS: TOPICAL RESEARCH AREAS

Kraeva I. A.

Functioning of English Relative Adjectives in Their Quality Meanings
as a Sign of Modus Recategorization 13

Anisimova V. B.

Concept 'Relation' in the English Language and the Functional
and Cognitive Semantics of Its Representation (Late Old English period) 24

Yelizaryeva M. A.

Sprachbund Features: Is Semantics a Relevant Factor? 36

Isakova L. D.

About Linguostylistics in Comparison of Germanic Languages 45

Lentovskaya A. V.

Actional Characteristics of Russian and Italian Verbs 57

Piskareva A. V.

Metaphors in Terms of Cognitive Studies of Language 72

PSYCHOLINGUISTICS IN THE COVERAGE OF DOMESTIC AND FOREIGN LINGUISTS

Panarina N. S.

The Concept of Precedence in Works by V. S. Strakhova 81

<i>Pishchalnikova V.A.</i> Trends in the Development of Contemporary Foreign Psycholinguistics	93
<i>Khlopova A. I.</i> <i>Arbeit / Work</i> in the Linguistic World View of the Swiss and the Austrians	105

CURRENT RESEARCH AREAS: HISTORIOGRAPHY OF LINGUISTICS, ECOLINGUISTICS AND DISCOURSE ANALYSIS

<i>Anisimova E. E.</i> Peculiarities of Catholic Newspaper and Publicistic Discourse in the FRG	118
<i>Gromorushkina A. A.</i> Debatable Issues in Ecolinguistics	132
<i>Kosteva V. M.</i> Narrative Method in Lingvo Historiography and Its Special Aspects for the Study of Scientific Interdiscourse	143
<i>Lebedeva I. S., Romanova I. D.</i> Modal Combinations “Might Have Done” and “Could Have Done” in Personal and Institutional Discourses	152
<i>Ovsyannikova A. A.</i> Evocativeness in Modern Theatrical Discourse (analysis of theatrical works by Bogdan Stupka)	161

LINGUISTIC AXIOLOGY: VALUES AND ANTI-VALUES

<i>Lin Xue</i> The Role of Zoometaphor in Structuring Political Discourse (an analysis of Chinese and Russian languages)	173
<i>Pei Caixia</i> Socio-Philosophical Research of the Anti-Value «Corruption» (a contrastive analysis of Russian and Chinese languages)	187

Chen Wanrou

Russian Values in the Novels “Farewell To Matyora” and “Live And Remember” by V. G. Rasputin	198
---	-----

APPLIED LINGUISTICS: STANDARDIZATION, LANGUAGE TEACHING, TRANSLATION STUDIES

Guermanova N. N.

The Argument Between Primordialists and Social Constructivists Revisited: Revitalization of Minority Languages or Their Reconstruction? (on the example of scots)	210
---	-----

Udarova N. I.

Frequency of Use of Applications with Ergonyms in Russian and English Translation	223
--	-----

Filicheva O. S.

Typical Use and Actualization of Language Means in English Scientific and Academic Texts	246
---	-----

Khukhuni G. T.

Cultural Words Denoting Realities of Everyday Life in Sacral Texts: the Problem of Interlingual Translation	257
--	-----

LITERARY STUDIES

Pishchalnikova V.A., Chen Wanrou

Representation of Basic Values in the Village Prose (an analysis of works by V. Astafyev and V. Belov)	268
---	-----

Rarenko M. B.

Conversation in Russian Style on the Margins of I. A. Goncharov’s Novel ‘Oblomov’	281
--	-----

Retivkina O. M.

Retro as a Way of Intercultural Communication in Works by N. Abgaryan	293
--	-----

Salieva L. K.

Pelevin and the Newspeak of Mass Culture	303
--	-----

<i>Tibilov I. S.</i> Characteristic Features of Seka Gadiyev's Prose in Ossetian Literature	313
<i>Shevchenko S. N.</i> William Cullen Bryant's Sensual World Perception through the Prism of His Poetic Texts	322

CULTUROLOGY

<i>Butakova L. O., Vyazigina S. J.</i> Russian Cultural Values as an Axiological Component of Language Consciousness: an Experimental Study	335
<i>Drobysheva E.</i> Higher Education Institutions and Creative Industries: Opportunities of Intercommunion	356
<i>Evdokimov A. Yu., Klimenko O. I.</i> Ecological Culture in the Context of Religion (Orthodoxy)	369
<i>Sieben Yu.</i> Functions of Russian Cultural and Historical Realities in the German Tourism Discourse	375

ЛЕКСИКА И СЕМАНТИКА: АКТУАЛЬНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ИССЛЕДОВАНИЙ

УДК 811

И. А. Краева

кандидат филологических наук, профессор, ректор ФГБОУ ВО МГЛУ;
e-mail: irinakraeva@linguanet.ru

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ АНГЛИЙСКИХ ОТНОСИТЕЛЬНЫХ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ В КАЧЕСТВЕННОМ ЗНАЧЕНИИ КАК ПРОЯВЛЕНИЕ МОДУСНОЙ ПЕРЕКАТЕГОРИЗАЦИИ

В статье рассматриваются некоторые вопросы функционирования относительных прилагательных современного английского языка в качественном значении. По мнению автора, с возникновением новой парадигмы лингвистического знания – когнитивной лингвистики – появилась возможность по-новому взглянуть на целый ряд проблем, в частности на формирование, выделение и развитие частей речи. Категория английских прилагательных представлена как прототипическая модусная категория, в центре которой находятся качественные прилагательные, а на периферии – относительные. Данная категория характеризуется единством, а две ее подкатегории качественности (абсолютной и относительной) представляют собой открытые, динамичные системы, способные к взаимопроникновению. В работе сформулированы прототипические свойства прилагательных через призму категории градуальности, приводятся убедительные примеры употребления относительных прилагательных в качественном значении, где они употребляются с модификаторами степени и, вследствие этого, выражают определенную степень проявления признака.

Ключевые слова: градуальность; когнитивная лингвистика; части речи; прототипическая категория; модусная категория; степень проявления признака.

I. A. Kraeva

PhD (Philology), Professor, Rector of Moscow State Linguistic University;
e-mail: irinakraeva@linguanet.ru

FUNCTIONING OF ENGLISH RELATIVE ADJECTIVES IN THEIR QUALITY MEANINGS AS A SIGN OF MODUS RECATEGORIZATION

The article considers the functional aspect of modern English relative adjectives in their quality meanings. The author maintains that the new linguistic paradigm – cognitive linguistics – gives an opportunity to look at quite a number of problems from a different angle, in particular at the formation and development of parts of speech. The category of English adjectives is presented as a prototypical modus category with quality adjectives in its centre and relative adjectives on its periphery. The given category is characterized by its unity, its two subcategories of quality (absolute and relative) are open dynamic systems liable to interpenetration. The author describes prototypical features of adjectives through the prism of the category of graduality and gives illustrative examples of using relative adjectives in their quality meanings. In these examples they function together with modifiers of degree and as a result represent a certain degree of feature manifestation.

Key words: graduality; cognitive linguistics; parts of speech; a prototypical category; a modus category; degree of feature manifestation.

Не вызывает сомнения тот факт, что имена прилагательные представляют собой очень интересный материал для исследования. На сегодняшний день в теоретической литературе существует огромное количество работ, посвященных изучению рассматриваемой категории слов. Тем не менее некоторые вопросы, включая один из фундаментальных вопросов о частеречной принадлежности членов данной категории, остаются открытыми, дискуссионными, меняется и ракурс их рассмотрения.

Как отмечала Е. С. Кубрякова в своей работе «Язык и знание», «...вопрос о частях речи как особых категориях или классах слов, о границах этих классов и самих принципах их выделения, хотя и относится к числу вопросов, имеющих давнюю традицию их изучения, все же не принадлежит к числу решенных» [Кубрякова 2009, с. 29].

В рамках небольшой по объему статьи мы, конечно, не ставим своей целью подробно останавливаться на истории частеречной теории, на критике некоторых ее положений или на ее преимуществах. Для нас несомненно одно: теория частей речи вошла в практику изучения

самых разных языков, она, как принято говорить, «работает», и совершенно невозможно сегодня представить дальнейшее развитие лингвистики и образовательной практики без обращения к частям речи.

Известно, что в классической грамматике английского языка прилагательные считаются гетерогенным классом слов и традиционно делятся на две основные группы – качественные прилагательные и относительные.

Цель нашего исследования – рассмотреть функционирование именно относительных прилагательных английского языка, но в их качественном значении.

Ученые давно обратили внимание на то, что относительные прилагательные, так же как и прилагательные в целом, не являются гомогенным классом. Так, М. В. Никитин еще в 1998 г., опираясь на денотативно-сигнификативную природу и семантику относительных прилагательных, предложил разделить их на две группы – *аргументно-* и *субстантно-признаковые* [Никитин 1998, с. 68].

К *субстантно-признаковым* ученый причислял те относительные прилагательные, у которых субстанция денотата становится их признаком. Например: *деревянный стол* – *wooden table*, *песчаный пляж* – *sandy beach*, *хрустальный кубок* – *crystalline cup*.

В случае *аргументно-признаковых* относительных прилагательных, признак их денотата является *отношением* между денотатами исходного и описываемого существительных. Например: *oceanic winds* (океанские ветра = океан + ветра), *tropical fruit* (тропический фрукт = тропики + фрукт), *governmental law* (правительственный закон = правительство + закон). В последнем случае вызов в сознании идеи признака требует для его актуализации наличия энциклопедических знаний о мире и отношений обозначенных объектов: правительство принимает законы – «правительственный закон», замОк врезается в дверь – «дверной замОк», определенные фрукты растут в тропиках – «тропические фрукты».

В другой своей фундаментальной работе – «Курс лингвистической семантики» – М. В. Никитин высказывает мнение о том, что (по его классификации) *аргументно-признаковые* прилагательные не являются собственно признаковыми словами, так как обозначают не признак, а вещь в признаковом отношении к денотату определяемого, т. е. выполняют признаковую функцию [Никитин 2007].

С возникновением новой парадигмы лингвистического знания – когнитивной лингвистики – появилась возможность по-новому взглянуть на целый ряд проблем, в частности на формирование, выделение и развитие частей речи.

Новый взгляд на признаковую и предметную лексику выразила Е. С. Кубрякова: «Традиционное противопоставление имен глаголу уступает во второй половине XX века противопоставлению предметной лексики – признаковой. Соотношение имен существительных, прилагательных и глаголов приобретает в классификации знаменательных слов иной вид: морфологические признаки имен существительных и прилагательных (склоняемость), в отличие от морфологических признаков глаголов, (спрягаемость) отходят на задний план, и формальные особенности указанных классов перестают играть в их категоризации ведущую роль» [Кубрякова 2002, с. 34–35].

В данном случае во главу угла ставилась способность глаголов и имен прилагательных строить предикаты, а их сходство усматривалось в том, что оба класса слов обозначают *признаки* (процессуальные *versus* непроцессуальные). Следовательно, объединение глаголов и имен прилагательных в единый разряд признаков слов происходит не столько на основании формы, сколько вопреки ей, базируясь прежде всего на свойствах функциональных [Кубрякова 2002]. В результате становится более очевидным и особое положение предметной лексики и имен существительных как в генезисе языка, так и в периоды его позднего существования, поскольку «именно по отношению к предметной лексике можно оценить положение имен прилагательных и глаголов в типологическом плане, т. е. определить их большую близость в отдельно взятом языке друг к другу или же к именам существительным, а значит, охарактеризовать более адекватно статус каждой из названных частей речи в системе языка» [Кубрякова 2002, с. 35].

Е. С. Кубрякова полагала, что всем указанным изменениям в понимании частей речи и их соотношении друг с другом можно дать и когнитивное объяснение. «Объекты (тела, вещи, живые существа), – писала она, – воспринимаются совершенно не так, как воспринимаются отвлекаемые от них атрибуты, или признаки. Только первые отличаются своей перцептуальной выделимостью и качественной определенностью, своей отдельностью и очевидной отчетливостью *фигур* на том или ином *фоне*» [Кубрякова 2002, с. 35].

В связи с этим на шкале, организуемой противопоставлением *стабильности* и *изменчивости*, на полюсе стабильности находится имя существительное, на противоположном полюсе изменчивости – глагол, а место прилагательных в этой иерархии сущностей, определяемой особенностями восприятия окружающего мира человеком, оказывается в известном смысле варьирующимся. Имя прилагательное стоит то ближе к существительному, то к глаголу, что связано с присущими прилагательным характеристикам, в частности с признаком перцептуальной выделяемости и др. [Кубрякова 2002].

Когнитивный подход позволил создать новую концепцию частей речи, которая строится на постулате о том, что синтаксические и дискурсивные функции отдельных частей речи не просто скоррелированы с их лексическими значениями, но в прототипических случаях создания и использования слов согласованы друг с другом. В рамках когнитивной парадигмы частеречная категория выступает как естественная, прототипическая и, следовательно, кластерная, совмещающая разнотипные признаки единиц множества и сводящая их в единый гештальт [Кубрякова 1997, с. 231]. И далее: «Идя от понимания каждой части речи как прототипической категории, характеризуемой определенным *кластером* или *пучком признаков*, мы можем довольно четко определить, какой набор признаков типичен для существительного в отличие от глагола, а какой кодируется в языках мира прилагательными в отличие и от существительных, и от глаголов» [Кубрякова 1997, с. 226].

Данную точку зрения разделяет Н. Н. Болдырев, который подчеркивает, что категориальная принадлежность в данном случае определяется не жестким набором характерных признаков, обязательных для всех членов данной категории, а наличием лишь нескольких или даже одного из них. Таким образом, в рамках когнитивного подхода категория прилагательных предстает как категория прототипического вида, в которой объединены качественные и относительные прилагательные. Но, поскольку члены данной категории проявляют разную степень типичных признаков, в центре категории располагаются качественные прилагательные, а на периферии – относительные, которые являются как бы непрототипическими членами категории прилагательных.

Нельзя не согласиться с тем, что возможность перехода имен прилагательных из одного лексико-грамматического класса в другой

подтверждает *единство* категории качества, и что «две рассматриваемые подкатегории качественности (абсолютной и относительной) представляют собой открытые, динамичные системы, способные к взаимопроникновению», и когнитивный подход позволяет рассматривать процесс перехода относительных прилагательных в качественные как проявление модусной (интерпретирующей) перекатегоризации [Виноградова 2013, с. 521].

Говоря о типичных признаках прилагательных, которыми в полной мере обладают качественные прилагательные, называют в первую очередь их способность образовывать степени сравнения и сочетаться с наречиями степени типа *very* (*очень*), *too* (*слишком*), *enough* или *quite* (*достаточно*), *pretty* или *rather* (*довольно*) и другими.

На наш взгляд, можно сформулировать прототипические свойства прилагательных через призму категории градуальности: поскольку прототипические прилагательные обозначают признак, который может проявляться в большей или меньшей степени, они имеют градуируемые значения; в английском языке прототипические прилагательные выражают градуальность в первую очередь *эксплицитно* – при помощи степеней сравнения качественных прилагательных и словосочетаний с наречиями степени (в другой терминологии: *интенсификаторами*, *наречиями-градуаторами*).

Ученые полагают, что употребление относительных прилагательных в качественном значении является продуктивным явлением в русском языке [Вепрева 2018, с. 13], и что большинство английских относительных прилагательных способны к переходу в качественные [Виноградова 2017].

Исходя из материала нашего исследования, мы не можем утверждать, что большинство английских относительных прилагательных со временем развивают качественные значения, которые при этом отражаются в лексикографических источниках. По нашим данным, лишь 8–10 % *частотных* относительных прилагательных имеют зафиксированные в словарях качественные значения. К ним относятся такие прилагательные, как *absent*, *academic*, *adult*, *advanced*, *alien*, *anonymous*, *atmospheric*, *concrete* и др.

Посмотрим, например, как представлены значения частотного относительного прилагательного *academic* в словаре фирмы «Macmillan»:

academic *adj* ***

- 1 [usually before noun] relating to education, especially education in colleges and universities: *The book brings together several academic disciplines.*
- 2 good at learning things by studying: *She's certainly bright, but she's not very academic.*
- 3 not relating to a real situation, therefore not relevant: *Given the lack of funding, any discussion of future plans was somewhat academic* [ММ 2012, с. 7].

В первом значении данное прилагательное обозначает понятия, относящиеся к сфере образования, особенно, как отмечается в дефиниции, образования в колледжах и университетах. В примере дано словосочетание *academic disciplines* (*академические дисциплины*). Но зафиксированные второе и третье значения – уже качественные. Во втором значении – это способность человека хорошо усваивать знания в процессе обучения: *good at learning things by studying*. В третьем значении обозначается признак чего-то, не относящегося к реальной ситуации, и поэтому не являющегося в данном случае важным: *not relating to a real situation, therefore not relevant*.

Обращает на себя внимание то, при помощи каких примеров иллюстрируются указанные качественные значения прилагательного *academic*. Мы не случайно взяли в качестве лексикографического источника словарь фирмы «Macmillan»: он, как известно, составлен на основе корпусных данных относительно частотности употребления современной английской лексики. Кроме того, данный словарь является *учебным* и поэтому, как и другие словари этой группы, приводит в качестве примеров специально сконструированные *типовые* употребления слов. В нашем случае в обоих примерах прилагательное *academic* употреблено с наречиями степени: *...she's not very academic. ... any discussion of future plans was somewhat academic*. Это еще раз указывает на то, что данные значения – качественные.

Прилагательное *atmospheric* также является относительным прилагательным:

atmospheric *adj* *

- 1 [only before noun] SCIENCE relating or existing in the atmosphere round the Earth or round another planet
- 2 [usually before noun] creating a special mood or feeling: *It's a great piece of atmospheric film-making* [ММ 2012, с. 80].

В своем первом значении, как указывается в дефиниции, прилагательное *atmospheric* обозначает что-то, относящееся к сфере науки, точнее, что-то существующее вокруг Земли или другой планеты. Но затем у него появилось и качественное значение, в котором данное прилагательное тоже часто употребляется в современном английском языке, характеризуя объекты с точки зрения их способности создавать особое настроение: *It's a great piece of atmospheric film-making*.

Интересно, что иногда качественное значение относительного прилагательного словарями не фиксируется, но типологические примеры употребления прилагательного в таком новом значении приводятся. И это не удивительно. Исследуя относительные прилагательные, ученые не раз отмечали их «неясную представленность в словаре», когда значения прилагательных описываются при помощи фраз «of ...», «related to ...», т. е. «относящийся к ...». Это, на наш взгляд, и дает возможность подвести под такие определения и *новые качественные значения относительного прилагательного*.

Приведем лишь один пример – прилагательное *British*:

British *adj*

1 someone who is British comes from the UK

2 relating to the UK, or its people or culture: *the British weather* ♦ *a very British sense of humour*

3 **the British** the people of the UK [ММ 2012, с. 179].

Примеры показывают, что данное прилагательное в своем втором значении дается очень широко: *relating to the UK, or its people or culture (относящийся к Великобритании, ее людям или культуре)*. А в качестве типологических примеров дается, как мы видим, и словосочетание *the British weather*, в котором прилагательное *British* употребляется как относительное, и словосочетание *a very British sense of humour*, где прилагательное имеет качественное значение и употребляется с наречием степени *very*.

Факт употребления относительного прилагательного в новом качественном значении становится иногда очевиден и из *контекстного* употребления. Приведем в качестве примера два отрывка из романа Джулии Фэнтон «Великосветский прием»¹:

¹ *Fenton J. Black Tie Only*. Переводчик: Петрова Е. Н.

1. The food itself was very British. Thinly cut brown bread accompanied by butter in earthenware pots, and Cooper's jam. Various pâtés and fish pastes, to be spread on bread. Sandwiches made of thinly sliced white bread with the crusts cut off, filled with diced cheese and tomato, or cucumber. There was a jam-and-cream sponge cake, a chocolate cake, and little filled pastry boats with icing piped down the center. Brandysnaps and chocolate finger biscuits. Tiny, warm scones kept hot in a linen napkin, with thick, clotted cream and fresh strawberry preserves. – Угощение оказалось типично английским. Тонко нарезанный ржаной хлеб, а к нему масло в глиняных горшочках, разнообразные джемы, мясной и рыбный паштет. Сэндвичи с сыром из ломтиков белого хлеба с обрезанными корочками, украшенные кружочками огурца или помидора. Бисквит со сливками и вареньем, шоколадный торт, птифуры с кремом и глазурью. Плоские коврижки и шоколадные палочки. Теплые пончики, накрытые льняной салфеткой, а рядом с ними розетки с густыми сливками и свежей протертой земляникой [Fentom 1990, с. 68].

В данном отрывке описывается, как главная героиня романа Александра – жена американского миллиардера – была приглашена на чаепитие к королеве Великобритании Елизавете II. Как мы видим, отрывок начинается с предложения *The food itself was very British*, где рассматриваемое прилагательное явно употребляется в качественном значении. Далее идет очень детальное описание как поданных блюд, так и самой церемонии чаепития, которое как бы раскрывает смысл словосочетания *very British*.

2. Во втором отрывке из того же романа в качественном значении употребляется относительное прилагательное *French*, что очевидно как из контекста, так и из факта употребления прилагательного с наречием степени *very*. В романе описывается, что Ричард Кокс, владелец сети отелей «Фитцджеральд», имел обыкновение лично отбирать шеф-поваров для своих ресторанов. Он просил кандидатов во время конкурса на данную должность продемонстрировать свое кулинарное искусство. Одним из кандидатов был француз Жан-Ив Лория (Jean-Yves Lauriat). Он учился профессии в Париже, а затем три года работал помощником шеф-повара в ресторане «Ла Тур д'Аржан» (La Tour d'Argent). Ричард считал его *типичным* французом и говорил о нем: «He is **very French**» [Fentom 1990, с. 190].

Доказательством того, что Ричард Кокс был прав в своей оценке, стал *типично французский* обед, который приготовил во время конкурса повар. В книге дается подробное описание этого обеда:

The meal was elegant, each course intricately garnished, a feast for the eyes as well as the palate. There was a light asparagus bisque. An endive-and-walnut salad, the Belgian endive julienned and garnished with chopped walnuts and dewy green watercress. Next came lobster stew *sous croute*, a savory blend of lobster, leek, Jerusalem artichoke, onion, carrot, and mushroom, flavored with garlic, tarragon, and a pinch of the cayenne. The dessert was an elegant creation made from a light filo dough, encased in solid Dutch chocolate. Within the case was a feathery raspberry soufflé. The entire presentation was shaped into an F for Fitzgerald and garnished with plump, perfect raspberries. – Сервировка стола была безупречной. К каждому блюду полагался экзотический гарнир, необыкновенно приятный как на вид, так и на вкус. Им подали легкий суп из спаржи и салат из эндивия с толчеными грецкими орехами. Затем последовало рагу из омаров с зеленью, артишоками, морковью и шампиньонами, приправленное чесноком, эстрагоном и кайенским перцем. Умопомрачительный десерт представлял собой фантастическое сооружение: завитки воздушного заварного теста в шоколаде, начиненные нежным малиновым суфле. Все это было причудливо уложено в форме буквы «Ф», символизирующей название отеля, и украшено отборной спелой малиной [Fentom 1990, с. 191].

Всё вышесказанное позволяет сделать общий вывод о том, что в современном английском языке в категории прилагательных продолжается процесс модусной (интерпретирующей) перекатегоризации. В частности, относительные прилагательные всё чаще используются в качественном значении. По ряду причин данный процесс обладает своими специфическими чертами и требует дальнейшего детального изучения с привлечением всех возможных источников (лексикографических, текстовых, дискурсивных и др.).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Болдырев Н. Н.* Категориальная система языка // Когнитивные исследования языка. Вып. X. Категоризация мира в языке: коллективная монография гл. ред. серии Н. Н. Болдырев. М. : Ин-т языкознания РАН ; Тамбов : Издательский дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2012. С. 17–121.
- Вепрева И. Т.* Уральский характер: об употреблении относительного прилагательного в качественном значении // Взаимодействие лексики и грамматики. Тезисы докладов международной конференции. Двенадцатые Шмелевские чтения (24–26 февраля 2018 г.) / отв. ред. Л. П. Крысин. URL : www.ruslang.ru/doc/shmelevskije12-tezisy.pdf

- Виноградова С. А.* Когнитивные основания частеречной теории (категориальная принадлежность относительных прилагательных) // Когнитивные исследования языка. Вып. XIV. Когнитивная лингвистика: итоги, перспективы: мат-лы Всеросс. науч. конф. 11–12 апреля 2013 года / отв. ред. вып. Л. А. Фурс. М. : Ин-т языкознания РАН ; Тамбов : Издательский дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2013. С. 516–522.
- Виноградова С. А.* Семантика относительных прилагательных (на материале английских прилагательных) : монография. Мурманск : МАГУ, 2017. 185 с.
- Кубрякова Е. С.* Части речи с когнитивной точки зрения. М. : ИЯ РАН, 1997. 314 с.
- Кубрякова Е. С.* Форма, значение и функции единиц языка и речи // Материалы докладов Международной научной конференции. Минск / Беларусь 16–17 мая 2002 г. : в 3 ч. Ч. 1. Минск : Министерство образования Республики Беларусь, Минский государственный лингвистический университет. С. 3–16.
- Кубрякова Е. С.* Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М. : Языки славянской культуры, 2004. 560 с.
- Никитин М. В.* Об основаниях семантической классификации прилагательных: что надо относить к относительным прилагательным? // Проблемы лингвистики и методики преподавания иностранных языков. *Studia Linguistica* – 6. СПб., 1998. С. 65–79.
- Никитин М. В.* Курс лингвистической семантики : учеб. пособие. 2-е изд., доп. и испр. СПб. : Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2007. 819 с.
- MM – Macmillan English Dictionary for Advanced Learners. Second edition. Oxford : Macmillan Publishers Ltd, 2012. 1748 p.
- Fantom J.* Black tie only. New York: The Berkly Publishing Group, 1990. 418 p.
- Фэнтом Дж.* Великосветский прием / пер. Е. Н. Петровой. СПб. : Библиополис, 1994. 110 с.

КОНЦЕПТ «ОТНОШЕНИЕ» В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ И ФУНКЦИОНАЛЬНО-КОГНИТИВНАЯ СЕМАНТИКА ЕГО РЕПРЕЗЕНТАНТОВ

(на материале позднедревнеанглийского периода)

В статье рассматриваются методы реконструкции структуры языковых концептов. Предложено сочетание методов на стыке функционализма и когнитивизма. В работе также рассматривается понятие концепта в целом и языкового концепта в частности. За основу берется лингвокогнитивное понимание концепта.

Совмещение функционального и когнитивного подхода находит воплощение в идее последовательного применения функционально-семантического и гештальт-анализа. Метод функционально-семантического анализа основан на принципах функционального грамматического описания, с опорой на которые выбираются критерии выделения семантических функций, выявляемых в высказываниях. В свою очередь гештальт-анализ позволяет исследовать соотношение между содержательным компонентом концепта и его языковой репрезентацией. Для этой цели вводится понятие «гештальт-функции». Гештальт-функции представляют собой концептуальные характеристики, максимально абстрактные значения, образованные путем слияния более конкретных семантических функций.

Сочетание методов, предложенное в статье, применяется для исследования структуры языкового концепта «отношение», подразделяемого на субконцепты «отношение предмета к предмету» и «отношение действия к предмету», в английском языке в позднедревнеанглийский период. На материале письменного источника, относящегося к исследуемому периоду, составляется корпус репрезентантов концепта «отношение» (основными репрезентантами субконцепта «отношение предмета к предмету» являются субстантивные сочетания, а субконцепта «отношение действия к предмету» – глагольно-объектные структуры), проводятся функционально-семантический анализ и гештальт-анализ.

В результате анализа выявляется набор семантических и гештальт-функций, составляющих содержание концепта «отношение» в исследуемый период; реконструируется структура концепта «отношение» на выбранном синхронном срезе; устанавливаются прототипические компоненты содержания концепта и его субконцептов.

В статье также делаются предположения о потенциальном применении описанной методики в диахронической концептологии, а именно – для решения такой задачи, как реконструкция концепта в диахронии.

Ключевые слова: концепт «отношение»; гештальт-функция; семантическая функция; гештальт-анализ; функционально-семантический анализ; языковые концепты.

V. B. Anisimova

Post-graduate student, Chair of Grammar and History of English,
English Department, MSLU; e-mail: anisimovamslu@gmail.com

**CONCEPT 'RELATION' IN THE ENGLISH LANGUAGE AND
THE FUNCTIONAL AND COGNITIVE SEMANTICS OF ITS
REPRESENTATION
(late Old English period)**

The article discusses methods of research in conceptology aimed at reconstructing the structure of linguistic concepts. Blending together the functional and the cognitive approach, we suggest employing a combination of two methods, namely, functional semantic analysis and gestalt analysis. The article also investigates into the notion of concept in general and linguistic concept in particular, adopting the cognitive linguistic approach to the issue.

The combination of the functional and the cognitive approach is achieved through the consecutive application of the functional-semantic and gestalt analyses. The method of functional-semantic analysis is based on the principles of functional grammatical description that provides the criteria for revealing semantic functions in utterances. Gestalt analysis, in its turn, allows us to study the correlation between the content component of the concept and its language representation. For this purpose we introduce the notion of gestalt function. Gestalt functions are conceptual characteristics, abstract meanings that are amalgamations of the more specific semantic functions.

The suggested combination of methods is applied to a study of the concept 'Relation' in Late Old English. Using written records belonging to Late Old English, we create a corpus of noun and verb-noun phrases representing the Object-Object and the Acton-Object subconcepts of the concept 'relation'. Functional semantic analysis and gestalt analysis are carried out.

As the result of the analyses, we reveal a set of semantic functions and gestalt functions that form the content of the concept 'relation' in the period under analysis; reconstruct the structure of the concept in the given period; determine the prototypical content components for the concept and its subconcepts.

In this article, we also make predictions about the potential application of the described methodology in diachronic conceptology, namely, for the task of reconstructing diachronic transformations of a concept.

Key words: concept 'Relation'; gestalt function; semantic function; gestalt analysis; functional semantic analysis; linguistic concepts.

Введение

В современной концептологии продолжается поиск методологии, которая позволила бы наиболее полно изучить суть и структуру

концепта. Мы видим решение в совмещении двух подходов к грамматике, а именно – функционализма и когнитивизма. Для реконструкции структуры концептов мы предлагаем применять метод функционально-семантического анализа и метод гештальт-анализа. Мы опираемся на следующие положения, касающиеся статуса и содержания понятия «концепт» в современной лингвистике:

1. Концептуальная система (структура) – это система мнений и знаний о мире, отражающая познавательный опыт человека, ментальный языковой уровень, на котором осуществляется переработка информации, полученной извне [Павиленис 1983, с. 12].

2. Концептуальная система – это совокупность ментальных репрезентаций или концептов разного типа. Ментальная репрезентация – это единица представления (репрезентации) мира в голове человека, стоящая вместо чего-то в реальном или вымышленном мире и замещающая это в мыслительных процессах [Краткий словарь когнитивных терминов 1996, с. 57].

3. В первую очередь нас интересуют языкоподобные ментальные репрезентации, т. е. репрезентации языковых единиц – слов и их частей, предложений и пропозиций [Краткий словарь когнитивных терминов 1996, с. 57].

4. Понятие концепта отвечает представлению о тех смыслах, которыми оперирует человек в процессе мышления и которые отражают содержание его опыта и знания. Основными конститuentами концептуальной системы являются концепты, близкие к «семантическим частям речи», – концепты объекта и его частей, движения, действия, пространства, времени, признака и т. д. [Jackendoff 1992]. Концепт не приравнивается языковому значению, следовательно, концептуальный уровень противопоставляется семантическому, а когнитивные (концептуальные) категории не приравниваются семантическим категориям. Отсюда – естественный язык понимается как механизм, связывающий мысли (т. е. ментальные репрезентации) с языковыми формами.

5. В современной лингвистике нет единого понимания концепта, что является следствием многоаспектности этого явления (Краткий словарь когнитивных терминов 1996; Бабушкин 1996; Ляпин 1997; Попова, Стернин 1990, 2002; Болдырев 2001, 2004; Карасик 2002; Кубрякова 2002, 2004; Никитин 2004 и др.).

6. С лингвокогнитивной точки зрения **концепт** – это оперативная содержательная единица концептуального уровня (концептуальной системы), или концептуальной картины мира, и как таковая отражает результаты познавательной деятельности человека в виде определенных идеальных и абстрактных единиц. Именно такое понимание концепта разрабатывается в когнитивно-дискурсивной парадигме отечественной лингвистики (Кубрякова 1997, 2004; Беляевская 2000; Болдырев 2001; Ирисханова 2004; Фурс 2004; Беседина 2006).

7. Хотя концепт по своей природе является невербальным образованием, получить доступ к его содержанию можно только посредством языка. Вместе с тем ни один из концептов не находит свою языковую объективацию полностью, *вербализуется не весь концепт*, а лишь его часть: лексически (через словарные толкования и контексты употребления слов), фразеологически, грамматически (словосочетаниями, предложениями, грамматическими категориями и формами) или целыми текстами. Кроме того, в объективации концепта, как правило, задействованы средства не одного, а *нескольких уровней* [Сорокина 2012, с. 10].

8. Содержание концепта отличается *динамичностью*, что проявляется как в появлении новых значимых признаков, которые обогащают структуру концепта, так и в исчезновении ранее существовавших признаков, что также ведет к изменениям в его структуре.

9. Концепт многоаспектен, поэтому моделирование его структуры носит, как правило, условный характер. Структура концепта в зависимости от типа и цели исследования моделируется по-разному. Многомерность концепта обусловлена структурой действительности, в ней могут присутствовать несколько качественно отличных составляющих.

Концептуальный анализ заключается в выявлении специфичных для конкретного языка концептуальных оснований, на которых базируется семантическое содержание языковой формы.

10. Концептуальная система включает в себя все многообразие концептов: в нее входят как концепты естественных объектов, формируемые в ходе лексической концептуализации, так и собственно *языковые концепты*. Некоторые авторы (Л. А. Фурс, Н. А. Беседина) выделяют синтаксически и морфологически передаваемые концепты, однако мы полагаем, что языковые концепты представляют

собой гештальты, *объединяющие* морфологический, синтаксический и лексический компоненты. Языковые концепты – это наиболее обобщенные, максимально абстрагированные смыслы, репрезентируемые пропозициями / предложениями, морфологическими формами и лексическими категориями.

На основании вышесказанного концепт «отношение», исследуемый в данной работе, может быть охарактеризован как *языковой, лексически, морфологически и синтаксически репрезентированный концепт, как единица языкового знания, гештальтно передающая способы языкового представления знаний о мире* [Сорокина 2013, с. 10].

Методология

Функционально-семантический анализ

Структурно концепт «отношение» в целях настоящего исследования делится на два субконцепта – субконцепт «отношение действия к предмету» (Д–П) и субконцепт «отношение предмета к предмету» (П–П) [Сорокина 2013, с. 12]. Основными репрезентантами П–П являются субстантивные сочетания, а субконцепта Д–П – глагольно-объектные структуры.

В процессе концептуализации на ее конечном этапе происходит формирование конкретных лексико-грамматических смыслов. Такие смыслы мы называем семантическими функциями (далее СФ). Они выявляются в высказываниях в процессе функционально-семантического анализа.

Критериями выделения СФ являются следующие:

1. СФ, которые лежат в основе функционально-грамматического описания, извлекаются из значений языковых средств, выступающих в высказываниях.

2. СФ должны иметь грамматическое формальное выражение (наряду с возможным неграмматическим);

3. СФ – это наиболее обобщенные смыслы, не сводимые к индивидуальным значениям отдельных лексических единиц, т. е. смыслы, соответствующие той степени абстрактности, которая характерна для грамматической семантики [Бондарко 1983, с. 51–52].

При изучении концепта «отношение» эти критерии позволяют нам представить отношения между действием и предметом / предметом и предметом как СФ.

Гештальт-анализ

Идея гештальтности заимствована из психологии и применяется во многих дисциплинах, связанных с исследованием человека, и лингвистика в данном случае не исключение. Как утверждают У. Крофт и А. Круз, «многие принципы гештальт-психологии ... объясняют, как сознание человека конструирует единый сложный объект из, казалось бы, фрагментарных данных органов восприятия» [Croft, Cruse 2004, с. 63]. В работе «Феноменология диалогов в гештальт-теории, математике, логике» С. В. Чесноков утверждает, что явления сознания возможно объяснить только через гештальты, связи между ними, средства создания (удаления) и обновления гештальтов. Человеческое сознание оперирует исключительно гештальтами [Чесноков 2009, с. 49].

В когнитивной лингвистике принято считать, что гештальтность восприятия – это одно из проявлений базовых когнитивных способностей человека к восприятию и осмыслению информации о мире.

В лингвистические исследования понятие гештальта ввел Дж. Лакофф в своей работе «Лингвистические гештальты». Он, в частности, пишет: «...мысли, восприятия, эмоции, процессы познания, моторная деятельность и язык организованы с помощью одних и тех же структур, которые я называю гештальтами» [Лакофф 1981, с. 359].

При этом автор замечает, что термин «гештальт» в его понимании несколько напоминает понятие с тем же названием, использовавшееся в гештальтпсихологии, «однако очевидным образом во многих отношениях отличается от последнего» [там же, с. 361]. Дж. Лакофф приводит пятнадцать характеристик лингвистических гештальтов, среди которых два положения, а именно: а) о включении в гештальт, по крайней мере, двух типов свойств – грамматических и семантических и в) о гештальте как способе соотнесения значений с поверхностными формами представляются ключевыми для нашего понимания гештальта. Отсюда, как минимум, следует, что если концепт «отношение» – это гештальт, он представляет собой объединение грамматических и семантических свойств, а его репрезентация есть разные способы соотнесения падежных отношений и форм их выражения.

Как следствие, основной целью гештальт-анализа мы признаем исследование способов соотнесения компонентов содержания концепта «отношение» и их языковой репрезентации, для чего вводится понятие «гештальт-функция».

Гештальт-функция – это результат объединения («укрупнения») СФ. Гештальт-функции как наиболее обобщенные смыслы являются концептуальными характеристиками – компонентами содержания концепта «отношение» и двух его субконцептов: «отношение ДЕЙСТВИЕ – ПРЕДМЕТ» и «отношение ПРЕДМЕТ – ПРЕДМЕТ». Выделяются *субъектная, объектная, определительная функции, функция необходимого информативного восполнения*, а также их производные, образованные из сочетания двух функций (например, *объектно-определятельная*). Идея слияния семантических функций в гештальт-функции и классификация гештальт-функций основаны на положениях, высказанных в Русской грамматике (1980).

Результаты

Используя предложенную комбинацию методов, мы провели реконструкцию концепта «отношение» и его субконцептов на синхронном срезе позднедревнеанглийского периода (LOE), исследовав письменный источник Wulfstan’s Homilies и составив корпус из 633 примеров (субстантивных и глагольно-объектных сочетаний) методом сплошной выборки. Их анализ позволил нам установить:

1. Соотношение П-П и Д-П по частотности (см. схему 1).
2. Разнообразие семантических функций внутри каждого субконцепта (см. схему 2). Всего в этот период выявлено 48 СФ. В П-П представлены 11 из них, в Д-П – 39.

Схема 1

Соотношение субконцептов
П-П и Д-П (LOE, %)

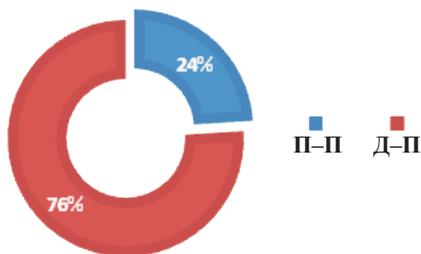

Схема 2

Количество СФ

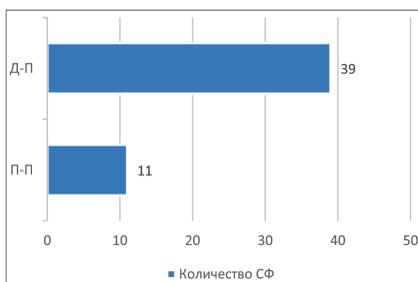

Схема 3

3. СФ, протипические для каждого из субконцептов в исследуемый период. Для субконцепта П–П в *позднереанглийский период* наиболее частотными были:

- СФ 4 (характеристика имени, обозначающего действие / результат по действующему субъекту) – 24,6 %:

manna synnum (Sec Mar) – *people's sins*

- СФ 6 (характеристика предмета по обладателю) – 26 %

godes naman (De Tem) – *God's name*

- СФ 7 (участники общественных / родственных / личностных отношений) – 22 %

godes halgan (Sec Mar) – *God's saint*

Для субконцепта Д–П наиболее частотными оказались:

- СФ 2 (предмет непосредственного, прямого и полного приложения действия, предмет, к которому непосредственно обращено чье-либо отношение, восприятие) – 33,3 %:

þæt hy godes **folc warnian** (De Ant) – *to warn God's people*

- СФ 38 (характеристика по опосредующему способу) – 10,8 %:

he **worhte þurh drycraeft** fela wundra (De Tem) – *he worked many wonders through sorcery*

4. Общий состав концепта по гештальт-функциям (см. схему 3).

5. Прототипические для субконцептов гештальт-функции: субъектно-определяющая для П-П и объектная для Д-П.

6. Мы также установили наиболее частотные грамматические средства выражения субконцептов, специфичные для гештальт-функций (см. табл. 1–2).

Таблица 1

ПРЕДМЕТ-ПРЕДМЕТ			
Гештальт-функция	Средство выражения		Количество примеров
Объектная	Дательный предложный	to	1
Информативного восполнения	Родительный беспредложный		16
Субъектно-определяющая	Родительный беспредложный		108
	Дательный беспредложный		1
Объектно-определяющая	Родительный беспредложный		12
	Дательный беспредложный		1
Определяющая	Дательный предложный	a butan	5
	Родительный беспредложный		5

Таблица 2

ДЕЙСТВИЕ-ПРЕДМЕТ			
Гештальт-функция	Средство выражения		Количество примеров
Объектная	Винительный	Беспредложный	139
		on	2
		mid	1
		ongean	4
		wið	11
		ymbe	2
		fore	1

ДЕЙСТВИЕ-ПРЕДМЕТ			
Гештальт-функция	Средство выражения		Количество примеров
Объектная	Дательный	Беспредложный	66
		of	3
		from	1
		to	8
		be	2
		mid	13
		on	2
	Родительный беспредложный	17	
Информативного восполнения	Родительный беспредложный		2
	Дательный	of	1
		mid	3
		to	1
		беспредложный	1
Субъектно-определяющая	Дательный беспредложный		2
	Винительный предложный	ðurh	1
Объектно-определяющая	Винительный предложный	ofer	2
Определяющая	Винительный предложный	geond	1
		in	3
		on	9
		þurh	49
		for	1
		ongean	1

ДЕЙСТВИЕ-ПРЕДМЕТ			
Гештальт-функция	Средство выражения		Количество примеров
Определительная	Дательный	беспредложный	1
		ætforan	2
		be	4
		on	63
		for	11
		æt	1
		a butan	1
		to	13
		of	5
		æfter	5
		ær	5
		foran	2
		fram	2
		betweonan (post-pos)	2
		mid	6
		gemang	1
	Родительный беспредложный	3	
Субъектная	Дательный беспредложный	3	

По нашему мнению, наиболее полезным будет применение данной методики в русле диахронической концептологии, которая является относительно новым и недостаточно разработанным направлением когнитивной лингвистики. Предмет диахронической концептологии в широком плане – это установление когнитивных оснований структурирования и категоризации действительности лингвистическим сообществом в определенный исторический период.

Проведя анализ нескольких синхронных срезов на отрезке от позднедревнеанглийского до современного английского и сопоставив результаты, мы сможем реконструировать исторические изменения в структуре концепта «отношение», которые можно подвергнуть как лингвистической интерпретации, выявляя влияние системных языковых изменений на концепт, так и когнитивной, связав их с изменениями в языковой картине мира народа-носителя языка.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бондарко А. В.* Принципы функциональной грамматики и вопросы аспектологии. Л. : Наука, 1983. 208 с.
- Лакофф Дж.* Лингвистические гештальты (пер.) // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. X. Лингвистическая семантика. М. : Прогресс, 1981. С. 350–369.
- Краткий словарь когнитивных терминов / Кубрякова Е. С. и др. М., 1996. 245 с.
- Павленис Р. И.* Проблемы смысла: современный логико-философский анализ языка. М., 1983. 286 с.
- Сорокина Т. С.* Диахроническая концептология: некоторые методики исследования // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2012. Вып. 27 (660). Грамматические исследования: когнитивно-коммуникативная лингвистика и современная лингводидактика. С. 9–21 (Языкознание).
- Сорокина Т. С.* Гештальт-анализ как исследовательская методика диахронической концептологии // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2013. Вып. 26 (686). Когнитивно-коммуникативная парадигма в лингвистике и лингводидактике: грамматические исследования. С. 9–20 (Языкознание).
- Сорокина Т. С.* Концепт «отношение» и языковая картина мира (опыт исторической интерпретации) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2014. Вып. 27 (711). Лингвистика и лингводидактика в когнитивно-коммуникативном аспекте: грамматические исследования. С. 9–20 (Языкознание). URL : libranet.linguanet.ru/prk/Vest/Vest-25z.pdf
- Чесноков С.В.* Феноменология диалогов в гештальт-теории, математике, логике. М. : URSS, 2009. 160 с.
- Croft W., Cruse D.A.* Cognitive Linguistics. Cambridge University Press, 2004. 365 с.
- Jackendoff R.* Semantic Structures. MIT Press, 1992. 322 с.

М. А. Елизарьева

кандидат филологических наук, старший преподаватель каф. немецкого языка МГИМО МИД России; e-mail: marycreek@mail.ru

**К ВОПРОСУ О ПРИЗНАКАХ ЯЗЫКОВОГО СОЮЗА:
СЕМАНТИКЕ – БЫТЬ?**

В статье рассматривается проблема определения критериев, на основе которых ту или иную группу языков можно выделить как языковой союз, а также возможности рассматривать семантические параллели как один из релевантных признаков языкового союза. До сих пор остаются открытыми вопросы о необходимом количестве языков и языковых семей, общих лингвистических черт; о границах ареала, выделении центра и периферии языкового союза, а также вопрос о необходимости учета лексического сходства языков. Основная причина их нерешенности заключается как в несколько устаревшем структуралистском подходе, так и в отсутствии единой теоретической базы, которая обобщила бы результаты анализа как можно большего числа предполагаемых языковых союзов, поскольку на настоящий момент исследователи нередко ограничиваются знакомством с работами, посвященными интересующим их языковым союзам. В статье выдвигается предположение, что более обширное привлечение семантики помогло бы решить проблему определения критериев, в качестве примера приводятся семантические параллели в рамках центральноевропейского языкового союза, к которому чаще всего относят немецкий, чешский, словацкий, венгерский, реже – польский, сербский, хорватский и словенский.

Ключевые слова: языковой союз; семантика; центральноевропейский языковой союз; немецкий язык; чешский язык; семантическая калька.

M. A. Yelizaryeva

PhD (Philology), Senior Lecturer at the Department of the German Language, MGIMO-University; e-mail: marycreek@mail.ru

**SPRACHBUND FEATURES:
IS SEMANTICS A RELEVANT FACTOR?**

This article examines the problem of defining criteria based on which a group of languages could be defined as a linguistic area (sprachbund), as well as the possibility of viewing semantic parallels as one of the relevant features of a linguistic area. The following features of a linguistic area remain under debate: the required number of languages and language families, shared linguistic features, the limits of the geographical area, defining its centre and margins, as well as the inclusion of lexical similarities between languages. The main reason for the lack of clear definitions is in the somewhat outdated structuralist approach, as well as the lack of a uniform [theoretical foundation/ database] which would combine the results of analysis for

as many presumed linguistic areas as possible, as researchers currently tend to limit their focus on works devoted specifically to linguistic areas relevant to their research. The article proposes that a broader inclusion of semantics could solve the problem of defining criteria. Included as an example is the analysis of some semantic parallels within the Central European Sprachbund, which most often includes German, Czech, Slovak, Hungarian, and less often Polish, Serbian, Croatian and Slovene.

Key words: Sprachbund; semantics; Central European Sprachbund; German language; Czech language; semantic calque.

В настоящее время исследование языковых союзов представляет в лингвистике скорее маргинальное направление, хотя и необделенное вниманием. С точки зрения теоретической базы эта проблема обычно рассматривается в рамках контактной или ареальной лингвистики как форма языкового контакта.

Понятие «языковой союз» было введено Н. С. Трубецким в 1923 г. для обозначения феномена, когда «несколько языков одной и той же географической и культурно-исторической области обнаруживают черты специального сходства, несмотря на то, что сходство это не обусловлено общим происхождением, а только продолжительным соседством и параллельным развитием» [Трубецкой 1999]. Со времен первых исследований языковых союзов эти «черты специального сходства» подразумевают, как правило, сходство фонетическое, морфологическое и синтаксическое; в меньшей степени привлекается лексика и фразеология.

Вопрос о точном наборе критериев, на основании которых некоторую совокупность языков можно выделить в качестве языкового союза, пока остается нерешенным [Thomas 2008, с. 129; Januška 2017, с. 30]. Чешский исследователь центральноевропейского союза Й. Янушка перечисляет пункты, по поводу которых среди лингвистов отсутствует единое мнение: необходимое количество языков, число языковых семей, число общих языковых черт, определение границ ареала, выделение центра и периферии языкового союза, определение разных типов языковых союзов, основанных на различных общих чертах, необходимость учета лексического сходства [Januška 2017, с. 37–39].

Чем же обусловлена проблема критериев выделения языковых союзов? На наш взгляд, основная причина заключается в том, что исследователи разных языковых союзов берут за теоретическую

и методологическую основу, как правило, работы своих предшественников, исследующих эту узкую тему, но значительно реже обращаются к исследованиям других языковых союзов и к (редким) общетеоретическим работам по контактной лингвистике, из которых можно было бы почерпнуть более широкую теоретическую базу для выведения критериев. Кроме того, за образец, как правило, берутся структурные признаки балканского языкового союза.

Таким образом, на основании частного наблюдения предпринимается попытка вывести общие критерии для определения границ союза, которые, однако, оказываются частными, а потому спорными. На наш взгляд, вычленение черт языкового союза как феномена невозможен без построения общей теории, для выведения которой необходим синтез научного знания о разных союзах. Например, Л. Кэмпбелл, считает, что вместо безуспешных попыток сформулировать универсальное определение этого понятия и выявить языковые ареалы, в первую очередь следует сосредоточиться на анализе конкретных языковых фактов, т. е. заимствований, калек и т. д. [Campbell 2006, с. 21].

Рассмотрим центральноевропейский языковой союз, вопрос о границах и признаках которого до сих пор остается открытым [Skalička 1968, Décsy 1973, Skála 1991/1992, Kurzová 1996, Pilarský 2001, Newerkla 2002, Földes 2011, Thomas 2008, Zeman 2009, Скорвид 2010, Скорвид 2015, Bláha 2015, Januška 2017]. К образующим его языкам чаще всего относят немецкий, чешский, словацкий, венгерский, реже – польский, словенский, хорватский, сербский, идиш [Januška 2017, с. 110].

При всем многообразии перечисляемых исследователями лингвистических признаков центральноевропейского языкового союза, в основном это фонетические, грамматические и синтаксические явления, в меньшей степени внимание уделяется заимствованным словам (в основном, германизмам в славянских языках и венгерском) и лексическим калкам. Рассмотрение семантических калек и исследование семантических систем остается в стороне. С точки зрения теории контактной лингвистики это представляется нелогичным, поскольку семантическая интерференция и изменение семантики контактирующих языков – явление нередкое, присущее билатеральным языковым контактам в Центральной Европе, а языковые союзы по большому счету являются совокупностью нескольких билатеральных

языковых контактов [Dahl 2001, с. 1458]. Однако при рассмотрении центральноевропейского языкового союза сходства в семантике как существенный признак не воспринимаются. Можно предположить, что за этим стоит несколько причин:

- 1) теоретические рамки изначально задают определение языкового союза как набора генетически неродственных языков, разделяющих общие структурные (фонетические, морфосинтаксические) черты, что объясняется господством структурализма в западной лингвистике на протяжении значительной части XX в.;
- 2) для проведения семантического исследования языкового союза необходимо на достаточном уровне владеть входящими в него языками;
- 3) для доказательства семантического калькирования желательное проведение диахронического исследования, т. е. обращения к более ранним этапам в развитии языков, а также синхронического сравнения с другими европейскими языками, которые также могли быть источником влияния.

Еще одна причина, усложняющая исследование центральноевропейского языкового союза, которую можно отнести и к семантическим исследованиям, – это фрагментарность и разрозненность существующих работ (нередко посвященных отдельным билатеральным языковым контактам) [Januška 2017, с. 156].

Приведенные выше факторы делают семантические исследования центральноевропейского языкового союза трудоемкими, хотя систематическое описание семантических параллелей помогло бы уточнить, какие языки входят в данный союз, какие из них можно отнести к ядру, а какие – к периферии. В этой связи можно вспомнить определение языкового союза, данное близким к Пражскому лингвистическому кружку Х. Бекером: «Под языковым союзом мы понимаем группу языков, которые благодаря общности культурного пространства и обоюдному влиянию настолько стали похожи друг на друга, что на каждом из них можно сказать почти одно и то же почти одним и тем же образом» [Becker 1948, с. 5].

В ходе проведенного нами диссертационного исследования, посвященного немецким лексическим и семантическим калькам в чешском языке [Елизарьева 2017], были сделаны наблюдения в отношении

некоторых славяно-немецких семантических параллелей, в первую очередь, чешско-немецких.

Во-первых, это одинаковый набор значений у полисемантов. Например, нем. *Mantel*, чеш. *plášť*, пол. *plaszcz*, словен. *plašč* означают ‘пальто’, ‘плащ’, (купальный, медицинский) ‘халат’, ‘оболочка кабеля’, ‘покрышка пневматической шины’, также ср. в составных словах чеш. *plášť lesa*, нем. *Waldmantel* ‘полоса леса, предназначенная для защиты от ветра’, чеш. *zemský plášť*, нем. *Erdmantel* ‘мантия Земли’, *plášť kužele*, нем. *Kegelmantel* ‘поверхность конуса без основания’, чеш. *plášť měkkýšů*, нем. *Mantel der Weichtiere* ‘мантия моллюсков’.

Второй тип семантических параллелей – это полное или частичное калькирование отдельных лексем, в основном с немецкого. Например, нем. *Katzenkopfpflaster*, чеш. *kočičí hlavu* (букв. ‘кошачьи головы’), пол. *kocie łby* (букв. ‘кошачьи лбы’), венг. *macskakő* (букв. ‘кошка-камень’) обозначают округлые булыжники мостовой.

В южных и западных славянских языках можно обнаружить параллель с нем. (*Telefon*-)*hörer* ‘телефонная трубка’ в единственном числе и нем. (*Kopf*-)*hörer* ‘наушники’ во множественном числе (нем. *hören* ‘слушать’). Ср. в славянских языках: чеш. *sluchátko* ‘телефонная трубка’ и *sluchátka* ‘наушники’, словац. *slúchadlo* и *slúchadlá*, пол. *sluchawka* и *sluchawki*, словен. *telefonska slušalka* и *slušalke*, болг. *телефонна слушалка* и *слушалки*, серб. *слушаница* и *слушанице*, хорв. *telefonska slušalica* и *slušalica*.

Еще одна интересная параллель – нем. *hamstern*, чеш. *křečkovat*, словац. *škrečkovat* и пол. *chomikować*, образованные от существительных нем. *Hamster*, чеш. *křeček*, словац. *škreček* и пол. *chomik* ‘хомяк’ означают ‘накапливать запасы’, ‘в больших количествах закупать дефицитные продукты или товары’.

Третий, возможно, более значительный тип семантических параллелей в рамках центральноевропейского языкового союза, это семантическая аналогия в рамках словообразовательных гнезд.

Нем. *Würfel* (от нем. *werfen* ‘бросать’), чеш. и пол. *kostka*, пол. *kość* (*do gry*), словац., словен., хорв. *kocka* и серб. *коцка* (от сущ. со значением ‘кость’) имеют значения ‘игральная кость’, ‘куб, кубик’ и ‘предмет кубической формы’. Некоторые дериваты этих существительных в славянских языках по значению и форме аналогичны дериватам в немецком либо близки по своей семантике: нем. *würfeln* и чеш. *kostkovat*

означают ‘играть в кости’ и ‘придавать предмету кубическую форму, резать на кубики’, словен. *kockati* ‘играть в кости’, серб. *kočkati se* ‘играть в азартные игры’; чеш. *kostkovaný*, нем. *gewürfelt*, серб. *kočkast* и словен. *kockast* означают ‘клетчатый’ (о ткани).

Даже если ограничиться только языковой парой «немецкий – чешский», можно заметить обширное совпадение семантики некоторых словообразовательных гнезд. Например, словообразовательные гнезда с вершинами нем. *Sache* и чеш. *věc*. Эти существительные имеют значения ‘вещь’ и ‘дело’: нем. *wo sind meine Sachen hingekommen?* – чеш. *kam se poděly mé věci?* ‘куда делись мои вещи?’, нем. *das ist meine Sache* – чеш. *to je moje věc* ‘это мое дело’, нем. *das ändert nichts an der Sache* – чеш. *to na věci nic nemění* ‘это дела не меняет’, нем. *kommen Sie zur Sache!* – чеш. *mluvte k věci!* ‘говорите ближе к делу’.

Дериваты чеш. *věcný*, *věcně* и нем. *sachlich* тоже обладают одинаковой семантикой: ‘деловой, дельный’ (нем. *sachliche Bemerkung* – чеш. *věcná poznámka*), ‘деловитый’ (нем. *sachlicher Mensch* – чеш. *věcný člověk*), ‘объективный’ (нем. *sachliche Kritik* – чеш. *věcná kritika*), ‘по существу’ (нем. *der Gegenstand ist sachlich erschöpft* – чеш. *po stránce věcné je téma vyčerpáno*), ‘тематический, имеющий отношение к теме’ (нем. *Sachkatalog* – чеш. *věcný katalog*). Более того, ранее грамматическая категория ‘средний род’ по-чешски называлась *věcný rod* – аналогично нем. *sächlich*. Нем. *Sachlichkeit* и чеш. *věcnost* означают ‘деловитость, деловой характер, объективность’.

Другой пример – словообразовательные гнезда с вершинами нем. *sicher* и чеш. *jistý*. Эти прилагательные имеют ряд общих значений: ‘надежный, достоверный, бесспорный’ (нем. *ein sicherer Beweis* – чеш. *jistý důkaz*, нем. *eine sichere Nachricht* – чеш. *jistá zpráva*, нем. *es ist sicher, dass...* – чеш. *je jisté, že ...*), ‘неминуемый’ (нем. *der sichere Tod* – чеш. *jistá smrt*) ‘уверенный, твердый’ (нем. *eine sichere Stimme* – чеш. *jistý hlas*, нем. *eine sichere Hand* – чеш. *jistá ruka*, нем. *ich bin sicher, dass...* – чеш. *jsem jistý, že...*), ‘надежный, безопасный’ (нем. *ein sicherer Weg* – чеш. *jistá cesta*).

Обширный параллелизм свойствен их дериватам: нем. *Sicherheit* и чеш. *jistota* означают ‘достоверность, бесспорность’, ‘безопасность’, ‘уверенность’ (ср. также выражения нем. *sicher ist sicher* и чеш. *jistota je jistota*), нем. *sichern, sicherstellen* – чеш. *zajistit* ‘обеспечить, защитить, поставить на предохранитель’ (нем. *den Frieden sichern* – чеш.

zajistit mír, нем. *seine Zukunft sichern* – чеш. *zajistit si budoucnost*, нем. *die Grenzen seines Landes sichern* – чеш. *zajistit hranice své země*, нем. *die Schusswaffe sichern* – чеш. *zajistit střelnou zbraň*).

Далее ср. также: нем. *versichern* – чеш. *pojistit, pojišťovat, pojistit se* ‘страховать, застраховать, застраховаться’, нем. *Versicherung* – чеш. *pojistka, pojištění* ‘страхование, страховка’, нем. *der, die Versicherte* – чеш. *pojištěnec, pojištěnka* ‘застрахованное лицо’, нем. *versichert* – чеш. *pojištěný* ‘застрахованный’, нем. *Versicherungsanstalt* – чеш. *pojišťovna* ‘страховая компания’.

Подведем итоги. Вопрос о признаках языкового союза (в частности, центральноевропейского) не может быть окончательно решен без создания общей базы сведений об отдельных языковых союзах и выведения на основе этих данных общих критериев для выделения той или иной группы языков как союза. Для этого возникает необходимость сотрудничества лингвистов, исследующих разные языковые союзы. Кроме того, стоит пересмотреть традиционный, но несколько устаревший структуралистский подход к рассмотрению этого феномена, в частности, по возможности, привлечь анализ лексико-семантической подсистемы.

Сравнение семантики немецких и чешских лексем (а также некоторых их аналогов в других славянских языках, которые некоторыми учеными включаются в центральноевропейский языковой союз) показал, что в этих языках можно выделить семантические параллели, появившиеся, скорее всего, в результате конвергентного развития, обусловленного языковым контактом. Эти параллели могут проявляться в виде одинакового развития полисемии отдельных лексем (семантические кальки), лексических калек, а также в виде семантического параллелизма в рамках словообразовательных гнезд, однако не обязательно одна и та же параллель будет свойственна всем языкам, входящим в союз.

В отношении центральноевропейского языкового союза роль семантических параллелей пока представляет собой обширное поле для научных изысканий, но даже при анализе сравнительно небольшого объема материала заметно, что семантическая конвергенция может быть релевантным признаком языкового союза. Это гипотетическое утверждение может быть эмпирически доказано при обнаружении значительного числа семантических параллелей в иных группах языков, классифицируемых как языковые союзы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Елизарьева М. А.* Лексическое и семантическое калькирование как фактор формирования языковой картины мира (на примере немецко-чешского языкового контакта) : дис. ... канд. филол. наук. М., 2017. 225 с.
- Скорвид С. С.* Славистические исследования в центральноевропейском контексте // Новый филологический вестник. 2010. № 1 (12). С. 120–137.
- Скорвид С. С.* Центральноевропейский языковой союз: границы и признаки в ретроспективном освещении // Славяне и Центральная Европа: языки, история, культура. М. : Российский государственный гуманитарный университет, Институт филологии и истории ; Кафедра славистики и центральноевропейских исследований, 2015. С. 30–39.
- Трубецкой Н. С.* Вавилонская башня и смешение языков // Трубецкой Н. С. Наследие Чингисхана. М. : Инфра-М., 1999. С. 367–381.
- Becker H.* Der Sprachbund. Leipzig und Berlin : Gerhard Mindt (Die Humboldt-Bücherei), 1948. 167 S.
- Bláha O.* Jazyky střední Evropy. Olomouc: Univerzita Palackého, 2015. 238 s.
- Campbell L.* Areal Linguistics: A closer scrutiny // The Cambridge Handbook of Areal Linguistics. Cambridge University Press, 2006. P. 1–31.
- Dahl Ö.* Principals of Areal Typology // Language typology and language universals: an international handbook. Berlin : De Gruyter, 2001. P. 1456–1470.
- Décsy G.* Die linguistische Struktur Mitteleuropas: Vergangenheit, Gegenwart, Zukunft. Wiesbaden: Harrassowitz, 1973. S. 134–145.
- Földes Cs.* Mitteleuropa als Erkenntniskategorie und Raum-Modell: ein Arbeitsfeld für die germanistische Kontaktlinguistik // Deutsch in Südost- und Mitteleuropa. Kommunikationsparadigmen im Wandel. Zagreb : Sveučilište u Zagrebu, Filozofski fakultet, 2011. S. 7–25.
- Januška J.* Porovnávání středoevropských jazyků: za horizont strukturních rysů a lexikálních přejímek. Disertační práce. Praha, 2017. 217 s.
- Kurzová H.* Mitteleuropa als Sprachareal // Acta Universitatis Carolinae – Philologica 5, Germanistica Pragensia XIII. Praha, 1996. S. 57–73.
- Newerkla S.* Sprachliche Konvergenzprozesse in Mitteleuropa // Pospíšil, Ivo (Hg.): Crossroads of Cultures: Central Europe / Perekrestki kul'tury: Srednjaja Evropa / Křižovatky kultury: Střední Evropa. Brno : Masarykova univerzita, 2002. S. 211–236.
- Pilarský J.* Donausprachbund. Das arealistische Profil einer Sprachlandschaft. Habilitationsschrift. Debrecen, 2001. 250 S.
- Skála E.* Deutsch und Tschechisch im mitteleuropäischen Sprachbund // Brücken (Neue Folge). 1991/92. S. 173–179.
- Skalička V.* Zum Problem des Donausprachbundes // Ural-altaische Jahrbücher. 1968. № 40. S. 1–9.

Thomas G. Exploring the Parameters of a Central European Sprachbund // Canadian Slavonic Papers / Revue Canadienne des Slavistes. 2008. № 50 (1–2). P. 123–153.

Zeman D. Überlegungen zum Mitteleuropäischen Sprachbund: zum Begriff des Sprachbundes und den linguistischen Aspekten des tschechisch-deutsches Sprachkontaktes // Germanoslavica. 2009. Heft 2. S. 35–50.

УДК 81.22

Л. Д. Исакова

доктор филологических наук, доцент; профессор кафедры второго иностранного языка МГЛУ; e-mail: isakova_ld@mail.ru

О ЛИНГВОСТИЛИСТИКЕ В СОПОСТАВЛЕНИИ ГЕРМАНСКИХ ЯЗЫКОВ

Сопоставление языков затрагивает разные языковые аспекты. При сопоставлении лингвостилистических средств, используемых в германских языках, необходимо учитывать, что стилистическая характеристика развитых языков в целом универсальна, она показывает официальность / неофициальность коммуникации, степень экспрессивности высказывания, функционально-коммуникативную направленность, индивидуальность речи. Различия между языками касаются языкового использования разных стилистических средств. Задачей стилистического сопоставления является выявление сходного и разного в языковых стилях в зависимости от устройства языков и их исторического развития. Фонетические средства в стилистическом употреблении показывают соответствие кодифицированной норме языка и возможности фонетической вариативности. Стилистическая вариативность грамматических средств во многом связана с отражением типологических свойств языка и типологических тенденций. Исследование лексики в стилистическом употреблении показывает использование вариативности лексикона. Субсистемы функциональных стилей в отдельных языках отражают функциональную задачу текстов и проявляют вариативность в связи с различным использованием всех аспектов языка.

Ключевые слова: германские языки; лингвостилистика; сопоставление; фонетические средства языка; грамматические средства языка; лексические средства языка.

L. D. Isakova

Advanced Doctor (Philology), Associate Professor; Professor at the Department of Second Foreign Language MSLU; e-mail: isakova_ld@mail.ru

ABOUT LINGUOSTYLISTICS IN COMPARISON OF GERMANIC LANGUAGES

The comparison of languages deals with different language aspects. By comparing linguostylistic means in Germanic languages the factor must be taken into account that the stylistic characteristic of all developed languages is in principle universal, it demonstrates official/unofficial communication, degree of the expression, functional-communicative orientation, individuality of the speech. The differences between the languages are being demonstrated by using different stylistic means. The task of the stylistic comparison is revealing similar and different features in language styles in accordance with the language structure and

language historical development. The phonetic language means in stylistic use show the accordance with the codified norm of the language and the possibility of the phonetic variability. The stylistic variability of grammatical means is in great degree connected with the reflection of the typological features of the language and with the typological tendencies. The investigation of the stylistic usage of the vocabulary shows the variability of the language. Subsystems of functional styles of languages are reflecting the functional tasks of the texts and show the variability in connection with the different usage of all aspects of the language.

Key words: Germanic languages; linguostylistics; comparison; phonetical means of the language; grammatical means of the language; lexical means of the language.

Введение

Лингвостилистика представляет особенности использования языка с определенными коммуникативными целями. В каждом развитом языке наблюдается характерная стилистическая дифференциация с соответствующим набором выделяемых языковых средств, подчиненных стилистической задаче.

В целом лингвостилистическая картина языков универсальна, она основана на разнообразных направлениях привлечении внимания к высказыванию. Стиль рассматривается как способ выделения степени официальности / неофициальности коммуникации, как средства выражения экспрессивности высказывания, как способ функционально-коммуникативной направленности, как способ проявления индивидуальности речи. При общем сходстве стилистических задач, конкретные средства выражения стилистической направленности зависят от функционирующей системы языка в соответствии с ее историческим развитием. В некоторых случаях стилистическая характеристика языка даже в целом может отличаться от других языков. Так, в китайском языке, при распространении множества местных диалектов, отсутствует пласт общезыкового просторечия, повсеместно понимаемого [Котов 1988, с. 7]. Но обычно стилистическая дифференциация сходна во всех развитых языках. Различия касаются языкового представления стилистических средств. Сопоставление языков показывает эти различия, обусловленные особенностями строя и функционирования языка.

При сопоставлении языков сравниваются не только отдельные языки, но и разновидности одного и того же языка. Таким образом исследуется проявление разнообразной вариативности языков и языка в целом.

Распространенный английский язык обнаруживает большую языковую вариативность. Общий вариант английского языка включает национальные варианты, региональные варианты, локальные варианты, вариативность данного языка дополняется территориальными и социальными диалектами [Прошина 2017, с. 48].

Сравнение близкородственных языков, восходящих к одному общему источнику, выдает похожие для языков черты, некий инвариант используемых языковых средств. Однако же сам данный инвариант занимает в германских языках скромное место [Берков 2001, с. 330]. На первый план выходят существенные различия между языками.

Но при сопоставлении языков необходимо обязательно учитывать и различия, и сходства между языками, только в этом случае сравнение языков будет действительно плодотворным [Зеленецкий 2004, с. 9].

Языковые средства, используемые в лингвостилистике

Из всего многообразия языковых средств для стилистических целей отбираются наиболее подходящие для выполнения коммуникативной задачи.

Из *фонетических средств* в устной презентации, а также при их непосредственном описании или представленности в контексте письменной разновидности языка релевантными оказываются особенности произношения звуков, интонационный рисунок высказывания, темп речи, соответствие норме стандартного языка, узуальные традиции и др. Фонетические особенности отражают ситуативные коммуникативные намерения с использованием фонетической системы языка. На первый план здесь выходит соответствие кодифицированной норме языка, а также степень и обусловленность вариативности фонетических единиц и явлений языка. При сопоставлении языков исследуются как соотношение проявления названных общих характеристик фонетических систем, так и конкретные фонетические явления языков. Сопоставлению подлежат степень и виды проявления вариативности отдельных единиц и явлений, соотносительность вариативности со стилистическими параметрами, особенности использования артикуляционного аппарата, возможности выражения эмоционального фона. Например, сопоставление развития произносительных просодических вариантов английского языка в Индии с вариантами британской и американской разновидностей языка показало отражение

социальной дифференциации в фонетике английского языка жителей Индии, находящегося под воздействием языков коренного населения [Казакова 2017, с. 23].

Сопоставление кодифицированных норм британского, американского и канадского вариантов английского языка выявило, что канадскому варианту в фонетике присущи определенные национально-специфические черты, а именно – частотность слов с ритмическим ударением [Поздеева 2018, с. 10].

Неисследованным является сопоставление передачи фонетических особенностей речи в письменной разновидности языка: авторское описание произношения героев, передача произношения графическими средствами в прямой речи, использование контекста.

При сопоставлении *грамматических свойств* языка в стилистическом употреблении на первый план выступают типологические особенности и тенденции языка. Типология выделяет характерные для данных языков средства, которые варьируются в зависимости от стилистического употребления. Кроме того, в языках, при общей типологической характеристике, наблюдается отражение различных языковых типов и действуют различные типологические тенденции. Вариативность отражает языковые явления, представляющие разные типологические свойства, что используются в стилистике. Менее характерные явления вызывают интерес реципиента. Намечающиеся языковые явления непривычного типа языка широко используются в диалектах и неофициальном употреблении. Данное проявление соотношения типологических свойств зависит от строения и тенденций развития конкретного языка. Например, в немецком языке более свободное использование языка в неофициальном общении позволяет употреблять незафиксированные в норме клитические соединения предлогов с артиклями типа *aufm, vorm, ums*. Но подобные явления отсутствуют в английском языке, поскольку артикль данного языка не имеет падежного изменения. В разговорном стиле немецкого языка используются глагольные формы с отпадением гласных в окончаниях: *ich sag, mach, ihr werdt*. В английском языке наблюдается выпадение гласных или слогов с гласной при клитическом слиянии местоимений с формой глагола или слиянии частицы отрицания с глагольной формой, что распространено в разговорной речи и, при общей тенденции грамматической структуры языка к аналитизму,

в названном грамматическом явлении обнаруживаются синтетические формы: *I'll say, can't*.

При сопоставлении грамматических систем разных языков обнаруживаются разные возможности выражения грамматических значений. Грамматическое значение – это категориальное значение с наличием определенных языковых средств его выражения. Для грамматического значения важно свойство обязательности [Плунгян 2011, с. 20]. Группа языковых элементов, выделяемая на основании какого-либо общего свойства, с наличием регулярного способа выражения одного из значений категоризируемой совокупности, составляет грамматическую категорию [Лингвистический энциклопедический словарь 1990, с. 215–216].

Сам набор грамматических категорий, включающих грамматические значения, выражаемые определенными языковыми средствами, в разных языках различен. К сопоставлению привлекаются отмечаемые в языке грамматические категории в целом, грамматические значения и способы их выражения. Например, наличие в языке артикля как средства выражения категории определенности / неопределенности предоставляет возможность выделить соответствующий объект и привлечь к нему внимание или, наоборот, произвести обобщение относительно высказывания. Артикль перед собственными именами, в свою очередь, позволяет выразить оттенки отношения к лицам – фамильярность, обобщение, выделение из ряда, сравнение: *англ. the John, нем. die Anna*. В случае изменяемости артикля в языке, что наблюдается, например, в немецком языке, в стилистических целях используются выражаемые артиклем грамматические значения падежа и числа: *нем. Den Annas ist alles gleich*. В языке с неизменяемым артиклем для отмеченных стилистических целей используются аналитические средства и возможности выражения множественного числа именем существительным: *англ. For the Johns it is all the same*.

При сопоставлении языковых средств выявляется разное соотношение средств языковых уровней. Соответственно и в лингвистике в отдельных языках будут использоваться средства разных языковых уровней. В языках с продвижением к изолирующему строю большое значение приобретают синтаксические средства. В изолирующих языках для выражения стилистических оттенков дополнительные возможности предоставляют и средства морфологического

уровня, которые также зависят от строения соответствующей языковой системы и разнятся от языка к языку. В языках с развитой тенденцией к изоляции рассматриваемым морфологическим средствам могут соответствовать средства синтаксического или лексического уровней. Например, экспрессивному предложению немецкого языка с использованием морфологических средств *Wie nett von Ihrer Seite!* в английском языке соответствует краткое предложение с использованием синтаксических средств оформления связи между членами предложения: *Nice of you!*

При сопоставлении **лексических средств** лингвостилистики рассматривается распределение лексикона языков по тематическим полям, отмечается выделение полей, их разная структура, состав ядра и периферии.

Здесь важным является противопоставление лексем ядра, которые являются наиболее употребительными, лексемам периферии поля, менее употребительным и привлекающим внимание реципиента. Структура тематических полей будет различна в отдельных языках в соответствии с лексическим наполнением полей, в соответствии с развитием и употребительностью словообразовательных средств, их выражением в языке. Для стилистики важными являются использованные средства периферии тематического поля, которые будут иметь стилистическую отмеченность. Или, наоборот, для автора важно употребление слов общеупотребительных, нейтрального слоя. При сопоставлении однотипных тематических полей в разных языках исследователь выявляет возможности стилистического употребления единиц в каждом языке. Например, для передачи уменьшительно-ласкательного обозначения родственника в немецком и английском языках часто используются разные средства, а именно, в английском изменение корня слова, добавление суффикса или добавление имени прилагательного: *mom, aunthy, little daughter, dear daughter*, в немецком обычно используются словообразовательные средства: *Mutti, Mami, Tanti, Tante, Töchterchen*.

Эффективным представляется сопоставление когнитивных структур разных языков, которые отражают процессы познания в разных ментальных системах. При этом возможно сопоставление когнитивного исследования использования в языке отдельных лексем, идиоматических структур, грамматических категорий, семантических

(грамматических, лексических, грамматико-лексических) полей, ассоциативных полей, метафорической репрезентации отдельных концептов, процессов номинации. При сопоставлении когнитивных оснований употребительности языковых единиц учитывается взаимосвязь разных уровней языка. Так, когнитивный анализ использования в языках эвфемизмов, необходимых и для стилистического употребления, определил концептуальные модели формирования эвфемистического фонда в языке. Общей для разных языков является единая иерархически организованная система концептуально-метафорического номинативного базиса эвфемизмов. Но в разных языках в одной и той же эвфемистической области активизируются разные участки номинативного базиса. Семантика эвфемизмов в большинстве случаев моделируется на базе сложных концептуальных структур, состоящих из более простых метафорических и метонимических концептов [Порохницкая 2014, с. 4, 42].

Сопоставление фразеологических единиц отдельных языков как средств категоризации позволяет изучить различные пути категоризации, в том числе образование субординатных категорий [Гогичев 2018].

Недостаточно разработанным является аспект сопоставления **словообразовательных средств** разных языков. В данном аспекте вызывает интерес сравнение употребительности словообразования, характеристики средств, образованных от определенных частей речи, сочетания отдельных средств в одной лексеме, зависимости особенностей словообразования от типологии языка. Словообразовательные средства применяются для создания новых однокоренных слов, для включения в язык разных частей речи при наличии в когнитивной структуре языка определенного концепта, для заполнения пространства тематического поля. Именно словообразовательные возможности языка позволяют использовать имеющиеся в фонде языка единицы с целью создания стилистического эффекта или даже создавать с этой целью новые языковые единицы, привлекающие внимание реципиента. Примеры таких необычных употреблений: *англ.* *such producing* (в противопоставлении имеющемуся в языке существительному *production*), *the beering* (контекстуальное употребление формы глагольного причастия, образованного от имени существительного); *нем.* *Gesprächchen, Neidlein* (употребление уменьшительных суффиксов с именами абстрактными).

При сопоставлении *функционально-стилистического употребления* средств языка на первый план выходят особенности использования в отдельных типах дискурса всех аспектов языка, проявление этнокультурных различий, отражение экстралингвистических влияний для выполнения главной функциональной задачи определенного стиля.

Функционально-стилистические особенности проявлений дискурса в языке обнаруживаются при сопоставлении любых, в том числе, разноструктурных языков. Особенности в данном случае будут связаны с социальными, этнокультурными причинами. Например, сопоставление политического дискурса на киргизском и французском языках показало специфичность манифестации гендерных различий, связанных с характеристикой политической культуры в соответствующих странах: в публичных выступлениях женщин на французском языке наблюдается больше ослабления гендерных различий, чем в выступлениях женщин на киргизском языке [Мукашева 2018, с. 26].

Сопоставление функционально-стилистических характеристик языка учитывает универсальность основных свойств стиля, отражающих его главную функциональную задачу. Субсистема функционального стиля, не являющаяся автономной, замкнутой, охватывает все аспекты языка.

На *фонетическом уровне* различие между функциональными стилями затрагивает вариативность допустимости отклонения от произносительной нормы в звучащей речи. В устной научной речи, в речи работников телевидения, артистов театра предполагается стремление к полному соответствию произносительным нормам языка, закрепленным в орфоэпических словарях. И совсем иначе обстоит дело с произношением коммуникантов в разговорном стиле. При сопоставлении языков выявляется наличие не мешающих коммуникации вариантов произношения, отражение в произношении, например, региональных фонетических свойств. Так, в разговорной речи англичан могут проявляться особенности регионального ливерпульского или йоркширского типов произношения, в разговорной речи немцев, например, особенности произношения нижненемецкого или берлинского диалектов. При сопоставлении речи граждан, проживающих в разных регионах страны, выявляются проявления региональных особенностей языка. При сопоставлении разных языков внимание обращается на

частотность проявления региональных свойств, на особенности вариативности отдельных аспектов фонетики.

Грамматические структуры имеют некоторое своеобразие в отдельных стилях в соответствии с основной функциональной задачей. Данное своеобразие проявляется уже в названиях, заголовках или подзаголовках текстов. Для научного текста характерно обозначение тематики научного исследования посредством субстантивных групп: *англ.* Greek and the Greeks, *нем.* Kategorien lexikalischer Variation. При этом возможно с целью привлечения внимания и употребление предложений, особенно предложений вопросительных. Такие заголовки чаще встречаются в англоязычной научной литературе: *англ.* Did Dante write in Italian? Синтаксическое выражение заголовков публицистических текстов тяготеет к употреблению предложений: *англ.* Can we permit this? *нем.* Sie haben doch darüber nichts gewusst. При сопоставлении морфологического и синтаксического наполнения текстов выяснится преобладание определенных грамматических средств в отдельных языках в соответствии с характеристикой их грамматической системы.

Анализ функционирования лексико-морфологических категорий в германских языках показал множество несовпадений их маркированности и распространенности в отдельных языках. Для разговорного стиля немецкого языка характерны категории высокой интенсивности признака и уменьшительно-ласкательного имени. Последняя категория именно для немецкого языка является типологически существенной. В интеллектуальном стиле английского языка лексико-морфологическая категория деятеля является моноцентрической с доминантой *-er*, в медицинских текстах *-ist* [Головин 1991, с. 134–135].

Функциональные стили проявляют своеобразие и в **лексическом наполнении** текстов. В научных текстах, направленных на адекватную передачу научной информации, отмечается клишированность и отдельных лексем, и словосочетаний, и грамматических структур. Это создает некоторую стандартность изложения научного содержания [Троянская 1082, с. 255]. Клишированность, повторяемость языковых единиц в научных текстах необходима для создания условий правильного восприятия сложного содержания текста. В данных текстах могут повторяться отдельные лексические единицы и даже целые предложения: *англ.* fundamental features, in that way, it is related

to the second question, *нем.* relevant, an den Gegebenheiten gemessen, es darf vermutet werden. Общенаучные слова, используемые в научных текстах самых разных специальностей, создают также основу правильного понимания текста: *англ.* basis for, investigation, experiment, *нем.* Ansatz, Varietät, Untergliederung.

Для каждой научной области в языке выделяется в целом четко очерченная терминосистема, включающая необходимые термины для описания соответствующего раздела науки. При сопоставлении терминосистем разных языков выявляются разные типы словоформ, разные возможности сочетаемости слов, различия в синонимии, происхождении терминов и т. д. Например, сложные термины английского языка часто выражаются словосочетаниями слов без изменения их формы: *англ.* *standard language, word pronunciation, written language*. Образование словосочетаний с управлением слов осуществляется аналитическими средствами, что соответствует типологии английского языка: *англ.* *conceptualization of the text, declination of the word, ending of the noun*. В немецком языке в данном случае используются или сложные слова, или словосочетания с морфологическим изменением слов: *Standardsprache, Wortausssprache, Textkonzeptualisation; schriftliche Sprache, Deklination des Wortes, Endung des Substantivs*. Сопоставление сложных терминов в германских языках показывает проявление названных тенденций и в других языках. Шведский язык по данному показателю имеет, хотя и в меньшей степени, сходство с немецким языком. В шведском языке меньше, чем в немецком, морфологических маркеров слов. Примеры образования сложных терминов в шведском языке: *швед.* *ordbildning, språkskatt, sammansättning; bildlig betydelse, sammansatta ord, böjningen av substantiv*. Данные примеры показывают тенденции в образовании терминов в отдельных германских языках и различия между языками по названной характеристике.

Если сравнивать терминосистемы английского и немецкого языков, то необходимо отметить сосуществование в немецком языке, наряду с интернациональными терминами, терминов, образованных на основе немецкого языка: *нем.* Dialekt и Mundart, Deklination и Beugung, Linguistik и Sprachwissenschaft.

Образование новых терминов осуществляется не только за счет заимствования, но и путем метафорического переноса значений общеупотребительных слов на терминологическое значение, а также за

счет использования *словообразовательных средств*. Сопоставление языков показывает возможности словообразовательного фонда языков, особенности его использования, в том числе и для создания новых терминов.

Сопоставление языков позволяет выявить лингвокультурные особенности функционирования языковых единиц в отдельных стилях национальных разновидностей языка. Например, исследование когнитивных механизмов номинации англоязычных единиц военной техники показало как общие свойства вторичной номинации британских и американских военных кораблей, так и специфические зооморфные метафоры именнаяречения военных кораблей, соответственно *SHIP IS AN ANIMAL*, *SHIP IS A BIRD* + *SHIP IS FLYING ANIMAL* и *SHIP IS A FISH* + *SHIP IS A MARINE ANIMAL* [Кивилева 2017, с. 16].

Заключение

Общие стилистические черты речи на разных иностранных языках находят разное проявление в отдельных языках. Сопоставление показывает возможности данных проявлений и предоставляет картину вариативности человеческого языка с точки зрения разных аспектов.

Использование сопоставительного метода в исследовании языков требует тщательного изучения функционирования каждого сопоставляемого языка относительно задачи исследования и предоставления на основе проведенного сопоставления выводов о свойствах человеческого языка в его вариативности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Берков В. П. Современные германские языки : учебник. 2-е изд., испр. и доп. М. : ООО «Издательство АСТ» : ООО Издательство «Астрель», 2001. 336 с.
- Гогичев Ч. Г. Типология идиом как средств категоризации (на материале немецкого, осетинского и русского языков) : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2018. 48 с.
- Головин В. А. Грамматические и лексико-морфологические категории в сопоставительно-типологическом и функционально-стилистическом аспектах (на материале германских языков) // Типология языков и межуровневые связи / Сборник научных трудов МГЛУ. 1991. Вып. 382. С. 129–136.
- Зеленецкий А. А. Сравнительная типология основных европейских языков: учеб. пособие для студ. лингв. фак. высш. учеб. заведений. М. : Издательский центр «Академия», 2004. 252 с.

- Казакова О. В.* Просодия вариантов английского языка в Индии и Гонконге как средство выражения национальной идентичности (экспериментально-фонетическое исследование) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2017. 28 с.
- Кивилева Е. Б.* Механизмы номинации единиц военной техники (на материале названий американских и британских кораблей): автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2017. 24 с.
- Котов А. М.* Стилистика китайского языка в сопоставительном аспекте : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 1988. 40 с.
- Лингвистический энциклопедический словарь. М. : Советская энциклопедия, 1990. 685 с.
- Мукашева Р. М.* Этнокультурная специфика манифестации гендерных различий в политическом дискурсе (на материале публичных выступлений киргизских и французских политиков): автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2018. 28 с.
- Петрова С. А.* Стратегии и приемы креолизации французского языка в англосаксонском литературно-художественном дискурсе (по произведениям П. Шамуазо) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2018. Вып. 2 (791). С. 149–159.
- Плунгян В. А.* Введение в грамматическую семантику: грамматические значения и грамматические системы языков мира : учеб. пособие. М. : РГГУ, 2011. 672 с.
- Поздеева Д. Т.* Специфика словесного ударения в канадском варианте английского языка (корпусное исследование): автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2018. 24 с.
- Порохницкая Л. В.* Концептуальные основания эвфемии в языке (на материале английского, немецкого, французского, испанского и итальянского языков): автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2014. 45 с.
- Прошина З. Г.* Контактная вариантология английского языка: Проблемы теории = World Englishes Paradigm: учеб. пособие. М. : ФЛИНТА : Наука, 2017. 208 с.
- Троянская Е. С.* Лингвостилистическое исследование немецкой научной литературы. М. : Наука, 1982. 312 с.

УДК 811.161.1

А. В. Лентовская

старший преподаватель русского языка, Департамент филологии,
литературы и языкознания Пизанского университета, Италия;
e-mail: anna.lentovskaya@unipi.it

АКЦИОНАЛЬНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ РУССКИХ И ИТАЛЬЯНСКИХ ГЛАГОЛОВ

Данная статья посвящена сравнительно-сопоставительному анализу акциональных характеристик русских и итальянских глаголов, основанному на представлении об их акциональной гибридности. С этой целью, в первую очередь, уточняется понятие акционально гибридных глаголов, к которому в разное время обращались исследователи славянского и романского языкового материала, в том числе, в рамках композиционного подхода к акциональности. Главной характеристикой таких гибридных глаголов признается их способность демонстрировать синтаксическую сочетаемость с аспектуальными граммемами, свойственную одно- временно нескольким семантическим (акциональным) классам глагольной лексики (например, для состояний, деятельностей и свершений).

При обращении к русскому языковому материалу иллюстрируются возможности классификации русской глагольной лексики по принципу организации морфологических дериватов в «группы» вокруг акционально «гибридных опорных» глаголов. Предлагаемое подразделение глаголов на «группы» производится, помимо учета морфологических критериев, на основе анализа их акциональных характеристик (предельность, длительность, стативность, кратность и проч.). В подобных классификациях глаголы рассматриваются вне зависимости от их морфологической маркированности по способу действия в рамках гипотезы о том, что, с одной стороны, акциональная характеристика глагола не нуждается в обязательном морфологическом выражении, а с другой – морфологические маркеры при их наличии (главным образом, префиксы) не бывают «пустыми». В дальнейшем, исходя из принципа «групповой» классификации, предложено организовывать члены групп вокруг шести базовых глаголов (*pivot verbs*), иллюстрирующих внутреннюю структуру действия, которую описывают члены каждой конкретной глагольной группы. Таким образом, при диагностике корреляции членов глагольных групп с аспектуальными граммемами, предпочтение было отдано анализу их сочетаемости с граммемами, описывающими структурные этапы действия (ингрессивы, комплетивы и под.). Использование такого принципа классификации предполагает следующий уровень абстракции по сравнению с организацией глаголов по принципу видовой парности или непарности, но не отменяет предыдущего.

В рамках предлагаемого подхода вокруг шести вышеупомянутых базовых глаголов объединены 13 глагольных групп. Показано, что семантическое разнообразие, демонстрируемое гибридными базовыми предикатами, может рассматриваться шире, например, чем дихотомия глаголов-деятельностей (*переводить / попереводить*) и глаголов-свершений (*переводить / перевести*). В частности, за

редким исключением, все глагольные предикаты демонстрируют стивные характеристики (ср.: *переводить* = *быть переводчиком*).

Визуализация глагольных агломератов, образованных гибридными базовыми глаголами, предлагается с помощью семантической карты с очертаниями окружности, на которой размещены базовые глаголы. Применение подобной визуализации делает более наглядным сравнительно-сопоставительный анализ русского материала с итальянской глагольной лексикой, детально описанной рядом исследователей. В частности, было подтверждено соответствие каждому русскому глагольному агломерату одного многозначного итальянского глагола (например, для *капать* с рядом производных <*покапать, закапать, капнуть*> – *gocciolare*).

Ключевые слова: акциональность; гибридные глаголы; вид; глагольная классификация; сравнительно-сопоставительное языкознание; русский язык; итальянский язык.

A. V. Lentovskaya

Lecturer of Russian, Department of Filology, Literature and Linguistics,
University of Pisa (Italy); e-mail: anna.lentovskaya@unipi.it

ACTIONAL CHARACTERISTICS OF RUSSIAN AND ITALIAN VERBS

This paper provides a contrastive analysis of verbal actional characteristics in Russian and Italian, with major regard to predications that are hybrid in their actionality. The notion of actional hybridism was referred to in some studies of Slavic and Romance languages, and is thoroughly examined within the Compositional Approach to Aspect and Actionality. The main feature of actionally hybrid predicates is their ability to manifest their compatibility with a range of aspectual grams, typical of more than one actional classes (e.g., states, activities and accomplishments) available in given languages.

The article also briefly outlines an actional classification of the Russian verbal lexicon based on grouping (*clustering*) morphologically related verbs around actionally hybrid *pivot*-verbs. The clustering principle takes into account both morphological criteria, and the actional characteristics of the verbs (telicity, durativity, stativity, multiplicity, etc.).

In such classifications, verbs are considered regardless of morphological expression of their semantic features, assuming that actional characteristics do not need mandatory morphological expression, and on the other hand, that morphological markers (mainly, prefixes), if available, are not “empty”.

Our idea is to organize cluster members around 6 *pivot* verbs, illustrating the inner structure of the action, described by constituents of each specific verbal cluster. Thus, when diagnosing the correlation of cluster members with aspectual grams, preference was given to analyzing their compatibility with grams describing structural stages of the action (ingressive, delimitative, completive, etc.). Within this framework, 13 verbal clusters are grouped around 6 *pivot* verbs. It is shown that the semantic diversity exhibited by hybrid *pivot* predicates moves beyond

the dichotomy of activities (*переводить / попереводить*) and accomplishments (*переводить / перевести*). For instance, with rare exceptions, all verbal predicates may exhibit stative characteristics (cf. *переводить* = *быть переводчиком*). The use of this classification principle suggests a different level of abstraction compared to the binary organization in aspectual pairs, but still does not replace the former.

Visualization of verbal clusters formed by and around hybrid pivot verbs relies on circular semantic maps. The use of such visualizations provides a better illustration to the contrastive analysis of Russian and Italian. It was confirmed that each Russian verbal cluster corresponds to one (mainly hybrid) Italian predicate (e.g., *капать* and derivatives <*покапать, закапать, капнуть*> – *gocciolare*).

Key words: actionality; hybrid verbs; hybrid predicates; Aspect; verbal classification; contrastive analysis; Russian; Italian.

Введение.

Акциональные глагольные классификации

На протяжении нескольких последних десятилетий в области аспектологии широкой популярностью пользуются так называемые двухкомпонентные теории вида [Sasse 2006, с. 3], описывающие взаимодействие грамматической и лексической аспектуальности (акциональности) [Smith 1991, *inter alia*]. За публикацией статьи З. Вендлера [Vendler 1967] о четырех семантических (акциональных) классах английских глаголов (*states* ‘состояния’, *activities* ‘деятельности’, *accomplishments* ‘совершения’, *achievements* ‘достижения’) последовало множество предложений подобных классификаций на славянском материале [*inter alia*, Булыгина 1982; Горбова 2010; Зализняк, Шмелев 2000, Мелиг 1985; Падучева 1996; Brecht 1985; Breu 1994; Comrie 1976; Gebert 1991; Janda 2007; Smith 1991; Tatevosov 2002], учитывавших, в том числе, и теорию Ю. С. Маслова о видовых парах [Маслов 1948]. В таких классификациях, иллюстрирующих принципы взаимоотношения между акциональными характеристиками глагола (предельность, длительность, стативность и проч.) и его грамматическим видом, видовые пары (например, перфектные или тривиальные [Зализняк, Шмелев 2000]) рассматриваются наряду с глаголами *imperfectiva / perfectiva tantum*, непарными или характеризованными по способу действия. В статье, посвященной сравнению вышеупомянутых «великих» лексико-семантических глагольных классификаций Маслова и Вендлера, Е. В. Падучева отмечает, что «сопоставление двух классификаций возможно при условии, что русский глагол

рассматривается как совокупность двух видовых форм (или по крайней мере как видовая пара)» [Падучева 2009, с. 7].

Позднейшее появление альтернативных классификаций глаголов обусловлено целым рядом факторов, среди которых неопределенный статус в классификациях отдельных членов некоторых пар (например, *рисовать* <кружочек> по отношению к *accomplishment: нарисовать* <кружочек> [Падучева 1996, с. 107–121] или *находить* по отношению к *achievement: найти* в тривиальной паре), функционирование некоторых глаголов в качестве членов нескольких видовых пар одновременно (речь идет о так называемых «аспектуальных тройках» *жать / нажать / нажимать, наковать / упаковать / упаковывать* [Храковский 2005; Зализняк, Микаэлян, Шмелев 2015, с. 233–248]), а также слишком большое количество исключений из бинарной системы, по свидетельству ряда исследователей [Мучник 1956; Перцов 1998; Плунгян 2011], глаголы *imperfectiva / perfectiva tantum* составляют от 31 % до более 35 % русской глагольной лексики и включают в себя не только глаголы, характеризованные по способу действия (например, *очутиться, улизнуть, припоздниться* в [Плунгян 2011, с. 409]).

Гибридная акциональность

В поисках семантического обоснования классов, выделенных З. Вендлером, с применением разнообразных синтаксических диагностических тестов на материале разных языков [Dowty 1976; Bertinetto 1986; Падучева 1996 *inter alia*¹] некоторые исследователи пришли к выводу о том, что в ряде случаев можно говорить о «гибридных» акциональных характеристиках глаголов. Впервые термин «акционально гибридные глаголы» был упомянут в работах П. М. Бертинетто на материале итальянского [Bertinetto 1986, с. 302] и, позднее, английского языков [Bertinetto, Squartini 1995, с. 12]. Основной характеристикой таких «гибридных» глаголов была признана их способность демонстрировать синтаксическую сочетаемость с аспектуальными граммемами, свойственную одновременно для нескольких семантических (акциональных) классов глагольной лексики (например, для

¹Одна из наиболее полных сводных таблиц об исследовании акциональности последователями З. Вендлера на материале различных языков мира в [Tatevosov 2002].

состояний, деятельностей и свершений). В примере (1) из [Bertinetto, Squartini 1995, с. 12; Mehlig 2012, с. 171] иллюстрируется сочетаемость английского предиката *to paint the wall* как с инклюзивным обстоятельством времени (а), что характеризует предикат, согласно З. Вендлеру и Р. Даути, как *accomplishment*, так и с обстоятельством длительности (b), что относит его же к классу *activities*:

- (1) a. We painted the wall in two hours.
b. We painted the wall for two hours and left.

По мнению исследователей русского языкового материала, акционально гибридными могут называться такие предикаты, как, например, *писать статью, заполнять анкету, играть сонату* [Mehlig 2012, с. 171–176], *читать журнал, рисовать портрет* [Gebert 2016, с. 18–21] и под. Объединяющей характеристикой для перечисленных предикатов НСВ является доступность для них двух способов перфективизации. В примере (2) Х. Р. Мелиг показывает, как в конкретно-фактическом (и результативном) значении предикат НСВ *заполнять анкету* заменяется на видовой коррелят СВ *заполнить анкету* (поведение, типичное для русских предельных *accomplishments*). Однако тот же предикат (как и многие ему подобные) в сочетании с обстоятельством длительности заменяется на форму СВ *позаполнять анкету*, маркированную по ограничительному способу действия, – такая характеристика позволяет отнести его к классу *activities*, то есть к классу непредельных глаголов:

- (2) a. Саша заполнил анкету, которую ему дали, и пошел в библиотеку.
b. Саша минут двадцать позаполнял анкету, которую ему дали, и пошел в библиотеку.

По наблюдениям Л. Геберт, при описании действия, завершеного в прошлом, «естественным» формальным выражением предельного предиката станет СВ, а непредельного – напротив, НСВ [Gebert 1991]. Исходя из вышесказанного, глаголы из примера (3) могут быть признаны акционально гибридными (в данном случае, предельными (а) или непредельными (b) в зависимости от контекста) [Gebert 2016, с. 19]:

- (3) a. Вчера я (читала) **прочитала** интересную статью.

- b. Вчера я **читала** (почитала), а потом уснула.
- c. Вчера я читала / почитала / прочитала интересную статью, а потом уснула.

Следует также добавить, что допустимыми являются все приводимые в примере (3c) варианты, с прямым дополнением или без него.

Статус «гибридных» глаголов в акциональных классификациях

Обращаясь к рассмотрению феномена гибридной акциональности в сопоставительном ракурсе (предметом нашего исследования стали русский и итальянский языки), мы, в свете описанных ранее фактов, оказываемся перед необходимостью уточнить статус форм *читала* / *почитала* / *прочитала*, соответствующих итальянскому гибридно-му глаголу *leggere* (см. перевод у [Gebert 2016] и список гибридных предикатов в [Bertinetto 1986; Bertinetto, Lentovskaya 2015]). Проводя параллель между перфектной видовой парой *читать* / *прочитать* <статью> и *leggere* <*un articolo*>, мы оставляем за пределами рассмотрения делимитатив *почитать* (типичный *perfectivum tantum*). Известно, что некоторые исследователи [Dickey 2000; Петрухина 2000] признают за подобными делимитативами статус регулярных видовых коррелятов и, соответственно, за подобными парными глаголами (НСВ *читать* / СВ *почитать*) статус видовых пар, однако данная точка зрения не является общепризнанной [Зализняк, Микаэлян, Шмелев 2015, с. 226–228].

Дискуссия по данному вопросу остается открытой: авторы некоторых глагольных классификаций сопоставительного или типологического, лингвоспецифического свойства, например, представитель композиционного подхода к акциональности С. Г. Татевосов и его последователи, открыто дистанцируются от дискуссии о видовых парах [Tatevosov 2002, с. 370] и говорят об акциональных классах глаголов, выделяемых вне зависимости от их видовой парности / непарности, по семантическому признаку. Под акциональным классом глагольной лексемы в рамках данного подхода понимается ее семантическая характеристика, релевантная для аспектуальных категорий; акциональные характеристики глаголов даются через комбинацию семантических компонентов (акциональных семантических ярлыков),

возможно, не универсальных, но присутствующих достаточно широко в живых языках мира [Татевосов 2005, с. 121–127; Шлуинский 2006, с. 158]. Имперфективной (презент) и перфективной (претерит) словоформам одной глагольной основы приписывается по ярлыку; акциональный класс определяется сочетанием двух (или более) ярлыков. Всего акциональных ярлыков пять: 1. Состояние (S, *жить, видеть*); 2. Процесс (P, *читать, почитать; гулять, погулять*); 3. Вхождение в состояние (ES, *убить, прочитать, увидеть, капнуть*); 4. Вхождение в процесс (EP, *заработать, запеть*); 5. Мультипликативный процесс: состоит из выделимых квантов, но воспринимается как единое целое (M, *капать, по капать*). Упомянувшиеся в примере (3) русские глаголы, таким образом, были бы отнесены к акциональному классу слабых предельных глаголов *прочитать* (ES) / *почитать* (P) / *читать* (P) / *прочитывать* (—) (Татевосов 2010, с. 37).

Принцип группировки русских глаголов в «агломераты» (*clusters*), объединенные морфологической общностью и выделяемые посредством тестирования аспектуально-семантических характеристик, был разработан Л. Яндой [Janda 2007]. В ее классификации глаголы рассматриваются вне зависимости от их морфологической маркированности по способу действия в рамках гипотезы о том, что, с одной стороны, акциональная характеристика глагола не нуждается в обязательном морфологическом выражении, а с другой – морфологические маркеры при их наличии (главным образом, префиксы) не бывают «пустыми» [Janda *et al.* 2013]. В своей работе, несколько лет оставшейся в центре оживленной аспектологической дискуссии [Зализняк, Микаэлян 2012], Л. Янда и ее последователи, впрочем, не отказывались от представления о видовой паре: в их планы входило исследование семантических и прагматических связей членов видовой пары с их многочисленными морфологическими коррелятами [Янда, Кузнецова 2013]. Построение таксономии акциональных классов (классификации характеров действия) и изучение ее взаимоотношения с грамматическими аспектуальными категориями («открытой» грамматикой) на примере русского и испанского языков [Горбова 1999, 2010] стало предметом исследования Е. В. Горбовой: автор также строит свои рассуждения (на русском материале) исходя из функционального критерия видовой коррелятивности, описанного Ю. С. Масловым, который часто признается единственным «основанием для установления видовой пары, позволяющим

говорить о грамматическом характере видовой корреляции в русском языке» [Зализняк, Микаэлян, Шмелев 2015, с. 211]. Таким образом, представляется возможным утверждать, что в рамках композиционного и типологического подхода к акциональности, классификация русских глагольных предикатов на основе анализа их семантических характеристик с последующим изучением их корреляций с аспектуальными граммемами, без обязательного учета их принадлежности к видовой паре, предполагает следующий уровень абстракции по сравнению с организацией глаголов по принципу видовой парности или непарности, но не отменяет релевантности предыдущего.

Альтернативный принцип классификации русских глаголов: к сопоставительному анализу

Основываясь на принципе «групповой» классификации, мы предложили организовывать члены групп вокруг шести базовых глаголов (*pivot verbs*), иллюстрирующих внутреннюю структуру действия [Binick 1991], которое описывают члены каждой конкретной глагольной группы¹ (в левом столбце перечислены наименования выделенных нами глагольных групп; в правом – наименования базовых глаголов данных групп):

1. стативная группа	STA-pivot (обладать)
2. агентивная группа	P-ACT-pivot (плакать)
3. мультипликативная группа	MULT-pivot (капать)
4. градативная группа
(градативы + терминативы)	DV-pivot (трескаться)
5. терминативная группа	H-ACT-pivot (петь)
6. моментативная группа	ACH-pivot (родиться)

В свою очередь, остальные члены глагольной группы морфологически характеризованы посредством префиксации или суффиксации, в зависимости от их принадлежности их базовых глаголов к тому или

¹Здесь и далее мы использовали следующие сокращения: ГД = граница действия, НСВ = несовершенный вид, СВ = совершенный вид, ACC = *accomplishment* ‘терминатив’; АСН = *achievement* ‘моментатив’; АСТ = *activity* ‘агентив’; DV = *degree verb* ‘градатив’, H-ACT = *hybrid activity* ‘гибридный агентив’; MULT = *multiplicative* ‘мультипликатив’; P-ACT = *pure activity* ‘простой агентив’; STA = *stative* ‘статив’.

иному семантическому классу¹. Как следует из вышеприведенного списка, мы следуем сформулированному С. Г. Татевосовым принципу приписывания универсальных (за редким исключением) акциональных ярлыков глагольным основам. Уточнение, внесенное нами в целях сравнительно-сопоставительного анализа русской и итальянской классификации, подразумевает расширение ряда ярлыков, приписываемых морфологическим дериватам базовых глаголов. Полемизируя с использованием термина «акционально гибридный» применительно к глаголам, например, *believe*, в совокупности всех их словоформ, С. Г. Татевосов указывает, что перечисленные им акциональные ярлыки могут функционировать и, соответственно, должны описываться только применительно к тем конкретным граммемам, с которыми они сочетаются [Tatevosov 2002, с. 341]. Известно, что в своем типологическом исследовании вышеуказанный автор использовал для диагностики акциональных классов граммема презенса в имперфективной и претерита в перфективной зонах. Так, акциональный ярлык «вхождение в состояние» (ES) оказывается приписанным, в равной степени, словоформам *убить*, *прочитать*, *увидеть*, *капнуть*. В своей сопоставительной классификации мы предпочли анализировать сочетаемость акциональных ярлыков с граммемами, которые описывают структурные этапы действия, очерченные его временными рамками.

Говоря о временных границах, мы, вслед за рядом исследователей [Rozwadowska 2014; Stoll 2001], выделяем начальную границу протекания действия, выраженную ингрессивом (*увидеть*), и конечную границу протекания действия (*убить*), которая, в отсутствие предела действия, может описывать прекратившееся действие (финитивный способ действия²). Начальная и конечная границы действия могут быть выражены одним членом глагольной группы: длительным делимитативом (*почитать*) или одноактным семельфактивом (*капнуть*). Как следует из вышесказанного, такой подход позволяет нам, для решения собственных задач, дать словоформам *убить*, *прочитать*, *увидеть*, *капнуть* более детальные акциональные характеристики.

¹ Примером может послужить префиксация ингрессивов (*петь* – *запеть*) или суффиксация семельфактивов (*махать* – *махнуть*).

² Здесь и далее приведена (при ее наличии) терминология способов действия Ю. С. Маслова из [Маслов 1965].

В рамках нашего подхода вокруг шести вышеупомянутых базовых глаголов объединены 13 глагольных групп. Кроме того, полагаем, что базовые глаголы выделяемых нами глагольных агломератов демонстрируют «гибридные» характеристики так же, как и «гибридные» предикаты, описанные П. М. Бертинетто на английском, итальянском, и Х. Р. Мелигом – на русском материале. Впрочем, на наш взгляд, семантическое разнообразие, демонстрируемое «гибридными» базовыми предикатами, может рассматриваться шире, чем дихотомия глаголов-деятельностей (*переводить* / *попереводить*) и глаголов-свершений (*переводить* / *перевести*), описанная у Х. Р. Мелига. В частности, например, за редким исключением, все глагольные предикаты могут демонстрировать стативные характеристики (ср.: *переводить* = *быть переводчиком*).

Поскольку мы распространяем представление о «гибридных» предикатах на базовые глаголы, глагольные агломераты, образованные «гибридными» базовыми глаголами, могут быть довольно обширными. Визуально представлять их, опираясь на разработки М. Хаспельмата и У. Крофта [Haspelmath 2003; Croft 2012], мы предлагаем на семантической карте с очертаниями окружности, на которой размещены базовые глаголы (см. рис. 1). Карта статично-центрична, поскольку состояние, вхождение в состояние, результирующее состояние присутствуют в каждом глагольном агломерате.

Рис. 1. Пример семантической карты глагольных агломератов

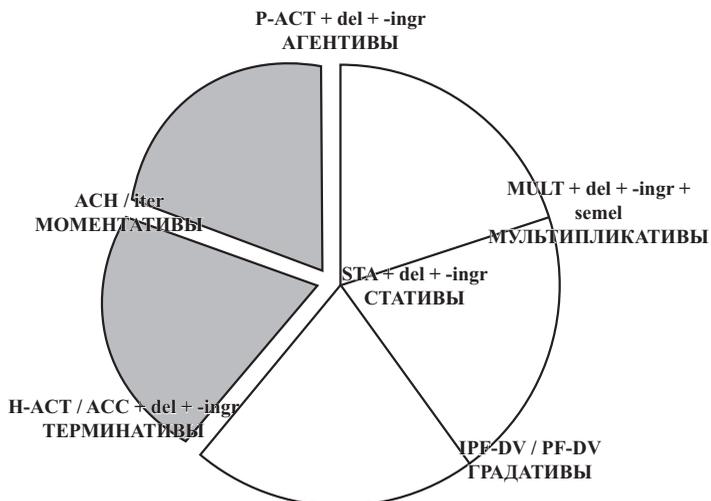

Рис. 2. Семантическая карта глагольной группы с «гибридным» базовым глаголом *петь*

Рассмотрим в качестве примера терминативную глагольную группу с предельным глаголом-опорой: в данном случае конечная граница протекания действия совпадает с достижением его предела и описывается терминативом (например, *спеть*) [Лентовская 2016]. На семантической карте глагольный агломерат с гибридным базовым глаголом *петь* во всех его проявлениях будет выглядеть следующим образом (см. рис. 2).

Из анализа карты данной глагольной группы следует, что русский базовый глагол *петь* демонстрирует «гибридные» характеристики. В первую очередь (в количественном отношении), это (а) терминатив (H-ACT *поет песню* / ACC *спел песню* + del *попел песню* + ingr *запел песню*), но также и (б) агентив (P-ACT *поет (песни)* + del *попел* + ingr *запел*), (в) моментатив (ACH *Спой! Споем!* / iter *Каждый раз пели*), и, наконец, (г) статив (STA *соловей поет, он поет = он певец* + del *попел* + ingr *запел = стал певцом*). Наблюдая за составом и сочетаемостью членов глагольного агломерата, можно заметить, что группа (г) полностью блокирует употребление законченного или результативного СВ (*запел* имеет значение вхождения в состояние), как и группа (б) – в случае употребления в контексте

спел песни глагольный предикат автоматически переходит в группу терминативов, а неопределенное прямое дополнение приобретает определенность (в итальянском языке подобное изменение уместно проиллюстрировать изменением неопределенного артикля на определенный *cantare canzoni* «петь песни» vs. *cantare le canzoni* «спеть (конкретные) песни»). В данном случае русскому агломерату с базовым «гибридным» глаголом *петь* соответствует «гибридный» итальянский глагол *cantare* (агентив / терминатив). Как отмечает П. М. Бертинетто, автор подробной классификации итальянской глагольной лексики [Bertinetto 1986, с. 306–307], глаголы агентивно-терминативной группы наиболее широко представлены среди итальянских акциональных «гибридов», таких, как *mangiare* «есть», *dormire* «спать», *lavarsi* «мыться». Некоторые (но не все) глаголы этой группы могут иметь, как в русском языке, стативную интерпретацию и, соответственно, в определенных контекстах выражать ингрессивное значение (например, уже упомянутый *cantare* «петь / запеть»).

Заключение

В целом, по нашим наблюдениям, каждому русскому глагольному агломерату с «гибридным» базовым глаголом соответствует «гибридный» итальянский глагол, причем, по свидетельству П. М. Бертинетто, феномен акциональной «гибридности» в итальянской глагольной лексике имеет значительное распространение [Bertinetto 1986, с. 302–321]. Самым ярким примером корреляции акционально «гибридных» глаголов в русском и итальянском языке, на наш взгляд, являются глаголы движения. В русском языке базовые глаголы *идти / ходить* могут иметь стативное (*время идет; ребенок ходит*), агентивное (*идти вперед*), мультипликативное (*ходить на работу*) прочтение, а их дериваты СВ – терминативное (*уйти из семьи*) или моментативное (*уйти с работы в 19:00*) прочтение. Такую же многоплановую акциональную гибридность демонстрирует итальянский глагол *andare* в примерах из [Bertinetto 1986, с. 303]: *andare avanti* «идти / ехать вперед» (агентив), *andare via* «уходить / уезжать» (агентив / терминатив), *andare a Roma, andare in Sicilia* «поехать в Рим, поехать на Сицилию» (моментатив), *andare da Torino a Roma* «поехать из Турина в Рим» (терминатив / моментатив).

Отметим также, что при выборе итальянского эквивалента ряда морфологически характеризованных русских глаголов в соответствующих языковых ситуациях для передачи глагольных значений могут использоваться конструкции с «опорными глаголами» и другие глагольные конструкции (напр., *позволить / позволять: permettere / dare il permesso; прыгать / не прыгать / запрыгать / прыгнуть: saltare / fare un salto*).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Булыгина Т. В. К построению типологии предикатов в русском языке / Семантические типы предикатов / под ред. О. Н. Селиверстовой. М. : Наука, 1982. С. 7–86.
- Горбова Е. В. Опыт разработки универсальной классификации характеров глагольного действия // Материалы XXVIII Межвузовской научно-методической конференции преподавателей и аспирантов. Вып. 16. Секция общего языкознания. Ч. 1. СПб., 1999. С. 7–13.
- Горбова Е. В. Акциональность глагольной лексики и аспектуальные грамматики. СПб. : Издательство СПбГУ, 2010. 198 с.
- Зализняк А. А., Шмелев А. Д. Введение в русскую аспектологию. М. : Языки русской культуры, 2000. 221 с.
- Зализняк А. А., Микаэлян И. Л. О некоторых дискуссионных моментах аспектологической концепции Лоры Янды // Вопросы языкознания. 2012. № 6. С. 48–65.
- Зализняк А. А., Микаэлян И. Л., Шмелев А. Д. Русская аспектология: в защиту видовой пары. М. : Языки славянской культуры, 2015. 392 с.
- Лентовская А. В. Акциональная классификация русской глагольной лексики и ее иллюстрация на практических занятиях РКИ // Русский язык в мировом контексте и международных организациях : материалы конференции. 28.09–3.10.2016, Рим, Италия. М. : Форум, 2016. С. 204–214.
- Мелиг Х. Семантика предложения и семантика вида в русском языке // Новое в зарубежной лингвистике. № XV. М. : Прогресс, 1985. С. 227–250.
- Маслов Ю. С. Вид и лексическое значение глагола в современном русском литературном языке / Известия Академии Наук СССР. № VII/4. М. : Изд-во АН СССР, 1948. С. 303–316.
- Маслов Ю. С. Система основных понятий и терминов славянской аспектологии // Вопросы общего языкознания. Л. : Изд-во ЛГУ, 1965. С. 53–80.
- Мучник И. П. О видовых корреляциях в системе спряжения русского глагола в современном русском языке // Вопросы языкознания. 1956. № 6. С. 201–215.

- Падучева Е. В.* Семантические исследования. М. : Языки славянской культуры, 1996.
- Падучева Е. В.* Лексическая аспектуальность и классификация предикатов по Маслову-Вендлеру // Вопросы языкознания. 2009. № 6. С. 3–20.
- Перцов Н. В.* Русский вид. Словоизменение или словообразование? // Типология вида: проблемы, поиски, решения / под ред. М. Ю. Чертовой. М. : Studia Philologica, 1998. С. 334–355.
- Петрухина Е. В.* Аспектуальные категории глагола в русском языке в сопоставлении с чешским, словацким, польским и болгарским языками. М. : Изд-во Моск. ун-та, 2000. 255 с.
- Плунгян В. А.* Введение в грамматическую семантику. М. : Изд-во РГГУ, 2011. 672 с.
- Tatevosov С. Г.* Акциональность: типология и теория // Вопросы языкознания. 2005. № 1. С. 108–141.
- Tatevosov С. Г.* Акциональность в лексике и грамматике : автореф. ... д-ра филол. наук. М. : Изд-во Моск. ун-та, 2010.
- Храковский В. С.* Аспектуальные тройки и видовые пары // Русский язык в научном освещении / под ред. В. С. Храковского. М. : Наука, 2005. № 1 (9). С. 46–59.
- Шлуинский А. Б.* Акциональные классы глаголов в хакасском языке // Третья конференция по типологии и грамматике для молодых исследователей : материалы конф. СПб. : Нестор – История, 2006. С. 158–164.
- Янда Л. А., Кузнецова Ю. Л.* Приставки в свете когнитивной лингвистики и типологии // Вопросы языкознания. 2013. № 4. С. 87–96.
- Bertinetto P. M.* Tempo, aspetto e azione nel verbo italiano. Il sistema dell'indicativo. Firenze : Accademia della Crusca, 1986.
- Bertinetto P. M.* Statives, progressives and habituals: Analogies and divergencies // Linguistics. 1994. № 32. P. 391–423.
- Bertinetto P. M., Squartini M.* An Attempt at Defining the Class of ‘Gradual Completion Verbs’ / Temporal Reference, Aspect and Actionality, Vol. 1. Semantic and Syntactic Perspectives ; [P. M. Bertinetto et al., eds.]. Torino : Rosenberg & Sellier, 1995. P. 11–26.
- Bertinetto P. M., Lentovskaya A.* Degree Verbs: English-Russian contrastive analysis, in Verbal Aspect. Grammatical Meaning and Context ; [R. Benacchio, ed.]. München – Berlin – Washington D.C. : Verlag Otto Sagner, 2015. P. 93–115.
- Binnick R. I.* Time and the Verb. A Guide to Tense and Aspect. Oxford : Blackwell, 1991. 584 p.
- Brecht R. D.* The Form and Function of Aspect in Russian // Issues in Russian Morphosyntax ; [M. S. Flier, R. D. Brecht, eds.]. Columbus, Ohio : Slavica, 1985. P. 9–34.

- Breu W.* Interactions between lexical, temporal and aspectual meanings // *Studies in Language*. 1994. № 18/1. P. 23–44.
- Comrie B.* Aspect. Cambridge: Cambridge University Press, 1976. 156 p.
- Croft W.* Verbs. Aspect and Causal structure. Oxford : Oxford University Press, 2012. 286 p.
- Dickey S.* Parameters of Slavic Aspect. Stanford, California : CSLI Publications, 2000. 316 p.
- Dowty D. R.* Word meaning and Montague grammar. The semantics of verbs and times in generative semantics and in Montague's PTQ. Dordrecht : Reidel, 1979.
- Gebert L.* Il sintagma verbale / La lingua russa: storia, struttura, tipologia ; [Fici Giusti F., Gebert L., Signorini S., eds.]. Roma : La Nuova Italia Scientifica, 1991. P. 235–292.
- Gebert L.* Verbi ibridi nelle lingue slave e romanze / Lingue slave a confronto; [O. Inkova, A. Trovesi, eds.]. Bergamo University Press : Sestante edizioni, 2016. P. 17–36.
- Haspelmath M.* The Geometry of Grammatical Meaning: Semantic maps and Crosslinguistic Comparison // *The New psychology of Language*. № 2 ; [M. Tomasello, ed.]. Mahwah, NJ : Erlbaum, 2003. P. 211–242.
- Janda L. A.* Aspectual Clusters of Russian verbs // *Studies in Language*. 2007. № 31/3. P. 607–648.
- Janda L. A. et al.* Why Russian Aspectual Prefixes are not empty. Prefixes as Verb Classifiers. Bloomington, Indiana : Slavica Publishers, 2013. 212 p.
- Mehlig H. R.* Hybrid predicates in Russian // *Journal of Slavic Linguistics*. 2012. Vol. 20, № 2. Indiana University Bloomington : Slavica Publishers. P. 171–227.
- Rozwadowska B.* Initial Boundary and Telicity in the Semantics of Perfectivity // *FDSL*. 2014. № 4. P. 1–14.
- Sasse H.-J.* Aspect and Aktionsart // *Encyclopedia of languages and linguistics* ; [K. Brown, ed.]. Amsterdam : Elsevier, 2006. P. 535–538.
- Smith C.* The Parameter of Aspect. Dordrecht : Kluwer, 1991. 465 p.
- Tatevosov S. G.* The parameter of actionality // *Linguistic Typology*. 2002. № 6. P. 317–401.
- Vendler Z.* Verbs and Times // *Linguistics in Philosophy*. New York : Ithaca, 1957. P. 97–121.

УДК 81.373.46

А. В. Пискарёва

аспирант каф. общего и сравнительного языкознания МГЛУ;
e-mail: n-piskarjowa@mail.ru

МЕТАФОРЫ В ТЕРМИНОЛОГИИ КОГНИТИВНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ ЯЗЫКА

Статья посвящена выявлению и анализу концептуальных метафор, которые в настоящее время особенно часто употребляются в когнитивных исследованиях. Выбор темы определила заинтересованность научного сообщества в исследовании когнитивных метафор в разных областях знания, в том числе в языке науки. В связи с тем, что когнитивная лингвистика постоянно вносит свой вклад в развитие метаязыка и образование новых терминов, исследование метафоры в этой области представляется актуальным. В работе рассматриваются некоторые из когнитивных моделей, по которым образуются метафоры, используемые в этой области знания. Источником примеров послужили тексты статей сборника «Когнитивные исследования языка», вышедшего в 2018 г., а также и материалы уже довольно давнего «Словаря когнитивных терминов Е. С. Кубряковой с соавторами. Метафоры и построенные на их основе когнитивные модели приводятся в текстовой и табличной форме с кратким описанием и выводами. В статье предпринимается попытка выделить группы когнитивных моделей. Первая группа отражает самую высокую степень обобщения и включает в себя метафоры, которые стали основой целой научной парадигмы. Вторую – составляют термины-метафоры, ставшие общеупотребительными и закрепленные в словарях. В третью группу входят индивидуальные авторские метафорические выражения и общеупотребительные метафоры, не являющиеся терминами. Формулировки названий моделей не претендуют на окончательность и носят рабочий характер. В статье утверждается, что весьма отличные друг от друга метафорические представления объекта исследования когнитивной лингвистики как конструкции, пространства, а также компьютера встречается чаще других метафор. В заключительной части делается предположение, что лингвистика стремится к образованию новых метафор для познания языка и мышления, так как все предыдущие варианты недостаточно полно описывали их многомерную сущность.

Ключевые слова: когнитивная модель; метафора; терминология; язык; познание; когнитивная лингвистика.

A. V. Piskareva

PhD Student, Department of General and Comparative Linguistics, MSLU;
e-mail: n-piskarjowa@mail.ru

METAPHORS IN TERMS OF COGNITIVE STUDIES OF LANGUAGE

The article is devoted to the study of metaphors, which are often used in cognitive research and cognitive grammar in particular. This topic was chosen because the

study of cognitive metaphors in different fields of knowledge is currently rather popular, especially in the analysis of the language of science. Cognitive linguistics is constantly involved in the development of the meta-language of science and the formation of new terms, so the study of metaphors in this area seems significant. The article presents cognitive models that are used as a source for metaphors of this field of knowledge. The metaphors analyzed in the paper were borrowed from the articles published in 2018 in the collection "Cognitive Studies of Language", and from the materials of the Dictionary of Cognitive terms E. Kubryakova et al. Cognitive models and metaphors are given in textual and tabular form with a brief description and conclusions. The article attempts to highlight three groups of cognitive models. The first group reflects the highest degree of generalization and includes metaphors that became the basis of a whole scientific paradigm. The second group consists of metaphoric terms that have become common and found their way in dictionaries. The third group includes occasional metaphors and commonly used metaphors that are not terms. The wording of the model names is by no means completed, however, the article argues that metaphorical representations from the field of computer technology are especially common. The article concludes that linguistics seeks to find new cognitive metaphors in order to study language and mind, because previous studies of metaphors couldn't fully describe their multidimensional essence.

Key words: cognitive model; metaphor; terminology; language; cognition; cognitive linguistics.

Когнитивная лингвистика, претендующая на внесение своего вклада в изучение организации человеческого мышления в русле далеко не новой идее о языке как «окне» в сознание, пересматривает многие традиционные предметы исследования, объясняя языковые явления по-новому.

Одним из нововведений когнитивной лингвистики стало предложение рассматривать язык через призму метафор. Научный бестселлер Дж. Лакоффа и М. Джонсона «Метафоры, которыми мы живём» ([Lakoff and Johnson 1980], полный русский перевод – 2004) и его другие работы, развивающие эту тематику ([Lakoff 1987, Lakoff and Nuñez 2000], русский перевод первой монографии – 2004) способствовали всплеску интереса к исследованию когнитивных метафор в разных сферах человеческой жизни. Довольно быстро стало ясно, насколько метафоричным является и сам язык науки. Среди работ, вдохновленных идеями Дж. Лакоффа, – исследования языка генетики [Седов 2000], философии [Ермоленко 2001], геологии [Овсянникова 2010] и т. д.

Метафора в лингвистическом дискурсе не была оставлена в тени. В этом направлении исследователи выделили когнитивные модели

и некоторые когнитивные метафоры, участвовавшие в смене лингвистических парадигм [Мишанкина 2012; Плисецкая 2003; Резанова 2007].

Несмотря на разнообразие научных работ, посвященных изучению сущности метафоры, когнитивная лингвистика фактически не выдерживает роли беспристрастного наблюдателя, так как когнитивные исследования сопровождаются появлением новых метафор. Это не уменьшает значения когнитивной лингвистики, а только подтверждает важность и охват выбранного направления исследования, так как любое изучение научной метафоры становится связанным с возможностями научного познания в целом. Целью данной статьи является описание основных метафорических моделей, находящихся отражение в научных текстах по когнитивной лингвистике.

По-видимому, правильнее говорить о трех группах таких моделей. Когнитивные метафоры первой группы используются, когда речь идет о целой парадигме научного знания, например, о натурализме или структурализме, когда метафора в значительной мере сформировала соответствующую парадигму. Здесь можно упомянуть, например, такие когнитивные модели, как ЯЗЫК – ЭТО ЖИВОЙ ОРГАНИЗМ (метафора А. Шлейхера) или ЯЗЫК – ЭТО СТРУКТУРА (базовая метафора структурализма). Наполнением этих моделей будут, соответственно, термины *языковая ветвь*, *морфология языка*, *родство языков* и *уровень языка*, *структурная грамматика*.

Термины-метафоры, которые описывают только определенные предметы и явления – это группа более частных метафор. Примерами таких метафор являются, например, традиционные термины *мягкие* и *твердые согласные*. На их основе тоже можно построить метафорические модели, ЗВУКИ – ЭТО ВЕЩЕСТВА, но они встречаются несистемно, поэтому не служат основой новой парадигмы научного знания, а только встречаются в рамках какой-либо из них.

И, наконец, метафоры, создаваемые конкретным автором только для промежуточного объяснения в отдельной работе, – это третья группа метафор. Например, *сплав знания*. И здесь тоже можно построить метафорические модели, например, ЗНАНИЯ – ЭТО ОРГАНИЧЕСКИ ЦЕЛОЕ. Реально метафоры третьей группы сближаются с поэтическими.

Идея выделить группы метафор не является абсолютно новой. В статье «Метафора в научном тексте», опубликованной в Вестнике

МГЛУ в 2002 г., В. С. Страхова обращала внимание читателей на неоднородность метафор, функционирующих в научном дискурсе. Автор преследовала цель описания роли метафоры в научном тексте и отмечала, что в результате постоянно происходящей экстраполяция методов одной науки на другую происходят образные заимствования из одной области в другую, которые она называет ключевыми метафорам [Страхова 2002, с. 166]. Это и есть в нашем понимании метафоры первой группы.

Комментируя особенности языка науки, а именно – научной терминологии, В. С. Страхова указывает на взаимовлияние научной картины мира и языковой картины мира, благодаря чему в лингвистических текстах представлены как терминологические, так и общеязыковые метафоры [там же, с. 169]. Это, в нашем понимании, – вторая и третья группа метафор.

Следовательно, к первой и второй группе относятся стершиеся метафоры, ставшие общеупотребительными и имеющие однозначную неметафорическую связь с понятием, которое они называют. К третьей – живые, каковыми в языке обычно и являются креативные поэтические метафоры. Видимо, изучение метафор третьей группы позволит узнать, какие аналогии используются для объяснения, а также определить, какие из них остаются авторскими нововведениями, а какие получают распространение и становятся терминами.

Рассмотрим метафоры третьего уровня, которые встречаются в сборнике «Когнитивные исследования языка» 2018 г. Поскольку среди авторов сборника есть ведущие специалисты в данном направлении, метафоры, обнаруженные в нем, можно считать актуальными метафорами когнитивных исследований.

Даже беглое знакомство со статьями показало, что чаще всего встречается модель ПОЗНАНИЕ – ЭТО ПРОСТРАНСТВО: *ближе к истине; из этого широкого определения; в фокусе внимания настоящей статьи; отправной точкой в исследовании фрейма; представленная ниже эскизная картинка речевого поведения.*

В связи с тем, что метафоры третьей группы используются для объяснения, то понятия, с которыми они связаны, шире по своему объему. Здесь *ширина, фокус, отправная точка* показывают познание как реальное наблюдение в пространстве: то выхватывается какая-то часть (эскизная картинка, фокус), то перемещается внимание от

одного к другому (отправная точка), то показывается протяженность в пространстве (ширина).

В статьях распространены и термины-метафоры, как, например: *поликодовый характер текстового пространства; в пространстве языка и культуры*. Их, видимо, следует отнести ко второй группе, так как они узуальны. Однако все их преобразования и расширения относятся, на наш взгляд, к третьей группе: *ориентироваться в многоязычном поликодовом пространстве; работать в различных знаковых пространствах; проблемы определения границ текстового пространства; переводческое пространство*.

Метафорично представляя познание как пространство, тексты статей по когнитивной лингвистике столь же метафорично показывают движение мысли. ПОЗНАНИЕ – ЭТО ТРАНСЛИРОВАНИЕ: *передача лингвокультурных смыслов; тексты транслируют знания; способность воспринять и понять транслируемый смысл; переводчик осуществляет извлечение, осмысление, транспонирование, гармонизацию смыслов*.

Интересно отметить, что в когнитивных исследованиях материал познания представляется как нечто целое и неразделенное, поэтому мы выделили модель МАТЕРИАЛ ПОЗНАНИЯ – ЭТО ОРГАНИЧЕСКИ ЦЕЛОЕ: *удобно препарированный материал; сплав знания культурных традиций*.

Стремление упорядочить отдельные особенности языка выражается в текстах через метафоры, относящиеся к модели ЯЗЫК – ЭТО АНКЕТА: *установить логическую матрицу, отражающую фрагмент действительности; ID card (или «паспорт») идиомы*.

В когнитивных исследованиях языка активно используются модель образования метафор ЯЗЫК – ЭТО ХРАНИЛИЩЕ: *хранить в своей семантике смыслы и образы традиционной культуры; извлекать информацию из различных источников*.

Теперь рассмотрим метафоры второй группы. Как правило, они представляют собой термины-метафоры и в большинстве своем закреплены в словаре, поэтому обратимся к «Краткому словарю когнитивных терминов». Зафиксированные в нем термины относятся к числу основных инструментов когнитологов, поэтому обнаруженные среди них метафоры можно также считать актуальными метафорами когнитивных исследований.

Так как влияние структурной парадигмы в настоящее время всё еще очень сильно, многие когнитивные термины-метафоры связаны с понятием «конструкция». Также для когнитивной лингвистики характерно то, что в ней не создается новый предмет исследования, а только снимается запрет на исследование новых теоретических, модельных конструктов [Паршин 1996]. Из этого утверждения следует, что когнитивной лингвистике важна структура, составные части, элементарные единицы, которые описывали бы особенности человеческого мышления, объясняли бы формирование у человека языковой компетенции. Поэтому метафора структуры очень популярна.

Итак, приведем примеры когнитивных моделей, которые могут быть выстроены на основе когнитивных терминов-метафор. ЗНАНИЕ – ЭТО КОНСТРУКЦИЯ: *конструируемый говорящим мир, ментальное конструирование.*

Проявление структурной метафоры в когнитивной лингвистике очень разнообразно. Это и архитектура (*архитектура когниции и / или разума, the architecture of cognition, the architecture of mind*) и более мелкие единицы вплоть до чертежа: *семантические сети (semantic nets; semantische Netze)*. Конструкцией оказывается не только знание, но и значение слова (ЗНАЧЕНИЕ – ЭТО КОНСТРУКЦИЯ: *семантическая структура*).

В противовес уподоблению объекта исследования конструкции, в когнитивной лингвистике оказывается активной модель ИНФОРМАЦИЯ – ЭТО МАТЕРИАЛЬНЫЙ ОБЪЕКТ. Представление информации в виде объекта очень разнообразно. Это и вещество – *теория блендов* (бленд – смесь). И некий целостный объект: *гештальт* (гештальт – целостный образ) и *форма*.

Популярный термин «фрейм» происходит от англ. *frame* – основное значение этой лексемы как существительного – «рама, каркас» – т. е. средство ограничения и структурирования пространства. Термин «фрейм» можно отнести к модели СОЗНАНИЕ – ЭТО ПРОСТРАНСТВО, к которой также относятся такие примеры, как *ментальные пространства, теория ментальных пространств* (когнитивно-дискурсивное направление). К этой метафорической модели можно отнести и такой пример, как «домен» – фр. *domaine* – владение, поместье, область.

Направление, основанное на гештальт-психологии, использует термины: *фигура-фон, профиль – база, траектор-ориентир.*

Следовательно, это модель ЗНАЧЕНИЕ – ЭТО СТРУКТУРИРОВАННОЕ ПРОСТРАНСТВО.

Фреймы в когнитивной теории делятся на слоты. «Слот» происходит от англ. *slot* – разъём, паз, т. е. относится к инженерной сфере. На основе этого и других примеров мы можем образовать когнитивную модель МЫСЛИТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ – ЭТО ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ МЕХАНИЗМА: *процедура, когнитивная обработка и переработка; cognitive processing; cognitive Verarbeitung; мыслительные механизмы.*

Таким образом, перечисленные метафоры (см. табл. 1), которые были отобраны на основе научных статей по когнитивной лингвистике, Краткого словаря когнитивных терминов, представляют, на наш взгляд, картину метафоризации когнитивной науки.

Таблица 1

Группы когнитивных моделей метафор

Группа	Когнитивная модель	Некоторые примеры
Первая	Язык – это живой организм	языковая ветвь, морфология языка, родство языков
	Язык – это структура	уровень языка, структурная грамматика
Вторая	Знание – это конструкция	конструируемый говорящим мир, ментальное конструирование
	Значение – это конструкция	семантическая структура
	Информация – это материальный объект	теория блендов, гештальт
	Мыслительная деятельность – это функционирование механизма	процедура, когнитивная обработка и переработка, мыслительные механизмы
	Сознание – это пространство	теория ментальных пространств
	Значение – это структурированное пространство	фигура-фон, профиль – база, траектор-ориентир

Группа	Когнитивная модель	Некоторые примеры
Третья	Познание – это пространство	ближе к истине, из этого широкого определения, в фокусе внимания
	Познание – это транслирование	передача лингвокультурных смыслов, тексты транслируют знания
	Материал познания – это органически целое	удобно препарированный материал, сплав знания культурных традиций
	Язык – это анкета	установить логическую матрицу, ID card (или «паспорт») идиомы
	Язык – это хранилище	хранить в своей семантике смыслы и образы традиционной культуры

Формулируя названия когнитивных моделей, мы не считаем, что нашли единственно возможный вариант группировки метафор, однако из таблицы видно, что метафорические представления объекта когнитивной лингвистики как конструкта или пространства наиболее распространено. Также заметно влияние концептуальной области компьютерных технологий на осмысление человеческого языка и мышления, что отражается в моделях ЯЗЫК – ЭТО АНКЕТА, ЯЗЫК – ЭТО ХРАНИЛИЩЕ, ПОЗНАНИЕ – ЭТО ТРАНСЛИРОВАНИЕ.

Следовательно, можно сделать вывод: когнитивная лингвистика оперирует идеей, что мозг человека – это компьютер. Это одна из версий так называемой компьютерной метафоры [Величковский 2011]. С одной стороны, с появлением компьютерных технологий мыслительная активность человека неоднократно сравнивалась с работой компьютера (или другого механизма) как в научной, так и в художественной литературе. Но, с другой стороны, очевидно, что такое ограничение в представлении человеческих способностей, даже в метафорической сфере не оправдано, так как они намного шире. Соответственно, в лингвистике будут появляться новые метафоры и пограничные исследования, благодаря которым можно будет, например,

рассматривать язык как энергетическую сущность, а речь как энергетический поток.

Таким образом, неоднородность когнитивных метафор по своему весу в лингвистическом тексте, заслуживает дальнейшего изучения. Выделение метафор разного уровня и построение на их основе когнитивных моделей даст более подробное представление об особенностях и значении метафорического представления лингвистических знаний.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Величковский Б. М.* Компьютерная метафора. 2011. URL : www.psychology-online.net/articles/doc-1483.html
- Ермоленко Г. А.* Метафора в языке философии : дис. ... канд. филос. наук. Краснодар, 2001. 153 с.
- Кубрякова Е. С., Демьянков В. З., Панкрац Ю. Г., Лузина Л. Г.* Краткий словарь когнитивных терминов / под общ. ред. Е. С. Кубряковой. М. : Филол. ф-т МГУ им. М. В. Ломоносова, 1996. 245 с.
- Мишанкина Н. А.* Метафора в терминологических системах: функции и модели // Вестник Томск. гос. ун-та. Филология. 2012. № 4 (20). С. 32–45.
- Овсянникова В. В.* Метафорические модели в научном геологическом дискурсе : дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2010. 262 с.
- Паришин П. Б.* Теоретические перевороты и методологический мятеж в лингвистике XX века // Вопросы языкознания. 1996. № 2. С. 19–42.
- Плисецкая А. Д.* Метафора как когнитивная модель в лингвистическом научном дискурсе: образная форма рациональности. Текст доклада на конференции «Когнитивное моделирование в лингвистике». Варна, 2003. URL : old.virtualcoglab.ru/html/Plisetskaya.html
- Резанова З. И.* Метафора в лингвистическом тексте: типы функционирования // Вестник Томск. гос. ун-та. Филология. 2007. № 1. С. 18–29.
- Седов А. Е.* Метафоры в генетике // Вестник Рос. акад. наук. 2000. Т. 70, № 6. С. 526–534.
- Страхова В. С.* Метафора в научном тексте // Реализация междисциплинарной парадигмы в различных типах текста : сборник науч. тр. МГЛУ. Вып. 465. М. : МГЛУ, 2002. С. 165–173.
- Lakoff G.* Women, fire, and dangerous things. What Categories Reveal about the Mind. Chicago : The University of Chicago Press, 1987. 614 p.
- Lakoff G., Johnson M.* Metaphors we live by. University of Chicago Press, 1980. 191 p.
- Lakoff G., Nuñez R. E.* Where Mathematics Come From: How The Embodied Mind Brings Mathematics Into Being. New York : Basic Books, 2000. 514 p.

ПСИХОЛИНГВИСТИКА В ОСВЕЩЕНИИ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ И ЗАРУБЕЖНЫХ ЛИНГВИСТОВ

УДК 81'23

Н. С. Панарина

кандидат филологических наук,
доцент каф. общего и сравнительного языкознания МГЛУ;
e-mail: panarinans@gmail.com

ПОНЯТИЕ ПРЕЦЕДЕНТНОСТИ В РАБОТАХ В. С. СТРАХОВОЙ

Автор анализирует процесс развития идей лингвиста В. С. Страховой в современном языковедении. При этом основное внимание уделено разработке проблемы вербальной репрезентации культурно специфического знания, в частности проблемы функционирования прецедентных феноменов. Разработка данного вопроса осуществляется в рамках лингвострановедческого, лингвокогнитивного подходов, что пока не позволяет сформулировать однозначное определение прецедентного объекта. Развивая идеи современников, В. С. Страхова акцентировала неоднозначность некоторых теоретических положений и предлагала свою трактовку закономерностей функционирования прецедентных феноменов. Статья посвящена раскрытию преемственности собственно лингвистических идей В. С. Страховой в рамках психолингвистического подхода к исследованию прецедентности. Так, попытка преодоления существующих противоречий в определении содержания понятия прецедентности позволила обосновать возможность трактовки прецедентности как психолингвистической категории и моделировать механизм реализации прецедентности с опорой на характер реализующего ее речевого действия. Также в работе кратко охарактеризованы выявленные на основе психолингвистического анализа тенденции деактуализации прецедентных имен, подтвержденные экспериментально.

Ключевые слова: прецедентность; прецедентный текст; прецедентное имя; культурный смысл; национально-культурная специфика речевой деятельности; психолингвистика; речевое действие; В. С. Страхова.

N. S. Panarina

PhD (Philology), Associate Professor at the Department
of General and Comparative Linguistics, MSLU; e-mail: panarinans@gmail.com

THE CONCEPT OF PRECEDENCE IN WORKS BY V. S. STRAKHOVA

The author analyzes the development of linguistic ideas of V. S. Strakhova and stresses their significance to modern linguistics. Simultaneously, attention is paid to

the problem of verbal representation of cultural knowledge with a special regard to the functional aspect of precedent phenomena. The development of this issue is carried out within the framework of the linguistic-cultural, linguistic-cognitive approaches, which, however, does not yet allow us to come up with a comprehensive definition of precedence. Developing the ideas of contemporaries, V. S. Strakhova accentuated the ambiguity of some theoretical positions and offered her own interpretation of the patterns according to which precedent phenomena function. The article reveals the continuity of V. S. Strakhova's original linguistic ideas within the framework of the psycholinguistic approach to the study of precedence. The objective to overcome the existing contradictions in the definition of precedence is successfully achieved by interpreting precedence as a psycholinguistic category and by offering a model that describes speech action as a mechanism that causes precedent effect. The article also briefly characterizes patterns of deactualization of precedent names that have been identified in the course of psycholinguistic analysis and have been confirmed experimentally.

Key words: precedence; precedent text; precedent name; cultural meaning; national and cultural specificity of speech activity; psycholinguistics; speech action; V. S. Strakhova.

Одним из актуальнейших вопросов в современной лингвистике остается проблема исследования механизмов вербальной репрезентации знания, в том числе культурно специфичного. Способы моделирования такого механизма разрабатываются в разных лингвистических парадигмах, поэтому получают не всегда соотносимые трактовки. В. С. Страхова неоднократно обращалась к анализу существующих подходов к решению указанной проблемы, в частности множество работ исследователя, а также кандидатских диссертаций, написанных под руководством В. С. Страховой, например [Косиченко 2006], посвящены проблеме реализации в речи прецедентности, специфике функционирования прецедентных имен, высказываний в коммуникации, а также апелляции к прецедентным текстам и ситуациям.

В. С. Страхова так или иначе акцентировала идеи, которые послужили теоретическим основанием возможности рассмотрения прецедентности с психолингвистических позиций. Так, нам удалось доказать функциональность и психолингвистическую природу категории прецедентности, а также моделировать в рамках психолингвистической парадигмы механизм реализации прецедентности с опорой на характер актуального речевого действия [Панарина 2017]. Данная статья посвящена проблеме преемственности идей исследователя

В. С. Страховой, а также их роли в формировании авторской трактовки сущностных параметров прецедентности.

Профессор В. С. Страхова неоднократно указывала на значимость последовательного изучения научного объекта в рамках той или иной научной парадигмы. Так, по мнению ученого, «наличие термина «когнитивный» в составе многочисленных с ним словосочетаний еще не означает, по сути дела, что существующая работа выполнена в рамках когнитивной парадигмы» [Страхова 2006, с. 110]. А потому, вслед за Е. С. Кубряковой, она стремилась рассматривать явление вербальной репрезентации культурного знания, строго придерживаясь лингвокогнитивного подхода к исследованию коммуникации, в том числе, к исследованию прецедентности. Данный подход, как известно, разрабатывается в трудах участников научного семинара «Текст и коммуникация» [Красных 2002; Красных 2003; Гудков 2003] и др., а в его рамках среди основных интерпретирующих терминов можно выделить понятие *когнитивного пространства*, а также *когнитивной базы* как совокупности коллективных когнитивных пространств, национально маркированных и культурно детерминированных представлений, необходимо обязательных для всех представителей данного лингвокультурного сообщества (далее – ЛКС) [Красных 2003]. Ядерными элементами когнитивной базы считаются *прецедентные феномены*, хорошо известные всем представителям ЛКС, актуальные в познавательном и эмоциональном плане, а также те, обращение к которым постоянно возобновляется в речи носителей культуры. Указанные параметры фиксируются такими характеристиками как сверхличностность, аксиологичность, воспроизводимость. При этом подчеркивается, что за прецедентными феноменами, в отличие от языковых единиц, стоит некий инвариант восприятия, позволяющий использовать их коннотативно [там же].

Вместе с тем В. С. Страхова всегда подчеркивала трудность определения прецедентного объекта. Так, исследователь замечала: «Одной из важнейших проблем, возникающих при изучении прецедентного имени, является проблема его границ <...> Следует различать прецедентные имена и имена, не являющиеся прецедентными, на горизонтальной оси, то есть по широте охвата, а также на вертикальной оси, отражающей изменение состава прецедентных имен с течением времени» [Страхова 2006, с. 112]. Более того, анализируя критерии

выделения прецедентного текста, предложенные Ю. Н. Карауловым, исследователь замечает, что, во-первых, следует снять ограничение относительно количества носителей прецедентных текстов, так как в любой малой социальной группе (семья, ученическая или студенческая группы и т. д.) также могут функционировать свои прецедентные тексты. Так, с одной стороны, можно представить ситуацию, когда в качестве прецедентного текста выступает некое семейное предание. С другой стороны, круг общеизвестных прецедентных текстов у разных семей может значительно различаться.

Во-вторых, по мнению В. С. Страховой, уточнения требует и тезис о многократности обращения к тексту в дискурсе языковой личности, так как конкретизировать данный параметр невозможно.

В-третьих, анализируя содержание понятия «сверхличностность» как сущностного свойства прецедентного текста, В. С. Страхова делала вывод, что «необходимо дифференцировать прецедентные явления по степени их «долговечности»», так как некоторые из них «быстро становятся неактуальными и перестают быть прецедентными» [Страхова 2002, с. 102].

Мы полагаем, что психолингвистический подход к трактовке прецедентности был так или иначе близок В. С. Страховой. Примечательно, что исследователь подчеркивала значимость для исследования прецедентности параметров, составляющих по сути основу психолингвистической модели речевого действия. Так, акцентировалось требование исследовать вербальную реализацию отношения общающейся личности к окружающему миру [Страхова 2002, с. 100]. В этой связи подчеркнем, что отношение индивида, с точки зрения теории речевой деятельности А. А. Леонтьева, является структурообразующим компонентом всякого речевого действия [Леонтьев 2010].

Кроме того, В. С. Страхова подчеркивала специфику восприятия прецедентного явления, состоящую в ассоциативной связанности визуальных, звуковых, эмоционально-оценочных, а также иных компонентов представления прецедентного феномена [Страхова 2008]. Развивая данное положение, можно сделать вывод, что, с одной стороны, при включении такого представления в мыслительную деятельность актуальными могут становиться отдельные компоненты последнего, но с другой стороны – устойчивая ассоциативная связанность компонентов свидетельствует о реализации актуального ценностного отношения

субъекта к культурному смыслу явления, при этом такое отношение выступает личностным смыслом конкретного речевого действия, который репрезентируется с опорой на *социально значимое* содержание единиц языка, поэтому в качестве сущностного свойства прецедентности мы выделяем гештальтность восприятия, определяемую «ценностной доминантной – актуальным эмоционально-оценочным отношением субъекта к культурному смыслу прецедентного феномена» [Панарина 2017, с. 8]. Отсюда стало возможным вывести психолингвистически обусловленную закономерность реализации прецедентности. Последняя заключается в том, что «любой сдвиг в ценностной доминанте прецедентного феномена, в частности имени, свидетельствует о нарушении гештальтности прецедентного феномена и как следствие – о начале переструктурирования его содержания, приводящего к разной степени утраты связей с исконным содержанием прецедентного феномена и даже к полной деактуализации его содержания [там же].

Проблема деактуализации прецедентных феноменов не раз поднималась в работах В. С. Страховой. Анализируя функционирование прецедентных имен в романе Т. Толстой «Кысь», исследователь отмечает: «Прецедентные имена, связанные с культурными феноменами, превратились в историзмы и перестали быть прецедентами» [Страхова 2006, с. 115]. В самом деле, в тексте романа встречаются слова *брамс* – музыка, производимая ударами палки по горшкам, *шо-пенгауэр* – что-то вроде рассказа, только ничего не разберешь и т. д. В связи с этим В. С. Страхова подчеркивала, что количество и состав прецедентных имен, используемых индивидом, могут давать информацию о динамике индивидуальной когнитивной базы. Однако мы полагаем, что такая совокупность прецедентных имен может показать, какие единицы приобрели в речевой деятельности представителей ЛКС статус *предпочитаемых*. Проведя психолингвистический анализ реализации прецедентных имен, мы пришли к выводу, что по мере их функционирования в речи члены ЛКС все чаще включают имена в речевую деятельность не из потребности назвать имя конкретного объекта или представить объект как социально значимый. Доминантную значимость постепенно приобретает репрезентация социальной идентичности, выступая потребностью, побуждающей индивида к деятельности. В таком случае новое деятельностное отношение формирует устойчивую структуру речевого действия,

служащего номинации нового объекта, с целью выразить его актуальные в конкретной деятельности признаки. Именно на этом этапе развития прецедентной единицы ее функция сводится к представлению смыслового содержания (потенциально любого) как социально значимого, а в актуальное значение слова постепенно начинают включаться новые признаки, значимые в акте номинации нового объекта. Подобный механизм характеризует и деактуализацию прецедентных высказываний, как мы полагаем. Так, В. С. Страхова не раз упоминала, что многие прецедентные высказывания уже не ассоциируются с текстом-источником, но продолжают функционировать [Страхова 2008, с. 62]. Более того, по мнению ученого, «специфика киноискусства приводит к относительно быстрой замене одних прецедентных высказываний другими в языковом сознании разных поколений» [там же, с. 69].

Так, при проведении мини-опроса В. С. Страховой удалось установить, что многие студенты, обнаруживая случайно источник хорошо известного им высказывания или имени, были весьма удивлены, так как ранее считали последние придуманными кем-то из родственников или знакомых [там же]. Это обстоятельство подтверждает весьма значимое для развития общей теории прецедентности положение, согласно которому развитие значения прецедентной единицы «может осуществляться как на базе его культурно значимых компонентов, так и на любой другой ассоциативной базе имени» [Панарина 2017, с. 7]. Поэтому динамика значения прецедентного имени градуальна. Приводимые рассуждения исследователя требуют уточнения, принятого в рамках лингвокогнитивного подхода признака прецедентных феноменов, предсказуемости ассоциативных связей культурного предмета [Красных 2002]. Однако воспроизводимость ассоциативной связи говорит лишь о ее актуальности, но не о том, что данная связь единственно возможна, а предсказуемые ассоциации не всегда являются доминирующими в индивидуальном сознании, особенно в условиях конкретной деятельности. Поэтому, обращаясь к анализу ассоциативно-вербальной сети, исследователь должен учитывать, что даже слово – не простой «репрезентант» культурно значимого содержания, но средство построения и вербализации личностно значимого содержания [Выготский 1934; Леонтьев А.А. 2006; Пищальникова 1991; Пищальникова 2007; Пищальникова 2016].

Прецедентное имя может обозначать определенную характеристику (*обломовы*), быть символом как характеристики, так и определенной ситуации (*Тарас Бульба*), представлять прецедентную ситуацию и связываться с хранящимся в когнитивной базе инвариантом восприятия ситуации (*Ромео и Джульетта*). Однако нами установлено, что способность прецедентного имени указывать на характеристику и ситуацию не является его сущностным свойством: ср.: *Напилась как Тарас Бульба* [Комментарий на форуме otvet.mail.ru 2014]; *Сегодня день рождения супруга. Всегда по таким поводам заказываем все на стол в Тарасе. Но сегодня разочарованию не было предела!* [Комментарий на форуме otzovik.com 2016].

Профессор В. С. Страхова всегда подчеркивала необходимость тщательного отбора языковых фактов для анализа. Так, по мнению ученого, понимание механизма прецедентности требует установления тенденций изменения исконного содержания прецедентных феноменов, в частности, имен. В свою очередь, решение данной задачи требует использования в качестве аналитического материала не только материалов СМИ и Национального корпуса русского языка, а также многочисленных специализированных словарей, но и разнообразные интернет-форумы, блоги и социальные сети как среда стихийной речевой деятельности, в которой наиболее активно происходит сдвиг значения прецедентного имени. Поэтому в нашем исследовании выводы о тенденциях деактуализации прецедентных имен делались на основе сравнительного анализа всех перечисленных источников [Панарина 2017].

Подчеркнем, что, отталкиваясь от представленных идей В. С. Страховой, а также ряда других исследователей, мы, в рамках своего исследования по результатам практического анализа языкового материала, смогли выделить семь универсальных тенденций деактуализации значений прецедентных единиц, которые явились одним из главных итогов нашей работы:

- Ослабление / изменение устойчивого ценностного компонента (как правило, позитивно-эмоционального), который выполняет системообразующую функцию в структурно-содержательной организации прецедентного имени; вокруг ценностно-эмоционального компонента формируется ядерная структура прецедентного имени, поэтому сдвиг в ценностной доминанте – всегда начало его деактуализации

как культурно значимого образования. Исследованные нами прецедентные имена находятся на разных стадиях ослабления связи культурных компонентов с их ценностным интегрирующим признаком, что обнаруживается, например, в разной степени экспрессивности негативного компонента имен.

- Ослабление связи понятийной доминанты прецедентного имени с другими компонентами культурного содержания. Любой случай психологически актуального включения некоторого компонента прецедентного имени в речевое действие естественно ослабляет внимание к другим. Это приводит к неравномерному формированию актуальных ассоциативных связей у разных компонентов прецедентного имени и к созданию принципиально непредсказуемого смыслового поля прецедентного имени. Однако культурные факторы так или иначе ограничивают содержательные рамки такой ассоциативной сети. Речевые действия, в процессе которых осмысливаются прецедентные имена, – это интеллектуальные акты вербальной репрезентации значимых для индивида (и социума) характеристик действительности. Они даны в опыте как качества реальных объектов, связанные с другими. Поэтому субъективная актуализация какого-либо свойства реалии всегда смещает структурные отношения между исходными компонентами прецедентного имени и, таким образом, задает вектор его модификации или деактуализации вплоть до развития противоположного смысла (*педагог Макаренко – несведущий в воспитании человек*).

- С вышеуказанной тенденцией связана и тенденция развития на основе доминирования определенного признака различных ассоциативных рядов, иногда противоположных по содержанию. В силу принципиальной динамики мышления интеллектуально-эмоциональное содержание, поддерживающее речевую операцию, фиксирует признак объекта номинации, попадающий в поле внимания субъекта. Такой признак в частотных речевых действиях «подразумевается» автоматически связанным с именем, поэтому не требующим концентрации на нем внимания субъекта. Тогда внимание переносится на любой из ассоциативно связанных с первым признаков, который также обладает ассоциативными связями, и далее процесс формирования ассоциативного содержания идет аналогично. Важно то, что последовательный переход внимания от одного признака к другому не требует постоянного мыслительного согласования актуального признака с

первоначальной доминантной основой, а происходит на основе концентрации внимания на аспектах деятельности субъекта, в том числе без учета культурного содержания имени. Этим и объясняется название прецедентными именами объектов, не связанных с культурным содержанием (*Шалютин – кафе, Гагарин – торговый центр, Наполеон – служба доставки тортов, Немо – поселок* и т.д.).

- Под влиянием различных факторов – характера вербальных связей, отношения к объектам прецедентной номинации, личностного отношения к носителю прецедентного имени и др. – с прецедентным именем начинает ассоциативно связываться *негативный* оценочный компонент, который является, как правило, более экспрессивным, а потому укрепляется в структуре прецедентного имени, изнутри разрушая ценностную доминанту. Этот негативный эмоциональный ореол часто сохраняется у прецедентного имени дольше, чем изначальное культурно ценностное содержание.

- Следует выделить и тенденцию намеренно преуменьшать культурную значимость содержания прецедентного имени, которая является достаточно частотной (*Сусанин – пиар, Папа Римский – не может совершить чуда, Пушкин – его творчество устарело, Толстой – неверно ставил запятые / не так уж хорошо знал крестьянский труд, Моцарт – безумец, Бетховен – стал гением только, когда оглох и т. д.*). Полагаем, что в таких речевых действиях прецедентные имена без оценки субъектом реальной значимости их содержания включаются в привычные, частотно применяемые в обществе схемы осмысления любого содержания действительности, в том числе и потенциально культурно значимого.

- Развитие омонимичного прецедентного имени. Оперирование именем в речевой деятельности и актуализация его культурного смысла не связаны непосредственно, хотя и определяются ее мотивационно-целевыми характеристиками. Те или иные компоненты культурного смысла могут актуализироваться, но не быть при этом смысловой доминантой данного речевого произведения. В этом случае смысловая доминанта возникает на основе соотнесения прецедентного имени с другим референтом, что приводит, по сути, к постепенному развитию омонимичного прецедентного имени (*Капитан Немо – рыбацк-клоун Немо; император Наполеон – торт Наполеон: композитор Бетховен – сенбернар Бетховен* и др.).

- Фиксация доминантным смыслом самого процесса изменения значения. Увеличение значимости новых компонентов в структуре значения прецедентного имени, вхождение их в ядро фиксируется носителями языка в том числе в речевой деятельности. Такая рефлексия может представлять собой осознание носителями не только нечастотности апелляций к культурному смыслу имени (*Сусанин, Гагарин, Стаханов – символы, уходящие в прошлое*), но и возможности коммуникативных затруднений при оперировании прецедентным именем (*Наполеон – полководец или торт, магазин «Бетховен» предлагает товары для собак или музыкантов*). Фиксируемая в речи значимость для говорящих таких расхождений значения прецедентного имени подтверждает, что при выборе прецедентных имен в качестве языковых средств носители исходят прежде всего не из их специфичного культурного содержания, а из актуальной системы операций, стоящих за именами.

- Асемантизация. Акцентирование культурной значимости имени, как реализация дихотомии *обыденное-великое*, приводит часто к абстрагированию от всех содержательных признаков прецедентного имени и формированию связи признака *великий* с компонентом *не важно кто; тот, кем нельзя быть; кто угодно*. Экспрессивность обращения к прецедентному имени теряет содержательную основу, поэтому каждый раз требует новой опоры на содержание элементов контекста, а значит, прецедентное имя включается в разговорные, просторечные, фамильярные выражения. Частотно реализуясь в таких контекстах прецедентное имя превращается в «пустой» знак, поскольку уже ни внутреннее содержание (доминантный абстрактный компонент *не важно кто*), ни контекстное окружение прецедентного имени не дает возможности обратиться к его культурному смыслу.

- Вхождение в значение новых признаков, фиксирующих результат переосмысления формы имени. На определенном этапе операционализации прецедентного имени, как мы показали, культурное содержание его полагается не требующим специальной концентрации внимания, автоматически связанным с именем, и тогда субъект фиксирует иные, второстепенные характеристики прецедентного имени, в том числе его форму (*МоцАрт; на словах Лев Толстой, а на деле – Лев худой; шляпник Шляптин*). Осмысленность формы прецедентного имени вне связи с его культурным содержанием – один из вариантов

начала разрушения структуры прецедентного имени в силу потери абсолютной доминанты культурного смысла.

- Вхождение признаков в значение на основе изменения социальной оценки содержательных компонентов имени. Развитие значений языковых единиц, называющих ядерные и периферийные компоненты прецедентного имени, отражается на изменении его структуры (гениально – в значении не ‘уникально’, а ‘добротно’, классика – в значении не ‘выдающиеся произведения’, а ‘произведения, которые есть у каждого’ и т. д.). Опираясь на устойчивую систему речевых операций, индивид обращается к содержанию прецедентного имени, в том числе к культурно значимому, включая его в новые отношения, т. е. по сути продолжая процесс его присвоения. Отсюда сам процесс присвоения культурного смысла имени принципиально ограничен актуальными апперцепирующими схемами субъекта. Это позволяет в очередной раз акцентировать тезис о том, что актуальная система ценностей задает классификационно-оценочные эталоны культуры и вызывает переосмысление прецедентных имен.

Таким образом, очевидно, что в работах В. С. Страховой неоднократно высказывались весьма прогрессивные идеи, способствовавшие развитию общей теории прецедентности. Научную деятельность профессора В. С. Страховой всегда отличало чрезвычайно внимательное отношение к значимым, с лингвистической точки зрения, фактам, строгое следование методологии лингвистики и, как мы постарались показать, многообразие новаторских идей. Подобная база, как мы полагаем, во многом способствовала становлению канонов исследовательской практики как в стенах МГЛУ, так и за его пределами.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Выготский Л. С.* Мышление и речь: психологические исследования. М. ; Л. : Соцэкгиз, 1934. 323 с.
- Гудков Д. Б.* Теория и практика межкультурной коммуникации. М. : Гнозис, 2003. 288 с.
- Косиченко Е. Ф.* Прецедентное имя как средство выражения субъективной оценки : дис. ... канд. филол. наук. М., 2006. 209 с.
- Красных В. В.* Когнитивная база vs. культурное пространство в аспекте изучения языковой личности (к вопросу о русской концептосфере) // Язык, сознание, коммуникация. 1997. № 1. С. 128–145.

- Красных В. В.* Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология: Курс лекций. М. : ИТДГК «Гнозис», 2002. 284 с.
- Красных В. В.* «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? М. : ИТДГК «Гнозис», 2003. 375 с.
- Красных В. В., Гудков Д. Б., Багаева Д. В., Захаренко И. В.* Когнитивная база и прецедентные феномены в системе других единиц и в коммуникации // Вестник МГУ. Сер. 9. Филология. № 3. 1997. С. 62–75.
- Леонтьев А. А.* Слово в речевой деятельности: Некоторые проблемы общей теории речевой деятельности. М. : КомКнига, 2006. 248 с.
- Леонтьев А. А.* Язык, речь, речевая деятельность. М. : Изд-во КРАСАНД, 2010. 216 с.
- Панарина Н. С.* Психоллингвистическое моделирование механизма реализации прецедентности : дис. ... канд. филол. наук. М., 2006. 257 с.
- Пищальникова В. А.* Концептуальный анализ художественного текста : учеб. пособие. Барнаул, 1991. 87 с.
- Пищальникова В. А.* История и теория психоллингвистики: Курс лекций. Ч. 2. Этнопсихоллингвистика. М. : МГЛУ, 2007. 200 с.
- Страхова В. С.* О роли прецедентных текстов в лингвистическом дискурсе // Вестник МГЛУ. 2002. № 468. Проблемы коммуникативной лингвистики. С. 100–107.
- Страхова В. С.* Особенности функционирования прецедентных имен в художественном тексте (на материале романа Т. Толстой «Кысь») // Вестник МГЛУ. 2006. № 510. Язык и культура. С. 110–118.
- Страхова В. С.* Прецедентное высказывание как составляющая когнитивной базы (на материале крылатых слов и афоризмов отечественного кино) // Вестник МГЛУ. 2008. № 540. Гуманитарные науки. С. 62–71.

УДК 81'23

В. А. Пищальникова

профессор, доктор филологических наук, профессор каф. общего и сравнительного языкознания МГЛУ; e-mail: pishchalnikova@mail.ru

НЕКОТОРЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОЙ ЗАРУБЕЖНОЙ ПСИХОЛИНГВИСТИКИ

Автор анализирует основные проблемы современной зарубежной психолингвистики конца XX – начала XXI вв. Одним из основных активно изучаемых вопросов является установление закономерностей овладения родным языком и развитие билингвизма. Широко осуществляется экспериментальное исследование семантических процессов, в том числе роль антиципации в процессе чтения, роль морфологических характеристик в процессе идентификации слов, что позволяет говорить об участии информации разных модальностей в процессе продуцирования и восприятия речевой деятельности. Экспериментальные данные демонстрируют, что информация, связанная с конкретной модальностью, может быть не эксплицирована во входящем сигнале, но оказывает влияние на процесс идентификации слова. Психолингвисты разрабатывают модели воздействия семантического контекста на обработку лексических данных, представляют схемы репрезентации элементов языка в нейронных сетях, одновременно объясняя многие семантические процессы в языке. Автор подчеркивает отличие современной зарубежной и отечественной психолингвистики. Первая сосредоточивается на экспериментальном доказательстве прагматически важных аспектов обучения языку и пользования им, сохраняя устойчивый интерес к экспериментальному исследованию свойств речевой деятельности, выявлению закономерностей процессов продуцирования и восприятия речи. Вторая тоже исследует перечисленные проблемы, но экспериментальных исследований в отечественной психолингвистике значительно меньше. Исключения здесь немногочисленны. Значительная часть российских психолингвистов в настоящее время изучает категорию «языковое сознание», исследует на ее основе различные лингвокультуры и выявляет содержание картины мира их носителей. Перечисленные проблемы в зарубежной психолингвистике не затрагиваются. Общей тенденцией для психолингвистики является все большее сближение ее с психологией.

Ключевые слова: семантические процессы; идентификация слова; продуцирование речи; онтогенез; семантическая память; восприятие текста.

V. A. Pishchalnikova

PhD (Philology), Professor of General and Comparative Linguistics Chair, Moscow State Linguistic University; e-mail: pishchalnikova@mail.ru

TRENDS IN THE DEVELOPMENT OF CONTEMPORARY FOREIGN PSYCHOLINGUISTICS

The author analyses the main issues of foreign Psycholinguistics of the end of 20th century and the beginning of 21st century. One of the most widely researched

issues is establishing consistent patterns in mastering a native language and development of bilingualism. In this regard there have been numerous experiments aimed at researching that problem of anticipation in the process of reading, the role of morphological characteristics in the process of word identification. This research provides ground for discussing the of information of different modalities in the process of production and comprehension of speech. Experimental data prove that information related to certain modality influences the process of word recognition even if it is not made explicit in the incoming signal. Psycholinguists develop models of semantic context influence on the lexical data, present schemes of representation of language elements in neural networks, thus explaining a number of semantic processes in the language. The author underlines the differences in contemporary foreign and Russian Psycholinguistics. Foreign Psycholinguistics focuses on experimental verification of pragmatically significant aspects of foreign language acquisition and maintains constant interest in experimental research of speech activity, and in establishing consistent patterns of speech production and comprehension. Russian Psycholinguistics also investigates the above-mentioned issues but there is significantly less experimental research. Exceptions are few. Nowadays a number of Russian Psycholinguists research the category of "language consciousness" with regard to the differences between linguistic cultures and with a view to revealing the cultural content of the image of the world. Foreign Psycholinguistics does not explore these issues. A common trend in both foreign and Russian Psycholinguistics is that it is growing closer with Psychology.

Key words: semantic processes; word identification; speech production; ontogenesis; semantic memory; text perception.

Как известно, Ч. Осгуд охарактеризовал положение в психолингвистике «третьего поколения» (70-е гг. XX в.) как кризисное, поскольку за два десятилетия не была выработана единая теоретико-методологическая база научного направления. Однако это не мешало исследователям решать ряд проблем, актуальных для ее разработки, и к 2000 гг. сформировалось несколько устойчивых «зон» интересов зарубежных психолингвистов. Важное место в них занимают *проблемы овладения языком*, в том числе и иностранным. Исследуются различные аспекты чтения и аудирования текстов, способы идентификации значения слова, соотношение слова и текста и др. проблемы, которые и в отечественной психолингвистике решались в это время довольно успешно (см., например, работы А. А. Леонтьева, И. А. Зимней, А. А. Залевской). Так, М. Posner и А. Pavese [Posner, Pavese 1998] изучают чтение и аудирование как сложные психологические процессы, которые затрагивают многие области мозга и исследуются разнообразными методами. Воздействие лингвистических различий на

перцептивные способности реципиентов экспериментально исследовали E. Duhoux C. Pallier, N. Sebastian, J. Mehler и др. [Duhoux, Pallier, Sebastian, Mehler 1977]. C. Pallier, L. Bosch, N. Sebastian-Gallés показали, что раннее и частое взаимодействие со вторым языком недостаточно для того, чтобы приобрести полноценную фонологическую компетенцию носителей языка [Pallier, Bosch and Sebastian-Gallés 1997]. J. Zevin и M. Seidenberg в рамках этой общей проблемы устанавливают факторы, влияющие на процесс грамотного («умелого») чтения, подвергая сомнению абсолютность вывода предшественников о том, что возраст, в котором происходит овладение чтением, оказывает воздействие на характер чтения независимо от частоты процесса чтения [Zevin and Seidenberg 2002].

F. и P. Lavigne актуализируют *проблему исследования семантических процессов*, посвящая свои эксперименты изучению явления антиципации (предвосхищения) в процессе чтения. Ученые приходят к выводу, что это явление включает: кодирование в памяти последовательности слов, встречающихся в текстовом окружении; предвосхищение слов, которые появятся далее, на основании слов, воспринимаемых в данный момент; выбор ожидаемых слов, обусловленный последовательностью воспринимаемых слов [Lavigne F. and Lavigne P. 2000]. В рамках осуществления совместного исследовательского проекта K. Diependaele, D. Sandra J. Grainger исследовали *роль морфологических характеристик слов в процессе идентификации слов*, актуализируя давний вопрос психолингвистики о характере хранения (сложных) слов в мозгу, еще в 70-е гг. XX в. получивший оригинальное решение в трудах А. А. Леонтьева [Леонтьев 1974]. Авторы опираются на практически общепризнанное за рубежом положение о том, что мозг стремится избежать излишних запасов информации, а потому на раннем этапе процесса узнавания осуществляется процесс «сублексического» морфологического разложения: слова разбираются на соответствующие морфемы [Diependael, Sandra & Grainger 2009]. *Модели морфологического разложения* разнообразны: одни из них фиксируют активность механизма разложения [Taft & Forster 1975], устанавливают элементарные «образцы» форм слова, которые соответствуют возможным морфемам [Taft & Zhu 1995]; другие определяют круг лексем, которые способны подвергаться такому разложению (модели «двусторонней направленности») (dual-route

models)) морфологического анализа [Schreuder & Bayen 1995]. Существуют и традиционные модели, рассматривающие морфологический анализ как одну из завершающих стадий процесса узнавания слова [Butterworth 1983]. Кроме того, исследователи моделируют «абстрактные морфологические репрезентации», не зависящие от формы слова, но детерминирующие связи между формой слова и его значением («супралексическая» модель морфологической репрезентации [Giraud & Grainger 2001]). (Отметим, что последние работы по изучению скрытого прайминга на материале французского и английского языка оспаривают супралексическую гипотезу [Longtin, Segui & Halle 2003]). Все модели, а особенно последняя, связаны с важным методологическим вопросом об *участии информации разных модальностей в процессе продуцирования и восприятия речевой деятельности*. Многочисленные экспериментальные данные показали, с одной стороны, что информация, связанная с конкретной модальностью, не обязательно должна быть эксплицирована во входящем сигнале, но влияние на процесс идентификации слова она оказывает. Например, восприятие движения губ влияет на формирование восприятия устной и письменной речи (феномен известен как эффект МакГурка – МакДоналда) [McGurk & Macdonald 1976]. С другой стороны, языковая омонимия и вообще содержание лексем оказывает воздействие на выполнение визуальных заданий [Ferrand & Grainger и 1992 др.]. Многие исследования посвящены тому, как и почему орфографическая норма до известной степени определяет анализ устной речи [Ziegler & Ferrand 1998; Ziegler, Mineraux & Grainger 2003]. Подобные свидетельства позволяют предполагать, что «кроссмодальная» интеграция является одним из основных признаков ментальной деятельности. Отметим, что для отечественной психолингвистики эти результаты не являются принципиально новыми: подобные данные были получены еще А.Р. Лурия в 1970-е гг. (см., например: [Лурия 1975]), но детальное экспериментальное подтверждение важной теоретической проблемы представляет несомненный интерес.

На основе экспериментальных данных активно разрабатываются *модели воздействия семантического контекста при обработке лексических данных* [McDonald and Brew 2002], верифицированные статистически. Более того, в ряде работ утверждается, что для фиксации общей картины экспериментальных результатов не обязательны

специальные модели, поскольку типы воздействия семантического контекста на характер обработки слова можно исследовать с помощью единых статистических принципов. Думается, что в свете создания корпусов национальных языков эта идея весьма перспективна. Экспериментально изучается воздействие семантического контекста на процесс первоначального зрительного выделения отдельных компонентов в словах различных уровней сложности анализа. Так, доказано, что при восприятии слова существен сдвиг первоначальной зрительной фиксации в направлении конца слова, так как слова могут прогнозироваться предшествующим семантическим контекстом, но такой сдвиг характерен только для слов высокой частотности. Эти выводы предполагают, что текущие перцептуальные и лингвистические процессы могут оказывать влияние на то, куда испытуемый решает далее направить взгляд. Исследователи делают вывод, что два важнейших фактора определяют характер воздействия лингвистических переменных на первоначальное зрительное выделение отдельных компонентов идентифицируемого слова: частотность целевого слова и позиция, откуда перемещается взгляд, относительно начала целевого слова. Экспериментально подтверждается также вывод о ранней локализации воздействий семантического контекста в процессе чтения.

А. Morin и Everett представили *модель нейронной сети для изучения элементов языка*, выражающих пространственные представления людей, и во многом объяснили многочисленные вопросы лингвистов, возникающие при исследовании пространственных метафор. Кроме того, интересна и модель самоанализа авторов, учитывающая существование трех источников информации индивида о собственной личности: социальная среда, которая включает отраженные оценки, механизмы социального сравнения, ведущие к выбору перспективных вариантов поведения, и присутствие других людей, наблюдающих за личностью; физическая среда (стимулы, фокусирующие поведение личности и отражающие его, например, зеркала и видеокамеры); внутренняя речь как инструмент сенсорной стимуляции, репродуцирующий и расширяющий социальные и физические источники самоанализа [Morin and Everett 1990].

Всё чаще встречаются междисциплинарные исследования, пытающиеся интегрировать лингвистические и культурологические данные на основе общности **психолингвистических процессов обработки**

информации. F. Sharifian считает, что теория схем (schema theory) позволяет свести воедино исследования в рамках лингвистики, культуры и познания [Sharifian 2000]. Культурное знание и опыт представляются в форме познавательных схем, которые лежат в основе культурного дискурса. Таким образом, исследование различительных стереотипов дискурса, создаваемого культурными группами, может способствовать пониманию лежащих в их основе культурных схем. Исследование текстов на английском языке, продуцированных австралийскими студентами (носителями английского языка), позволяет выявить определенные культурные схемы этой социальной группы. Более глубокий анализ дискурса на исконном английском языке также выявляет некоторые частотные стереотипы, которые можно объяснить тем, как эти культурные схемы обрабатываются. F. Sharifian исследует эти стереотипы с позиций теории познавательных схем. Исследователь полагает, что имеются определенные шаблоны активации познавательных схем, которые играют определенную роль в применении механизмов референции.

Многие зарубежные исследования посвящены изучению **специфики продуцирования и восприятия художественного текста.** Так, Ch. Dansac и D. Alamargot подчеркивают, что писательская деятельность – иерархически организованная циклическая активность, существенно зависящая от содержания перерабатываемой информации и сложности процессов обработки текста [Dansac, Alamargot 1999]. D. Miall на основе нейропсихологических данных доказывает, что ощущение играет центральную роль при инициации интерпретативной деятельности и управлении ею [Miall 1995]. Позицию, сходную с позицией отечественных исследователей художественного текста, высказывают D. Miall и D. Kuiken [Miall and Kuiken 1994]: на художественную реакцию реципиента оказывают специфическое влияние стилистические характеристики текста, которые снижают ощущение «знакомости» с текстом, что позволяет актуализировать порождение личностных смыслов. Принципиально новых концепций в области исследования художественного текста в зарубежной психолингвистике не создано. Более того, практически все теоретические воззрения хорошо известны в современной отечественной науке и связаны еще с трудами Л. С. Выготского, М. М. Бахтина, а также А. А. Залевской, но показательно, что каждое теоретическое положение тщательно

верифицировано экспериментально. Так, D. Miall на примере анализа короткого рассказа Вирджинии Вулф показывает, что изучение процесса восприятия художественного текста находится вне сферы применения сугубо когнитивных моделей, поскольку художественная реакция контролируется аффектом, который способствует возникновению более адекватных данному тексту схем интерпретации [Miall 1989]. D. Miall полагает, что аффекты могут играть более важную роль в когнитивных процессах, чем традиционно считается в западной науке. Отметим, что в отечественной психолингвистике положение об эмоциональной доминанте как структурообразующем компоненте художественного (и не только художественного) текста детально разработано на базе теории речевой деятельности и применяется в теории текста давно и плодотворно (см.: [Пищальникова 1992; Пищальникова 1999; Кинцель 1999; Сонин 1999; Роговская 2004]) и др.

F. Ramus пытается соединить две области исследования: изучение звукового символизма и поэтического ритма, выделяя три типа структурной связи между фонетическими сигналами и их воздействиями: избыточность (когда несколько фонетических сигналов оказывают одинаковое воздействие); конфликтность (фонетические сигналы передают конфликтующие просодические воздействия в одном речевом отрезке); предопределенность (один фонетический сигнал передает ряд несвязанных – например, фонологических, ритмических или экспрессивных – воздействий) [Ramus 2000]. Ф. Рамус говорит о наличии «тройного кодирования»: одни и те же сигналы передают фонологическую, эмотивную и ритмическую информацию. В отечественной психолингвистике это положение считается общеизвестным и подтверждено рядом экспериментов (см., например: [Балаш 1999; Шадрина 2002] и др.).

R. Tsur говорит о необходимости выделения *когнитивной поэтики* [Tsur 2003]. Когнитивная лингвистика, считает он, довольно успешно демонстрирует, как широкий спектр различных метафор может быть сведен к одной базовой концептуальной метафоре, в то время как когнитивная поэтика, напротив, устанавливает значимые различия между очень похожими метафорами, утверждая, что именно эти различия делают поэтическое выражение уникальным. Когнитивная поэтика предоставляет обширную информацию о тематической, семантической и синтаксической структурах, о когнитивной манере

читателя с предпочтением того или иного «ментального действия», и об их взаимодействии при обобщении воспринятых воздействий. Показательно, что в этом понимании когнитивная поэтика близка психопоэтике, теоретические основы и экспериментальная база которой давно и детально исследуется в отечественной психолингвистике (см., например: [Пищальникова 1992; Пищальникова, Сорокин 1993; Леонтьев А. А. 1997] и др.).

Ф. Ramus обращает внимание на необходимость эмпирического обоснования *типологии ритма языков* [Ramus 2002]. Традиционно лингвисты выделяют три ритмических класса языков: stress-timed, syllable-timed, mora-timed [Ramus, Dupoux, Zangl, Mehler 2000], но эта классификация несовершенна по ряду причин: не обнаружены надежные акустические сигналы для различных ритмических типов, существуют языки, не принадлежащие ни к одному из трех классов. Эта проблема оказывается связанной с *ролью ритма в овладении человеческой речью*. Ф. Ramus экспериментально перепроверил результаты предыдущих исследований и установил, что новорождённые способны классифицировать языки в соответствии с их ритмом, и это помогает выделению ими других фонологических свойств в родном языке. Они могут различать два языка и без интонационного контура, но в этом случае степень различения будет ниже; темпоральная корреляция между интонационными и ритмическими сигналами, возможно, способствует анализу ритма речи [Ramus 2002].

В рамках когнитивных исследований, которые имеют проблематику, сходную с психолингвистической, продолжаются попытки построения ассоциативных сетей. Их цель – *моделирование содержания и принципов развития семантической памяти человека*. Модель, предложенная французскими исследователями В. Lemaire G. Denhiere [Lemaire and Denhière 2004], основывается на принципе сетевой репрезентации информации. Предложенная модель верифицировалась ассоциативными нормами детей; была установлена корреляция между стратегиями ассоциирования и характером семантической сети.

По-прежнему актуальной остается проблема *онтогенеза человеческой речи*. Ф. Ramus и его коллеги экспериментально исследуют давний междисциплинарный вопрос: определяется ли человеческая речь уникальным набором перцептивных и нейробиологических

механизмов и обнаруживаются ли такие механизмы у других организмов? На основе проведенных экспериментов исследователи предположили, что приспособляемость новорожденных к определенным свойствам речи основывается на общих с приматами процессах слуховой системы [Ramus и др. 2002].

Заметим, что связи между психологией, психолингвистикой и нейрофизиологией / нейробиологией становятся всё более тесными. Так, изучая роль левого и правого полушарий в активации лексических единиц и проверяя гипотезу, согласно которой различия в анализе глаголов и существительных модулируются наличием или отсутствием синтаксического контекста, P. Li и I. Farkas одновременно создают базу для решения проблемы закономерностей ассоциирования слов [Li, Farkas and MacWhinney 2004]. Активно изучаются нейробиологические основы речевой деятельности, при этом речевая деятельность рассматривается как интегративная деятельность мозга [Linke, Nussbaumer, Portmann 2004].

Остаются актуальными и многие вопросы *патопсихолингвистики*. В частности, F. Ramus, исследуя проблему дизлексии, предлагает модель лексического доступа, включающую в себя восприятие речи, чтение и узнавание объектов. В модели акцентируется, что фонологические формы лексических единиц отличаются от нелексических фонологических репрезентаций. Фонологический уровень репрезентации, по мнению исследователя, воплощает фонотактные закономерности, образцы фонемной ассимиляции и альтернации так же, как супraseгментная информация, имеющая отношение к структуре слога, интонации и ритму. Все эти аспекты частично зависят от языка, и поэтому должны изучаться детьми для того, чтобы они стали компетентными носителями языка.

Немецкие психолингвисты выделяют три главные области психолингвистики в соответствии с тремя главными, по их мнению, проблемами: (1) установление характеристик «зрелого» владения языком в отличие от предпосылок, стадий и процессов его приобретения; (2) определение соотношения языка и ментальных структур; (3) потенциальность владения языком, что соответствует общим тенденциям в зарубежной лингвистике. Много внимания уделяется и моделированию репрезентации языковых знаний в психике человека [Linke, Nussbaumer, Portmann 2004].

Таким образом, очевидно отличие современной зарубежной и отечественной психолингвистики. Первая сосредоточивается на экспериментальном доказательстве прагматически важных аспектов обучения языку и пользования им, сохраняя устойчивый интерес к экспериментальному исследованию свойств речевой деятельности, выявлению закономерностей процессов продуцирования и восприятия речи. Вторая, также исследуя перечисленные проблемы, менее экспериментально ориентирована (исключение составляет, пожалуй, только Тверская психолингвистическая школа), хотя есть пусть и немногочисленные, но серьезные экспериментальные работы (см., например: [Сонин 2006]). Кроме того, большая часть российских психолингвистов обратилась к изучению процессов межкультурной коммуникации и сопоставлению «языкового сознания» носителей разных лингвокультур. Общей тенденцией для психолингвистики является всё большее сближение ее с психологией, особенно под воздействием различных программ когнитивных исследований, оказывающих на «собственно психолингвистику» сильное воздействие.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Балаш М. А.* Фоносемантическая структура текста как фактор его понимания: Экспериментальное исследование : дис. ... канд. филол. наук. Горно-Алтайск, 1999. 159 с.
- Залевская А. А.* Введение в психолингвистику. М. : Российский государственный гуманитарный университет, 1999. 382 с.
- Кинцель А. В.* Экспериментальное исследование эмоционально-смысловой доминанты как текстообразующего фактора : дис. ... канд. филол. наук. М., 1998. 177 с.
- Леонтьев А. А.* Основы психолингвистики. М. : Смысл, 1997. 287 с.
- Леонтьев А. А.* Эвристический принцип в восприятии порождения и усвоения речи // Вопросы психологии. 1974. № 5. С. 53–62.
- Лурия А. Р.* Основные проблемы нейролингвистики. М. : Изд-во МГУ, 1975. 253 с.
- Пищальникова В. А.* История и теория психолингвистики. Часть 1. М. : ИЯ РАН–МГЛУ, 2005. 296 с.
- Пищальникова В. А.* Проблема смысла художественного текста: психолингвистический аспект. Новосибирск : Изд-во Новосиб. ун-та, 1992. 131 с.
- Пищальникова В. А.* Психопоэтика. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 1999. 176 с.
- Пищальникова В. А., Сорокин Ю. С.* Введение в психопоэтику. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 1993. 210 с.

- Роговская Е. Е.* Эмоциональная доминанта как структурообразующий компонент текста перевода : дис. ... канд. филол. наук. Барнаул, 2004. 165 с.
- Сонин А. Г.* Комикс как знаковая система: Психологическое исследование (на материалах франкоязычных комиксов) : дис. ... канд. филол. наук. Барнаул, 1999. 236 с.
- Сонин А. Г.* Моделирование механизмов понимания поликодовых текстов : дис. ... д-ра филол. наук. М., 2006. 323 с.
- Шадрина И. Н.* Фоносемантическая доминанта как структурообразующий компонент текста перевода (на материале русского и английского языков) : дис. ... канд. филол. наук. Горно-Алтайск, 2001. 167 с.
- Butterworth B.* Lexical representation // *Language production*. Vol. 1. Development, writing and other processes. London : Academic Press. 1983. P. 257–294.
- Diependael K., Sandra D. & Grainger J.* Semantic transparency and masked morphological priming: The case of prefixed words // *Memory & Cognition*. 2009. Vol. 37. P. 895–908.
- Dansac Ch. and Alamargot D.* Accessing Referential Information During Text Composition: when and why? // *Torrance M. and Galbraith D. (Eds.). Knowing what to write: Conceptual processes in text production*. Amsterdam University Press, 1999. P. 76–97.
- Dupoux E., Pallier C., Sebastian N., Mehler J.* Destressing «deafness» in French? // *Journal of Memory and Language*. Vol. 36 (3). P. 406–421.
- Giraud H., Grainger J.* Priming complex words: Evidence for supralexical representation of morphology // *Psychonomic Bulletin & Review*. 2001. Vol. 8 (1). P. 127–131.
- Lavigne F. and Lavigne P.* Anticipatory Semantic Processes // *International Journal of Computing Anticipatory System*. 2000. P. 3–31.
- Lemaire B. and Denhière G.* Incremental Construction of an Associative Network from a Corpus // *Proceedings of the Annual Meeting of the Cognitive Science Society*. Vol. 26 (26). 2004. P. 660–665.
- Li P., Farkas, I., & MacWhinney.* Early lexical acquisition in a self-organizing neural network // *Neural Networks*, 2004. Vol. 17. P. 1345–1362.
- Linke A., Nussbaumer M., Portmann P. R.* Studienbuch Linguistik, 5, erweiterte Auflage, Reihe Germanistische Linguistik, Kapitel 9, Psycholinguistik: Stefan Hauser, Max Niemeyer Verlag GmbH, Tübingen 2004. 544. P. 373–418.
- Longtin C.M., Segui J. & Hallé P.A.* Morphological priming without morphological relationship *Language and Cognitive Processes*. 2003. V. 18. P. 313–334.
- McDonald S. and Brew Ch.* A distributional model of semantic context effects in lexical processing. URL : www.aclweb.org/anthology/P/P04/P04-1003.pdf
- McGurk H., MacDonald J.* Hearing lips and seeing voices // *Nature*. 1976. Vol. 264 (5588). P. 746–748.
- Miall D.* Anticipation and feeling in literary response: A neuropsychological perspective. 1995. URL : cogprints.org/3787/.

- Miall D. S. & Kuiken D.* Foregrounding, Defamiliarization, and Affect: Response to Literary Stories // *Poetics*. Vol. 22 (1994). P. 389–407.
- Miall D. S.* Beyond the schema given: Affective comprehension of literary narratives // *Cognition and Emotion*. 1989. Vol. 3. P. 55–78.
- Morin A. and Everett J.* Inner speech as a mediator of self-awareness, self-consciousness, and self-knowledge: An hypothesis // *New Ideas in Psychology*. 1990. Vol. 8. P. 337–356.
- Pallier D., Bosch L. and Sebastian-Gallés N.* A limit on behavioral plasticity in speech perception // *Cognition*. 1997. Vol. 64. P. 9–17.
- Pallier D., Mehler J.* A destressing “deafness” in French? // *Journal of Memory and Language*, 1977. P. 406–421.
- Posner M., and Pavese A.* Anatomy of word sentence meaning // *Proceedings of the National Academy of Sciences*. Vol. 95. 1998. P. 899–905.
- Ramus F., Dupoux E., Zangl R., Mehler J.* An empirical study of the perception of language. URL : pdfs.semanticscholar.org/1e1f/989308c38983705823328fa45fc07dfab680 (дата обращения: 05.11.2018).
- Ramus F.* Language discrimination by newborns: Teasing apart phonotactic, rhythmic, and intonational cues // *Annual Review of language Acquisition* 2 (1). 2002. P. 85–115.
- Ramus F., Hauser M.D., Miller C., Morris D., Mehler J.* Language discrimination by human newborns and by cotton-top tamarin monkeys // *Science*. Vol. 288. 2000. P. 349–351.
- Sharifian F.* Aspects of Semantic Processing in Indigenous Speakers of Aboriginal English: An Initial exploration // *Applied Language and Literacy Research*. Vol. 5. URL : www.cowan.edu.ses.research.CALLK (дата обращения: 05.11.2018).
- Taft M. & Forster K.I.* Lexical storage and retrieval of prefixed words // Vol. 57A (4). P. 745–765.
- Taft M. & Zhu X. P.* The representation of bound morphemes in the lexicon: A Chinese study // B. Feldman (Ed.). *Morphological aspects of language processing*. Hillsdale, NJ : Lawrence Erlbaum Associates, 1995. P. 293–316.
- Tsur R.* Aspects of Cognitive Poetics // Semino Elena and Calpeper Jonathan, eds. *Cognitive Stylistics. Language and Cognition in Text Analysis*. Amsterdam, Philadelphia, 2003. P. 279–318.
- Zevin J.D. & Seidenberg M.S.* Age of acquisition effect in word reading and other tasks // *Journal of Memory and Language*. 2002. Vol. 47. P. B1–B29.
- Ziegler J. C. & Ferrand J.* Orthography shapes the perception of speech: The consistency effect in auditory word recognition // *Psychonomic Bulletin & Review*. 1998. Vol. 5. P. 683–689.
- Ziegler J.C., Mineraux M. & Grainger J.* Neighborhood effects in auditory word recognition // *Phonological competition and orthographic facilitation // Journal of Memory and Language*. 2003. Vol. 48. P. 779–793.

УДК 81.23

А. И. Хлопова

старший преподаватель кафедры лексикологии

и стилистики немецкого языка МГЛУ;

e-mail: chloпова_anna@mail.ru

ARBEIT / РАБОТА В ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА ШВЕЙЦАРЦЕВ И АВСТРИЙЦЕВ

В статье автор обращается к установлению содержания базовой ценности *Arbeit* (*работа*) в языковой картине мира австрийцев и швейцарцев. На основе данных толковых словарей немецкого языка устанавливаются ядерные и периферийные компоненты **лексемы** *Arbeit* (*работа*). Материал толковых словарей сравнивается с данными результатов свободного ассоциативного эксперимента (далее – АЭ), который проводился с носителями австрийской и швейцарской лингвокультуры в возрасте от 30 до 40 лет в мае–июле 2018 г. Известно, что содержание картины мира представлено в ассоциативно-вербальных связях индивидов, которые можно смоделировать на базе результатов свободного АЭ. С целью более последовательного сопоставления полученные в свободном АЭ ассоциаты классифицировались по известной модели ассоциативного значения В. А. Пищальниковой. Несмотря на то, что реакции австрийских и швейцарских респондентов содержательно отличаются, стратегии ассоциирования в обеих лингвокультурах совпадают. Актуализируются, как правило, понятийный, предметный (представление), эмоционально-оценочный и операциональный компоненты, которые выделяются в известной степени условно, так как содержательно могут пересекаться. Установлено, что *работа* в картине мира австрийских респондентов связана с семантическими признаками «достижение результата», «характеристика рабочей деятельности», «количество», а также с различными, чаще положительными, эмоционально-оценочными признаками (радость, удовольствие), причем ассоциат *Freude* 'радость' является самым частотным и у австрийцев, и у швейцарцев. Швейцарцы выделяют аналогичные признаки, но частотная реакция *schlecht bezahlt* 'плохо оплачиваемая' свидетельствует об актуальности негативной коннотации, соотносимой со стимулом. Ядро ассоциативного поля стимула *Arbeit / работа* в языковой картине мира австрийцев и швейцарцев не соответствует ядерным значениям, выделенным на основе толковых словарей немецкого языка.

Ключевые слова: базовая ценность; ассоциативный эксперимент; частотная реакция; ассоциативное поле; ядро и периферия ассоциативного поля; динамика значения лексемы.

A. I. Khloпова

Senior lecture at the Department of Lexicology
and Stylistics of the German Language, MSLU;
e-mail: chloпова_anna@mail.ru

ARBEIT / WORK IN THE LINGUISTIC WORLD VIEW OF THE SWISS AND THE AUSTRIANS

In the article the author looks into the content of the cultural value *Arbeit* (work) and investigates its role in the linguistic world view of the Austrians and the Swiss. Based on the data of the German language dictionaries, the core and peripheral components of the lexical token *Arbeit* (work) are determined. The material of explanatory dictionaries is compared with the data of a free associative experiment (hereinafter – AE), which was conducted in May–July 2018 among Austrians and Swiss aged between 30 and 40. It is known that the content of the worldview is reflected in the associative-verbal connections of individuals, which can be modeled based on the results of free AE. In order to carry out a more consistent comparison, the associates obtained in free AE were classified according to the model of associative value introduced and developed by V.A. Pishchalnikova. Although the responses of Austrian and Swiss respondents are essentially different, the association strategies in both linguocultures are similar. As a rule it is the conceptual, objective (perception), emotionally-evaluative and operational components that are actualized for the reason that their content can coincide. It has been proved that in the worldview of Austrian respondents *rabota* (work) suggests “achievement of result”, “a special working activity”, “quantity” and is often accompanied by positive emotional and evaluative meanings (joy, pleasure) with the associate *Freude* (joy) being the most frequent among both Austrians and Swiss. The Swiss have similar characteristics, but the frequency response *schlecht bezahlt* (poorly paid) indicates the relevance of negative connotation, correlated with the stimulus. The core of the lexical token *Arbeit* (work) in the linguistic worldview of the Austrians and the Swiss does not correspond to the nuclear meanings allocated based on explanatory dictionaries of the German language.

Key words: core value; associative experiment; frequency response; associative field; core and periphery of an associative field; dynamics of the lexeme value.

Persönlichkeiten werden nicht durch schöne Reden geformt,
sondern durch Arbeit und eigene Leistung.

Einstein

Как известно, языковое сознание отражается в ассоциативно-вербальных связях индивидов, которые наиболее непосредственно проявляются в результатах свободного АЭ. Свободный АЭ считается эффективным методом изучения лексического значения, поскольку

позволяет глубже исследовать семантический состав и связи лексемы посредством ее ассоциативного поля ([Леонтьев А. А. 2005; Miller 1951; Osgood 1975]). С помощью АЭ можно смоделировать субъективные ассоциативные поля слов, на основе которых устанавливаются предметный, эмоционально-оценочный и иные семантические компоненты лексемы, а также степень психологической актуальности каждого ассоциата для носителей языка в определенный период времени [Залевская 1979; Залевская 2012]. Это позволяет аргументированно представить динамику значения лексем как компонентов континуального и стихийного процесса развития языка, динамику, которая, по известным причинам, не может быть выявлена на основе данных лексикографических источников: в свободном АЭ на характер и количество реакций не ставится никаких ограничений, следовательно, становится возможным выявлять психологически актуальные смыслы, не зафиксированные лексикографическими источниками и не представленные в составе корпусов языка.

В своем исследовании мы обращаемся к ценности, которую социологи, этнопсихолингвисты, лингвисты считают базовой, – к *работе*.

Вначале установим ядерные и периферийные компоненты лексемы *Arbeit* (*работа*) на основе толковых словарей немецкого языка [Wahrig 2011] [Agricola 2012]. В качестве основного значения отмечается *Mühe, Anstrengung* ‘напряжение’ [Agricola 2012, S.76], что связано с этимологией слова (от *Mühe* ‘напряжение, заботы’). Примеры реализации этого значения совпадают с основным значением в словаре [Wahrig 2011]: *körperliche oder geistige Beschäftigung* ‘физическая или умственная деятельность’. В толковом словаре DUDEN основным значением слова *Arbeit* является значение *Tätigkeit mit Ausführung eines Auftrags* ‘деятельность, связанная с выполнением поручений’ [Duden 2016 http://www.duden.de/Shop/Das-Wörterbuch-der-sprachlichen-Zweifelsfälle?affiliate_id=318], т. е. основным компонентом является ‘выполнять, исполнять’.

Одним из общих значений в словарях [Wahrig 2011] и [Agricola 2012], является значение *das Produkt* ‘продукт’. В толковом словаре [Wahrig 2011] отсутствует значения *Beruf* ‘профессия’, *Arbeitsstelle* ‘место работы’. Вторым значением в словаре DUDEN является значение *Arbeiten, Tätigsein* ‘работа, занятие’, которое также представлено в двух вышеуказанных словарях. Следующим значением в словаре

DUDEN является значение *Mühe, Anstrengung, Beschwerlichkeit, Plage* ‘усилие, напряжение, тягость, мучение’, которое является основным в толковом словаре [Agricola 2012]. Примеры выявляют различие лексем. В словаре [Agricola 2012] *Mühe, Anstrengung* ‘мучение, напряжение’ понимается как *Tätigkeit* ‘деятельность’. Значение *Berufsausübung, Erwerbstätigkeit, Arbeitsplatz* ‘профессиональная деятельность, трудовая деятельность, рабочее место’ присутствует также только в словарях [Agricola 2012] и [Duden 2016].

Во всех трех словарях отмечено значение *Ergebnis einer Betätigung, Produkt* ‘результат деятельности, продукт’; *Produkt aus der an einem Körper angreifenden Kraft* ‘продукт силы’ (физический термин). Другие значения присутствуют только в словаре [Duden 2016], представляя специальные значения: *Beschäftigung mit dem Pferd* ‘работа с лошастью’, *Training* ‘тренировка’, *Abrichtung eines Jagdhundes* ‘натаскивание собаки’.

На основе анализа словарных статей можно выделить следующие ядерные значения немецкого слова *Arbeit*: (1) *Anstrengung, Mühe* ‘напряжение’, (2) *körperliche oder geistige Tätigkeit* ‘физическая или умственная деятельность’, (3) *Produkt* ‘продукт’, (4) *Werk* ‘произведение’, (5) *Beruf* ‘профессия’.

Для установления психологически реального содержания базовой ценности *работа* проводился АЭ с носителями австрийской и швейцарской лингвокультуры в индивидуальном порядке в мае – июле 2018 г. Экспериментальный материал предъявлялся испытуемым в форме устного опроса. Их просили реагировать на предъявляемый стимул *Arbeit (работа)*, не обдумывая варианты ответа, первым любым пришедшим на ум словом. Было опрошено по 100 представителей австрийской и швейцарской лингвокультуры в возрасте от 30 до 40 лет.

Ассоциаты классифицировались по известной модели ассоциативного значения [Пищальникова 1999] с целью более последовательного их сопоставления, выявлялось сходство и различие в составе ассоциатов и ядерных компонентов значения. Несмотря на то, что реакции австрийских и швейцарских респондентов отличаются, стратегии ассоциирования в обеих лингвокультурах совпадают. Актуализируются, как правило, понятийный, предметный (представление), эмоционально-оценочный и операциональный компоненты, которые выделяются в известной степени условно, так как содержательно могут пересекаться.

Таблица 1

**Классификация реакций
в соответствии с моделью ассоциативного значения В. А. Пищальниковой**

	Австрийцы – 100	Швейцарцы – 100
Понятия	<ul style="list-style-type: none"> – <i>временная форма работы</i>: Freizeit 'свободное время' – всего 1; – <i>способ выполнения рабочей деятельностью</i>: Beschäftigung 'занятие' – всего 1; – <i>профессия</i>: Beruf 'профессия', Dienst 'служба', Job 'подработка' – всего 3; – <i>организация рабочего процесса</i>: Arbeitsplatz 'рабочее место', Arbeitslosigkeit 'безработица', Urlaub 'отпуск', Weiterbildung 'повышение квалификации' – всего 3; – <i>(общественная) организация рабочих</i>: Kollegen 'коллеги', Team 'команда', Zusammenarbeit 'сотрудничество' – всего 3; – <i>результат работы</i>: Geld 'деньги' (3), Aufstiegsmöglichkeiten 'возможности профессионального роста', Gehalt 'зарплата', Verdienst 'заработок' – всего 9; – <i>отношение к работе</i>: Verantwortung 'ответственность' – всего 1 <p align="right">ВСЕГО 18</p>	<ul style="list-style-type: none"> – <i>временная форма работы</i>: den ganzen Tag 'целый день' – всего 1; – <i>способ выполнения рабочей деятельностью</i>: tätig sein 'быть занятым' (9), Freiarbeit 'фриланс, свободная работа', freie Arbeit 'свободная работа' – всего 11; – <i>место работы</i>: Chemiewerk 'химический завод', Schule 'школа' – всего 2; – <i>результат работы</i>: Geld verdienen 'зарабатывать деньги' (6), Leistung 'достижение' (6), Geld 'деньги' (5), viel Geld 'много денег' (5) – всего 22; – <i>качество работы</i>: Verantwortung 'ответственность' – всего 1; gute Ausbildung 'хорошее образование' – всего 1; <p align="right">ВСЕГО 38</p>

	Австрийцы – 100	Швейцарцы – 100
<p>Представления</p>	<ul style="list-style-type: none"> – поиск работы: Abwechslung ‘смена (работы)’ – всего 1; – временная форма работы: Zeitvertreib ‘времяпрепровождение’ – всего 1; – организация рабочих: Freunde ‘друзья’ – всего 1; – результат работы: Anerkennung ‘признание’ (6), Motivation ‘мотивация’ (4), Berufung ‘призвание’, Dankbarkeit ‘благодарность’, Existenzsicherung ‘обеспечение средств к существованию’, Erfahrung ‘опыт’, Familie ernähren ‘прокормить семью’, Lebensgrundlage ‘основа жизни’, Lebensstil ‘стиль жизни’, Leben ‘жизнь’, Leistung ‘достижение’, Menschheit ‘человечество’, Sinn ‘смысл’ – всего 26; – характер рабочей деятельности: Einsatz ‘участие’, Genauigkeit ‘точность’, Integration ‘интеграция, вовлечение’, vielfältige ‘разнообразная’ – всего 4; – сфера рабочей деятельности: Geduld ‘терпение’, telefonieren ‘звонить’ – всего 2; – организация рабочего процесса: lernen ‘учиться’ (2), Chef ‘шеф’ (2) – всего 4 <p style="text-align: right;">ВСЕГО 34</p>	<ul style="list-style-type: none"> – перенос на к-л вид деятельности: Kinder großziehen ‘растить детей’, kochen ‘готовить’, nicht nur im Büro oder in der Fabrik ‘не только в бюро или на фабрике’, Politik ‘политика’ – всего 4; – способ выполнения рабочей деятельности: selbstständig arbeiten ‘работать на себя’, selbständig ‘на себя’ – всего 2; – временная форма работы: viel ‘много’ (5), viel Arbeit ‘много работы’ (4), Zeitvertreib ‘времяпрепровождение’ – всего 10; – результат работы: Freiheit ‘свобода’ – всего 1; – организация рабочего процесса: nicht, wenn der Chef immer sagt ‘du musst’ ‘не тогда, когда шеф говорит /ты должен/’; Struktur ‘структура’ – всего 2. <p style="text-align: right;">ВСЕГО 19</p>

	Австрийцы – 100	Швейцарцы – 100
Эмоционально-оценочные ассоциации:	<p><i>Положительные реакции:</i> Freude 'радость' (9), Erfolg 'успех' (5), Spaß 'удовольствие' (3), Entfaltung 'проявление таланта', Hilfsbereitschaft 'готовность помочь', Höflichkeit 'вежливость', interessant 'интересно', lachen 'смеяться', produktiv 'плодотворная', Respekt 'уважение', Selbständigkeit 'самостоятельность', Selbstbewusstsein 'самосознание', Selbstverwirklichung 'самореализация', Selbstbestimmung 'самоопределение' – всего 28;</p> <p><i>Отрицательные реакции:</i> Stress 'большое количество работы' (6), Anstrengung 'напряжение', Druck 'давление', Ehrgeiz 'тщеславие', eingeschränkt 'ограниченный', Härte 'жесткость', Konkurrenz 'конкуренция', Lohnungleichheit 'несправедливость в зарплате', nicht frei sein 'быть не свободным', müde 'уставший', Notwendigkeit 'необходимость', stressig 'напряженно', Schwitzen 'потеть', überleben 'пережить' – всего 20</p> <p style="text-align: right;">ВСЕГО 48</p>	<p><i>Положительные реакции:</i> Freude 'радость' (15), befriedigt 'удовлетворенный' (2), Erfüllung der Träume, der Wünsche 'исполнение мечты и желаний', gute 'хорошая', macht das Leben süß 'делает жизнь сладкой', Spaß 'удовольствие', Zufriedenheit 'удовлетворенность' – всего 22;</p> <p><i>Отрицательные реакции:</i> schlecht bezahlt 'плохо оплачиваемая' (11), Husse 'трявля', kann krank machen 'от работы можно заболеть', mühsam 'утомительная', Notwendigkeit 'необходимость', Problem 'проблема', schlechte Arbeiter 'плохие работники', schwer 'тяжело', ungesund 'нездоровый' – всего 18</p> <p style="text-align: right;">ВСЕГО 40</p>
Культурно-прецедентные реакции		<p>aus einem Affen einen Menschen gemacht 'следовал из обезьяны человека', deswegen haben sich die Menschen weiterentwickelt 'поэтому человек развивался', leben um zu arbeiten und arbeiten, um zu leben 'жить, чтобы работать и работать, чтобы жить'.</p> <p style="text-align: right;">ВСЕГО: 3</p>

Понятийные реакции австрийцев единичны. К ядерным относится только реакция *Geld* ‘деньги’ (3). Реакция *Freizeit* ‘свободное время’, отражающая временную форму работы, указывает на четкое разграничение работы и свободного времени, что подтверждает стереотипное содержание базовой ценности *Arbeit*. Респонденты четко разделяют профессиональную занятость и отличают профессию от подработки (*Beruf* ‘профессия’, *Job* ‘подработка’), выделяя при этом служебную деятельность (*Dienst* ‘служба’). Для австрийцев важна организация рабочего процесса. Реакции *Kollegen* ‘коллеги’, *Team* ‘команда’, *Zusammenarbeit* ‘сотрудничество’ указывают на важность для респондентов трудового коллектива. В качестве результата работы австрийцы называют зарплату / деньги и повышение по карьерной лестнице (*Geld* ‘деньги’, *Aufstiegsmöglichkeiten* ‘возможности профессионального роста’, *Gehalt* ‘зарплата’, *Verdienst* ‘заработок’).

Реакции швейцарцев, отражающие понятийный компонент, не единичны, многие из них являются ядерными: *tätig sein* ‘быть занятым’ (9), *Geld verdienen* ‘зарабатывать деньги’ (6), *Leistung* ‘достижение’ (6), *Geld* ‘деньги’ (5), *viel Geld* ‘много денег’ (5). При этом 22 из 38 реакций отражают результат работы, что может *опосредованно* указывать на определенную социальную стабильность швейцарского общества. Реакция, отражающая временную форму работы, *den ganzen Tag* ‘целый день’ отражает стереотипное содержание базовой ценности. Швейцарцы готовы работать 24 часа в сутки. Ядерной реакцией является реакция *tätig sein* ‘быть занятым’, которая указывает просто на наличие занятия, на выполнение рабочей деятельности. Реакции *Freiarbeit* ‘фриланс, свободная работа’ и *freie Arbeit* ‘свободная работа’ указывают на свободные профессии (художник, музыкант), в отличие от государственных. Реакции швейцарцев отражают желание получения денег и продвижения по карьерной лестнице. А для получения высокооплачиваемой работы необходимо иметь хорошее образование (*gute Ausbildung* ‘хорошее образование’). Черную работу в Швейцарии выполняют рабочие-иммигранты, *гастарбайтеры*. Для швейцарцев и австрийцев важно качество выполнения работы, поэтому к работе они относятся ответственно: *Verantwortung* ‘ответственность’.

Реакции-представления австрийских респондентов, как правило, не единичны. Реакции *Anerkennung* ‘признание’ (6), *Motivation* ‘мотивация’ (4) являются ядерными. Только одна из реакций отражает

компонент *поиск работы*: *Abwechslung* ‘смена (работы)’. Ядерная реакция *Anerkennung* ‘признание’ свидетельствует о том, что признание важности их труда окружающими для австрийцев – очень важный момент в трудовой деятельности, которая должна быть мотивированной: *Motivation* ‘мотивация’, что может быть связано, например, с получением тринадцатой и четырнадцатой зарплаты. Одновременно с материальной мотивацией к труду для австрийцев важно *Berufung* ‘призвание’.

Особенно важны реакции, подтверждающие базовый характер ценности *работа*: *Leben* ‘жизнь’: *Lebensgrundlage* ‘основа жизни’, *Lebensstil* ‘стиль жизни’, *Leben* ‘жизнь’, *Menschheit* ‘человечество’, *Sinn* ‘смысл’.

Нечастотная реакция *Chef* ‘шеф’ была по нашей просьбе объяснена респондентами, так как однозначное толкование ассоциативной связи стимула и реакции экспериментатором не представлялось возможным. Оба респондента пояснили, что актуализировали связь лексем *работа* с образом своего конкретного начальника.

В отличие от австрийцев, швейцарцы связывают стимул *работа* не только с профессиональной деятельностью, но и с домашней работой: *Kinder großziehen* ‘растить детей’, *kochen* ‘готовить’, *nicht nur im Büro oder in der Fabrik* ‘не только в бюро или на фабрике’. Кроме того, в ассоциатах швейцарцев отражена разница в отношении к работе на государство, хозяина и др. и работой на себя: *selbständig arbeiten* ‘работать на себя’, *selbständig* ‘на себя’. Кроме того, работа должна быть внутренне мотивирована: *nicht, wenn der Chef immer sagt „du musst“* / ‘не тогда, когда шеф говорит «ты должен»’. Некоторые респонденты актуализируют психологически актуальное ощущение количества работы: *viel* ‘много’, *viel Arbeit* ‘много работы’).

58 % эмоционально-оценочных реакций австрийских респондентов положительные и 42 % отрицательные. Положительные реакции *Freude* ‘радость’ (9), *Erfolg* ‘успех’ (5), *Spaß* ‘удовольствие’ (3) относятся к ядерным. При этом в указанных эмоционально-оценочных реакциях актуализируется компонент *положительный результат работы, достижение определенных результатов*: *Erfolg* ‘успех’ (5), *produktiv* ‘плодотворная’, *Respekt* ‘уважение’, *Selbständigkeit* ‘самостоятельность’, *Selbstbewusstsein* ‘самосознание’, *Selbstverwirklichung* ‘самореализация’, *Selbstbestimmung* ‘самоопределение’.

Отметим, что четыре реакции объединены компонентом „selbst“ (само-). Можем предположить, что для австрийских респондентов работа связана с их собственными интересами и повышением своего интеллектуального уровня. Среди отрицательных реакций австрийцев присутствуют реакции *Stress* ‘большое количество работы’, *stressig* ‘напряженно’, *müde* ‘уставший’, при этом реакция *Stress* относится к ядерным. В этом случае актуализируются компоненты *характеристика рабочей деятельности*, *напряженный характер работы*. Австрийцы указывают на усталость, отсутствие свободы и называют работу необходимостью (*nicht frei sein* ‘быть не свободным’, *Notwendigkeit* ‘необходимость’). Единичные реакции *Druck* ‘давление’, *Härte* ‘жесткость’ и *Konkurrenz* ‘конкуренция’ указывают на нездоровый климат, который может царить в рабочем коллективе и актуализируется также компонент *характеристика рабочей атмосферы*. Интересна реакция *überleben* ‘пережить’. Этот глагол имеет негативную коннотацию и понимается как «выжить, остаться после чего-то в живых», например, войну, операцию, землетрясение. То есть работа сравнивается с чем-то таким же отрицательным и тяжелым. Среди австрийских реакций также присутствует одна, относящаяся к инвективной лексике (*Arsch*).

Соотношение положительных и отрицательных эмоционально-оценочных реакций, данных швейцарскими респондентами, практически соответствует процентному соотношению австрийских реакций (55 % – положительные и 45 % – отрицательные). Как и у австрийских респондентов, так и у швейцарских, ядерной реакцией является реакция *Freude* ‘радость’ и актуализируется компонент *характеристика рабочей деятельности*. Совпадают единичные швейцарские и австрийские реакции *Spaß* ‘удовольствие’ и *Zufriedenheit* ‘удовлетворенность’, которые, как и *Freude* ‘радость’ можно считать определенным положительным результатом работы, таким образом, актуализируется компонент *положительный результат работы*. Интересны реакции *Erfüllung der Träume, der Wünsche* ‘исполнение мечты и желаний’ и *macht das Leben süß* ‘делает жизнь сладкой’, которые указывают на осознание респондентами важности работы для приобретения материальных благ, актуализируется компонент *результат работы*. Неожиданной является ядерная реакция *schlecht bezahlt* ‘плохо оплачиваемая’ (11), в которой также актуализируется

компонент *результат работы*. Опрошенные респонденты недовольны оплатой своего труда (11 % всех реакций). Два респондента указывают на болезненное влияние работы, при этом актуализируется компонент *характеристика рабочей деятельности / рабочей атмосферы* (*kann krank machen* ‘от работы можно заболеть’ *ungesund* ‘нездоровый’). Интересен комментарий респондента, давшего реакцию *schlechte Arbeiter* ‘плохие работники’, опираясь на известное выражение *Nicht die Arbeit selbst ist schlecht, sondern die Arbeiter* / Не работа плохая как таковая, а работники. Среди реакций австрийских респондентов культурологические реакции отсутствуют.

Культурологические реакции швейцарцев связаны с ролью работы в развитии человечества: *aus einem Affen einen Menschen gemacht* ‘сделал из обезьяны человека’, *deswegen haben sich die Menschen weiterentwickelt* ‘поэтому человек развивался’. Эти реакции отражают устойчивое стереотипное мнение о том, что труд создал человека. Лозунг *leben um zu arbeiten und arbeiten, um zu leben* ‘жить, чтобы работать и работать, чтобы жить’ также отражает стереотипное содержание базовой ценности *работа*.

К ядерным реакциям австрийских респондентов относятся: *Freude* ‘радость’ (9), *Anerkennung* ‘признание’ (6), *Stress* ‘большое количество работы’ (6), *Erfolg* ‘успех’ (5), *Motivation* ‘мотивация’ (4), *Geld* ‘деньги’ (3), *Spaß* ‘удовольствие’ (3). В ядерных реакциях австрийских респондентов однозначно актуализируется компонент *результат работы* / Работа для австрийских респондентов связана с достижением результата: признания, успеха, материальных благ, которые мотивируют опрошенную группу респондентов. Она доставляет радость и удовольствие, актуализируется компонент *характеристика рабочей деятельности*. Вместе с тем австрийцы отмечают большое количество работы.

Ядерными реакциями швейцарских респондентов являются: *Freude* ‘радость’ (15), *tätig sein* ‘быть занятым’ (9), *schlecht bezahlt* ‘плохо оплачиваемая’ (11), *Geld verdienen* ‘зарабатывать деньги’ (6), *Leistung* ‘достижение’ (6), *Geld* ‘деньги’ (5), *viel Geld* ‘много денег’ (5), *viel* ‘много’ (5), *viel Arbeit* ‘много работы’ (4). Большое количество ядерных реакций указывает на актуальность лексем, а значит, и базовой ценности *Arbeit* (*работа*) для опрошенной группы респондентов. Швейцарцы отмечают большое количество работы, удовольствие,

получаемое во время выполнения работы (в этом случае, как и в реакциях австрийских респондентов, актуализируется компонент *характеристика рабочей деятельности*) и получение в качестве результата работы материальных благ (актуализируется компонент *результат работы*). В то же время к ядерным относится реакция *schlecht bezahlt* ‘плохо оплачиваемая’.

Отметим, что в ядерных реакциях как австрийцев, так и швейцарцев, актуализируются два компонента: *характеристика рабочей деятельности* и *результат работы*.

Сравним ядерные компоненты лексемы *Arbeit* / работа, установленные на основе толковых словарей немецкого языка, с ядерными реакциями, выявленными в АЭ.

Таблица 2

Ядерные компоненты слова *Arbeit* (работа)

Толковые словари	Реакции австрийцев	Реакции швейцарцев
<i>Mühe, Anstrengung</i> ‘напряжение’, <i>körperliche und geistige Beschäftigung</i> ‘физическая или умственная деятельность’, <i>Produkt</i> ‘продукт’, <i>Werk</i> ‘произведение’, <i>Beruf</i> ‘профессия’.	<i>Freude</i> ‘радость’, <i>Anerkennung</i> ‘признание’, <i>Stress</i> ‘большое количество работы’, <i>Erfolg</i> ‘успех’, <i>Motivation</i> ‘мотивация’, <i>Geld</i> ‘деньги’, <i>Spaß</i> ‘удовольствие’	<i>Freude</i> ‘радость’, <i>tätig sein</i> ‘быть занятым’, <i>schlecht bezahlt</i> ‘плохо оплачиваемая’, <i>Geld verdienen</i> ‘зарабатывать деньги’, <i>Leistung</i> ‘достижение’, <i>Geld</i> ‘деньги’, <i>viel Geld</i> ‘много денег’, <i>viel</i> ‘много’, <i>viel Arbeit</i> ‘много работы’

На основе данных таблицы отметим, что *работа* в языковой картине мира австрийцев и швейцарцев не соответствует ядерным значениям, выделенным на основе толковых словарей немецкого языка. Однако структурно и содержательно австрийская и швейцарская базовая ценность *Arbeit* / работа близки. *Работа* в языковой картине мира австрийцев и швейцарцев связана с ее большим количеством и с достижением определенного результата, который указывает на получение денег, на достижения и успех. При этом самой частотной реакцией как австрийцев, так и швейцарцев является реакция *Freude*

‘радость’. Содержательно соотносимы понятие *Mühe / Anstrengung* ‘напряжение’ (выделенное на основе дефиниций толковых словарей немецкого языка) и понятие *Stress* ‘большое количество работы’ (выделенное на основе результатов АЭ). Последнее указывает не только на большое количество работы, но и на напряженную деятельность. Таким образом, частотные компоненты, выделенные на основе анализа толковых словарей немецкого языка, и частотные реакции, выделенные на основе реакций АЭ, не совпадают. *Arbeit* по данным словарей – это напряженная деятельность, результатом которой является определенный продукт. В языковой картине мира австрийцев и швейцарцев *Arbeit* связана с получением удовольствия и радости в процессе работы, с получением денег и достижением успеха в качестве результата работы, несмотря на ее большое количество.

Данные АЭ, отражающие психологически актуальное значение слова, позволяют отметить, что в опрошенной части австрийского и швейцарского общества слово *Arbeit* имеет скорее положительную коннотацию, можно зафиксировать положительное отношение австрийцев и швейцарцев к базовой ценности *Arbeit* (работа).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Залевская А. А. Введение в психолингвистику: учебник. М. : Российск. гос. гуманитар. ун-т, 1999. 382 с.
- Залевская А. А. Двойная жизнь значения слова и возможности ее исследования: теоретическое и экспериментальное исследование. Saarbrücken : Palmarium Academic Publishing, 2012. 278 с.
- Леонтьев А. А. Основы психолингвистики. 4-е изд-е. М. : Смысл, 2005. 310 с.
- Пищальникова В. А. Психопоэтика. Барнаул : Изд-во АГУ, 1999. 176 с.
- Agricola Erhard Wörter und Wendungen*. Wörterbuch zum deutschen Sprachgebrauch. Mannheim ; Leipzig ; Wien ; Zürich : Dudenverlag, 2012. 818 S.
- DUDEN*. Universalwörterbuch. URL : www.duden.de/Shop/Das-Wörterbuch-der-sprachlichen-Zweifelsfälle?affiliate_id=318. Дата обращения: 19.06.2018
- Miller G. A. *Language and Communication*. New York, 1951.
- Osgood C. E., May W., Miron M. *Cross-cultural universals of affective meaning*. Urbana, 1975. 198 p.
- Wahrig-Burfeind R. *WAHRIG Deutsches Wörterbuch*. 9. Auflage. Brockhaus, 2011. 1730 S.

СОВРЕМЕННЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ИССЛЕДОВАНИЙ: ИСТОРИОГРАФИЯ ЛИНГВИСТИКИ, ЭКОЛИНГВИСТИКА И ДИСКУРСИВНЫЙ АНАЛИЗ

УДК 81.112

Е. Е. Анисимова

доктор филологических наук, профессор кафедры грамматики и истории немецкого языка ФНЯ МГЛУ; e-mail: letanisimova@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ КАТОЛИЧЕСКОГО ГАЗЕТНО-ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА В ФРГ

Статья посвящена исследованию особенностей католического газетно-публицистического дискурса в ФРГ. В статье дается экскурс в историю развития католической прессы в Германии, рассматривается ее современное состояние и выявляются ее особенности. В работе отмечается гетерогенный характер католического газетно-публицистического дискурса, заключающийся в сочетании в нем признаков светского газетно-публицистического дискурса и религиозного дискурса. В статье выявляются детерминанты исследуемого дискурса: сфера коммуникации, тип сознания, концептуальная база, ценности, функции, тематика, характеристика адресанта / адресата, функции, жанровое своеобразие, особенности использования языковых и паралингвистических средств. В католическом газетно-публицистическом дискурсе ФРГ отразилась позиция Римско-католической церкви в отношении к СМИ как к средству распространения христианского учения в современном мире, организации диалога между церковью и обществом, а также ее толерантность к инакомыслящим и предпочтение методов «мягкого» воздействия на свою паству. Связь католического газетно-публицистического дискурса с религиозным дискурсом проявляется: в его концептуальной базе, где в качестве центрального концепта выступает Бог; в пропаганде христианских ценностей и социальных установок; в выполняемых функциях (просветительско-назидательной и интегративной); в религиозной тематике; в жанрах религиозной коммуникации (проповедь, слово пастыря и др.), в обращении к прецедентным феноменам; в использовании языковых средств (конфессиональной лексики, латинской лексики, средств побуждения и др.) и паралингвистических средств (изображения христианской символики, предметов культа, сцен из жизни общины) и др. Связь католического газетно-публицистического дискурса со светским газетно-публицистическим дискурсом обнаруживается: в сфере функционирования (массовая коммуникация), в выполняемых функциях (информирующей, воздействующей, а также гедонистической), в светской тематике, в жанрах (статья, сообщение,

интервью и др.), в использовании приемов светской журналистики (сенсационных заголовков, игры слов и др.), в занимательности (применении карикатур, комиксов, проведении конкурсов, лотерей и т. п.) и др. Гетерогенность католического газетно-публицистического дискурса, учет в нем духовных, интеллектуальных и бытовых запросов читателей позволяет ему быть эффективным средством воздействия на свою целевую аудиторию.

Ключевые слова: католический; газетно-публицистический дискурс; религиозный; светский; гетерогенность; средство воздействия.

E. E. Anisimova

Doctor of Philology (Dr. habil.), Professor of the Department of Grammar and History of German, Faculty of German, MSLU; e-mail: letanisimova@mail.ru

PECULIARITIES OF CATHOLIC NEWSPAPER AND PUBLICISTIC DISCOURSE IN THE FRG

The article is devoted to the research of peculiarities of catholic newspaper and publicistic discourse in the FRG. The article gives an overview of the history of the development of catholic press in Germany. Its current state is examined and some of its peculiarities are identified. The author notes the heterogeneous character of catholic newspaper and publicistic discourse which manifests itself in the combination of secular newspaper and publicistic discourse and religious discourse. The work reveals determinants of the discourse under study: sphere of communication, type of consciousness, conceptual basis, values, functions, themes, characteristics of an addressee / addresser, originality of the genre, peculiarities of linguistic and paralinguistic means used. Catholic newspaper and publicistic discourse of the FRG reflects the position of the Roman catholic church that regards mass media as a tool of spreading Christian teaching in contemporary world, arranging a dialogue between church and society. It also describes its tolerance towards dissidents and preference of methods of "soft" impact on its congregation. The interrelationship between catholic newspaper and publicistic discourse and religious discourse reveals itself in its conceptual basis, where the concept God is the central one; in propaganda of Christian values and social attitudes; in certain functions performed (educational-homiletic and integrative); in religious subjects; in genres of religious communication (sermon, shepherd's word etc.); in the appeal to precedent phenomena; in using of linguistic means (confessional vocabulary, Latin vocabulary, means of prompting, etc.) and paralinguistic means (images of Christian symbolism, religious items, scenes from community life, etc.). The interrelationship between catholic newspaper and publicistic discourse and secular discourse is found in the sphere of functioning (mass communication), in executed functions (informative, affecting, as well as hedonistic), in secular themes, in genres (article, report, interview, etc.), in the use of methods of secular journalism (sensational headlines, play of words, etc.), in their entertaining character (use of caricatures, comic strips, arranging contests, lottery, etc.) and so on. Heterogeneity of catholic

newspaper and publicistic discourse, the fact that it takes into account spiritual, intellectual and domestic requests of its readers, allow it to be an effective means of impact on its target audience.

Key words: catholic; newspaper and publicistic discourse; religious; secular; heterogeneity; means of impact.

Важным направлением исследования религиозного дискурса в современной лингвистике является изучение его функционирования в медиапространстве разных конфессий. До сих пор католический газетно-публицистический дискурс Германии привлекал внимание исследователей главным образом с позиции журналистики [Вороненкова 1999; Панюкова 2001], лишь в последние годы его изучением занялись языковеды [Волченко 2012; Волченко 2014; Волченко 2015]. Настоящая статья посвящена историческому аспекту и современному состоянию католического газетно-публицистического дискурса (КГПД) в ФРГ, описанию его особенностей.

Начало католической публицистики в Германии было положено в XVI в., когда по инициативе и благословлению Папы Римского Льва X в немецкие земли направлялись папские послания, в которых доверяющих доводилась важная информация из сферы церковной жизни [Волченко 2012]. Предшественницей католической прессы стали новостные листовки религиозного содержания, которые в XVII в. стали уступать место первым католическим еженедельным и ежемесячным изданиям. Самым старым периодическим католическим изданием в Германии считается выходившая по императорской привилегии с 1695 г. газета *Augusburger Postzeitung* [Вороненкова 1999]. К популярным изданиям этого периода относятся издававшиеся в Майнце журналы *Moralische Schriften*, *Der Bürger. Eine periodische Zeitschrift*, в которых особое внимание уделялось вопросам нравственности, в частности образованию и воспитанию детей. В XVIII в. в эпоху Просвещения католическая пресса носила преимущественно морализаторский характер, она освещала теологические труды того времени, отражала взгляды различных католических течений в Германии (католиков-консерваторов, умеренных католиков, радикальных реформаторов) на церковь, ее отношения с государством, круг ее читателей ограничивался лишь наиболее образованными представителями общества. Первым небогословским католическим журналом на немецком языке считается журнал *Mainzer Bürger*, который начал выходить с 1765 г.

К началу XIX в. в Германии существовали влиятельные католические издания: *Eos* (с 1818 г. в Мюнхене), *Katholik* (с 1821 г. в Майнце), *Sion* (с 1832 г. в Аугсбурге) и др. Однако массовый характер католическая пресса в Германии приобретает лишь с середины XIX в. в связи с появлением движения «политический католицизм» (*Der politische Katholizismus*). После мартовской революции 1848 г. католические организации участвуют в выборах и получают свое представительство в Прусском парламенте, где была образована фракция католиков, что стало первым шагом к созданию католической политической партии. Отмена цензуры, объявление свободы слова, участие католических организаций в политической борьбе сопровождалось созданием новых печатных органов, с которыми впоследствии сближаются близкие им по духу светские издания. В конце XIX в. количество газет и журналов, имевших католическую направленность в Германии, превышало 220 изданий [Вороненкова 1999]. К началу XX в. их численность достигла более 440 наименований. В 30-е гг. XX в. в период прихода фашистов к власти структура католической прессы приобретает региональный характер, что было связано с деятельностью органа надзора над печатью *Reichspressekammer* (Палата печати III Рейха) и обуславливалось необходимостью локальной концентрации многочисленных католических изданий с целью усиления их идеологического контроля со стороны властей. К началу Второй мировой войны католические издания в Германии практически прекратили свое существование [Панюкова 2001].

После войны в 1949 г. в Германии была основана «Рабочая группа католической прессы» (*Arbeitsgemeinschaft katholischer Presse*), в результате ее объединения в 2000 году с издателями и книгопродавцами был создан «Союз католических СМИ» (*Katholischer Medienverband*). С 1952 г. в Германии существует «Католическое информационное агентство печати» (*Katholische Nachrichtenagentur*). Развитие католической печатной прессы, как и в целом СМИ, определяется в настоящее время отношением Римско-Католической церкви к социальной коммуникации, которое было определено на Втором Ватиканском Соборе в декрете «*Inter Mirifica*» (1963)¹, где пресса рассматривается

¹ Декрет *Inter Mirifica* (с лат. «Из числа поразительных») был посвящен средствам массовой информации и утвержден Папой Павлом VI. – *Прим. авт.*

как важнейшее средство информирования, распространения христианского благовестия, достижения диалога между церковью и миром. В настоящее время католическая пресса занимает значительное место в информационном пространстве ФРГ и представляет собой сложный и многообразный коммуникативный феномен. Согласно историку и социологу Анке Коппер, католическая печатная пресса включает:

- Епархиальную прессу (Bistumspresse)
- Воскресные журналы (Sonntagszeitschriften)
- Иллюстрированные журналы (Magazinpresse)
- Журналы для женщин (Frauenzeitschriften)
- Прессу монашеских орденов (Ordenpresse)
- Молодежные журналы (Jugendzeitschriften)
- Журналы религиозных объединений (Verbandzeitschriften)
- Культурные и специализированные журналы (Kultur- und Fachzeitschriften) [Kopper 2007].

Специфика КГПД заключается в его гетерогенном характере, в объединении в нем признаков светской публицистики и религиозной коммуникации.

Детерминантами КГПД выступают:

1. Сфера коммуникации: массовая коммуникация.
2. Тип общественного сознания: религиозное сознание.
3. Концептуальная база, обусловленная теоцентрической картиной мира.
4. Ценностная ориентация: христианские истины.
5. Тематика: соединение религиозной и светской тематики.
6. Адресант: коллективным адресантом выступает печатный орган, издательский совет, ответственные за выпуск издания; конкретным адресантом выступают журналисты, теологи, монашествующие, клирики, а также миряне, не обладающие профессиональными знаниями в области религии и журналистики.
7. Адресат: верующие, члены общины (католической церкви); люди, проявляющие интерес к вопросам веры.
8. Функции: информирующая и воздействующая, присущие светской публицистике, и функции, характерные для религиозной коммуникации, – просветительско-назидательная функция и интегративная функция, служащая объединению людей на основе общности их христианских убеждений.

9. Жанры: сочетание жанров светской публицистики и жанров религиозной коммуникации.

10. Средства: сочетание языковых и паралингвистических средств публицистической и религиозной коммуникации.

К особенностям КГПД в ФРГ исследователи в области журналистики относят сильное влияние на нее со стороны светской публицистики, а также характерную для нее развлекательность, пропаганду «культы земных благ», что позволяет, на наш взгляд, говорить о том, что этому дискурсу присуща гедонистическая функция. Так, около половины тем, которые освещаются в религиозной прессе современной Германии, относятся не к религиозной, а к светской тематике, а объем развлекательных материалов нередко занимает одну треть объема издания [Панюкова 2001]. Это в значительной степени объясняется желанием издателей быть ближе к читателям, отражая в своих изданиях их интеллектуальные запросы, мирские заботы, потребности, предлагая им интересные темы, оригинальные приемы подачи информации. Подобный подход становится тем более объяснимым, что в Германии растет число католиков, испытывающих охлаждение к вопросам религии и выходящих из церкви [Wimmer 2014].

Маркерами католических изданий, помимо религиозной лексики в их названиях, являются: лексическая единица *katholisch*, названия церковных организаций, монашеских орденов, от лица которых они публикуются, например, *das Erzbistum*, *die Innenstadtkirche*, *Gemeinschaft der Franziskaner in Deutschland*, *Teresianischer Karmel in Deutschland* и др., указание почтовых и электронных адресов ответственных, прежде всего духовных лиц для установления контакта с читателями, изображение церковной символики, Святых, например, в католическом журнале ТНЕО каждый выпуск сопровождается изображением его святого покровителя.

Подавляющее большинство католических церковных газет и журналов Германии – региональные. В настоящее время католическая церковь Германии объединяет 27 епархий, здесь издается 24 епархиальных еженедельников. Назовем некоторые из них: *Kirchenzeitung* (Кёльн), *Münchener Kirchenzeitung* (Мюнхен и Фрейзинг), *Katholische Sonntagszeitung* (Регенсбург), *Konradsblatt* (Фрейбург), *Tod des Herrn* (Лейпциг), *Würzburger katholisches Sonntagsblatt* (Вюрцбург), *Glaube und Leben* (Майнц) и др. Особое место в католической прессе

Германии занимает издаваемая на немецком языке ватиканская газета *L'Osservatore Romano*, являющаяся официальным органом печати Римско-католической церкви. В ней освещается деятельность Папы, печатаются документы, бюллетени, информирующие о важнейших событиях в жизни католической церкви во всем мире. Значительная часть католической прессы Германии ориентирована на определенные целевые группы: семью, например, *Bayerisches Sonntagsblatt*, *Leben&erziehen*; детей, например, *Spatz*, *Benni und Teddy*, *Sternsinger*; молодежь, например, *YOU! Magazin*; женщин, например, *Frau im Leben*; пожилых людей, например, *plus Magazin* и т. п.

Содержание католических епархиальных еженедельников в основном концентрируется на социальной жизни епархии (персоналии, мероприятия, социальные инициативы, благотворительность и т. д.) и организации досуга верующих (отдых, развлечения и т. п), значительно меньше внимания уделяется вопросам веры. Назовем тематику и рубрики некоторых епархиальных изданий: церковь и мир (*Thema der Woche*, *Zeitgeschehen*, *Rom und die Welt*, *Aus Kirche und Welt*), жизнь епархии (*Unser Bistum*, *Bistum aktuell*, *Aus dem Bistum*), богословие (*Liturgie*, *Glaube*, *Kirchenjahr*, *Die spirituelle Seite*, *Kirche und Theologie*, *Zum geistlichen Leben*, *Glaube im Alltag*), история (*Spannende Geschichte*, *Historisches&Namen der Woche*), культура (*Kultur*), путешествия (*Durch Stadt und Land*), книжные новинки (*Bücher*), художественная литература (*Unser Roman*, *Erzählung*), здоровье и кулинария (*Gesund leben*, *Rezepte der Woche*), дети (*Kleine Kinder*, *Kinderseite*), средства массовой информации, телевизионные программы (*Medien*, *Programmtipps*), психологическая помощь в трудных жизненных обстоятельствах (*Lebenshilfe*), развлечения (*gute Unterhaltung*), объявления (*Kirchenanzeiger*, *Anzeigen*, *Leser-Service*) и т. п. В отличие от светских изданий, стремящихся максимально быстро передать читателям актуальную политическую и социальную информацию, католические издания ставят целью интерпретировать и комментировать ее с религиозной позиции. Создавая положительную картину мира у верующих, поддерживая и укрепляя имидж церкви, католическая пресса допускает вместе с тем публикацию критических материалов о злоупотреблениях отдельных представителей духовенства, например случаев педофилии. Толерантностью, гуманным отношением к инокосмыслящим, зафиксированным в Пастырской конституции *Gaudium et*

Spes (1965)¹, принятой на Втором Ватиканском Соборе Католической Церкви, в значительной степени объясняется то, что в отдельных случаях в католических публикациях затрагиваются «щекотливые» вопросы (гомосексуализм, однополые браки, трансгендер и т. п.) и к выражению своего мнения допускаются лица чуждой христианству сексуальной ориентации. Так, например, в популярном католическом журнале ТНЕО, один из номеров которого посвящен образу мужчины в современном мире, под заголовком “Austritt? Niemals” дается развернутое интервью с теологом-гомосексуалистом, где тот оправдывает свои наклонности и обосновывает правомерность существования извращений в лоне католической церкви:

Gleichzeitig wollte ich aber auch eine positive formulierte schwule Theologie, die von den Erfahrungen von Schwulen ausgeht: Diskriminierung und Ausgrenzung, Coming-out, Sexualität, offene Beziehungen, schwule Szene und ihre eigenen Moralvorstellungen, schwule Männlichkeiten und queere Geschlechtsverhältnisse waren dabei Themen (*THEO. Das andere Geschlecht. Ein Männerheft*).

Для КГПД характерно сочетание жанров публицистического и религиозного дискурса. Обращает на себя внимание разнообразие используемых здесь публицистических жанров: статья, заметка, корреспонденция, комментарий, интервью и др. Для установления более тесного контакта с читателями часто используются такие жанры, как обращение (обычно от лица редактора или священника местного прихода, реже иерарха церкви) в связи с тематикой номера, портрет (представление клириков, функционеров церковной организации, заслуженных прихожан), блиц-опрос известного лица, читательский форум, письмо читателя, ответ или комментарий на полученные письма. В католической прессе часто проводится анкетирование среди читателей относительно улучшения качества издания, рассылаются купоны на подписку или участие в предлагаемых мероприятиях.

Религиозный дискурс в КГПД представлен такими жанрами, как проповедь, слово пастыря (*das geistliche Wort*), молитва (*Gebet der*

¹ Пастырская конституция *Gaudium et Spes* (с лат. «Радость и надежда») была реакцией на изменяющийся мир, новые вызовы времени и связанные с ними явления – атеизмом, секуляризмом и т. п. Конституция была утверждена Папой Павлом VI. – *Прим. авт.*

Woche), воскресное библейское чтение (Sonntagslesung), включающее отрывки из Священного Писания и их толкование; медитация (духовное размышление на определенную тему), девиз дня (цитата из Библии и призыв к верующим в связи с ней), житие Святого (чтимого по дню церковного календаря или патрона соответствующей местности), свидетельство о помощи Святого и др. В отдельных случаях здесь также публикуются документы церкви, например, программные заявления, доклады церковных деятелей на официальных мероприятиях.

Основным, организующим в концептуальной сфере КГПД, является концепт **Бог**. Это находит отражение уже в заголовках значительной части публикаций, например:

Das Wort Gottes lesen, vor allem aber leben; Zugang zum Herzen Gottes; Im Zeichen Jesu Christi; Wie Jesus sein; Mit Jesus eingefahrene Wege aufbrechen; Gott nicht missbrauchen; Wieder mehr Nähe zu Gott schaffen; Jesus nachfolgen, in allem, was ich tue und plane; Leid trennt nicht von Jesus.

Обращает на себя внимание, что в отношении концепта **Бог** в публикациях отдельных авторов допускается некоторая доля фамильярности, что свидетельствует об их личностном, доверительном отношении к Всевышнему. Приведем примеры:

Jesus verspricht uns keine Kaffeefahrt; es geht ihm um das Reich Gottes (*Kirchenzeitung für das Bistum Köln*).

Zweifel ist Teil meines Lebens. Dann diskutiere ich besonders gerne mit Gott und eines habe da ganz bestimmt gelernt: Wenn ich ihm eine Frage stelle, dann muss ich bereit sein, seine Antwort zu hören, und da ist mein Mut mehr als einmal gefordert (*THEO. Das andere Geschlecht. Ein Männerheft*).

Seipel ist Pianist und Hochschullehrer für Musik, beide treten als Duo 2 Flügel in einer Mischung aus Lesung und Konzert auf, um dem Publikum ihre Lieblingsgeschichten zu erzählen: Vom Unterwegssein eben, vom Reisen, vom Fernweh und vom Ankommen: Häufig, aber nicht ausschließlich, tragen sie ihr Programm in Kirchen vor, denn Gott reist selbstverständlich mit (*THEO. Musik*).

Dä Herrjott meint et joot met mir (*SommerZeit*).

Важными концептами в КГПД являются концепты **человек, любовь**, о чем свидетельствуют заголовки и слоганы:

Was rettet den Menschen? Jeder Mensch hat seine Armut; An der Seite der Menschen sein; Der Mensch kommt an erster Stelle; Vorbehaltlos im

Dienst am Menschen sein. Verschenken Sie Liebe! Nächstenliebe hat viele Gesichter; Liebe, die bleibt; Weil wir lieben; Verzehrt von seiner Liebe; Die Liebe gehorcht immer и т. д.

Религиозный характер прессы проявляется в многочисленных интертекстуальных отсылках к Священному Писанию в виде цитат (прежде всего в проповедях, толкованиях), аллюзий. Например, в заголовках: *Geheiligt sei Dein Name* (отсылка к молитве *Vater unser / Отче наш* Лк. 11, 2–4); *Gebt Gott, was Gottes ist* (Отдавайте Божие Богу, отсылка к Мф. 22, 21); в информационном сообщении: *Gott ist der großzügige Sämann, und die Aufgabe des Priesters ist es, bei den Menschen das Vertrauen in den „guten Boden“, in ihre eigenen Anlagen und Fähigkeiten, zu stärken* (Münchener Kirchenzeitung). В данном случае речь идет об Евангельской притче о сеятеле (Мк. 4, 3–8).

Для лексического состава КГПД характерно использование:

- конфессиональной лексики, обозначающей реалии католической церкви, например, ее организационное строение: *Diozese, Abteil, Ordinariat, Generalvikariat*; богослужение, например: *Andacht, Eucharistie*; клириков церкви и членов монашеских орденов, например: *Domprost, Küsterin, Franziskaner, Benediktiner, Dominikaner, Salesianerin, Prälat, Prior, Äbtistin*; обряды посвящения в священство, принятия монашества, например: *Priesterweihe, Ewigprofess ablegen*; церковные праздники, например: *das Heilig-Blut-Fest*, архитектурные сооружения, например, *Basilika, Crypta* и др.

- латинской лексики, обозначающей молитвы и песнопения католической церкви, например: *Vespergesang Laudatio Mariae, Ostervigil*; девизы и движения, например, *ora et labora* (молись и трудись – девиз ордена бенедиктинцев), *moveo* (я двигаюсь – движение в защиту окружающей среды), *Virgo consecrata* (посвященная дева – форма существования женщин в католической церкви, при которой, не принимая монашеских обетов, они служат Господу) и т. п. Латинские фразы в прессе обычно переводятся на немецкий язык. Объяснение этимологии латинского слова часто помогает глубже понять значение религиозного понятия. Например, в статье, посвященной детскому празднику маленьких католиков:

In unseren Gemeinden lernen sie zu Beginn der Vorbereitungszeit als erstes, dass das Wort „Kommunion“ aus dem lateinischen „communio“ kommt und einfach Gemeinschaft heißt (*Kirchenzeitung für das Erzbistum Köln*).

В КГПД широко представлены англицизмы, отражающие технические достижения и процессы, происходящие в современном глобализированном мире, например: *im Team arbeiten, Handy, Facebook, Selfie, Homepage, Tipp, Camp, Blog, Fan, Service, Okay, fake news, Outfit, Coming-out* и др. Несмотря на критическое отношение редакторов отдельных католических изданий к засилью англицизмов (Pathe 2016), их число в прессе продолжает расти. Некоторые из них используются даже для обозначения церковных реалий, например, *Open-air-Gottesdienst* (церковная служба под открытым небом), *Gotteslob «open air»* (имеется в виду хоровое церковное пение под открытым небом). Детские и молодежные организации охотно формулируют свои лозунги на английском языке. Например: девиз католического молодежного летнего лагеря: *Trust and try (vertrauen und versuchen)*.

В целом, для КГПД не характерна возвышенность, торжественность. КГПД не свойственна ассертивность (утвердительная интонация), категоричность, что в значительной мере объясняется предпочтением косвенных методов проповеди в католической церкви [Панюкова 2001]. Ассертивные высказывания обычно встречаются в жанрах с выраженной назидательной функцией, например, в жанре «духовное размышление» под рубрикой «*Wie Jesus sein*», где читатель на каждый день следующей недели получает ссылки к соответствующим цитатам из Евангелия, которыми он должен руководствоваться в своей жизни. Например, применительно к цитате о фарисеях, кичащихся перед людьми своей физической чистотой (*Мф. 15, 1-2*):

Rein sind wir, wenn wir grundsätzlich respektvoll über andere denken und wenn unseren aufrichtigen Worten gute Taten folgen (*Münchener Kirchenzeitung*).

Для КГПД, как и в целом для религиозного дискурса, характерна призывность. Этому служат средства побуждения, при этом обычно используется инфинитив, реже формы глагола в императиве, например:

Bindekräfte in der Gesellschaft stärken; Die Gewalt durchbrechen; Glaubwürdig leben; Franziskanisch leben; Habt Hoffnung – die Hoffnung enttäuscht nicht; Danken wir dem Herrn für dieses Sakrament.

Большой побудительной силой обладают заголовки, содержащие вопрос, а также вопрос и ответ, стимулирующие читателя к размышлению, дискуссии, определенному действию, например:

Verschwindet die Kirche? Was habe ich von der Kirche? Was ist Kirche? Geh in Kirche. – Es lohnt sich. Verschwindet die Kirche? – Keineswegs! Neue Wege und Zugänge in unserem Erzbistum.

Одновременно для повышения интереса к изданиям католическая пресса использует средства и приемы светской публицистики:

- сенсационные заголовки, например: *Herzogliche Reliquien-Intrige; Das Bier aus der Bibliothek; Krimi um den Vorsitz; Da wird der Kracher; Ich kann die Liturgie nicht mehr ertragen;*
- оригинальные заголовки, основанные на использовании средств образности, игре слов, интертекстуальных реминисценциях, аллитерации и т. п., например: *Der Mond. Rätselhafter Nachbar und treuer Trabant; Zeit des Umbruchs – Umbruch der Zeiten; Mutter Erde, Bruder Fahrrad* (отсылка к молитвенному песнопению Св. Франциска Ассизского „Sonnengesang“); *Wer singt, bettet doppelt* (отсылка к пословице Wer gibt, gibt doppelt); *Spiel, Spaß, Spannung und mehr ...; Verschenken, vergraben, verbrennen* и т. д.

Занимательности изданий способствуют карикатуры, комиксы, анекдоты, кроссворды, описание игр для детей, тесты, цветные вставки (например, с информацией о садоводстве), лотереи, разыгрывание конкурсов и т. п. При этом игровое начало присутствует в ряде случаев даже там, где речь идет о сакральных понятиях, например, о Святых. Так, газета *Münchener Kirchenzeitung* проводит конкурс по отгадыванию имен местных баварских Святых, журнал ТНЕО под рубрикой «Gestatten, ich bin heilig» («Позвольте, я Святой») публикует представление неизвестного Святого, обращающегося к читателям, которым предстоит его идентифицировать на основе упоминаемых фактов из его жизни, при этом победителям гарантируются денежные и вещественные призы.

Изобразительный язык католических изданий отличается разнообразием, что обусловлено многоаспектностью освещаемой в них информации, познавательным характером многих публикаций. Так, наряду с изображениями христианской символики, предметов культа, произведений религиозного искусства, сцен, иллюстрирующих жизнь общины, здесь представлены изображения природы, достопримечательностей разных стран, быта других народов, птиц и животных и т.п. Особое место занимают в КГПД изображения, прежде

всего художественные фотографии, с помощью которых визуальными средствами передается глубинный смысл религиозных вербальных текстов. Например, стихотворение «Ein neuer Tag» Франка Гройбеля, воспевающее каждый новый день под покровом Божией благодати, помещено в журнале *Mittendrin* на фоне изображения закрытой двери храма, через замочную скважину которой наружу изливается солнечный свет, чем усиливается духовное и эстетическое воздействие произведения.

Наряду с социальной рекламой, призывающей читателей к оказанию помощи нуждающимся (бедным, больным, старикам и др.) в католической прессе значительное место отводится коммерческой светской рекламе (рекламе лекарств, обуви, одежды, косметики, банковских услуг и т. п.), что служит удовлетворению утилитарных потребностей читателей и является источником дополнительных доходов для соответствующего издания.

Таким образом, органичное сочетание в КППД признаков светского газетно-публицистического и религиозного дискурсов, учет духовных и мирских, в том числе бытовых, запросов читателей позволяет ему выступать достаточно эффективным средством воздействия на свою целевую аудиторию и играть заметную роль в медийном пространстве ФРГ.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Волченко О. Р.* О некоторых лингвопрагматических особенностях католической газетной публицистики Германии (на материале католических изданий *L'Osservatore Romano* и *YOU! Magazin*) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2014. Вып. 4 (690). Опережая время. С. 33–45. (Языкознание).
- Волченко О. Р.* О развитии католической прессы в Германии // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2012. Вып. 4 (637). Проблемы взаимодействия языка и религии. С. 33–42. (Языкознание).
- Волченко О. Р.* Стратегия и тактики, используемые в религиозной компьютерно-опосредованной коммуникации ФРГ (на материале католического сайта *youmagazin.de*) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2015. Вып. 20 (731). Германистика: Перспективы развития. С. 182–194. (Языкознание и литературоведение).
- Вороненкова Г. Ф.* Путь длиною в пять столетий: от рукописного листка до информационного общества (национальное своеобразие средств массовой информации Германии). М. : Языки русской культуры, 1999. 640 с.

- Панюкова Н. Е.* Система современной немецкой конфессиональной (католической и евангелической) прессы: Типологическое и тематическое своеобразие, особенности функционирования и развития : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2001. 31 с.
- Kopper A.* Katholische Kirche und Internet. Berlin : VDM Verlag Dr. Müller, 2007. 202 S.
- Pathe H.* Aus der Redaktion // Kirchenzeitung für das Erzbistum Köln. 1.Juli 2016/Nr. 26. S. 3.
- Wimmer A.* Weckrufe und neue Wege // Münchner Kirchenzeitung. 3. August 2014. Nr. 31. S. 2–3.

УДК 81-119

А. А. Громорушкина

аспирант каф. общего и сравнительного языкознания ФГБОУ ВО МГЛУ;
e-mail: a.gromorushkina@gmail.com

СПОРНЫЕ ВОПРОСЫ В ЭКОЛИНГВИСТИКЕ

В статье рассматриваются спорные вопросы эколингвистики, особенно терминологический вопрос, который остро стоит в данной области исследования, так как до сих пор нет четкой границы между терминами «эколингвистика», «лингвоэкология», «экологическая лингвистика» и «экология языка». В статье анализируются мнения отечественных и зарубежных лингвистов по данному вопросу и проводится критический обзор существующих точек зрения, а также подходов к определению современного статуса эколингвистики. Особое внимание уделено в этой связи зарубежному языкознанию, так как эколингвистика наиболее динамично развивается именно в европейской науке. В работе рассматриваются современные иностранные научные публикации, многие из которых до настоящего момента не были предметом обсуждения в отечественном языкознании (Э. Хауген, М. Дёринг, А. Филл, А. Стибб и др.). Материал статьи призван показать разнообразие точек зрения и концепций в этой формирующейся научной области и продемонстрировать необходимость решения вышеназванных проблем. В работе также приводятся и анализируются точки зрения ведущих отечественных эколингвистов, в том числе А. П. Сквородникова, В. П. Коровушкина.

Ключевые слова: эколингвистика; лингвоэкология; экология языка; экологическая лингвистика.

A. A. Gromorushkina

PhD student of the Department of General
and Comparative Linguistics, MSLU;
e-mail: a.gromorushkina@gmail.com

DEBATABLE ISSUES IN ECOLINGUISTICS

The paper covers debatable issues of ecolinguistics. The idea that the terminological issue is the most acute in this field of scientific research is justified as there is no distinct border between the terms 'ecolinguistics', 'linguoecology', 'ecological linguistics', and 'the ecology of language'. The article reflects the views of contemporary Russian and foreign linguists on the topic providing further critical analysis. Another aim of the paper is to analyse different approaches to defining the contemporary status of ecolinguistics. With this in view special attention is devoted to European linguistics, since ecolinguistics is rapidly developing especially in European countries. The article analyses cutting-edge research papers of leading philologists working in the sphere of ecolinguistics. The material of the article is analyzed with a view of stressing the importance of this issue in Russian linguistics that relies on

works of western scientists (E. Haugen, M. Döring, A. Fill, A. Stibbe, etc.). The paper also analyses the point of view of the leading and most cited contemporary Russian ecolinguists, such as A. Skovorodnikov and V. Korovushkin.

Key words: ecolinguistics; ecological linguistics; language ecology; ecology of language.

Эколингвистика – новое научное направление, которое отличается междисциплинарным характером знания. Ввиду того что данная дисциплина еще находится в стадии формирования, но при этом стремительными темпами увеличивает спектр исследуемых проблем, в рамках эколингвистики существует ряд нерешенных вопросов. На настоящем этапе сосуществуют такие термины, как «эколингвистика», «лингвоэкология», «экологическая лингвистика» и «экология языка». Иногда они употребляются синонимично, но в последнее время наметилась тенденция к их разграничению. Представляется необходимым сформулировать собственную позицию по данному предмету обсуждения, что предполагает также исследование вопроса о современном статусе эколингвистики.

Обращаясь к этой проблеме, Алвин Филл и Петер Мюльхойзлер [Fill, Mühlhäusler 2001] утверждают, что эколингвистика подразделяется на два раздела: экологию языка и экологическую лингвистику. Немецкий ученый Мартин Дёринг [Döring 2018] в своих работах предлагает эколингвистическое понимание языка, которое, в свою очередь, он подразделяет на три подхода:

- экологию языка, которая анализирует взаимодействие между языками и занимается сохранением лингвистического многообразия и языков, находящихся на грани исчезновения;
- экологическую лингвистику, которая переносит аналитические концепты из области экологии в область лингвистики;
- критическую и прикладную эколингвистику, которая изучает взаимодействие между различными языковыми явлениями с целью проведения экокритического дискурс-анализа.

Представляется логичным придерживаться точки зрения А. Филла и П. Мюльхойзлера, так как между вторым и третьим подходом сложно провести границу, в то время как спектр исследуемых проблем в области экологии языка и экологической лингвистики различен: в первом случае лингвисты занимаются изучением региональных языков и сохранением их самобытности, а во втором работают на

пересечении двух наук – экологии и лингвистики – и изучают влияние языка на экологическое сознание и, следовательно, говорят о роли языка в решении экологических проблем [Fill 2018].

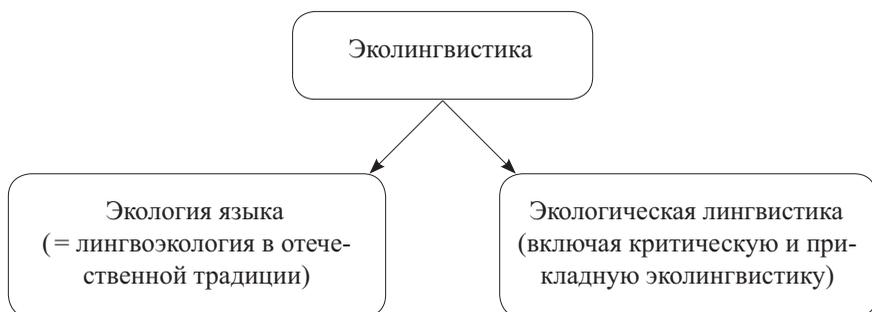
Видный представитель отечественного языкознания Александр Петрович Сквородников употребляет термины «эколингвистика» и «лингвоэкология» синонимично: «ЛИНГВОЭКОЛОГИЯ, или ЭКОЛИНГВИСТИКА, – отрасль (направление) языкознания, предметом изучения которой является состояние языка и языковой (речевой) среды; изучение факторов, влияющих (негативно или позитивно) на развитие языка и речевой культуры<...>» [Сквородников 2014, с. 285]. Однако такой подход явно провоцирует языковую избыточность: если эти термины являются абсолютными синонимами, то, видимо, лингвистическому сообществу следовало бы определиться с наиболее удачным из них. Более того, А. П. Сквородников утверждает, что эта дисциплина является отраслью языкознания. В таком случае было бы логичнее, по аналогии с названиями других направлений в языкознании (этнолингвистика, психоллингвистика, социоллингвистика и пр.), придерживаться термина «эколингвистика».

А. А. Полухин [2009] утверждает, что термин «лингвоэкология» наряду с «экологической лингвистикой» на самом деле является синонимичным термину «экология языка». Однако в силу того что советские ученые работали главным образом в данной области эколингвистики (изучение взаимодействия между языками, сохранение их самобытности и языкового многообразия), «эколингвистика» и все вышеназванные термины стали взаимозаменяемыми в отечественной лингвистической традиции.

В. П. Коровушкин, также являющийся одним из ведущих отечественных эколингвистов, с одной стороны, разграничивает термины «эколингвистика» и «лингвоэкология», а с другой – все же считает их условно синонимичными: «Термин “эколингвистика” можно было бы закрепить за тем разделом лингвистической науки, в котором в качестве исходного принимаются лингвистические факты – языковые знаки; и, напротив, термин “лингвоэкология” следовало бы закрепить за тем разделом экологической науки, в котором в качестве исходного принимаются экологические факты, воздействующие на функционирование языковых знаков. При этом весьма проблематично на данном этапе развития эколингвистики / лингвоэкологии подобрать такой

научный термин, который объединил бы эти два не совсем синонимичных термина» [Коровушкин 2011, с. 62]. В. П. Коровушкин, тем не менее, не объясняет, почему это является проблематичным именно на данном этапе становления эколингвистики. Можно предположить, что это связано с затруднениями в научном диалоге между представителями различных областей эколингвистики. Проблема также может заключаться в том, что ни один, ни другой термин не отражают комплексности эколингвистики и в определенной степени подчеркивают один из ее разделов. Так или иначе, проблема действительно остается нерешенной.

В этой связи американский лингвист, профессор Эйнар Хауген [Хауген 1971] высказывает мысль о том, что название области научного знания не так и важно. Однако он все же предлагает использовать термин «экология языка», который, по его мнению, является наиболее широким: «Можно даже предположить, что экология – это не только название описательной науки, но ее применение стало знаменем движения за экологическое оздоровление. По отношению к языку этот термин также мог бы вызвать интерес среди непрофессионалов, заинтересованных в культивировании и сохранении языков. Экология предполагает динамическую, а не статическую науку <...>» [там же, с. 21] (перевод наш. – А. Г.). Так как Э. Хауген впервые заговорил об экологическом понимании языка в современном языкознании и считается родоначальником эколингвистики, можно сделать вывод, что в 70-е гг. XX в. и для него лично вопрос терминологии был действительно не очень значимым. Новой была сама идея, однако, во-первых, еще не сложилось сообщество ученых, работающих в данной области и, во-вторых, концептуальный аппарат не был сформирован в достаточной степени. Тем не менее с момента основания эколингвистики прошло уже почти пятьдесят лет, эта дисциплина динамично развивается, и вопрос терминологии на данном этапе, несомненно, приобретает особую значимость. Более того, на тот момент, когда Э. Хауген ввел термин «экология языка», он просто не мог решить проблему, волнующую современных эколингвистов: как объединить различные направления эколингвистики в один, зонтичный, термин. Свои работы он публиковал в области сохранения лингвистического многообразия языков и изучения взаимодействия языков, за которой и закрепилось название «экология языка».

В результате до сих пор существует терминологическая проблема, широко дискутируемая во всем мире, в том числе и в отечественном языкознании. Проведенный анализ теоретических работ российских эколингвистов показал, что термины «эколингвистика» и «лингвоэкология» употребляются ими преимущественно синонимично, что, на наш взгляд, может быть обусловлено научной позицией А. П. Сковородникова как наиболее авторитетного ученого в данной области.

В статье термин «эколингвистика» рассматривается как зонтичный для всех направлений исследования, связанных с эколингвистическим пониманием языка. В современном зарубежном языкознании это является наиболее признанным вариантом [cf. Döring 2018, Fill 2018, Finke 2018, Stibbe 2015]. При этом наиболее широко распространено мнение, что эколингвистика включает в себя два раздела: экологию языка и экологическую лингвистику [Fill 2018]. Термин «лингвоэкология» употребляется исключительно в отечественной лингвистике и может использоваться синонимично как с эколингвистикой [см. Сковородников 2014], так и с экологией языка [см. Полухин 2009] и даже рассматриваться как раздел экологии [см. Коровушкин 2011]. Исходя из вышеизложенного, предпочтительно избегать употребления термина «лингвоэкология» ввиду различного толкования его значения и, как следствие, возможного недопонимания между учеными. Термин «экологическая лингвистика» преимущественно употребляется по отношению к одному из двух разделов языкознания наряду с экологией языка, однако существуют и иные точки зрения [см. Железнова 2016; Полухин 2009; Döring 2018]. Наше понимание структуры эколингвистики представлено в виде следующей схемы (см. схему 1).

В рамках эколлингвистики, помимо терминологических, существуют еще более значимые противоречия. Одним из них является вопрос о статусе эколлингвистики как науки: разногласия наблюдаются в характеристике ее как раздела языкознания, либо современной парадигмы в языкознании, либо как междисциплинарной области знания. Есть точка зрения, что это вообще самостоятельная наука. Так, Е. М. Пылаева пишет: «Наиболее точное определение этой науки [эколлингвистики], на наш взгляд, было сформулировано Н. Н. Кислицыной. Эколлингвистикой принято называть одно из современных научных направлений в области языкознания <...>» [Пылаева 2011, с. 107]. Таким образом, ученый называет ее и наукой, и научным направлением. В то же время Н. Н. Кислицына действительно считает эколлингвистику разделом языкознания, как и М. В. Басинская, которая предлагает следующее определение: «Эколлингвистика – новая отрасль языкознания, объединяющая методы познания экологических процессов и современные подходы в области лингвистики» [Басинская 2014, с. 32].

Ц. Ц. Огдонова [Огдонова 2009] характеризует эколлингвистику как развивающуюся дисциплину, отрасль языкознания, однако в то же время говорит о существовании лингвоэкологической парадигмы научных теорий и выделяет среди них философское, ортологическое, культурологическое и социологическое направления. При этом даже в рамках одной статьи автор сначала отмечает, что «лингвистическая экология как новая отрасль языкознания находится на стадии становления» [Огдонова 2009, с. 122]. Однако, формулируя выводы, она противоречит себе, утверждая, что «лингвоэкология понимается нами широко, т. е. как наука о языке, совмещающая в себе философское, ортологическое, культурологическое, социологическое направления» [там же, с. 124].

М. И. Конюшкевич называет эколлингвистику синкретичной научной лингвистической дисциплиной, существующей наряду с психоллингвистикой, этнолингвистикой, медиалингвистикой и пр. [Конюшкевич 2014]. В. П. Коровушкин определяет эколлингвистику как самостоятельную междисциплинарную науку [Коровушкин 2011].

Наиболее признанной в отечественном языкознании является, пожалуй, точка зрения А. П. Сковородникова: «Эколлингвистика, или лингвоэкология, – это междисциплинарная отрасль языкознания, ... предметом изучения которой является состояние языка как сложной семиотической системы, обусловленное качеством среды его обитания

и функционирования (в том числе социальными и другими экстралингвистическими факторами, влияющими негативно или позитивно на языковое сознание социума и, как следствие, на язык и его речевую реализацию), и, соответственно, способы и средства защиты языка и речи от негативных воздействий, с одной стороны, и пути и средства их обогащения и развития, с другой» [Сковородников 2013, с. 196]. Позиция ученого, однако, не отражает всей комплексности эколлингвистики, так как представителями данного научного направления являются не только лингвисты, но и, например, географы, антропологи и экологи.

В этой связи наиболее последовательной является точка зрения, высказанная британским лингвистом, первым в истории нашей науки профессором экологической лингвистики Глостерширского университета Арраном Стиббом [Stibbe 2015], который утверждает, что эколлингвистика занимается исследованием экологического дискурса, мешающего устойчивому развитию современной цивилизации. Следовательно, эколлингвистика:

- пользуется методами лингвистического анализа;
- исследует «истории, которыми мы живем», с экологической перспективы;
- вносит вклад в поиск новых «историй, которыми мы живем» [Stibbe 2015].

Таким образом, для А. Стибба эколлингвистика – это не раздел языкознания, а междисциплинарная область знания. *Эко* в названии связано с тем, что дискурс рассматривается через экологическую призму, а *лингвистика* обусловлена использованием методов лингвистического анализа. По мнению автора, эколлингвистика – это очень широкое направление, в котором работают ученые и исследователи, представители различных областей знания. При этом не все из них называют себя эколлингвистами, хотя, по его мнению, они таковыми являются.

Бразильский лингвист Х. Г. до Коуту, рассуждая о статусе эколлингвистики, приводит фамилии ученых и их высказывания, касающиеся полемики вокруг вопроса, является ли эколлингвистика парадигмой в лингвистике, а затем артикулирует собственную, довольно оригинальную точку зрения: эколлингвистика – это не парадигма, а платформа для изучения языковых феноменов. Автор полагает, что эколлингвистика простирается значительно дальше социоллингвистики и экокритического дискурса-анализа, ведь экологический подход

можно применить даже к фонетическому и фонологическому анализу в языке. Таким образом, согласно Х. Г. до Коуту, эколингвистика – это платформа, которая может служить отправной точкой для различных исследований разнообразных языковых феноменов, так называемое объединяющее начало. Х. Г. до Коуту также подчеркивает, что эколингвистика – ни в коей мере не гуманитарная наука, которая заимствует концепты у экологии. Он приводит мнение ученых о том, что, быть может, стоит говорить не об экологии языка, а об экологии знака вообще, таким образом, приближая эколингвистику еще и к семиотике [do Couto 2014].

Австрийский ученый Алвин Филл в новейшем авторитетном сборнике статей по эколингвистике указывает, что в XXI в. некоторые лингвисты перестали рассматривать эколингвистику как дисциплину, существующую в рамках языкознания. Они считают ее определенным экологическим мировоззрением, в котором выражается гармония между человеком и природой [Fill 2018].

Некоторые ученые рассматривают эколингвистику как науку, которая пронизывает другие науки. Например, немецкий антрополог П. Финке [Finke 2018] исходит из того, что язык, как и его употребление, является неотъемлемой частью любой науки. В таком понимании нет никакого смысла рассматривать эколингвистику как маргинальный раздел лингвистики, который лишь углубляет наши знания в некоторых пограничных с лингвистикой областях. Эколингвистика, согласно П. Финке, напротив, развивает лингвистику, стремясь к трансдисциплинарности. Экология в ее классической форме также изначально была разделом биологии, однако с течением времени ее повсеместно признали самостоятельной наукой. Ныне общеизвестно, что экологические системы существуют не только в естественной среде, но и в культурной, социальной и психической. Поэтому, по мнению П. Финке, необходимо считать экологическую лингвистику в подлинном смысле трансдисциплинарной наукой.

Несмотря на тот факт, что универсального понимания эколингвистики и ее статуса на данный момент всё еще не существует, абсолютное большинство ученых разделяют точку зрения, что эколингвистика, тем не менее, уже оформилась как самостоятельная дисциплина, с собственным объектом, предметом, методами исследования и концептуальным аппаратом.

По всей видимости, эколоингвистика продолжит стремительно развиваться в XXI веке, поскольку экологический подход к научным исследованиям набирает всё большую популярность. На настоящий момент можно утверждать о существовании таких специальных областей, как экосемиотика, экоархитектура, культурная экология и пр. [do Couto 2014]. При этом под экосемиотикой понимается, к примеру, наука, «которая занимается изучением сущности знаков и знаковых процессов и тем, как они отображают экологические явления» [Моисеенко 2015, с. 150], а под экоархитектурой – «применение экологических принципов в архитектуре»¹ (перевод наш. – А. Г.). Культурная экология – междисциплинарное научное направление, находящееся на стыке культурологии, географии и биологии, занимающееся изучением адаптации человека к окружающей его социальной, биологической и географической среде.

Как отмечают А. Филл и Х. Пенц [Fill, Penz 2018, с. 441–442], можно выделить следующие перспективные направления развития эколоингвистики:

Изучение языкового разнообразия и всех связанных с проблем, включая языки меньшинств и вымирающие языки. Параллель между исчезновением языков и вымиранием животных окажется полезной для дальнейших исследований в данной области. Языковое разнообразие будет также исследоваться в тех зонах земного шара, которые пока еще не были предметом лингвистического изучения.

Рассмотрение и анализ языка, дискурса и окружающей среды в их взаимосвязи, в которой язык и дискурс играют ключевую роль для описания и решения экологических проблем. При этом рассмотрению и анализу подвергается как положительный (positive discourse), так и отрицательный дискурс (negative discourse). Исследования будут все больше привлекать различные средства передачи информации (видео, иллюстрации к текстам и др.) и будут являться мульти- и полимодальными, изучать различные типы информации в связи с языком в классическом его понимании.

Развитие эколоингвистики как трансдисциплинарной науки, или разновидности диалектической философии, которая призывает обратить внимание на взаимосвязь всех вещей и идей в мире. В этом

¹ URL : en.oxforddictionaries.com/definition/eco-architecture

контексте эколлингвистику будут рассматривать как философию взаимодействия и гармонии.

В заключение следует отметить, что в связи с усугубляющимся экологическим кризисом науки, смежные с экологическими, будут, несомненно, стремительно развиваться и выходить на новый уровень. То же, по всей вероятности, произойдет и с эколлингвистикой, которая будет охватывать исследования в разных областях знания, но все чаще обращаться к вопросам взаимосвязи человека, языка и окружающей среды. Возможно и превращение эколлингвистики в отдаленной перспективе в отрасль диалектической философии. Так полагают, к примеру, А. Филл и Х. Пенц [Fill, Penz 2018], утверждая, что развитие эколлингвистики в Китае будет заслуживать особого внимания, поскольку представляет, что данную страну ждет особенно быстрый экономический рост.

Одной из конкретных перспектив изучения проблем эколлингвистики посвящено наше исследование, которое ставит целью выявить и проанализировать механизмы манипулирования экологическим сознанием в современном публицистическом дискурсе СМИ России и Германии. Это направление будет полностью соответствовать трансдисциплинарному характеру эколлингвистики, ставшему одним из важнейших параметров определения ее статуса как отдельной отрасли гуманитарного знания.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Басинская М. В.* Исследование лексико-семантических особенностей экологического дискурса в рамках языковой экологии // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2014. № 20 (706). С. 32–41.
- Железнова Е. Г.* К вопросу об экологии языка и экологической лингвистике // Научный вестник ЮИМ. 2016. № 3. С. 70–73.
- Конюшкевич М. И.* Социальные и гуманитарные науки: образование и общество // Экология языка и языковой личности в медиапространстве : сб. ст. V Междунар. науч.-практ. конф. Н.-Новгород : УРАО, 2014. С. 16–22.
- Коровушкин В. П.* Основные атрибуты лингвоэкологии как автономной междисциплинарной отрасли языкознания // Вестник Череповецкого государственного университета. 2011. № 1. С. 60–64.
- Моисеенко А. В.* Модель взаимодействия человека и окружающей среды в текстах экологической тематики // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов : Грамота, 2015, № 11(53) : в 3 ч. Ч. I. С. 150–154.

- Огдонова Ц. Ц.* Концептуальные основания лингвоэкологической парадигмы научных исследований // Альманах современной науки и образования. Тамбов : Грамота, 2009. № 2 (21) : в 3 ч. Ч. III. С. 122–124.
- Полухин А. А.* Современное языкознание и экологическое мышление // Опыты-2008 : сборник научных работ преподавателей и студентов факультета филологии. СПб. : РИО ГПА, 2009. С. 65–73.
- Пылаева Е. М.* Эколингвистика как новое направление в языкознании XXI века // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Проблемы языкознания и педагогики. 2011. № 5. С. 106–113.
- Сковородников А. П.* О предмете эколингвистики применительно к состоянию современного русского языка // Экология языка и коммуникативная практика. 2013. № 1. С. 194–222.
- Сковородников А. П.* Лингвоэкология, или эколингвистика // Эффективное речевое общение (Базовые компетенции). Словарь-справочник : электронное издание / под ред. А. П. Сковородникова. Красноярск : Сибирский федеральный университет, 2014. С. 284–285.
- do Couto H. H.* Ecological approaches in linguistics: a historical overview // Language Sciences. Elsevier, 2014. № 41. P. 122–128.
- Döring M.* Media reports about natural disasters. An ecolinguistic perspective // The Routledge handbook of ecolinguistics / A. Fill, H. Penz (eds.). New York, London : Routledge, 2018. P. 293–307.
- Fill A., Mühlhäusler P.* The ecolinguistics reader: language, ecology and environment. London, New York : Continuum, 2001. 296 p.
- Fill A.* Introduction // The Routledge handbook of ecolinguistics / A. Fill, H. Penz (eds.). New York, London : Routledge, 2018. P. 1–7.
- Fill A. F., Penz H.* Ecolinguistics in the 21st Century: New Orientations and perspective // The Routledge handbook of ecolinguistics / A. Fill, H. Penz (eds.). New York, London : Routledge, 2018. P. 437–443.
- Finke P.* Transdisciplinary Linguistics. Ecolinguistics as a Pacemaker into a New Scientific Age perspective // The Routledge handbook of ecolinguistics / A. Fill, H. Penz (eds.). – New York, London : Routledge, 2018. Pp. 406–419.
- Haugen E.* The ecology of language // The Linguistic Reporter (Supplement 25), 1971. Pp. 19–26.
- Stibbe A.* Ecolinguistics: Language, Ecology and the Stories We Live By. – London, New York: Routledge, 2015. 210 p.

УДК 81-139

В. М. Костева

кандидат филологических наук, доцент;
Советник по внешним связям ФГБОУ ВО «Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина»; доцент каф. германской филологии Института филологии и истории ФГБОУ ВО «Российский государственный гуманитарный университет»; e-mail: vmkosteva@gmail.com

НАРРАТИВНЫЙ МЕТОД В ЛИНГВОИСТОРИОГРАФИИ И ОСОБЕННОСТИ ЕГО ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ДЛЯ ИССЛЕДОВАНИЯ НАУЧНОГО ИНТРАДИСКУРСА

Статья посвящена представлению нового подхода к описанию истории языкознания – нарративной лингвоисториографии. Традиционный историографический метод базировался на анализе концепций исследователя и проблематике его трудов с использованием классического инструментария историографии – описание научных направлений развития лингвистики, фиксированных определенными хронологическими рамками. При этом исследователи исходили из существующих на момент описания официальных идеологических оценок конкретного исторического периода, что изначально задавало определенное, часто крайне одностороннее восприятие личности ученого и его теорий. В статье описываются основные отличия нового подхода от традиционного, обосновываются преимущества нарративного метода для исследования научного интрадискурса, представлена основная задача нарративной лингвоисториографии, которая заключается в показе концепции и личности ученого в различных ракурсах, с ее положительными и отрицательными качествами, с учетом всех фактов биографии. Задача читателя в этом случае состоит в ознакомлении с данными фактами и составлении своего мнения. Автор представляет возможности нарративного подхода при описании лингвистики тоталитарных государств XX в. и приходит к выводу о том, что использование принципов нарративности в лингвоисториографии способствует переосмыслению критериев объективности в научном историческом описании, расширению их числа, и, вследствие этого, позволяет добиться большей объективности самого исследования.

Ключевые слова: лингвоисториография; нарратив; объективность; «тоталитарная» лингвистика; дискурсивные практики; историческая репрезентация.

V. M. Kosteva

PhD (Philology), Associate Professor; External Affairs Adviser,
Pushkin State Russian Language Institute;
Associate Professor at the Department
of German Philology, Institute of Philology and History,
Russian State University for the Humanities; e-mail: vmkosteva@gmail.com

**NARRATIVE METHOD IN LINGVO HISTORIOGRAPHY
AND ITS SPECIAL ASPECTS FOR THE STUDY
OF SCIENTIFIC INTERDISCOURSE**

The article describes a new approach to the history of linguistics – narrative lingvo-historiography. The traditional historiographical method was based on the analysis of the researcher's concepts and the problems of his scientific papers using the classical tools of historiography – the description of scientific directions of linguistics development, fixed by certain chronological frames. At the same time, researchers relied on descriptions of official ideological assessments of a particular historical period, which initially set a certain, often extremely one-sided perception of the scientist's personality and his scientific theories. The article describes the main differences between the new approach and the traditional one, substantiates the advantages of the narrative method for the study of scientific intradiscourse, specifies the main task of narrative lingvo-historiography, which is to show the concept and personality of the scientist from all sides, with its positive and negative qualities, taking into account all the facts of the biography. In this case, the reader's task is to get introduced to these facts and to interpret them. The author explains the advantages of the narrative approach by describing the linguistics of totalitarian states in the 20th century and comes to the conclusion that the use of narrative principles in lingvo-historiography contributes to the revision of the criteria of objectivity in historical description, serves to increase their numbers, and, consequently, allows to achieve greater objectivity of a scientific study.

Key words: lingvo-historiography; narrative; objectivity; "totalitarian " linguistics; discursive practices; historical representation.

На протяжении нескольких веков вопросы истории лингвистики составляют довольно значительную часть работы языковедов. Это объясняется тем фактом, что без знания истории направлений, концепций, школ невозможно сформировать полную картину гуманитарного знания в целом и языкознания, в частности.

Главным методом описания и интерпретации истории лингвистических учений XX в. является историографический подход, базирующийся на анализе концепций исследователя и проблематике его трудов. Основной акцент лингвоисториографического исследования

традиционно ставился на последовательном историческом описании, что изначально подразумевало использование классического инструментария историографии – описание научных направлений развития лингвистики, фиксированных определенными хронологическими рамками. При этом исследователи исходили из существующих на момент описания официальных идеологических оценок конкретного исторического периода, что изначально задавало определенное, часто крайне одностороннее восприятие личности ученого и его концепций. Лингвистическая историографическая статья строилась по схеме: краткое биографическое описание, описание научных концепций, их оценка в аспекте актуальной политической семантики.

Развитие философской мысли, в том числе формирование нового направления – постмодернизма, возникновение новых парадигм научного знания и междисциплинарные исследования потребовали переосмысления и разработки новых критериев исторической репрезентации развития лингвистики, к одному из которых относится нарратив (от *англ.* и *фр.* *narrative* – рассказ, повествование). Так называемая нарративная история отличалась от традиционного исторического описания интерпретацией исторического события в процессе реконструирующего рассказа о нем.

О возможности использования нарративного подхода к представлению истории лингвистики заговорили в начале 80-х гг. прошлого века. Его основное отличие от традиционного состоит в методе работы с историческими материалами и научными концепциями, что подразумевает несколько положений:

во-первых, детальное исследование каждого факта жизни ученого, который связывается с определенными работами и с изменениями в его научных позициях, с определенными новациями и методологией его трудов;

во-вторых, историограф, работающий в русле нарративной лингвистической историографии, изучает работы определенного автора в их хронологической последовательности написания, а не в хронологической последовательности их публикации, так как нередки случаи посмертных публикаций или нарушения последовательности выхода того или иного научного произведения. Выстраивая такую линию и читая труды в заданном порядке, лингвистический историограф получает возможность

восстановить эволюцию каждого важного понятия авторской концепции. Без использования такого метода невозможно понять, что имел в виду конкретный ученый, используя тот или иной термин;

в-третьих, нарративная лингвисториография рассказывает о научных идеях без априорных оценок. Это значит, что перед лингвисториографом – нарративистом не ставится задача разоблачения теорий, как относящихся, например, к буржуазным, космополитическим и т. д., или описать недостатки концепций того или иного ученого или языка, что имело место быть в советском языкознании конца 1940-х – начале 1950-х гг. В качестве примера приведем несколько типичных работ «на злобу дня» в период развенчивания марризма: «Критика взглядов Н. Я. Марра по вопросам родства языков» [Гухман 1952, с. 249–290], «О роли антимарксистской теории происхождения языка в общей системе взглядов Н. Я. Марра» [Десницкая 1951, с. 26–59] и др.

Глобальная задача нарративной лингвисториографии состоит в показе концепции и личности ученого во всех аспектах, с ее положительными и отрицательными качествами, с учетом всех фактов биографии, а задача читателя состоит в ознакомлении с данными фактами и составлении своего мнения.

Отметим, что добиться полной объективности в историометрии представляется несколько утопической задачей, так как любой факт о жизни и деятельности неординарной личности может быть истолкован как в положительном, так и в отрицательном смысле.

Большое влияние на работу любого автора оказывает цель исследования, что побуждает некоторых из них интерпретировать те или иные события только в пользу своей гипотезы. Нарративный подход ставит перед исследователем ряд задач, одной из которых и является обеспечение «должной степени отстраненности от эмоционального отношения к научным данностям» [Радченко 2000, с. 126]. Идеалом нарративной реконструкции истории языкознания представляется исключение собственных оценок исследователя [там же].

Распространение идей нарративной лингвисториографии связано, прежде всего, с именем немецкого ученого Петера Шмиттера (P. Schmitter) (1943–2006), который в 1982 г. выдвинул тезис о том,

что именно нарративность представляет собой основную структуру истории лингвистики. Проецирование термина «нарративность» на лингвистическое описание вызвало полемику в научных кругах, доходящую вплоть до его категорического неприятия, что было связано, в первую очередь, с возможной интерпретацией понятия нарратива в лингвоисториографии и литературе. Так, нарратив в литературе подразумевает текст, в котором в определенной последовательности рассказывается о людях и событиях, при этом сами сюжеты, а также отдельные сюжетные линии и персонажи могут быть вымышленными. Этот факт вызвал у многих лингвоисториографов опасение за объективность исследования, за превращение истории как науки в историю как собрание занимательных рассказов (на историческую тему). Против использования нарратива в истории лингвистики выступил, например, Й. Роггенхоффер (J. Roggenhofer), утверждавший, что лингвоисториография должна быть аргументативной, но не нарративной. Другой немецкий ученый К. Кноблех (C. Knobloch), считал, что «использовать нарратив в лингвоисториографии равно расписаться в собственном бессилии» [Schmitter 2003, с. 39–40].

Создатели нарративного метода лингвоисториографии вступили в определенную конфронтацию со сторонником практического и методологического описания в лингвоисториографии К. Кернером (E. F. K. Koerner), для которого суть исторического или лингвоисториографического описания состоит в положении, когда «факты говорят сами за себя» в противовес «соблазнительным интерпретациям».

Исходя из такого подхода, Кернер выдвинул лозунг лингвоисториографа «держат нос внизу» (the nose to the ground) [Koerner 1995, с. 21]. Таким образом, идеалом историографического описания Кернер считал «широкий позитивизм», а именно – такой «подход к объекту, который стремится анализировать, описывать и представлять исторические события» [Koerner 1989, с. 103].

К сожалению, Кернер не учел, что сами факты, а также установленные события и череда этих событий также являются продуктом реконструкции лингвоисториографа.

Ф. Анкерсмит считал, что любая историческая эпоха может быть проанализирована с учетом «объективно» оцениваемых данных о ней [Анкерсмит 2003, с. 126]. Действительность показывает, что никаких объективно оцениваемых данных о конкретной исторической эпохе

не существует, так как они постоянно меняются, в первую очередь по причине открытия новых обстоятельств или фактов. Ни одна историческая эпоха не остается оцененной раз и навсегда, так как исторический анализ является подвижной категорией.

Отметим, что лингвисториографы-нарративисты не ставят своей задачей конструирование некоей рамки, с помощью которой необходимо оценивать личность ученого и его научную деятельность. Известно, что в Германии во времена национал-социализма многие ученые были вынуждены эмигрировать, другие старались оказать своего рода сопротивление, занимаясь относительно «мирными» темами, не имеющими отношения к основной лингвофилософской парадигме (например, теологическое направление немецкой лингвистики, отчасти неогумбольдтианство). Третья группа предпочла работать в соответствии с идеологическими установками нового общества по правилам тоталитарной парадигмы и дискурсивным практикам тоталитарного общества. Факт работы при нацистском режиме позволил молодым лингвистам – сторонникам модного американского таксономического структурализма в Германии в 60-гг. прошлого века в рамках процесса «очищения языкознания от наследия прошлого» оценивать деятельность немецких лингвистов с точки зрения их сопротивления правящим кругам или их соглашательской позиции, порицать их недостаточно героическое поведение и требовать, соответственно, их критики, изгнания из профессиональных кругов и других подобных карающих действий. Среди лингвистов, подвергшихся такой травле, был Й. Л. Вайсгербер [Радченко 2004]. Для лингвисториографа-нарративиста же исходным пунктом описания научной работы лингвистов той эпохи является представление об их научной деятельности в экстремальных жизненных обстоятельствах.

В русле нарративного описания работает несколько российских лингвистов: О. А. Радченко, под руководством которого появился также ряд работ, посвященных истории развития лингвистики Германии, в том числе в период национал-социализма, например: Т. В. Эденхофер «Принципы эргологической этимологии и теории поля в концепции Й. Трира», М. А. Демьяненко «Новая» философия и теория языка в Германии 20–30-х гг. XX в., Л. С. Аликаевой «Немецкий лингвофилософский дискурс XVIII столетия (концепция Й. Г. Гаманна)», К. С. Мюллер «Речевые стратегии в антисемитском дискурсе (на

материале анализа немецких учебных пособий по истории Германии)»; Лукин Олег Владимирович, под руководством которого была защищена кандидатская диссертация А. В. Лозы «Лингвофилософская парадигма исследований Конрада Германна».

Несмотря на наличие ряда работ, нарративный метод имеет довольно ограниченную сферу использования. Так, в недавно изданной прекрасной хрестоматии «Отечественные лингвисты XX века» [Отечественные лингвисты ..., 2016] он практически не используется, хотя многие авторы были хорошо знакомы с языковедами, биографии которых представлены в данном справочнике. Эпизоды из личных бесед или элементы научного интервьюирования, безусловно, стали бы украшением хрестоматии и способствовали бы формированию рефлексии научного знания о русском, советском и российском языкознании XX в.

В нашем исследовании лингвистики тоталитарных государств XX в. мы попытались реализовать нарративный лингвоисториографический подход применительно к изучению научного наследия не отдельных ученых, а лингвистики в этих странах в целом, для описания ее как целостной системы, механизмы которой порождаются тоталитарной идеологией. Данный подход к интерпретации истории языкознания тоталитарных государств заключается в комплексном описании лингвистических теорий в их связи с общественно-политической ситуацией, сложившейся в определенной стране, с совокупностью дискурсивных практик общества, а также с общими тенденциями развития научного знания в определенный исторический период.

Исследование научного интрадискурса предполагает в нашей концепции изучение тоталитарного общества с точки зрения анализа стиля мышления и поведения ученых-лингвистов, влияния дискурсивных практик (в трактовке М. Фуко) тоталитарного общества на взаимоотношения внутри научного сообщества.

Действуя по предписаниям и принципам нарративного подхода, в том числе работая на антропологическом (*anthropologisch*), историко-логическом (*geschichtslologisch*) и текстуальном уровнях (*textuell*) [Schmitter 2003, с. 62], помимо биографий ученых и последовательного анализа их работ, нами были привлечены и такие виды источников, как документы законодательного характера, официальные публикации по языковым вопросам, архивные материалы,

особенно связанные с деятельностью языковедческих институтов или университетских кафедр, а также собрания сочинений лидеров государства и партийных лидеров, стенограммы съездов и совещаний. К анализу были привлечены личные беседы с учеными-лингвистами или их родственниками – свидетелями тех или иных исторических событий, а также мемуары, описывающие обстановку той эпохи [Костева 2014, с. 102–105]. Изучение и сопоставление данных документов позволило нам создать модель «тоталитарной» лингвистики, включающую дискурсивные практики, используемые в государствах, которые в современной политолингвистике принято относить к тоталитарным, а именно – СССР (1924–1953), Германии (1933–1945), Италии (1922–1943), Испании (1933–1975), Албании (1941–1985), Румынии (1948–1989) и Китая (1949–1976).

К основным дискурсивным практикам научного интрадискурса относятся, например:

- управляемость со стороны государственного руководства, включая личное участие лидеров тоталитарных государств в постановке и выполнении языковых задач;
- партийный контроль над научными исследованиями;
- монополизация научной языковедческой деятельности, ее подчинение господствующей идеологии;
- создание системы запретов и манипулирование ею при осуществлении различных видов научной деятельности;
- создание специального законодательства по языковой политике;
- создание специальных органов, комитетов, комиссий и т. д. по внедрению лингвистических проектов; создание государственного аппарата и иных структур, контролирующих и управляющих деятельностью ученых-лингвистов;
- апеллирование к широкой общественности.

Отметим, что написание истории относительно недалекого исторического периода задача весьма неблагодарная. Будучи частью политолингвистики, реконструкция лингвистического знания в тоталитарных государствах никогда не бывает и не будет беспристрастной. Тем важнее нам представляется использование нарративного подхода, хотя и он в силу ряда причин, например, ограниченного доступа к материалам или отсутствия первоисточников по определенной тематике, не может быть реализован полностью, что не исключает

его ценности для проведения исследовательских работ в области лингвисториографии.

Полагаем, что использование принципов нарративности в лингвисториографии способствует переосмыслению критериев объективности в научном историческом описании, расширению их числа, и вследствие этого позволяет добиться большей объективности самого исследования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Анкерсмит Ф.* Нарративная логика. Семантический анализ языка историков / пер. с англ. О. Гавришиной, А. Олейникова ; под науч. ред. Л. Б. Макеевой. М. : Идея-Пресс, 2003. 360 с.
- Гухман М. М.* Критика взглядов Н. Я. Марра по вопросам родства языков // Против вульгаризации и извращения марксизма в языкознании: сб. статей / под ред. академика В. В. Виноградова и Б. А. Серебренникова. Ч. I. М. : АН СССР, 1951. С. 249–290.
- Десницкая А. В.* О роли антимарксистской теории происхождения языка в общей системе взглядов Н. Я. Марра // Против вульгаризации и извращения марксизма в языкознании: сб. статей / под ред. академика В. В. Виноградова и Б. А. Серебренникова. Ч. I. М. : АН СССР, 1951. С. 26–59.
- Костева В. М.* Об использовании нарратива в изучении «тоталитарной» лингвистики: из опыта исследования // Вестник МичГАУ, 2014. № 3. С. 102–105.
- Отечественные лингвисты XX века / отв. ред. В. В. Потапов. М. : Издательский дом ЯСК, 2016. 808 с.
- Радченко О. А.* Нарративная лингвисториография: поиски нового объективизма // Язык: теория, история, типология. М. : Ин-т языкознания РАН, УРСС, 2000. С. 124–130.
- Радченко О. А.* Апостол родного языка // Вайсгербер Й. Л. Родной язык и формирование духа. М. : УРСС, 2004. С. 3–39. URL : sus.ru/knigi/7128-1-istoriya-lingvofilosofskoy-misli-johann-leo-weisgerber-muttersprache-und-geistesbildung-l-vaysgerber-rodnoy-yazik-formi.php
- Koerner E. F. K.* Practicing linguistic historiography. Amsterdam ; Philadelphia : Benjamins, 1989. 454 p.
- Koerner E. F. K.* Professing Linguistic Historiography. Amsterdam ; Philadelphia : John Benjamins Publishing, 1995. 274 s.
- Schmitter P.* Historiographie und Narration. Metahistoriographische Aspekte der Wissenschaftsgeschichtsschreibung der Linguistik. Seol – Tübingen : Sowaldalmedia ; Narr, 2003. 187 S.

УДК 316.776.33

И. С. Лебедева, И. Д. Романова

Лебедева И. С., кандидат филологических наук;
доцент каф. грамматики и истории английского языка
факультета английского языка МГЛУ; e-mail: Lebedeva_Irina_68@yahoo.com

Романова И. Д., аспирант каф. грамматики и истории английского языка
факультета английского языка МГЛУ, преподаватель каф. грамматики
и истории английского языка факультета английского языка МГЛУ;
e-mail: id-vedenina@yandex.ru

МОДАЛЬНЫЕ КОМБИНАЦИИ «MIGHT HAVE DONE» И «COULD HAVE DONE» В ПЕРСОНАЛЬНОМ И ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОМ ДИСКУРСЕ

В статье изучаются значения модальных комбинаций *could have done* и *might have done*, а также особенности их употребления в персональном и институциональном дискурсе. Авторы рассматривают наиболее частотные значения *could have done* и *might have done*: нереализованную возможность и предположение, акцентируя внимание на различиях между данными модальными комбинациями. В статье приведены многочисленные примеры, иллюстрирующие функционирование рассматриваемых модальных комбинаций в рассматриваемых типах дискурса. Также объясняется выбор той или иной комбинации с точки зрения интенций говорящего и коммуникативных стратегий.

Ключевые слова: модальность; модальные комбинации; персональный дискурс; институциональный дискурс; нереализованная возможность; предположение; персуазивность.

I. S. Lebedeva, I. D. Romanova

Lebedeva I. S., Ph.D. (Philology), Assoc. Prof., Chair of Grammar and History of English, English Language Department, MSLU;
e-mail: Lebedeva_Irina_68@yahoo.com

Romanova I. D., Postgraduate, Chair of Grammar and History of English, English Language Department, MSLU; e-mail: id-vedenina@yandex.ru

MODAL COMBINATIONS “MIGHT HAVE DONE” AND “COULD HAVE DONE” IN PERSONAL AND INSTITUTIONAL DISCOURSES

The present paper studies the meanings of the modal combinations *could have done* and *might have done* and the peculiarities of their use in personal / interpersonal and institutional discourse types. The differences between the two combinations used in the modal meanings of unrealized possibility and supposition are set out. Ample examples are provided to illustrate the usage of *could have done* and *might have*

done in the given discourse types. The speaker's choice is explained in terms of their intention and the communicative strategy they opt for.

Key words: modality, modal combinations, personal / interpersonal discourse; institutional discourse; unrealized possibility; supposition; persuasiveness.

Особый интерес для изучения с точки зрения оттенков значений представляет пара модальных комбинаций *could have done* и *might have done*, наиболее распространенными значениями которых являются нереализованная возможность (динамическая модальность) и предположение (эпистемическая модальность). На первый взгляд может показаться, что данные модальные комбинации используются взаимозаменяемо, однако это не так. В значении нереализованной возможности (*unrealized possibility*) *might have done* указывает, что действие не было осуществлено в силу определенных обстоятельств, которые характеризовали ситуацию, в то время как *could have done* акцентирует внимание на факте неосуществления действия; обстоятельства и причины, почему действие не произошло, представляются говорящему малозначительными.

Использование модальной комбинации *might have done* в значении нереализованной возможности ситуативно, демонстрирует вовлеченность говорящего в разговор, а также эмоциональную связь с событиями, о которых идет речь, когда предмет разговора затрагивает интересы и ценности говорящего. С точки зрения когнитивизма *might have done* используется, когда время, затраченное на обработку информации или осознание происходящего, минимально. Соответственно, высказывание с *might have done*, описывает то, что произошло относительно недавно, до сих пор свежо в памяти индивида, в большей степени затрагивает его эмоциональный план и в целом звучит более эмоционально:

- (a) Sukhvinder, kept saying, “You *might have died*. You *might have died*.” It was as if she was still underwater... “I don’t know you might have died, Jolly” (J. K. Rowling. “*The Casual Vacancy*”).

В примере (a) модальная комбинация *might have done* произносится говорящим несколько раз, подтверждая тот факт, что он не может поверить в происходящее и находится под влиянием сильных негативных эмоций. Слова автора *as if she was still underwater* усиливают эффект происходящего, показывая, что для говорящего

ситуация – не просто абстрактное описание событий, это то, что он переживает. Более того, данное высказывание было произнесено сразу после случившегося, т. е. возможный вариант развития событий, который, к счастью, не был осуществлен, описывается говорящим с помощью *might have done* под воздействием сильных эмоций, у него не было возможности обдумать происходящее. Следующий пример подтверждает вышесказанное:

- (b) “Seeing her in that state, knowing that I might have something to do with her mental breakdown...She **might have harmed** you. And it would have been my fault” (E. L. James. “*Fifty Shades Darker*”).

Модальная комбинация *could have done* в значении нереализованной возможности, напротив, звучит абстрактно и отвлеченно, а ее использование можно наблюдать в следующих случаях:

1) действие носит характер абстрактного прогнозирования (ситуация не сложилась, поэтому обстоятельства осуществления действия следует рассматривать как гипотетические):

- (c) You should have come to the party. We **could have** had fun [Vince 2009].

В описываемой ситуации использование модальной комбинации *should have done* показывает, что желаемое действие не произошло, следовательно, ситуация не сложилась. Далее следует абстрактное прогнозирование того, что могло бы быть, если бы ситуация сложилась (*could have done*);

2) ситуация, о которой идет речь, не волнует говорящего или не имеет непосредственного отношения к нему; или он намеренно отдаляет от себя тяжелые воспоминания о ситуации. С течением времени человеку свойственно забывать детали трагических событий или психологически отдалять неприятные воспоминания, тем самым защищая себя от возможных переживаний, которые могут вызвать эти воспоминания. В таких ситуациях используется модальная комбинация *could have done*:

- (d) Mrs. Knight looked murderous in Chanel. In Bishop’s office, sitting very straight on a hard chair, she glared at the three of us with eyes like zircons. “Mrs. Knight,” said Devine. “The boy **could have died**.” Mrs. Knight wasn’t impressed (J. Harris. “*Gentlemen and Players*”).

Пример (d) иллюстрирует ситуацию подобную (a) (*Sukhvinder kept saying “You might have died”*), но произнесенную при других

обстоятельствах. Во-первых, разговор, касающийся возможной смерти мальчика, произошел не сразу после происходящего: между обсуждаемой ситуацией и моментом речи прошел большой промежуток времени. Во-вторых, говорящий называет пострадавшего *the boy*, что ставит под сомнение тот факт, что мальчик являлся его родственником или был близким для него человеком. Кроме того, инцидент случился по вине *Mrs. Knight*, следовательно, сам говорящий вовлечен в ситуацию в меньшей степени, использование *could have done* делает речь менее эмоциональной, придает ей более официальный характер.

Другая особенность, позволяющая понять различия между рассматриваемыми модальными комбинациями в значении нереализованной возможности, – акцентная составляющая. *Could have done* используется говорящим, чтобы подчеркнуть, что результат реальной ситуации отличается от того, что могло бы произойти. *Might have done* переносит акцент с результата на непосредственно действие, которое не произошло, а также обстоятельства, которые помешали его осуществлению.

- (e) “Oh, we’re just about to go in there”, the man said smiling. “It’s a shame we just missed you, we **could have eaten** together” (*Cecelia Athern. “P. S. I love you”*).

В данном примере говорящий акцентирует отсутствию результата *but we didn’t*.

- (f) “My water jug is empty. And I need some kind of snack. To keep my energy levels up.” “You **could have brought** your jug into the kitchen,” – I suggest mildly. (*Sophie Kinsella “Undomestic Goddess”*).
- (g) “Sorry for what?” he says alarmed. “Not using the safe word”. He closed his eyes, as if in relief. “We **might have avoided** all this suffering” (*E. L. James. “Fifty Shades Darker”*).

В данном примере говорящий имеет в виду, что была возможность избежать страданий (*avoid all this suffering*), однако неизвестно случилось бы это или нет при других обстоятельствах, у говорящего нет уверенности.

- (h) I was not a very good mother, Christopher. Maybe if things had been different, maybe if you’d been different, I **might have been** better at it. (*Mark Haddon “The Curious Incident of the Dog in the Night-Time”*).

Женщина не знает, была бы она хорошей матерью, но подчеркивает, что могла существовать возможность иного развития событий, если бы обстоятельства были другими.

Примеры (а) – (h) иллюстрируют функционирование *might have done* и *could have done* в персональном дискурсе, где, как было сказано выше, выражение вовлеченности говорящего в ситуацию происходит неосознанно и, главным образом, является показателем его отношения к тому, что он говорит. Особенностью институционального дискурса является интенциональность, т. е. целевая установка, намеренный / продуманный выбор модели поведения, стратегии, тактик ее реализации [Карасик 2000]. Речь в рамках институционального общения, как правило, заранее спланирована, а выбор лексико-грамматических средств не случаен, поэтому говорящий может осознанно использовать *might have done* вместо *could have done* в значении нереализованной возможности для того, чтобы продемонстрировать вовлеченность, маскируя истинные коммуникативные интенции личным интересом.

В целом, в институциональном дискурсе *could have done* звучит предпочтительнее, если необходимо подчеркнуть весомость настоящего опыта по сравнению с потенциально возможным, но неосуществленным:

(i) Dear James,

I'm delighted to tell you that you have now been our customer for a whole year! We would just like to say thank you for being a part of our family. We are very grateful for your continued patronage because we wouldn't be here without loyal customers like you. You ***could have chosen*** any other business, but we appreciate that you have stuck with us. Thank you, again, and have a great day!

Sincerely,

Your friends at (your business)

(For a repeat customer, at the 1-year mark loyalty Thank You note)¹.

(j) Dear Stephen,

I was very glad to help you find the perfect gift for your wife, and I just wanted to reach out and say thank you! Thanks for finding our shop, even though you ***could have easily just gone*** to your local Fannie Mae. I hope you

¹ URL : talkroute.com/7-sample-thank-you-notes-for-business/

visit us again soon, even if you just have a craving – j because I know our sweets are the best Be well, and take care!

All the best,

Jonathan (For a new customer, Mom & Pop store)¹.

Благодарственные письма (примеры *i* и *j*) являются эффективным способом расположить к себе клиента, создать в его глазах позитивный корпоративный имидж и укрепить его положительное отношение к компании. Такой способ коммуникации демонстрирует ценность и значимость клиента для компании, что, безусловно, является необходимым условием сохранения доверия между сторонами и желания продолжать сотрудничество. Целью использования модальных *could have chosen* и *could have gone* в вышеуказанных примерах является демонстрация клиенту, насколько для компании важен их выбор, то есть настоящий результат. В переводе на русский язык *You could have chosen any other business, but we appreciate that you have stuck with us* означает: *Вы могли выбрать другую компанию, но остались с нами, что для нас очень важно*. В случае использования *might have chosen* или *might have gone*, соответственно, письма утратили бы всякий смысл, так как центром коммуникации стала бы возможность клиента воспользоваться услугами других компаний.

В высказываниях политиков модальная комбинация *could have done* используется для указания на упущенную возможность:

- (k) The European Union – 28 countries and 520 million people – ***could have made*** us stronger, by defending our steel industries together. The actions of the Conservative Government weakened us (*Jeremy Corbyn*)².

Целевая установка Джереми Корбина – убедить публику в том, что быть частью Европейского союза более правильный путь для Британии. В данном примере *could have made* акцентирует внимание на том, что возможность действовать в союзе с Европейскими странами и, следовательно, стать сильнее, по мнению говорящего, была упущена, что и является причиной настоящего результата – страна не такая сильная, какой могла бы быть: *Мы могли бы стать сильнее*

¹ URL : talkroute.com/7-sample-thank-you-notes-for-business/

²The Spectator: Британский еженедельный журнал. URL : blogs.spectator.co.uk/2018/02/full-text-jeremy-corbyns-brexit-speech-2/

с Европейским союзом, но **не стали**. Таким образом, использование *could have made* в (к) следует рассматривать в качестве технологии персуазивности¹. Комбинация *might have made* прозвучала бы менее убедительно, так как подразумевала бы следующее: **Возможно, Европейский союз сделал бы нас сильнее (а может и не сделал бы)**. Неубедительность *might have done* может быть связана с присущим форме *might* эпистемическим значением предположения низкой степени уверенности, которое *might* сохраняет в большинстве ситуаций.

Особенностью употребления модальной комбинации *could have done* в значении нереализованной возможности в политическом дискурсе является ее употребление в сочетаниях с глаголами, такими как *could have imagined / hoped / anticipated* и т. д. *Could have done* сочетается со сравнительной и превосходной степенями сравнения прилагательных *good* и *bad*.

- (l) I doubt if the evening **could have been** much **worse**, if you want to know the truth (*Nicolas Sparks "A walk to remember"*).
- (m) And what's more important than your first guy? Hey, I **could have done** a lot **worse** (*Candace Bushnell "Summer and the City"*).
- (n) I took at the Augusteum, and I think that perhaps my life has not actually been so chaotic, bringing changes to us all that nobody **could have anticipated** (*Elizabeth Gilbert "Eat Pray Love"*).
- (o) "I didn't see it then, but it turned out that getting fired from Apple was **the best** thing that **could have** ever **happened** to me. The heaviness of being successful was replaced by the lightness of being a beginner again, less sure about everything. It freed me to enter one of the most creative periods of my life" (*Stiff Jobs*)².

¹ **Персуазивность** – это форма взаимодействия индивидов, отличающаяся тем, что, предоставляя информацию, говорящий пытается убедить собеседников пересмотреть свое отношение к проблеме или изменить их посткоммуникативное поведение, при этом оставляя им свободу выбора. Несмотря на то, что и персуазивность, и воздействие подразумевают оказание определенного влияния на собеседника, существует разница между данными понятиями (воздействие ≠ персуазивность). *Воздействие* следует воспринимать как общий термин, подразумевающий оказание определенного влияния на собеседника. [Лебедева, Романова 2018].

² PCWorld («Мир ПК»): Ежемесячный журнал. URL : www.pcworld.com/article/238905/top_three_steve_jobs_speeches.html

- (p) But of course, when this campaign started, we **could never have predicted** the tragic turn that events would take. We **could never have imagined** the appalling depravity that led a cowardly and callous killer to target innocent men, women and children in the way that we saw in Manchester two weeks ago (*Theresa May*)¹.

Такие сочетания подчеркивают, что ожидания говорящего по поводу настоящей ситуации оправданы или превосходят ожидаемое.

Противоположную ситуацию можно наблюдать в случае употребления *might have done* и *could have done* в эпистемическом значении предположения. Рассмотрим примеры:

- (q) “And I was crossing the street I had a stroke of inspiration about who **might have killed** Wellington?” (*Mark Haddon. “The Curious Incident of the Dog in the Night-Time”*).
- (r) “Are you a journalist, then? She says...” “Your name seems quite familiar.” “Yes,” I manage. You **might have read** some of my articles.”
- (s) And when I looked at it for a long time I could see it moving very slowly and it was like an alien spaceship hundreds of kilometers long...except it was made of solid material...And it **could have been** an alien spaceship. People think that alien spaceships would be solid...But aliens, if they exist, would probably be different from us. (*Mark Haddon. “The Curious Incident of the Dog in the Night-Time”*).
- (t) “Someone really likes you”, she said...Luke Brandon pops into my mind before I can stop it...She **could have bumped** into him at the cinema, whispers my brain. She does know him after all, doesn’t she? And she could have said... (*Sophie Kinsella. “The Secret Dreamworld of a Shopaholic”*).

Анализ примеров (q) – (t) позволяет сделать вывод о том, что *might have done* используется, когда предположение носит более реальный характер, чем в ситуациях с *could have done*. Модальная комбинация *could have done* используется в более философском абстрактном смысле. Говорящий звучит отстраненно, даже немного мечтательно. В институциональном дискурсе *might have done* предпочтительнее в значении предположения:

¹ The Spectator: Британский еженедельный журнал. URL : blogs.spectator.co.uk/2017/06/theresa-mays-strong-leadership-speech-full-transcript/

- (u) He spoke for 70-odd minutes – and I do mean odd. And he offered zero solutions. But we already know he doesn't believe these things. No wonder he doesn't like talking about his plans. You *might have noticed*, I love talking about mine. It's just not right that Donald Trump can ignore his debts, But Trump, he's a businessman. He must know something about the economy (*Hillary Clinton*)¹.
- (v) You *might have asked* yourself if these last years are really the America we want, the America won for us by the greatest generation... We were Mormons and growing up in Michigan; that *might have seemed* unusual or out of place but I really don't remember it that way. My friends cared more about what sports teams we followed than what church we went to (*Mitt Romney*)².

Таким образом, модальные комбинации *might have done* и *could have done*, используемые в значениях нереализованной возможности и предположения в персональном и институциональном дискурсах, не следует рассматривать как взаимозаменяемые. Оттенки значений, которые они передают, позволяют говорящему не только сообщить информацию, но и представить ее в нужном ракурсе, усиливая эффект сказанного, чтобы убедить слушателя, и, наоборот, смягчая высказывание, если это необходимо.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Карасик В. И. О типах дискурса [Текст] // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс : сб. науч. тр. Волгоград, 2000. С. 5–20.
- Лебедева И. С., Романова И. Д. Персуазивность, манипуляция, лингвистическое принуждение в бизнес-коммуникации // Вопросы прикладной лингвистики. М., 2018. № 1 (29). С. 30–45.
- Vince M. Advanced Language Practice. London : MacMillan, 2009. 352 p.

¹The Boston Globe («Бостон глоуб»): Американская еженедельная газета. URL : apps.bostonglobe.com/graphics/2016/07/convention-speeches/#cat-4--clinton

²The Huffington post («Хэффингтон Пост»): Американское интернет-издание. URL : www.huffingtonpost.com/2012/08/30/mitt-romney-speech-text_n_1826619.html

УДК 81'1

А. А. Овсянникова

преподаватель каф. языков и культур стран СНГ
и ближнего зарубежья, МГЛУ; e-mail: oassol@mail.ru

ЭВОКАТИВНОСТЬ В СОВРЕМЕННОМ ТЕАТРАЛЬНОМ ДИСКУРСЕ (на примере творчества Богдана Ступки)

В данной статье эвокативность рассматривается на примере современного театрального дискурса с привлечением театральных работ Богдана Ступки (1943–2012). Автор анализирует невербальные способы передачи эмоционально окрашенной информации в ходе театральной постановки. Анализу подвергается интеллектуальное взаимодействие институтов театра и зрителя, возникающее в процессе просмотра спектакля. В работе приводятся также результаты опроса, проведенного в форме анкетирования, в которых проанализированы особенности восприятия, а также кодирования и декодирования на невербальном уровне информации, значимой для зрителя.

Ключевые слова: полимодальность; дуалистичность; многомерность; массовость; кодирование; декодирование; театральный дискурс; Б. Ступка.

A. A. Ovsyannikova

Lecturer of the Chair of Languages and Cultures of CIS
and Neighboring Countries, Moscow State Linguistic University;
e-mail: oassol@mail.ru

EVOCATIVENESS IN MODERN THEATRICAL DISCOURSE (analysis of theatrical works by Bogdan Stupka)

In the paper, evocativeness is discussed in terms of modern theatrical discourse that involves theatrical works by Bogdan Stupka (1943–2012). The author analyses nonverbal ways of conveying emotionally coloured information during a stage performance. The analysis focuses on the intellectual interaction between the institutes of the theatre and the spectator that occurs during the performance. The article also introduces the results of a survey conducted in the form of a questionnaire, which analyses the features of perception, as well as the process of coding and decoding information relevant to the viewer at the nonverbal level.

Key words: polymodality; duality; multidimensionality; massive involvement; coding; decoding; theatrical discourse; Bogdan Stupka.

1. Введение

Исследование, результаты которого представлены в данной статье, проводилось в ходе научной работы по изучению феномена эвокативности в современном театральном дискурсе. Приводимые

ниже данные являются промежуточными и могут рассматриваться в качестве итогов пилотного эксперимента, за которым последует основной.

При проведении пилотного эксперимента особое внимание уделялось элементам просодии, в том числе высоте и громкости голоса, тембру, перепадам частот, ритму речи, ее паузированию и т. д., дополненной невербальными средствами – жестикой, мимикой, позированием и т. д., всем тем, что входит в понятие «тип поведения» [Майерс 2013]. Иными словами, при создании театрального или кинематографического образа тип поведения может быть «декодирован», «дешифрован», «прочитан» и понят зрителем.

На настоящем этапе нашего исследования мы рассматриваем упомянутые выше характеристики с учетом особенностей интеллектуального взаимодействия коммуникативной пары *актер – зритель*.

Итак, на наш взгляд, общение актера со зрителем характеризуется *полиmodalностью*, которая выражается в совместной работе и актера, и зрителя, а также реализуется посредством различных способов освоения окружающей действительности и, соответственно, передачи информации – акустических, зрительных, жестовых, вербальных.

Для коммуникации по оси *актер – зритель* типична *многомерность*, состоящая в том, что многочисленные пласты информации и различных смыслов необходимо анализировать и интерпретировать в ходе реализации социокультурного взаимодействия.

Во взаимодействии актера и зрителя проявляется *гибридность*, заключающаяся в одновременном использовании актером различных семиотических кодов при оформлении, подаче и передаче информации для оказания различных видов воздействия на зрителя.

Общение характеризуется *дуалистичностью*, которая осуществляется благодаря коммуникации между актером и зрителем, являясь частью более широкого круга коммуникантов, оставаясь при этом самодостаточным коммуникативным актом.

Взаимодействие пары *актер – зритель* отличается *массовостью*, которая проявляется в присутствии многочисленной зрительской аудитории, и *многофункциональностью*, которая состоит в том, что театральное искусство выполняет ряд функций – развлекательную, познавательную, воспитательную, эстетическую, социальную и т. д.

2. Феномент эвокативности в современном театральном дискурсе: результаты опроса

Любое экспериментальное исследование носит познавательный характер, поскольку проводится с целью получения новых знаний. Как правило, оно включает три этапа. Первый – подготовительный, в процессе которого разрабатывается исследовательская программа и определяется цель проведения эксперимента. Второй – основной – непосредственно сам эксперимент. И третий – заключительный – предполагает обработку полученных результатов исследования и формирование выводов [цит. по: Гусейнова 1999].

Цель нашего эксперимента состоит в определении выразительных художественных средств, которые несут наибольшую смысловую нагрузку в театральной постановке. Одним из главных условий эксперимента было использование незнакомого языка, т. е. респонденты получали информацию преимущественно через различные семиотические коды, прежде всего, невербального характера.

На первом этапе исследования в результате тщательного отбора респондентам был предложен видеофрагмент спектакля «Тевье-Тевель» Национального академического драматического театра им. Ивана Франко (Киев) в постановке Сергея Данченко (1937–2001) по мотивам произведений Шолом-Алейхема (1859–1916) и Григория Горина (1940–2000) с народным артистом Украины Богданом Ступкой в заглавной роли.

На этом этапе также была выбрана форма сбора информации – очное (в присутствии исследователя-анкетера) сплошное (опрос всех представителей выборки) аудиторное анкетирование, предполагающее одновременное заполнение анкет группой людей, собранных в одном помещении.

Остановив свой выбор на этом методе исследования, мы преследовали цель с наименьшими затратами получить высокий уровень массовости.

Наш исследовательский эксперимент состоял из четырех этапов. Первый предполагал просмотр шестиминутного видеофрагмента спектакля. Второй заключался в непосредственном проведении анкетирования. Третий представлял собой обработку анкет. И четвертый – анализ полученной информации и формулирование выводов.

Предложенная респондентам анкета состояла из трех блоков:

- 1) паспортички, содержащей необходимые сведения о респонденте: его возраст, пол, образование, страна проживания;
- 2) первого основного блока вопросов полуоткрытого типа, позволяющих респондентам дополнять предложенное «меню» ответов;
- 3) второго основного блока, представляющего собой два открытых вопроса, не предусматривающих подсказок и позволяющих свободно и полно выразить свое мнение.

Одним из условий анкетирования была анонимность респондентов, что, по нашему мнению, уредило возможную напряженность, связанную с «невладением» предметом исследования.

Учитывая все вышеизложенное, нами была предпринята попытка максимально упростить работу с анкетой. Исходя из того, что современное театральное искусство характеризуется полимодальностью, многомерностью, дуалистичностью и массовостью, данные термины были предъявлены респондентам с разъяснениями и комментариями. Так, среди составляющих общего эвокативного воздействия были предложены такие эмоциональные состояния, как восторг, умиление, смех, сопереживание, агрессия и т. д.; среди составляющих *полимодальности* были предложены такие каналы передачи информации, как звуковое оформление, зрительные образы, жестика, кинесика, речевое оформление и т. д.; среди составляющих *многомерности* были указаны паузы, совокупность телодвижений, мимика и др.; среди составляющих *дуалистичности* были упомянуты наличие контакта между партнерами на сцене, актеров со зрительным залом и др.

Во втором блоке вопросов открытого типа респондентам была предоставлена возможность высказать свое личное мнение по поводу того, является ли на сегодняшний день театральное искусство массовым, и если да – дать свое понимание этой характеристики, а также описать функции современного театра. Результаты опроса отражены в нижеприведенных таблицах в процентном соотношении.

При выборе участников эксперимента мы сознательно остановились на фокус-группе, не владеющей украинским языком. Респонденты – студенты и преподаватели двух вузов – Минского государственного лингвистического университета и Московского государственного лингвистического университета, в соотношении 65 %

и 35%. На сегодняшний день нами опрошено 66 человек, составляющих условные 100 %.

Аудитория представляла собой условную мини-модель зрительного зала. В эксперименте приняли участие мужчины и женщины в возрасте 18–56 лет, с неполным высшим и высшим лингвистическим образованием.

Таблица 1

Эмоции, которые вызвал предложенный видеофрагмент

№ п/п	Эмоция	Количество, в %
1.	Сопереживание	23
2.	Смех	19
3.	Заинтересованность происходящим	11
4.	Умиление	9
5.	Восторг	9
6.	Любопытство	7
7.	Смятение	7
8.	Замешательство от непонимания языка	6
9.	Не испытали никаких эмоций	4
10.	Другое (по одному ответу: удивление, эстетическое наслаждение, печаль, напряжение, агрессия)	11

Несмотря на то, что респонденты не имели возможности воспринимать информацию на вербальном уровне, эмоциональное восприятие предложенного видеофрагмента совпало с теми эмоциями, которые испытывает зритель, понимающий украинский язык (см. табл. 1). Данное обстоятельство свидетельствует о том, что передача эмоций при помощи невербальных средств является в целом достаточной для понимания видеофрагмента и / или театральной постановки.

По мнению респондентов, в современном театре *полиmodalность* воплощается через разные семиотические коды, которые в своей совокупности порождают театральный эффект, находящий отклик

у зрителя, интерпретирующего получаемую им в ходе постановки информацию (см. табл. 2).

Таблица 2

Выразительные средства, характеризующие полиmodalность

№ п/п	Выразительные средства	Количество, в %
1.	Зрительные образы	26
2.	Кинесика (совокупность телодвижений)	21
3.	Звуковое оформление спектакля	19
4.	Речевое оформление (интонационное)	18
5.	Гестика	16

Таблица 3

Выразительные средства, характеризующие многомерность

№ п/п	Выразительные средства	Количество, в %
1.	Кинесика (мимика)	27
2.	Кинесика (совокупность телодвижений)	22
3.	Подтекст происходящего	19
4.	Паузирование речи	14
5.	Фактологическая информация	11
6.	Другое (цветовая гамма спектакля, освещение, одежда)	5
7.	Ничего не ответили	2

Таблица 3 наглядно показывает, что для респондентов самым информативным невербальным каналом информации, характеризующим *многомерность*, является кинесика – в большей мере ее такая составляющая, как мимика, и в меньшей – совокупность телодвижений. При этом для большого количества анкетированных немаловажное значение имеет подтекст происходящего, который выражается исключительно посредством невербальных каналов передачи информации.

Таблица 4

Коммуникативные пары, характеризующие дуалистичность

№ п/п	Выразительные средства	Количество, в %
1.	Актеры – зрители	45
2.	Актеры – актеры	37
3.	Автор – зритель, режиссер – зритель	3
4.	Ничего не ответили	15

Таким образом, была подтверждена наша гипотеза о том, что современный театр характеризуется и *дуалистичностью*. При ответе на этот вопрос большинство респондентов подчеркнули предложенные нами коммуникативные пары *актеры – зрители* и *актеры – актеры*. Этот вопрос полузакрытого типа предполагал наличие и других ответов, но только единицы указали на две «спрятанные» пары – *автор – зритель* и *режиссер – зритель* (см. табл. 4).

Ответы на вопрос, призванный раскрыть информативную нагрузку таких элементов театральной постановки, как костюмы, реквизит, пластика и система взаимоотношений героев, распределились следующим образом (см. табл. 5).

Таблица 5

Информация, считанная с костюмов

№ п/п	Информация	Количество, в %
1.	Социальный статус героя	33
2.	Характер	15
3.	Национальность	7
4.	Время событий	8
5.	Место событий	4
6.	Иное (по одному ответу: образ жизни, отношения между персонажами, эмоциональность и др.)	16
7.	Ничего не считали	17

Таблица 6

Информация, считанная с пластики

№ п/п	Информация	Количество, в %
1.	Эмоциональное состояние главного героя	25
2.	Характер главного героя	15
3.	Иное (национальность, темперамент, возраст, физические данные, социальный статус, пластика восполняет отсутствие декораций)	25
4.	Не ответили	35

Таблица 7

Информация, считанная из взаимоотношений главного героя с другими персонажами

№ п/п	Информация	Количество, в %
1.	Свойские, патриархальные, соседские, положительные	28
2.	Характер главного героя (общительность, скромность, упрямство, вспыльчивость)	10
3.	Эмоциональное состояние героя (напряжение, нестабильное, неуравновешенное)	8
4.	Иное (национальный колорит, социальный статус и др.)	16
5.	Ничего не отметили	38

Таблица 8

Информация, считанная с реквизита

№ п/п	Информация	Количество, в %
1.	Социальный статус	18

№ п/п	Информация	Количество, в %
2.	Место действия	8
3.	Время действия	4
4.	Иное (придает условность и притчевость, усиливает эмоциональное состояние героя и др.)	18
5.	Ничего не считали	52

Среди вопросов, связанных с информативностью таких выразительных средств в театральном дискурсе, как костюмы, пластика, взаимодействие главного героя с другими персонажами и реквизит, для респондентов наиболее информативными оказались костюмы, посредством которых были переданы социальный статус героя, его характер, время и место событий, национальность.

Таблица 6, предоставляющая ответы на вопрос об информативности пластики в спектакле, наглядно показывает, что посредством пластики актеры передают эмоциональное состояние, характер, национальные черты и др.

При описании информации, полученной посредством системы взаимоотношений главного героя с другими персонажами (см. табл. 7), анкетированные также отметили эмоциональное состояние героя, его характер, национальные черты, возрастные особенности и социальный статус.

Следует отметить, что на вопрос об информативности реквизита (см. табл. 8) респонденты затруднились ответить (52 % не ответили).

Таким образом, можно сделать вывод о том, что среди предложенных выразительных средств, представляющих невербальные каналы информации, самыми информативными являются костюмы и пластика, менее информативными – система взаимоотношений и наименее информативным – реквизит. По нашему мнению, этот факт нужно учитывать постановочным группам в процессе создания спектакля.

Особый интерес для нашего эксперимента представляли два вопроса открытого типа, призванные раскрыть понимание респондентами таких понятий, как массовость театра и его функции. Результаты оказались следующими.

Таблица 9

Значение термина «массовость театра»

№ п/п	Значение термина	Количество, в %
1.	Количество зрителей на представлении	26
2.	Не является массовым	15
3.	Доступность в материальном выражении (цена билетов)	6
4.	Личное понимание (массовым может быть только в больших городах, зависит от имени режиссера и актеров, зависит от понимания того, что происходит на сцене, может быть массовым, если затрагивает общие темы)	25
5.	Не ответили	28

Таблица 10

Функции современного театра в понимании респондентов

№ п/п	Функции	Количество, в %
1.	Развлекательная	23
2.	Познавательная	21
3.	Социализирующая	8
4.	Воспитательная	8
5.	Эстетическая	8
6.	Духовная	7
8.	Эмоциональная	5
9.	Иное (прививает навыки театрального критика, «расширяет сознание», отражает социоэмотивное состояние общества и др.)	14
10.	Не ответили	6

Ответы респондентов подтверждают нашу гипотезу о том, что современный театр является массовым видом искусства и по-прежнему сохраняет свои традиционные функции (в табл. 10 они представлены в порядке убывания их значимости для зрителя), тем самым удовлетворяя потребности современного зрителя в развлечении, познании, социализации, воспитании и др. Важен и тот факт, что основные функции театра как вида искусства сегодня реализуются в различной степени.

3. Заключение

Результаты пилотного исследования показали, что анкетирование позволяет выявить особенности восприятия современного театрального искусства. Некоторые из них оказывают на зрителя значительное влияние, некоторые – меньшее, но в своей совокупности художественные выразительные средства являются вторым по значимости каналом передачи информации. И этот факт нужно учитывать постановочной группе в процессе создания спектакля.

Следует также отметить, что осознание некомпетентности в вопросах, связанных с театром, не стало определяющим при ответах на предложенные вопросы. Респонденты не проявляли недовольство или другие негативные эмоции ни по поводу просмотренного видеофрагмента спектакля, ни по поводу сформулированных в анкете вопросов.

Проведенный пилотный эксперимент подтвердил нашу гипотезу о том, что современное театральное искусство по-прежнему характеризуется такими понятиями, как *полиmodalность*, *многомерность*, *дуалистичность* и *массовость*, и все их характеристики имеют значение как для авторов постановки, так и для зрителя.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Беданокова З. К. Эвокативность: о термине, понятии и принципе дополнителности // Вестник АГУ. Вып. 4 (187). 2016. С. 40–51.
- Гусейнова И. А. Дескриптивные рекламные тексты как инструмент воздействия в системе маркетинговой коммуникации : дис. ... канд. филол. наук. М., 1999. 223 с.
- Гусейнова И. А. Коммуникативно-прагматические основания жанровой системы в маркетинговом дискурсе: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2010. 41 с.

- Иванова-Лукьянова Г. Н.* Культура устной речи: интонация, паузирование, логическое ударение, темп, ритм : учеб. пособие. 4-е изд. М. : Флинта : Наука, 2002. С. 109.
- Кайда Л. Г.* Эстетический императив интермедиального текста. Лингвофило-софская концепция композиционной поэтики : монография. М. : Флинта : Наука, 2016. 128 с.
- Майерс Дэвид Дж.* Социальная психология / пер. с англ. З. Замчук. 7-е изд. М. [и др.] : Питер, 2013. 793 с. : ил., табл.
- Семенова С. Ю.* Возможности субстантивных структур для представления параметрической информации из текста // Логический анализ языка: Информационная структура текстов разных жанров и эпох. М., 2016. С. 36–46.

ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ АКСИОЛОГИЯ: ЦЕННОСТИ И АНТИЦЕННОСТИ

УДК 81'1

Линь Сюе

аспирант каф. общего и сравнительного языкознания МГЛУ;
e-mail: linxue@mail.ru

ЗООМЕТАФОРА КАК СРЕДСТВО ВЫРАЖЕНИЯ НЕГАТИВНОЙ ОЦЕНКИ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ (на материале китайского и русского языков)

В статье осуществляется сопоставительный анализ политических текстов на русском и китайском языках с целью установления роли зоометафоры в их организации. Актуальность выбранной тематики определяется необходимостью более полного исследования роли языка как средства концептуализации действительности и ее репрезентации в текстах разных жанров. Особую значимость в этой связи приобретает обращение к двум разноструктурным языкам – русскому и китайскому, в которых отражена специфика мировидения двух народов, для которых характерны различные социокультурные, религиозные и философские воззрения. В работе особо отмечается культурный характер когнитивной метафоры, а также ее роль в формировании у человека собственного представления о мире. Кроме того, важным аспектом исследования является рассмотрение зоометафоры как средства выражения субъективной оценки в оценочном по своей сути политическом дискурсе. Будучи важной частью жизни китайского и русского народов, животный мир является богатым источником метафор в русском и китайском языках, особенно в сферах социально-общественной жизни, о чем писали такие выдающиеся теоретики концептуальной метафоры, как Дж. Лакофф и М. Джонсон, А. П. Чудинов, а также ряд китайских лингвистов. Материалом исследования данной статьи послужили тексты из китайской газеты «Жэньминьжибао» и из российской газеты «Аргументы и факты». Особое внимание в статье уделяется метафорам с такими компонентами, как: *акула, лиса, собака, тигр, муха, крыса, дом улитки, племя муравьев и другим*. Известно, что в любой культуре каждому конкретному животному приписывается определенный характер, в связи с чем зоометафора нередко имеет выраженную национально-культурную специфику. Проведенный анализ показал, что метафоры с компонентами «тигр», «муха», «акула» и «крыса» в русском и китайском языках выражают разные значения. Вместе с тем в результате исследования было установлено, что в большинстве случаев зоометафоры в политическом дискурсе являются средствами выражения отрицательной оценки.

Ключевые слова: зоометафора; политический дискурс; концептуальная метафора; ценность; отрицательная оценка.

Lin Xue

Postgraduate student at the Department of General and Comparative Linguistics, Moscow State Linguistic University;
e-mail: linxue@mail.ru

THE ROLE OF ZOOMETAPHOR IN STRUCTURING POLITICAL DISCOURSE (an analysis of Chinese and Russian languages)

The article reveals the results of a comparative analysis in English and Chinese languages aimed at determining the role of zoological metaphors in structuring political discourse. The relevance of this problem is defined by the necessity of further research of language as a way of conceptualizing reality and representing it in the whole variety of genres. It is stressed in the article that Chinese and Russian are two morphologically different languages that reflect the specific features of the mindsets of the two nations that have different sociocultural, religious and philosophic backgrounds. The article focuses on the cultural aspect of cognitive metaphors as well as on its role in shaping the worldview of each individual. Another important aspect of this research is considering zoometaphors as a way of expressing subjective evaluation in this highly evaluative type of political discourse. Being an important part of both people's lives, the animal world is a large source of enriching both Russian and Chinese languages particularly in the sociocultural sphere. This phenomenon is thoroughly described in the works by J. Lakoff, M. Johnson, A. P. Chudinov and in works of a number of Chinese linguists. The analysis relies on the Chinese newspaper «People's Daily» and the Russian newspaper «Arguments and Facts». Special attention is given to metaphors with the following components: *shark, fox, tiger, fly, rat, snail's house, ant, tribe* and etc. It is well-known that any culture ascribes specific features to different animals, therefore zoometaphors commonly have significant cultural and linguistic distinctions. The analysis has shown that metaphors with the components *tiger, fly, shark* and *ant* have different implications in Russian and Chinese. The analysis has also shown that in political discourse zoometaphors mostly tend to express negative evaluation.

Key words: zoometaphor; political discourse; conceptual metaphor; value; negative evaluation.

Метафора уже более двух тысяч лет является предметом интереса мыслителей и ученых. Первую дефиницию этого понятия предложил Аристотель: «Метафора – перенесение слова с изменением значения из рода в вид, из вида в род, или из вида в вид, или по аналогии» [Аристотель 1983, с. 653].

В эпоху Античности и Возрождения метафора рассматривалась как украшение речи, как риторический прием. Впоследствии проблема метафоры вышла из ведения риторики и стала предметом исследования логики, психологии, теории познания, языкознания и других наук. Со временем возникали и формировались новые подходы к изучению и пониманию метафоры, в том числе в функции репрезентации оценки. Однако соотношение метафоры и оценки далеко не однозначно. В метафоре приобретают оценочный смысл как слова, имеющие оценочные коннотации в исходных значениях, так и слова, не имеющие их [Вольф 1988, с. 23].

В. Н. Телия, рассматривая экспрессивно-оценочную функцию метафоры, говорит о том, что оценочная деятельность так же естественна для сознания, как и познавательная, и имеет прагматическую ориентацию: соотносясь с потребностями субъекта, воздействует на его деятельность [Телия 1988]. Функция оценки корректирует метафорический процесс, использующий одно и то же имя, но в разных предметных областях. В последние десятилетия метафора все более активно используется в средствах массовой информации, а также играет особо важную роль в политическом дискурсе.

Исследование метафоры в китайском языке началось также более 2000 лет назад. На протяжении этого времени метафора широко использовалась в поэзии, в художественной литературе, а также в разговорной речи. Цели использования метафоры в каждом конкретном случае могут варьироваться: передача дополнительных «скрытых» смыслов; облегчение понимания; наглядность примеров; установление контактов и т. д., таким образом метафора является неотъемлемой частью китайского языка.

После публикации работы Дж. Лакоффа и М. Джонсона «Метафоры, которыми мы живем» китайские лингвисты также начали активно изучать когнитивную метафору: Линь Шуу, Чжао Яньфан, Ге Чжанчунь, Су Динфан, Ху Цзуанлинь и другие. Однако, по нашим наблюдениям, именно оценочная метафора в китайском языке изучена на данный момент недостаточно полно. Только в некоторых статьях и монографиях китайские лингвисты высказывают мысль о том, что оценка является одной из функций метафоры. На этом основании мы считаем актуальным исследование оценочной метафоры на материале китайского политического дискурса.

Одним из лингвистов, обращающихся к оценочной метафоре, является Шу Динфан, указавший на то, что метафора – это языковое средство, выражающее личное отношение адресата и его точку зрения на предмет речи [Шу 1995]. Подобная мысль содержится в статье китайского лингвиста Чэнь Ганни, отмечающего, что метафора выражает субъективное отношение говорящего к предмету речи и содержит, помимо оценочности, эмоциональный и эстетический компоненты. Оценочное значение метафоры обычно разделяется на положительное и отрицательное [Чэнь 2009, с. 63].

Дж. Лакофф и М. Джонсон отмечали, что понятие ценности связано лишь с положительным значением, что и отличает ценность от оценки. Действительно, отрицательных ценностей быть не может, поскольку одно и то же явление не может быть одновременно и положительным, и отрицательным в одном и том же отношении и для одного и того же человека [Лакофф, Джонсон 1990, с. 388].

Метафоризация предметов и явлений объективной действительности представляет собой одно из проявлений когнитивной деятельности человека, и обладает яркой выразительностью и мощным потенциалом воздействия на собеседника (аудиторию), поэтому в современном обществе метафора играет важную роль не только в повседневной жизни, но и в различных видах дискурса (в медицинском, телевизионном, военном, педагогическом, политическом и т. д.).

В политическом дискурсе, отличающемся стилистической насыщенностью и высокой степенью интенциональности, человек часто использует более простые и конкретные образы из тех сфер, которые ему хорошо знакомы. Метафора – это не украшение готовой мысли, а способ мышления, выражающий незнакомые вещи. В политической коммуникации часто необходимо негативно охарактеризовать ту или иную группу лиц (партию, политическое движение, группу избирателей, рабочий коллектив и др.). Типовой источник для подобной номинации – зооморфная метафора.

Следует согласиться с тем, что мир живой природы является важным источником метафоризации, поскольку человек всегда чувствовал себя ее частью, искал в ней образцы для осмысления общественной жизни и своего отношения к социуму [Чудинов 2001, с. 132–138]. Аналогичным образом китайские исследователи Ли Сяоцзян и Гао Яньхун подчеркивают, что в результате длительного наблюдения за

окружающим миром человек досконально изучил характер и привычки разных животных. Поведенческое сходство человека с различными животными создает плодородную почву для большого количества метафор [Ли, Гао 2004, с. 70]. Вместе с тем авторы отмечают, что в разных культурах зоометафоры имеют разные значения.

Известно, что вне контекста зооморфизмы не обладают эмоционально-экспрессивной оценкой, и для актуализации оценочности необходим контекст. В результате анализа употребления зооморфных лексем в публицистике мы выявили, что наибольшее количество употреблений в данном типе текста обладает негативной оценкой. Наше исследование также показало, что привлекаемые в китайском и русском политическом дискурсе образы животных могут как совпадать, так и отличаться.

Материалом исследования данной статьи являются тексты из китайской газеты «Жэньминьжибао на китайском» и российской газеты «Аргументы и факты». Фактический материал извлечен методом сплошной выборки и составляет 50 примеров (26 примеров на китайском языке и 24 примера на русском).

В результате обзора научных публикаций по оценочным зоометафорам приходим к выводу о том, что в своем большинстве образы, составляющие основу этого типа метафор, отрицательно окрашены. В каждой культуре некоторому конкретному животному приписываются определенные характеристики, на основе которых формируется образ. Данный образ возникает всякий раз, когда используется зоометафора, способствуя передаче оценки и ее распознаванию. Например: лис в китайской культуре ассоциируется с хитростью, в результате чего складывается следующая схема распознавания высказывания *Он старый лис*: 1. лис → хитрый, он → лис, таким образом, он → хитрый. В результате использования данной метафоры складывается мнение о человеке.

Ассоциации, связанные с тем или иным животным, могут не совпадать в русской и китайской культурах, влияя на оценку, выражаемую при помощи соответствующего слова. В русском языке отрицательная оценка, как правило, передается при помощи компонентов: акула, петух, осел, слон, бегемот, воробей, крыса, корова (бык, теленок), зубр, овца (баран, ягненок), свинья (боров, поросенок), курица, ишак, скорпион, собака, лиса и др.

В китайском языке отрицательная оценка эксплицируется посредством компонентов 狐狸 (лис), 老虎 (тигр), 蚁族 (племя муравьев), 蜗居 (дом улитки), 替罪羊 (козел отпущения), 热锅上的蚂蚁 (муравьи, попавшие на горячую сковороду, *обр.* в значении: (быть) в крайнем волнении; не находить себе места), 井底之蛙 (лягушка на дне колодца – человек с ограниченными взглядами, узким кругозором) и др.

Сопоставительный анализ контекстов, где данные слова употреблены метафорически, показывает, что значение метафор с элементами «собака» и «лиса» совпадают в китайском и русском языках. Образ «собака» в китайском языке в большинстве случаев имеет отрицательную оценку, в том числе при употреблении данного компонента в значениях «защитник» и «надежный друг людей». Отрицательная оценка обусловлена тем, что значение «послушный» содержит компонент «раболопный», определяющий объекту подчиненный статус. Приведем примеры метафор с элементом «собака»:

狐朋狗友 (*букв.* 'друг-лиса и друг-собака', *обр.* дурная компания), 狗头军师 (стратег с собачьей головой (*обр.:* горе-советчик), 狗嘴里吐不出象牙 (*букв.* 'из собачьей пасти не жди слоновой кости', *обр.:* не жди доброго слова от плохого человека).

禁止搞山头主义宗派主义，并不是说党员干部相互之间不能交朋友，而是说要交“君子之友”，不交“狐朋狗友”，要营造一个清清爽爽的朋友圈，而非一个乌烟瘴气的利益圈。（14. 11. 2017 人民日报） – Запрет на горный сепаратизм и сектантство – это не значит, что члены партии и кадры не могут дружить друг с другом. А именно — им нужно стать «друзьями джентльменов», а не «друзьями-лисами и друзьями-собаками», они должны создать чистый и дружелюбный круг друзей, а не гнетущую атмосферу с личными интересами (14.11.2017 Жмжб).

喜欢被众星捧月，就会难抵致命诱惑；热衷结交狐朋狗友，把商人当成钱袋子，就会通过权力换取灰色利益（10. 04. 2015 人民日报） (Чиновник). – Стремится стать кумиром публики, и вам будет трудно достичь желаемого, если вы заинтересованы в том, чтобы подружиться с друзьями-лисами и друзьями-собаками, и если вы используете бизнесмена в качестве денежного мешка (10.04.2015 Жмжб).

Образ собаки в русском языке также не однозначен. С одной стороны, собака является символом верности, дружелюбия, преданности. С другой – образ выражает отрицательную коннотацию: агрессию,

дикость. Глагол «собачиться» отражает отрицательную оценку при выражении значения «вступать в конфликт». Употребление этой лексемы свидетельствует о вербальной агрессии. Приведем примеры:

Интеллигенция сегодня разделилась. Все так собачатся из-за политики, из-за Украины и Крыма, так нападают друг на друга, что только диву даешься: и это цвет нашей нации, культуры... (АиФ 24.08.17).

Нет смысла рассуждать, какую линию – жёсткую или мягкую – выберет Трамп в отношениях с Москвой. До России ему по-настоящему дела нет, хотя он, очевидно, и понимает, что с Россией лучше дружить, чем собачиться (АиФ 24.02.17).

В китайском языке тоже есть выражение со значением «собачиться»: «狗咬狗, 一嘴毛», (собака кусает собаку, клочья шерсти во рту). Просмотрев архивы «Жэньминьжибао» от 1948 г. до сегодняшнего дня, мы обратили внимание на то, что с течением времени основанные на образе собаки метафоры реже встречаются, так как обычно они отражают негативную оценку. Это тесно связано с политическими изменениями в стране. В течение последних 50–70 лет политическая ситуация в Китае характеризуется нестабильностью и наличием конфликтов. Выражение «собачиться» (с ярко выраженной негативной смысловой доминантой) используется в политическом дискурсе всё реже и реже. Поэтому мы не только выражаем метафорами свое отношение и эмоции, но в данном случае уместно говорить о применении метафоры для создания текстов, характерных для определенной исторической эпохи.

Образ «лиса» в русском политическом дискурсе имеет значение «хитрый». В китайском политическом дискурсе, кроме значения хитрости, присутствуют другие значения. Так, например, в последнее время в политических публикациях «лисами» в Китае называют беглых коррупционеров. Приведем примеры:

Отступить – значит победить! Враги называли Кутузова «хитрый северный лис» (АиФ 16.09.2015).

В этом случае Кутузов наделяется одной из основных черт лисы, а именно – хитростью.

追赃追逃取得新突破。特别是美、澳等“避罪天堂”将可能展现合作新姿态，一些潜逃多年的“老狐狸”有望被缉捕归案，对已逃和欲逃者形成双重震慑。 – Новый прорыв был достигнут в борьбе против взяточничества и в преследовании беглецов. Особенно важно здесь зарождающееся сотрудничество с США, Австралией и другими странами, которые считаются «раем беглецов». Ожидается, что некоторые «старые лисы», которые скрывались за границей много лет, будут арестованы. Это напугает тех, кто собирается убежать (12.30.2014 Жмжб).

«Старый лис» – это образ очень хитрого человека. Метафора «лис» изначально включает в себя значение «хитрый», выражение «старый лис» свидетельствует о проявлении данной характеристики в высшей степени. Однако в последнее время в китайском политическом дискурсе «лисия» метафора встречается с новым значением: «коррупционеры, сбежавшие за границу». В настоящее время китайское руководство ведет активную борьбу с коррупцией. Китайские коррупционеры с большим трудом убегают за границу. Тех, кому удалось убежать из страны, называют лисами.

在连续4年开展的“猎狐行动”中，通过国际执法合作，我国警方共从80余个国家和地区缉捕遣返外逃犯罪嫌疑人2730名。 – В последние четыре года проводилась «охота на лис». Благодаря международному сотрудничеству правоохранительных органов китайская полиция в более восьмидесяти стран и регионов арестовала 2730 чиновников, обвиняемых в уголовных преступлениях (23.8.2017 Жмжб).

Метафоры «собака» и «лис» имеют похожие значения в русском и китайском политическом дискурсе, выражают преимущественно отрицательную оценку и употребляются в политическом дискурсе в аналогичных ситуациях.

Вместе с тем некоторые образы животных имеют национальные особенности употребления, что обусловлено влиянием культуры. Метафора «тигр» имеет особое значение в китайском политическом дискурсе. В базе данных «Жэньминьжибао» за период с 2013 по 2017 гг. слово «тигр» было обнаружено нами 595 раз.

“老虎”、“苍蝇”一起打 – бить и по тиграм, и по мухам (23.01.2013 Жмжб).

习近平总书记曾指出，有的群众说“老虎”离得太远，但“苍蝇”每天扑面。下大力气治理“微腐败” (24.11.2017 Жмжб). – Президент

Си сказал: «Считают, что “тигр” от нас далеко, но “муха” каждый день летает перед нами, так что нужна большая сила для подавления “мини-коррупции”».

Под «тиграми» подразумеваются руководители, обладающие властью, а под «мухами» – чиновники низшего звена. В последнее время борьба с коррупцией стала одной из важных задач китайских руководителей. Председатель КНР Си Цзиньпин объявил, что будет жестко проводить политику «нулевой терпимости» к коррупции. Лозунгом кампании стало его заявление о том, что нужно «бить и по мухам, и по тиграм», без учета заслуг и чинов. Тигр – символ сильного, жадного и опасного чиновника, в руках которого имеется власть, поэтому его боятся трогать. *Сильный, алчный и опасный* — основные характеристики тигра. «Большая» коррупция имеет такие же черты. Исходя из вышесказанного образа, муху легко распознать: муха маленькая, надоедливая, от мухи никто не ожидает опасности, она летает около людей, не причиняя особого вреда, но, тем не менее, быстро надоедает человеку. В противовес «большой» коррупции тигра, муха олицетворяет «маленькую» коррупцию. Перед реципиентом сразу возникает яркая картинка, которая способствует пониманию метафоры и запоминанию информации. Образы тигра и мухи имеют явное отрицательное значение, так же как образ лисы. Таким образом, в китайском политическом дискурсе встречаются три образа животных, олицетворяющих китайских коррупционеров:

«тигр» = жадный, высокопоставленный чиновник;

«лис» = хитрый беглец;

«муха» = мелкий чиновник.

Поскольку данные значения установлены нами на материале политического дискурса, можно сделать вывод о нетерпимом отношении китайских руководителей к коррупции.

Образ «муравей» также имеет особенности в китайском языке. Вследствие урбанизации и повышения доли мигрантов выпускники вузов всё чаще стремятся работать в мегаполисах. Выпускников, осевших в больших городах, называют «племя муравьёв» 蚁族 (yǐ zú). Они только окончили университеты и начали работать с минимальной зарплатой. Из-за высоких цен на квартиры они вынуждены снимать небольшие квартиры (по 10–20 квадратных метров), которые находятся далеко от центра города. В такой небольшой квартире, как правило,

живут по 6-8 человек. Они стараются как можно больше работать, чтобы как можно быстрее улучшить свое материальное положение.

许多刚毕业的大学生在城里还处于“蚁族”生存状况，对于那些家庭经济不宽裕的农村大学生来说，更为艰难 – В городах еще много выпускников, которые живут как «племя муравьев», особенно актуально это для студентов из бедных деревенских семей (28.10.2015 Жмжб).

Аналогом является *蜗居* «дом улитки», или каморка. На сегодняшний день экономика Китая быстро развивается, однако у молодых людей возникает много проблем, например, проблемы с жильем. Таким образом, метафоры с компонентами «племя муравьев» и «дом улитки» имеют скорее отрицательное значение.

Зоометафора в русском политическом дискурсе тоже имеет свои характерные черты. В современной политической метафоре преобладают общие наименования (зверь, животное), а также наименования распространенных в России конкретных животных: акула, рыбешка, волк, корова (бык, теленок), коза (козел), кошка (кот, котенок), лошадь (конь, жеребец, мерин, жеребенок), медведь, овца (баран, ягненок), свинья (боров, поросенок). Так слово «акула» ассоциируется с ненасытным существом; *сдова* «жаба» и «жук» – со скупым, прижимистым существом; «крыса», «паук» – с ненасытным; «пиявка», «саранча» – с прожорливым. Приведем некоторые примеры:

Вороненков и Максакова – это бычок и телка на заклание. СБУ их готовит к сакральному жертвоприношению, – писал Жилин на своей странице в Facebook, – Операция, по сути, проста. Сперва сформировали мотивацию бегства на Украину. Причём Максакова идёт первым номером, поскольку она известная певица, представительница высокого искусства, которую может лишить жизни только бешеный зверь. Вороненков вторичен, поскольку он всего лишь депутат: муж Максаковой... (23.03.2017 АиФ).

Из заголовка «Вороненков и Максакова – это бычок и телка на заклание» становится понятно, что образы бычка и телки увязываются со значениями «маленькие и бессильные», «не способные противостоять опасности», «не способные контролировать свою судьбу; при этом оба элемента, называющие животных, выражают негативную оценку.

Образ акулы часто используют в политическом дискурсе в русском языке. Акула – крупная хищная морская рыба [Ушаков 2010,

с. 48]. В переносном значении – это корыстный делец, хищнически пользующийся чужим трудом и имуществом, эксплуататор (*газет., ритор.*), например, «акула капитализма».

Проведенный в ходе исследования анализ позволил выявить следующие метафоры со словом «акула»: акула большого бизнеса, акулы империализма, империалистическая акула, акула капитализма, акула пера. Акула империализма и акула капитализма как советизмы-клише и их трансформации по-прежнему достаточно активно используются в языке сегодняшних российских СМИ. В поисках ресурса интересного сайта АиФ, мы нашли более 30 примеров, демонстрирующих устойчивость отрицательных коннотаций, закрепленных за данными словами.

Колумнист АиФ.ru Пётр Романов так подчеркнул спор между Америкой с Евросоюзом:

Ллойд Джордж спорил с Черчиллем, британцы спорили с французами, американцы высадились на Дальнем Востоке прежде всего для того, чтобы контролировать действия там своих противников японцев и т. д. Запад то бросался помогать Белому движению, то в критической ситуации сажал его на голодный паёк, наконец, без конца спорил, кого из вождей Белой гвардии следует считать главным. То есть организовать «заговор», «сговориться» между собой «акулы империализма» так и не смогли (*АиФ 24.10.2014*).

А. Сидорчик так высказывается по поводу стремления западных стран привлечь новых союзников:

Акулы империализма в поисках союзников, но текущие выгоды не заслоняли перспективы. Крупные европейские державы, стремительно переходившие в новую стадию капитализма – империализм, готовились к борьбе друг с другом за передел мира (*АиФ 31.07.2017*).

Из примеров видно, что в русском языковом сознании образ акулы – это образ большого, сильного, вредного, жадного и корыстного существа, у которого достаточно силы, чтобы забрать труд чужого. Но акула в современном русском языке не всегда имеет негативную оценку. Приведем примеры.

Насчет присутствия Роберта Кийосаки на инвестиционно-экспортном Форуме, Полина Девятова так написала:

Именно в этот день участников Форума ждет встреча с акулой мирового бизнес-сообщества Робертом Кийосаки (*АиФ 16.08.2016*).

Анатолий Вассерман выразил свое мнение о будущем Украины:

После евроинтеграции Украины значительная часть жителей Украины начнет миграцию в Россию, а территория Украины с ее ресурсами будет использована более сильными и опытными европейским акулами бизнеса, отнюдь не в интересах коренных жителей Украины, а, скорее всего, для латания дыр в европейской экономике (*АиФ* 02.2.2013).

Анализ данных примеров показывает, что лексема «акула» может иметь положительное значение в политической коммуникации. Акулы бизнеса – это владельцы крупного бизнеса, часто не одного, а со многими филиалами и ответвлениями. В переносном значении «акулой бизнеса» называют ловкого целеустремленного человека, обладающего превосходными деловыми качествами и имеющего неоспоримые преимущества перед конкурентами.

Акула пера: профессиональный, тиражируемый, знаменитый писатель *разг.* то же, что журналист.

Приведем примеры. В статье Виктория Гудкова называла королеву Испании Летисию «акулой пера».

Опыт многолетнего общения президента с прессой показывает, что ждать от «акул пера» можно всего, что угодно, начиная от вполне предсказуемых вопросов об экономическом курсе страны, заканчивая чуть ли не признаниями в любви (*АиФ* 11.8.2017).

Из этих примеров можно сделать вывод о том, что образ акулы играет важную роль в российской политической метафоре, и может быть использован для выражения как негативной, так и позитивной оценки. В китайской культуре образ акулы не содержит подобных ассоциаций, и в китайском языке нет значения лексемы «акула» с ярко выраженной положительной или отрицательной квалификацией лица.

«Крыса» в русском политическом дискурсе имеет значение «ничтожный», «неприятный» человек. В китайском политическом языке слово «крыса» также имеет отрицательную коннотацию, и в процессе метафорического употребления порождает образ неприятного человека. Например:

过街老鼠 (перевод: «крыса, перебегающая улицу», *обр.* в знач.: предмет всеобщего осуждения; объект всенародного гнева; *сокр. вм.* 老鼠过街, 人人喊打! когда крыса перебегает улицу, каждый кричит: «Бей её!»).

Данная метафора встречается в следующих словах президента Си: 它将假丑恶暴晒在阳光下，形成“老鼠过街，人人喊打”的道德审判 (*Жжжб*) и означает, что когда на поверхность всплывает нечто плохое и ранее скрываемое, все начинают об этом громко кричать и яростно критиковать виновного.

«Крысой в очках» оказался 39-летний Станислав Ежов, заместитель руководителя протокола премьер-министра Украины Владимира Гроссмана (*АиФ 12.21.2017*).

Он (Ежов) работал как настоящий шпион. Однако он предатель, он работал достаточно инициативно, передавал информацию, похищал документы, подслушивал новости, искал информацию среди коллег и исправно передавал ее спецслужбам российским, своим кураторам, на которых он работал. Такая настоящая крыса в очках (*АиФ 12.21.2017*).

В данном контексте «крыса» специально представлена в очках, благодаря чему образ становится неоднозначным: крыса вызывает ассоциацию с человеком неприятным, в то время как очки ассоциируются с человеком образованным. Отрицательная оценка слова «крыса» в значении «неприятный человек» совпадает в китайском и русском политическом дискурсе.

В китайском языке переносимый на человека образ крысы вызывает ассоциацию с трусливым человеком, который делает что-то украдкой. Такое значение отсутствует в русском и доказывает, что метафора имеет выраженную национально-культурную специфику.

Проведенное исследование показало, что политические события часто становятся предметом для обсуждения, оценок и выражения отношения. Зоометафоры используются в газетных текстах различной тематики и являются характерным для современных газет средством вовлечения в активное употребление негативно-оценочных метафорических образов. Анализ текстов политических выступлений на русском и китайском языках также доказывает, что метафора – это явление не только языковое, но и социальное, и любая метафора в СМИ отражает актуальные общественные явления, политическую, экономическую, культурную ситуацию в стране. Кроме того, метафора способствует формированию у человека собственного представления о мире. В разных языках слова, обозначающие животных, могут быть связаны с разными образами, как это было

продемонстрировано на примере метафорического использования слов «тигры», «мухи», «акулы», «крысы» в русском и китайском языках.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Аристотель.* Сочинения : в 4 т. Т. 4 / пер. и ред. А. И. Доватура. М. : Мысль, 1983. 830 с.
- Вольф Е. М.* Функциональная семантика оценки. М. : Едиториал УРСС, 2002. 280 с.
- Лакофф Дж., Джонсон М.* Метафоры, которыми мы живем // Теория метафоры. М. : Прогресс, 1990. 388 с.
- Ли С., Гао Я.* Разницы зоометафары в восточной и западной культурах // Вестник Сучжоуского городского профессионального университета. 2004. № 15 (70).
- Международное радио Китая. URL : www.cri.cn
- Телия В. Н.* Метафора в языке и тексте. М. : Наука, 1988. 171 с.
- Ушаков Д. Н.* Толковый словарь русского языка. М. : Альфа-Принт, 2010. 1054 с.
- Чэн Г.* Исследование оценочного значения метафоры // Филологический вестник. Серия: образование и обучение по иностранным языком. 2009. № 9 (33).
- Чудинов А. П.* Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991–2000). УРГПУ, Екатеринбург : 2001. 238 с.
- Шу Д.* Исследование метафоры. Шанхай: Шанхайское издательство образования по иностранным языком, 1995. 266 с.

УДК 316.752

Пэй Цайся

аспирант каф. общего и сравнительного языкознания МГЛУ;
тел.: +79636392225

**СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ АСПЕКТ ИССЛЕДОВАНИЯ
АНТИЦЕННОСТИ «КОРРУПЦИЯ»
(на материале русского и китайского языков)**

Цивилизационные сдвиги изменяют представления людей о ценностях жизни, с которыми тесно связаны глобальные проблемы цивилизации. Ценности фундаментально определяют познавательные процессы, влияя на формирование интересов, мотивов и целей деятельности индивида. поэтому в социологии и философии всё большее значение придается ценностному аспекту научного познания базовых этнических понятий. Данная статья выявляет специфику исследования антиценности «коррупция» / «腐败» в аксиологии философии, а также определение ее места в структуре ценностей в русской и китайской культурах. Автор работы раскрывает специфику социальной ситуации, в которой активируются коррупционные явления, и подчеркивает задачу лингвиста – диагностировать характер актуального отношения людей к коррупции с помощью свободного ассоциативного эксперимента. Главные методы исследования – исторический и сравнительный анализ, ассоциативный эксперимент.

Ключевые слова: аксиология; базовые ценности; антиценность; коррупция; динамика ценностей.

Pei Caixia

Postgraduate student of the Department of General
and Comparative Linguistics MSLU; tel.+79636392225

**SOCIO-PHILOSOPHICAL RESEARCH
OF THE ANTI-VALUE «CORRUPTION»
(a contrastive analysis of Russian and Chinese languages)**

Civilizational shifts change people's ideas about the values of life, which are closely related to the global problems of civilization. Values fundamentally determine the cognitive processes, affecting the formation of interests, motives and goals of each individual. Therefore, in sociology and philosophy an ever greater importance is attached to the value aspect of scientific knowledge of basic ethnic concepts. The article reveals the specificity of the study of the anti-value "corruption" / "腐败" in the axiology of philosophy, and defines its place in the structure of values in Russian and Chinese cultures. The author of the article reveals the distinctive social features of a situation in which corruption is activated, and underlines the task of a linguist – to diagnose the nature of people's current attitude to corruption with

the help of a free associative experiment. The main research methods are historical and comparative analysis, associative experiment.

Key words: axiology; basic values; anti-value; corruption; dynamics of values.

1. Базовые ценности и антиценности культуры: аксиологический аспект

Ценностное отношение человека к миру – это первооснова, конститутивное ядро характера человека и как индивида, и как представителя рода. Истоки учения о ценностях берут начало в философии, в недрах которой оно зародилось еще во времена Античности. Начиная с идей Платона и Аристотеля, это учение развивалось в рамках различных философских и социальных концепций до середины XIX в., когда сформировалось особое философское течение – аксиология, исследующая теорию ценностей. Аксиология изучает вопросы, связанные с природой ценностей, их местом в бытии человека и структурой ценностного мира, а также связь различных ценностей между собой, с социальными и культурными факторами и структурой личности. Аксиология выявляет состав основных ценностей и антиценностей, определяет их природу, показывает их роль в жизни людей, устанавливает пути и средства формирования ценностного отношения людей к окружающему их миру.

Ценности в повседневном бытии людей – это то, что характеризует ее особой, предпочитаемой людьми значимостью, которая определяет их деятельность. Ценность – не свойство, а отношение между мыслью и действительностью, отражающее связь между значимым для человека объектом и потребностями индивида. По мнению В. В. Гречаного, ценность – это понятие, служащее для обозначения объекта в его отношении к субъекту оценки. Природа аксиологически нейтральна, и как ценность она актуализируется лишь в контексте человеческой деятельности в конкретно-исторических условиях его развития [Гречаный 1989]. Деятельность человека невозможна без ценностей; есть только различные по содержанию, качеству, общности, уровню организации, иерархии, доминированию, степени интенсивности ценности и различные способы их интерпретации и языкового выражения [там же].

Выделяют четыре типа ценностных ориентаций, связанных с представлением о «предпочтительной значимости»: 1) индивидуальная

значимость – ориентация на самого себя; 2) ориентация на ближайшее окружение, когда значимость возникает как отношение между индивидами; 3) ориентация на всю сферу межгрупповых интересов между людьми, значимость – слава, престиж, власть, богатство; 4) ориентиры универсально значимые, имеющие родовой смысл, – истина, добро, справедливость, вера, красота [там же]. Все многообразные ценности, условно объединенные в названные группы, могут быть материальными и духовными (мораль, наука, религия, представление о смысле жизни и т. д.). Качественные отличия духовных и предметных ценностей заключается в следующем: 1) материальные ценности количественно ограничены, духовные бесконечны; 2) материальные ценности истощаются, духовные приумножаются; 3) производство материальных ценностей обезличено, духовных – индивидуально; 4) материальными ценностями можно обладать, не создавая их, духовные ценности должны всякий раз заново создаваться индивидом в себе самом – в противном случае их бытие прекращается; 5) материальные блага легко отчуждаются от человека под действием личностных и внешних факторов, духовные ценности могут быть утрачены только по воле индивида.

Поскольку ценности отражают деятельностное отношение человека к миру, их система принципиально динамична. Так, для эпохи Античности высшей ценностью было гармоническое проявление всей полноты человеческой жизни; в Средние века ценности связывались с божественной сущностью; эпоха Возрождения предпочла ценности гуманизма; в Новое время особую ценность приобретают наука и новые общественные отношения.

Ценности фундаментально определяют познавательные процессы, влияя на формирование интересов, мотивов и целей индивида, помогают обобщать положительный и негативный познавательный опыт.

В человеческой истории уже с древних времен на первый план выдвигались три типа ценностей: *добро, красота и истина*. В умах теоретиков они представляли идеальную, цельную триаду, определяя единство моральных (добро), эстетических (красота) и познавательных (истина) ценностей. Они составляют основу нравственных принципов разных культур, причем последние могут отдавать предпочтение разным ценностям.

Например, главными ценностями современной американской культуры являются эгалитаризм, личные достижения и действия, активность и эффективность, «американская мечта» об экономическом процветании и успехе, самостоятельность и независимость, либерализм и капитализм, готовность к риску [Вивер 1997].

На образ жизни и сознание китайского этноса серьезное влияние оказало конфуцианство, основополагающими принципами которого являются любовь к ближнему, гуманизм и благородное мышление, держащиеся на внутренней и внешней культуре человека. В современном Китае стержневая концепция социалистических базовых ценностей сжато и концентрированно сформулирована, установлены самые основные ценностные составляющие. Представлены они были впервые в ноябре 2012 г. в Отчетном докладе ЦК на XVIII съезде Коммунистической партии Китая. Набор из двенадцати ценностей состоит из трех групп. Ценности государства: богатство и сила, демократия, цивилизация, гармония; ценности общества: свобода, равенство, справедливость, правовое правление; ценности человека: патриотизм, преданность делу, честность, дружелюбность (russian.china.org.cn/china/China_Key_Words/2014-11/18/content_34206316.htm).

В 2000 г. в России был осуществлен проект «Томская инициатива», который явился важной социальной инициативой, выявившей основные векторы развития современной России на основе определения базовых ценностей россиян. Опросы данного проекта строились с учетом двух критериев ценностей: «лично для себя» и «для страны». Согласно итогам, «для себя лично» предпочитают ценности *доверие, достаток, дружба, здоровье, покой, семья, смысл жизни, уважение к родине*. Отвергаются *болезни, жестокость, зависть, лень, одиночество, подлость, хамство*. Для страны чаще выбирают: *власть, внимание к людям, законность, мир, могущество, независимость, равенство, сотрудничество, стабильность*, наиболее неприемлемы: *беззаконие, безработица, взяточничество, война, вырождение, загрязнение, непрофессионализм, порабощение, разобщенность* [Смирнов 2001].

Исследователи выделяют следующие ценности: 1) нейтральные, отражающие нейтральное отношение к реалиям, включенным в процессы деятельности; 2) положительные, выражающие отношение к предметам и явлениям, способствующим благополучию человека;

3) антиценности, выражающие негативное отношение человека к объектам деятельности и оказывающие неблагоприятное воздействие на его жизнь. Антиценности ориентированы не на укрепление и развитие социума, а на его ослабление [Багдасарян 2012]. Ценности и антиценности образуют оппозиции: добро – зло, прекрасное – безобразное, заключенные в явлениях общественной жизни и природы. Исследуемое нами понятие «коррупция» входит в группу антиценностей.

2. Место антиценности «коррупция» в структуре ценностей

Коррупция (от лат. *corrumpere* ‘растлевать’, лат. *corruptio* ‘подкуп, продажность; порча, разложение; растление’) – термин, обычно обозначает использование должностным лицом своих властных полномочий и доверенных ему прав, а также связанных с этим официальным статусом авторитета, возможностей, связей в целях личной выгоды, противоречащее законодательству и моральным установкам (*ru-wiki.org/wiki/Коррупция*). Коррупцией называют также подкуп должностных лиц, их продажность, что типично для мафиозных государств (*ru-wiki.org/wiki/Коррупция*). Международная организация «Transparency International» применяет, на наш взгляд, более лаконичное и точное толкование: преступное использование должностных полномочий в личных целях [Муравьев 2012].

Опираясь на современные русские толковые словари [Ожегов 2010, Евремова 2000, Кузнецов 2000], определим основные признаки коррупции: незаконное обогащение должностных лиц с использованием своих полномочий. А обогащение тесно связано с материальными ценностями.

Характерным признаком коррупции является конфликт между действиями должностного лица и интересами его нанимателя либо конфликт между действиями выборного лица и интересами общества. Многие виды коррупции аналогичны мошенничеству, совершаемому должностным лицом, и относятся к категории преступлений против государственной власти.

Коррупции может быть подвержено любое должностное лицо, обладающее дискреционной властью в сфере распределения каких-либо не принадлежащих ему ресурсов по своему усмотрению (чиновник, депутат, судья, сотрудник правоохранительных органов, администратор и т. д.). Если не принимать во внимание психологические особенности

личностей коррупционеров, то главным «объективным» стимулом к коррупции является возможность получения экономической прибыли, связанной с использованием властных полномочий, а главным сдерживающим фактором – риск разоблачения и наказания.

Согласно макроэкономическим и политэкономическим исследованиям, коррупция наносит существенный ущерб экономике государства и препятствует экономическому росту и развитию общества в целом. Из-за такого масштабного ущерба, власть каждой страны уделяет большое внимание борьбе с коррупцией. Почти во всех странах коррупция уголовно наказуема.

Проблема коррупции актуальна во многих аспектах, поскольку она начинает становиться частью культуры и нормой общечеловеческих отношений: субъекты коррупции в погоне личной выгодой разрушают моральные нормы и законы общества. Коррупция проявляется в обыденной жизни носителей культуры, во власти, постепенно становясь признаком «социальной атмосферы» [Лон Пинчуань 2014]. Такого рода «патология» общества – следствие отсутствия ценностей, которые бы способствовали здоровому развитию общества. Разрушение системы ценностей, утрата ценностных ориентиров имеет своим следствием кризисные явления в культуре и социуме [Москвина 2015].

Типичным примером одной из неподкупных стран стал Сингапур. Благодаря эффективной системе борьбы с коррупцией правительства, Сингапур стал наименее коррумпированной страной в Азии и одним из самых развитых государств мира. Его основатель, премьер-министр Ли Куан Ю сказал: «Мы не смогли бы преодолеть наши трудности и препятствия, если бы подавляющее большинство населения Сингапура не вдохновлялось конфуцианскими ценностями» [Тавровский 2014]. Он подчеркивает важность базовых ценностей народа: «если у нас есть только богатая материальная жизнь и превосходная наука, а нет духовной сплоченности, то наша страна очень опасна» (Ли Куан Ю 2015. URL : xw.qq.com/cmsid/RUS2015082003334204).

3. Сравнительная характеристика антиценности «коррупция» / «腐敗» в русской и китайской культурах

В силу неодинаковости культур антиценность «коррупция» проявляется и функционирует в русской и китайских культурах по-разному.

Коррупция в России имеет мощные историко-культурные корни. В разные века цари, реформаторы и простые люди в один голос сетовали на испорченность чиновников. Благодаря таким писателям, как Н. В. Гоголь и М. Е. Салтыков-Щедрин, российские чиновники снизили сомнительную мировую славу.

Появление коррупции на Руси относится к IX–X вв. Первоначально коррупция для чиновников на Руси была легальным видом деятельности, государственные чиновники, наместники и воеводы жили за счет «кормлений», т. е. направление князем своих наместников и воевод в провинции без их денежного содержания, но с огромными полномочиями. Предполагалось, что население и будет «кормить» наместников, что, естественно, приводило к чудовищным взяткам и другим злоупотреблениям [Григорьева 2015]. Принятие денег (взятничество) лишь со временем приобрело отрицательный оттенок и стало уподобляться «лихоимству», «подкупу», «коррупции», «сворачиванию» и т. д. [Schattenberg 2005].

На протяжении всей истории царской России борьба с коррупцией велась с переменным успехом. С одной стороны, принимались новые законы, ужесточались наказания, особенно в сфере оборонных заказов. С другой стороны, аппарат чиновников рос и требовал на свое содержание всё больше средств.

В настоящее время в федеральных органах исполнительной власти созданы комиссии по соблюдению требований к служебному поведению государственных служащих и урегулированию конфликта интересов. По информации главы администрации Президента, указанными комиссиями только за 2009 г. было выявлено более 1300 нарушений, привлечено к дисциплинарной ответственности 214 человек, по 29 материалам информация направлена в правоохранительные органы. Аналогичные комиссии начинают создаваться в регионах, а также на муниципальном уровне [Проблема коррупции в современной России 2015].

В середине июля 2010 г. глава государства публично признал, что антикоррупционная политика последних лет «почти не дала результатов» [Интерфакс 2010]. Динамика индекса восприятия коррупции (далее ИВК) в России такова: с 2010 по 2017 гг. – 154, 143, 119, 136, 127, 133, 131, 135 [Индекс восприятия коррупции URL]. Многие исследователи объясняют коррумпированность российского общества

традиционными причинами: нестандартностью пути государственного развития и географическими особенностями [Проблема коррупции в современной России 2015]. По этому поводу В. Путин еще в 2002 г. заявил, следует менять отношение к коррупции общества в целом, в воспитательной сфере, в экономике. Кроме того, необходимо принять сознательные административные решения, укрепить правоохранительные органы и провести судебную реформу (*pasmi.ru/archive/176660/*).

В последнее время правительство России уделяет большое внимание проблеме коррупции. В июне этого года Президент России В. Путин подписал Указ «О Национальном плане противодействия коррупции на 2018–2020 гг. [Президент России. URL : kremlin.ru/acts/news/57905].

Понятие коррупции в Китае во многом тоже находится под влиянием традиции, сложившейся давно, и это то, чего явно стоит избегать [Кадырбаев 2014]. Коррупция возникла в последний период первобытного общества и усилена долгим феодальным обществом Китая. Фактически история падения и упадка династий является историей коррупции [Лон Пинчуань 2014]. Взятничество во времена династического Китая хоть и считалось постыдной и вредной привычкой, но было чрезвычайно распространено. На практике это означало, что чиновники всех эшелонов власти требовали от своих подчиненных и простых жителей дополнительную плату на разные нужды. Нередко за выполнение одной услуги чиновники взимали плату несколько раз.

До Синьхайской революции 1911 г. коррупция государственного аппарата маньчжурской династии была притчей во языцах. К этому моменту китайская государственность исчерпала себя, а коррупция охватила все слои общества. Основная коррупционная схема, которая появляется в это время, – работа посредников между европейцами и местными жителями [Кадырбаев 2014].

В 1949 г. после образования Китайской народной республики, в силу полной национализации производства роль чиновничества сильно возросла. Несмотря на марксистскую риторику, коррупция не исчезла, а преступные сообщества продолжили свое существование.

В настоящее время в Китае очень строго наказывают за преступление коррупционного характера, что следует из Уголовного Кодекса Китая. 11 марта 2018 г. на 1-й Сессии ВСНП 13-го созыва общим

голосованием был принят проект поправок к Конституции КНР. Большую их часть занимал раздел, касающийся учреждения нового государственного органа по борьбе с коррупцией – Государственной надзорной комиссии (далее ГНК). Учреждение нового антикоррупционного органа, наделенного особыми полномочиями, и закрепление его статуса в Конституции страны подчеркивает чрезвычайную важность этого направления работы. Создание ГНК является обязательным требованием для укрепления централизованного и единого руководства антикоррупционной работой со стороны КПК [Чжоу Лэй 2018].

Работа правительства по искоренению коррупции позволила сформировать базовые социалистические ценности, глубоко проникшие в работу государственных служащих и сознание людей. Реформирование государственной системы надзора и контроля – это результат обобщения эффективного опыта, наработанного в процессе строгого внутривластного управления в период после XVIII Съезда КПК. В этой сфере Китай продолжит практику «кадрового самоочищения и самообновления».

Таким образом, коррупция в России и Китае имеет мощные историко-культурные корни и, растлевающая власть, тормозит развитие общества. Власти обеих стран уделяют большое внимание борьбе с этим антиобщественным явлением, однако в России уровень коррупции оценивается как недопустимо высокий, а в Китае падает с каждым годом благодаря постоянной антикоррупционной политике правительства. Сегодня в России, коррупция, по данным социологов, меньше осуждается обществом, принимается как неизбежность, чему в немалой степени способствуют пробелы в правовом воспитании населения, а также усилия некоторых политиков и высокопоставленных чиновников узаконить соответствующие отношения в качестве неотъемлемого элемента государственной службы [Голованова 2002].

Таким образом, в представленной социальной ситуации задача лингвиста – помочь диагностировать характер актуального отношения людей к коррупции. Сделать это можно, выявляя психологически актуальные ассоциативные связи исследуемого понятия. Наиболее эффективным способом их обнаружения является ассоциативный эксперимент, позволяющий выявлять глубинные связи лексемы, обозначающей данное понятие, с другими. Ассоциативно-вербальные

связи, смоделированные на основе экспериментальных данных, позволяют судить и о степени «влияния» той или иной ценности в сознание индивида. Интегрируя индивидуальные данные, исследователь может смоделировать реальную значимость той или иной ценности для определенной лингвокультуры.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Багдасарян В. Э.* Высшие ценности Российского общества. М. : Научный эксперт, 2012. 73 с.
- Барышков В. П.* Аксиология личностного бытия / под ред. В. Б. Устьянцева. М. : Логос, 2005. 192 с.
- Вивер Г. Р.* Американские культурные ценности. Kokusai Bunka Kenshu, 1997. URL : mognovse.ru/rsg-amerikanskie-kuleturnie-cennosti (дата обращения 04.10.2018).
- Голованова К. В.* Коррупция: дипломная работа / Московский гуманитарно-экономический институт, 2002. URL : cinref.ru/razdel/05500urisprudencia/07/74768.htm (дата обращения 05.10.2018).
- Гречаный В. В.* Аксиологический аспект философии : автореф. ... канд. философ. наук. Ленинград, 1989. 32 с.
- Григорьева Е. О.* История коррупции в России – культурологический анализ URL : velikayakultura.ru/neozhidannaya-kultura/kulturnyie-osnovaniya (дата обращения 09.04.2018).
- Знакомство с Китаем с помощью ключевых слов. URL : russian.china.org.cn/china/China_Key_Words (дата обращения 10.04.2018).
- Кадырбаев А. Ш.* Коррупция в Китае находится под влиянием традиции. Информационно-аналитическое агентство Восток России, 27 марта 2014 г. URL : www.eastrussia.ru/material/korrupsiya_v_kitae_nakhoditsya_pod_vliyaniem_traditsii/ (дата обращения 08.04.2018).
- Коррупция. URL : ru-wiki.org/wiki/Коррупция (дата обращения 04.10.2018).
- Москвина И. К.* Понятие «Культурная ценность»: философско-культурологические аспекты // Труды Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств. 2015. Т. 210. С. 237–245.
- Муравьев Ю. А.* Понятие коррупции в уголовном законодательстве ФРГ // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2012. Вып. 23 (656). С. 98–106. (Юридические науки).
- Проблема коррупции в современной России. URL : www.allbest.ru/ (дата обращения 08.04.2018).
- Смирнов Л. М.* Базовые ценности и «антиценности» современных Россиян // Томская инициатива. Базовые ценности Россиян. М. : Дом интеллектуальной книги, 2003. 448 с.

- Сотни миллионов за взятку? 2010. URL : www.interfax.ru/russia/145275. (дата обращения 05.10.2018).
- Тавровский Ю. В. Конфуцианство – основа реформ Дэн Сяопина, Чан Кайши и Ли Куан Ю 2014. URL : history.wikireading.ru/415185 (дата обращения 26.09.2018).
- Индекс восприятия коррупции // Трансперенси интернешнел России. URL : transparency.org.ru/research/indeks-vospriyatiya-korruptsii/ (дата обращения 09.04.2018).
- Утвержден Национальный план противодействия коррупции на 2018–2020 гг. 2018. URL : kremlin.ru/acts/news/57905
- Что Путин говорил о коррупции народу за последние 17 лет. URL : pasm1.ru/archive/176660/
- Чжоу Лэй. Китайская модель борьбы с коррупцией // Китай. № 4. Апрель 2018. С. 30–32
- Susanne Schattenberg. Культура коррупции, или К истории российских чиновников // Неприкосновенный запас, 2005, Вып. 4 (42). URL : magazines.russ.ru/nz/2005/42/sh4-pr (дата обращения 06.04.2018).
- 李光耀 儒学缔造新加坡辉煌 2015. URL : xw.qq.com/cmsid/RUS2015082003334204 (дата обращения 26.09.18).
- 龙平川 历朝历代的衰亡史，其实就是腐败史 检察日报2014 年8 月，第5版 廉政周刊. 1 - 4页.

УДК 81-26

Чэнь Ваньжоу

аспирант каф. общего и сравнительного языкознания МГЛУ;
e-mail: 454679197@qq.com

РУССКИЕ ЦЕННОСТИ В ПОВЕСТЯХ В. Г. РАСПУТИНА «ПРОЩАНИЕ С МАТЁРОЙ» И «ЖИВИ И ПОМНИ»

Автор рассматривает базовые ценности, которые понимаются как совокупность жизненных установок и идеалов, характеризующих представителей той или иной лингвокультуры. При этом определяющим фактором формирования и интерпретации этнической культуры становится язык. Базовые ценности связаны с понятием картины мира. Изучение картины мира носителей различных лингвокультур осуществляется при детальном рассмотрении базовых этнических ценностей, обуславливающих социальное бытие и индивида и общества в целом. Важным положением в трактовке базовых ценностей является то, что, с одной стороны, ценности приобретаются в целенаправленной деятельности индивида и потому субъективны, с другой – существование социума и индивида невозможно без признания общечеловеческих ценностей и овладения ими. Содержание ценностей во всем многообразии наиболее адекватно представляется в языке. В статье анализируются специфика вербальной репрезентации некоторых базовых ценностей россиян в повестях В. Распутина, смысл творчества которого заключается в нравственном исследовании личности, что позволяет в полной мере представить особенности характера русского народа, особенно в женских образах. Красота и сила русской женщины, проявляющей терпение, прощение, милосердие, сострадание, способность к самопожертвованию играют особую доминантную роль в творчестве В. Распутина. Выбранные для анализа ценности «милосердие», «семья», «самопожертвование» относятся к моральными и отражают самые яркие черты национального менталитета русского человека. Автор устанавливает их содержание на основе анализа текстов повестей.

Ключевые слова: этническая ценность; базовая ценность; менталитет; национальный характер; вербальная репрезентация; картина мира; этническая картина мира.

Chen Wanrou

Post-graduate student of the Department of General and Comparative Linguistics, Moscow State Linguistic University; e-mail: 454679197@qq.com

RUSSIAN VALUES IN THE NOVELS “FAREWELL TO MATYORA” AND “LIVE AND REMEMBER” BY V. G. RASPUTIN

The author considers the basic values, which are understood as a set of life attitudes and ideals that characterize representatives of a particular linguistic culture. At the same time, language becomes the factor that determines the formation

and interpretation of ethnic culture. Basic values are associated with the concept of a picture of the world. The study of the picture of the world of representatives of different linguistic cultures relies on a detailed examination of the basic ethnic values that determine the social life of each individual and society as a whole. An important point in the interpretation of basic values is that, on the one hand, values are acquired in the purposeful activity of the individual and are therefore subjective, on the other hand, the mere existence of society and each individual is impossible without recognition of universal human values and mastering them. The content of values in all its diversity is most adequately represented in the language. The article analyzes the specificity of the verbal representation of some basic values of Russians in works by V. G. Rasputin, who is known for his interest in the field of human morals, which makes it possible to fully describe the character of the Russian people, especially in female images. The beauty and strength of the Russian woman who shows patience, forgiveness, mercy, compassion, and self-sacrifice play a special, dominant role in works by V. Rasputin. The values "charity", "family", "self-sacrifice" that have been chosen for analysis are moral and reflect the most striking features of the national mentality of the Russian people. The author reconstructs their content from the the stories that are analyzed in the article.

Key words: ethnic value; basic value; mentality; national character; verbal representation; picture of the world; ethnic picture of the world.

Изучение картины мира представителей различных лингвокультур в современной гуманитарной науке определяется не только и не столько научными интересами исследователей и необходимостью уточнения научных данных, сколько прагматическими задачами современной поликультурной коммуникации, призванной учитывать специфику ментальности общающихся народов для достижения понимания между ними. Это возможно лишь при детальном рассмотрении базовых этнических ценностей, обуславливающих социальное бытие и индивида и общества в целом.

При этом система ценностей того или иного народа может отличаться качественным и количественным составом ее конкретных составляющих, их иерархией и спецификой реализации в социуме. Поэтому лингвистическая «диагностика» ценностей остается актуальным способом определения их содержания, роли в стабилизации общества и специфики их языкового воплощения.

Именно эта проблема – специфика вербализации некоторых русских ценностей – является предметом рассмотрения в настоящей статье.

По определению С. Лурье, «ценности – это осознанное или неосознанное, характерное для индивида или для группы индивидов

представление о желаемом, которое определяет выбор целей (индивидуальных или групповых) с учетом возможных средств и способов действия» [Лурье 2004, с. 44]. Понятие «представление о желаемом», явное или скрытое, характеризующее индивида или группу, означает, что ценности выступают в качестве принципов бытия, используются при оценивании объектов, событий и поведения» [Шнейдер 2003, с. 175]. Базовые ценности принято определять как совокупность жизненных установок и идеалов, которые сами члены этноса считают характерными и важными для своего народа, поэтому практически все виды деятельности осознанно или неосознанно связываются с этими ценностями как принципами существования в социуме. Очевидно, что при таком понимании базовые ценности определяют специфику идентичности социума / этноса.

Понятие идентичность было введено Э. Эриксоном, который подчеркивал его внутреннюю противоречивость: с одной стороны, идентичность статична, поскольку позволяет консолидировать этнос / социум, с другой – принципиально динамична, в противном случае общество не могло бы развиваться [Эриксон 1996, с. 86].

В современной науке понятие идентичность, как и почти всякое понятие, относящееся к сфере деятельности человека и социума, не имеет однозначного толкования и пересекается с понятиями «культура», «национальная культура», «этническая культура», «этнонациональная / этнокультурная специфика» и рядом других. Такие пересечения свидетельствуют о необходимости, во-первых, учитывать при определении сущности этого понятия данные психологии, философии, этнологии, социологии, этнолингвистики и других наук; во-вторых, формулировать параметры идентичности как междисциплинарного научного объекта.

И в этом случае становится определяющей роль языка как интегрирующего фактора этнической культуры: с помощью языка формируется чувство групповой идентичности. Именно язык закрепляет складывающееся единство этноса в этнониме: «Важным элементом этнической культуры является самоназвание этноса; оно появляется в тот момент, когда люди осознают себя единым целым, одним народом. Огромная роль в формировании этнической культуры отведена национальному характеру, или психическому складу этноса, который также отражается в языке» [Хлопова 2018, с. 19].

Система ценностей, представляющих языковое сознание русских, во всем своем разнообразии тоже представлена в языке. По данным участников проекта «Русская инициатива», к таким ценностям у русских можно отнести «безопасность, веру, внимание к людям, доверие, долг, достаток, дружбу, законность, здоровье и другие» [Базовые ценности ... 2003, с. 403].

Нас интересует динамика ряда базовых ценностей русских, которая может быть установлена при сопоставлении разных текстов русского языка. Рассмотрим ценности, которые, по мнению социологов и психологов, характеризовали сознание русских XX в. Совокупный список ценностей составлен на базе философских, этнологических и социологических исследований (см., например: [Луначарский 1922; Лосский 1931; Сорокин 1937–1941; Здравомыслов 1986; Смирнов 1994; Лапин 2000] и др.) и верифицирован участниками социологического проекта «Базовые ценности россиян» [Базовые ценности ... 2003]. В настоящей статье исследуются ценности «милосердие», «семья», «самопожертвование» [там же], которые становятся предметом нравственных раздумий Распутина.

Участники проекта отмечают, что у женщин значимый положительный перевес наблюдается в отношении морально-этических ценностей «вера», «внимание к людям», «здоровье», «милосердие», «мир», «надежда», «образование», «покой», «порядочность», «семья» [Базовые ценности ... 2003]. Эти ценности рассматриваются, как правило, в качестве регуляторов социальных коммуникаций (доверие, милосердие, порядочность) или охранительно-консервативных представлений (образование, профессионализм, семья) [Рябов, Курбангалеева 2003], хотя оценки важности каждой из ценностей не совпадают: так, в 2003 г. семье отдавали предпочтение 87,5 % респондентов; более того, исследователи пришли к выводу, что «семья и благополучие детей выступают в качестве неких сверхценностей» [там же, с. 169].

Ценность «милосердие», которой в нашем исследовании уделяется особое внимание, характерна для русских женщин и значит для них больше, чем вера, внимание к людям, доверие, здоровье, любовь [Рябов, Курбангалеева 2003]. Авторы проекта «Томская инициатива» отмечают, что «в полученных данных имеется много хорошо воспроизводимых на всех четырех выборках структурных особенностей. В каждом из четырех опросов мужчины в целом значительно выше

своей доли в выборке выбрали “для себя” ценности “могущество”, “независимость”, “профессионализм”, “свобода”. Кроме того, в трех выборках из четырех значительно чаще выбирались ценности “равенство”, “убеждения” и “удовольствие”; значительно реже мужчины выбирали “Милосердие” и “Покой» [Рябов, Курбангалеева 2003, с.186]. Вместе с тем «ответы женщин на этот блок вопросов по обоим значимо отклоняющимся критериям во многом зеркальны ответам мужчин. К “женским” же оказалось возможным отнести *Веру, Внимание к людям, Здоровье, Милосердие, Мир, Надежду, Образование, Покой, Порядочность и Семью* [там же, с. 186].

Одной из доминантных ценностей в системе этнических ценностей русских является также самопожертвование. В русском традиционном обществе, которое изображал В. Г. Распутин, конкретный человек не сможет получить высокий статус и уважение без его искренней личной жертвенности. «Бог терпел и нам велел» гласит известная русская народная пословица. «Подвиг у русских – это не личное геройство; он всегда должен быть направлен «на вне человека»: смерть за свое Отечество и Родину, подвиг за други своя, на миру и смерть красна» [Ясин 2004, с. 29]. Бессмертную славу приобретали люди, жертвовавшие собой ради других и на глазах у своей общины.

И поскольку избранные для анализа ценности относятся к моральным, рассмотрим сначала в качестве материала исследования художественные тексты «Прощание с Матерой» и «Живи и помни» В. Распутина, русского прозаика, представителя «деревенской прозы», главный смысл творчества которого заключается в нравственном исследовании личности.

Значительная часть исследователей посвящалась к изучению вопроса о наследуемых нравственные проблемы писателем. В последние годы, наряду с исследованием русских традиций и этнической культуры, большое внимание уделяется изучению национального менталитета русского человека, пристальное внимание к которому характерно для прозы В. Распутина.

Проблема менталитета – не только одна из самых острых и болезненных тем в общественных дискуссиях современной России, но и предмет актуального научного рассмотрения в разных аспектах гуманитарных наук. Психолог А. Леонтьев рассматривает менталитет как «некую интегральную характеристику людей, живущих

в конкретной культуре, которая позволяет описать своеобразие видения этими людьми окружающего мира и объяснить специфику их реагирования на него» [Леонтьев 1974, с. 35]. Этнолог С. Лурье понимает менталитет как систему этнических констант, «нематериализуемую составляющую традиции», «совокупность сознательных и бессознательных установок», сопряженных с этнической традицией» [Лурье 2004, с. 23]; «систему мировоззрения, основанную на этнической картине мира, передающуюся в процессе социализации и включающую в себя представления о приоритетах, нормах и моделях поведения в конкретных обстоятельствах. Через описание этих представлений, в свою очередь, может быть описана культурная традиция, присущая этносу или какой-либо его части в данный период времени. Все бессознательные образы, включенные в систему этнических констант тем или иным образом, определяют характер действия человека в мире. Система этнических констант и является той призмой, сквозь которую человек смотрит на мир» [там же, с. 298]. По мнению психологов О. Митиной и В. Петренко, «менталитет – модель мира, присущая обыденному сознанию людей, принадлежащих к одному этносу» [Митина, Петренко 1994, с. 43]. Сопоставляя разные определения, можно отметить, что во всех них менталитет рассматривается как мироощущение, мировосприятие, формирующееся на глубоком психическом уровне индивидуального и / или коллективного сознания и представляющее собой совокупность психологических, поведенческих установок индивида или социальной группы. Менталитет – это и присущий индивиду или определенной социальной общности специфический склад мышления и чувств, ценностных ориентаций и установок, представлений о мире и о себе, верований, мнений, предрассудков, при этом «менталитет включает как сознательное, так и бессознательное, рациональное и эмоциональное» [Косов 2007, с. 75].

Отсюда очевидно, что понятия менталитета и базовых ценностей взаимосвязаны, что в полной мере проявляется в прозе В. Распутина, который стремился к постижению особенностей характера русского человека. Наиболее отчетливо названные выше базовые ценности проявляются в женских характерах, созданных В. Распутиным. Красота и сила русской женщины всегда определялась ее способностью проявлять по отношению к каждому существу и ко всему миру

терпение, прощение, милосердие, сострадание, способность к самопожертвованию.

Для главной героини повести «Живи и помни» Настены, молодой женщины, но уже сложившейся духовно, жизнь невозможна, если этот духовный стержень исчезнет, и потому она пристально наблюдает за окружающими: «Знала Настена: стареют с годами, а *душой можно остыть* и раньше лет – этого она *боялась большего всего*. Сколько людей, и здоровых, и сильных, не отличают своих собственных, богом данных им чувств от чувств общих, уличных. Эти люди и в постель ложатся с тем же распахнутым, для всего подходящим удовольствием, с каким садятся за стол: лишь бы насытиться. И плачут, и смеются они, оглядываясь вокруг – видно, слышно ли, что они, плачут и радуются, *не потратиться бы на слезы зря*. Эти *свое отзвучали: тронь их особой тронью – не поймут, не отзовутся*, ни одна струночка не отдастся в ответ чуткой дрожью: поздно – *заглохло, закаменело*, и сами они никого также не тронут. А все потому, что в свое время не умели и *не хотели остаться наедине с собой, позабыли, потеряли себя – не вспомнить, не найти*» [Распутин 1997, с. 67].

Сам В. Распутин отметил, что характер у Настены «людской»: она живет по принятым правилам и сохраняющим цельность общества традициям людей, ведет себя «по-людски», т. е. так, чтобы не вызывать отрицательных оценок и осуждения окружающих. В этом смысл ее жизни, и потому для семьи и людей она готова на самопожертвование.

Важность представлений о смысле жизни как единстве со своим народом проявляется в непосредственных поведенческих реакциях героини, что свидетельствует о «вращенности» духовных принципов в ее сознание, о том, что определенные духовные ценности стали неосознаваемыми, но регулирующими жизнь компонентами ментальности героини, и когда возникает противоречие между этими ценностями, естественность ее жизни заметно нарушается. Так, еще не зная о дезертирстве мужа, но уже уловив будущую беду, Настена предвидит разрыв с людьми: «С этого часа она словно бы выглядывала из себя ... ходила на работу колхозную, оставаясь на людях такой же, какой была всегда, а сама все время озиралась, пугаясь каждого стороннего звука» [Распутин 1997, с. 89]. Это ощущение единства с народом, среди которого живешь, чувство сопричастности с ним, полного разделения

с ним жизненных принципов определяет нравственную позицию каждого персонажа «Живи и помни»: «И не на заимке живу, чтобы дальше глаз своих не видеть, а с народом», – говорит Настя Вологжанина [Распутин 1997, с. 112]; Надька поддерживает Настену: «Вместе будем, если че, обороняться Ниче, вместе станем горе мыкать» [Распутин 1997, с. 144], а председатель колхоза Максим Вологжанин сообщая односельчанам о победе, говорит: «Люди! ... Люди! ... Выстояли, выдюжили Нам ни за что бы там не выдержать без вас, кто оставался здесь. ... Ни черта бы мы без вас не сделали, и не было бы сейчас этого дня. Великая наша страна, огромная страна, а без нашей Атамановки не обойтись. Поднимитесь, люди, взглянем во все глаза на сегодняшний день и запоем его. Не было еще такой войны, а стало быть, не было такой победы. Отметим, люди» [Распутин 1997, с. 288]. В самом обращении председателя актуализируются связи слов *люди, людской, по-людски*, подчеркивающие ощущение каждого своей тождественности с народом – этничности в современном ее понимании. (Отметим попутно, что два последние слова чрезвычайно редки в словаре современного русского человека, что может косвенно свидетельствовать о начале изменения содержания базовой ценности «этичность»). По словам исследователей, В. Распутину чрезвычайно дорога мысль о единстве русского народа, ведь «по-настоящему свободна и автономна личность только в народе, только там ей просторно и вольно, в нем, в неискривленном и продолжающемся пути его, находит она свой смысл и вечность» [Танака 1995, с. 217].

Естественно, ценности как принципы, по которым часто неосознанно живет человек, и ценности как предмет научного анализа – вещи разные. В естественной жизни человека они могут иерархизироваться под влиянием многих психических, социальных и других факторов и, конечно, отличаться от той идеальной иерархии, которую выстраивают ученые. Именно поэтому ценности образуют специфическую основу психической жизни индивида, в которой могут быть сопряжены амбивалентные эмоции и ценности.

Так, Настена, с одной стороны, человек, олицетворяющий образ русской женщины – терпеливой, верной, справедливой, сочувствующей, живущей «по-людски». С другой – она, в качестве одной из высших ценностей выделяющая семью, вынуждена нарушать людские законы, потому что чувствует, что муж не просто их тоже нарушил – он

разорвал связи с тем, что только и обеспечивает жизнь человека, – с людьми, истребил в себе «людское», но отказаться от мужа для Настены невозможно в силу доминирующего в ее характере милосердия: «Так как же теперь от него отказаться? Это совсем надо не иметь сердца. Вместо сердца держать безмен, отвешивающий, что выгодно и что невыгодно. Тут от чужого, будь он трижды нечистый, просто не отмахнешься, а он свой, родной. Их если не бог, то сама жизнь соединила, чтобы держаться им вместе, что бы ни случилось, какая бы беда ни стряслась» [Распутин 1997, с. 87]. «А дальше. Как дальше быть? Как его вызволить из этой беды, как жить, чтобы, не ошибаясь, не запутавшись, помочь? Что бы с ним теперь ни случилось, она в ответе» [там же, с. 88]. Это губительное и для индивида, и для общества в целом противоречие, перед которым меркнет и грех самоубийства, – и потому В. Распутин приводит героиню к необходимости уйти из жизни. Глубина этого противоречия осознается при сопоставлении всех проявлений милосердия Настены, представленных писателем. Сам он отмечал, что русская женщина, «целительность сердца», связанную с милосердием, воспринимает как исполнение своего «главного и великого призвания» [Распутин 2007, с. 374]. Поэтому отказаться от мужа значит для Настены «отказаться от самой себя» [Распутин 1997, с. 112], ибо она способна вытерпеть и вынести «все, что придется на ее долю, но копить небо ни на что не пригодной бабой она не согласна – тогда уж лучше и не жить» [там же, с. 114].

Результаты анализа вербального представления ценностей в повести «Живи и помни» говорят о том, что для В. Распутина важнейшими из них являются способность к самопожертвованию, милосердие, и семья как характеристика прежде всего женского типа поведения и составляющие этничности.

Повесть «Прощание с Матёрой», по общему признанию критиков, – одно из вершинных произведений деревенской прозы. Здесь переплетается несколько тем, так или иначе представленных В. Распутиным в других произведениях: взаимоотношение «отцов и детей», преемственность поколений, поиск смысла жизни, вопрос памяти и забвения, что есть родина и ее судьба. Всё это вопросы, связанные с осознанием себя как единой общности – народа.

Старики прощаются со своим селом как с родным человеком: это место объединяло их как общность, народ, а с исчезновением Матёры

это единство, определявшее смысл жизни, разрушается. Для Дарьи Пинигиной осквернение родовых могил становится нарушением непреложной вековой традиции, а, следовательно, психологическую травму, ведь «ты – не только то, что ты носишь в себе, но и то, не всегда замечаемое, что вокруг тебя» [Распутин 2002, с. 256], но именно оно «лишь ... одно и вечно, лишь оно, передаваемое, как дух святой, от человека к человеку, от отцов к детям и от детей к внукам, смущая и оберегая их, поправляя и очищая, и вынесет когда-нибудь к чему-то, ради чего жили поколения людей» [там же, с. 277].

И, по В. Распутину, как нам представляется, Матера исчезает именно потому, что разрушается изначальное осознание непреложности этнических ценностей, начинается «забвение корней своих»: если для пожилой Дарьи сохранение памяти, корней, традиций обязательно как принцип существования человека и залог его развития, пятидесятилетний Павел сомневается, правы ли старики, защищая остров (символически – традиционные устои жизни), а его сын Андрей уже говорит о необходимости технического прогресса, даже если он уничтожает «старую жизнь», не понимая, что одновременно исчезает и человек как носитель определенной культуры. Если для Дарьи и других пожилых людей на острове затопление кладбища – страшное надругательство над умершими и живущими, кощунство, проявление безнравственности, то для санитарной бригады, прибывшей на остров для его затопления, разорение могил – только плановая очистка территории... Жители села готовы преступить закон, защищая погост, а по сути – защищая честь общества.

Дарья – центральный персонаж повести, демонстрирующий свойства русской этничности. И снова одно из проявлений этничности – единение, соборность, понимаемая исследователями как комплекс психологических установок, сложившихся практик церковной жизни и неписаных правил поведения мирян; это взаимопомощь и коллективизм, характерные для русского православного человека. А жители села реализуют эти принципы не раздумывая, потому что они стали единственно возможной формой поведения: они собираются в избе Дарьи, «самой старой из старух» строгого, но справедливого характера, пьют чай из самовара, чтобы ощутить эту цельность, почувствовать, что ты не один, а составляющая единства, которая тебя не бросит и которую ты не предашь. Сильные духом, они одновременно

бесконечно милосердны: «Я не знаю ишо такого человека, чтоб его не жалко было» [Распутин 2002, с. 256]; «Как его, христовенького, не пожалеть? Не чужой, поди-ка» [там же, с. 258].

Таким образом, в текстах анализируемых повестей В. Распутин представил свое понимание главных ценностей русского народа – милосердия, семьи, самопожертвования. Наши первоначальные наблюдения над содержанием этих ценностей еще не дают представления об иерархии их внутренних смысловых компонентов и системе ценностей в целом, однако выявляют их глубокие взаимозависимости и историческую устойчивость.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Андреева Е. Л., Ратнер А. В., Глухих П. Л.* Изменение ценностных установок модернизируемого общества // Ценности и смыслы. 2014. Вып. № 1 (29). URL : cyberleninka.ru/article/n/izmenenie-tsennostnyh-ustanovok-moderniziruемого-obschestva/ (дата обращения: 03.04.2017).
- Богомолов А. С.* Определенность, ценности и социологическое познание // Социологические исследования. 1974. № 5. С. 67–76.
- Горелов И. Н., Седов К. Ф.* Основы психолингвистики. М. : Лабиринт, 2004. 320 с.
- Дубов И. Г.* Феномен менталитета: психологический анализ // Вопросы психологии. 1993. № 5. С. 29–39.
- Журавлев В. В., Родионов В. А., Цепляев А. Н.* Социальные ценности современной российской молодежи: состояние, динамика, направленность / Моск. гуманит.-соц. акад. М. : Социум, 2002. 122 с.
- Здравомыслов А. Г.* Потребности. Интересы. Ценности. М. : Политиздат, 1986. 223 с.
- Игнатьева А. В.* Эволюция образа русской женщины в творчестве В. Г. Распутина : дис. ... канд. филол. наук, 2008. 224 с.
- Косов А. В.* Ментальность как мировоззренческая система и компонента мифосознания // Методология и история психологии. 2007. Т. 2. Вып. 3. С. 75–90.
- Латин Н. И.* Пути России: социокультурные трансформации / Российская акад. наук, Ин-т философии. М. : ИФ РАН, 2000. 191 с.
- Леонтьев А. А.* Основы теории речевой деятельности. М. : Наука, 1974. 368 с.
- Лосский Н. О.* Ценность и Бытие. Бог и царство божие как основа Ценностей. Paris : YMCA Press, 1931. 136 с.
- Лурье С. В.* Историческая этнология. М. : Академический проект : Гаудеамус, 2004. 624 с.

- Луначарский В.* К вопросу об искусстве. В кн.: Луначарский А. В. Этюды критические и полемические. М., 1905. С. 369–391.
- Митина О. С., Петренко В. Ф.* Психосемантическое исследование политического менталитета / Общественные науки и современность. 1994. № 6. С. 42–54.
- Пищальникова В. А.* Национальная специфика концептуальной системы и ее репрезентация в языке // Горный Алтай и Россия. 240 лет ГАГУ. Барнаул, 1996. С. 6–8.
- Распутин В. Г.* «Cherchez la femme...» / Распутин В. Г. В поисках берега: Повесть, очерки, статьи, выступления, эссе. Иркутск : Издатель Сапронов, 2007. С. 381–382.
- Распутин В. Г.* Живи и помни. М. : Панорама, 1997. 432 с.
- Распутин В. Г.* Прощание с Матерой // В. Г. Распутин. Живи и помни: [повести, рассказы]. М. : Эксмо, 2002. 394 с.
- Ручка А. А.* Социальные ценности и нормы: (Некоторые теоретические и прикладные вопросы социологического анализа) / АН УССР. Институт философии. Киев : Наукова думка, 1976. 152 с.
- Рябов А. В., Курбангалеева Е. Ш.* Базовые ценности россиян: Социальные установки. Жизненные стратегии. Символы. Мифы. М. : Дом интеллектуальной книги, 2003. 448 с.
- Сорокин П. А.* Социальная и культурная динамика М. : Астрель, 2006. 1176 с.
- Степин В. С., Гусейнов А. А., Межуев В. М., Толстых В. И.* От классовых приоритетов к общечеловеческим ценностям // Квинтэссенция: философский альманах, 1992. М. : Политиздат, 1992. С. 4–46.
- Смирнов П. И.* Ценностные основания общества: (Концепция исследования): автореф. дис. ... д-ра филос. наук. СПб., 1994. 31 с.
- Танака Кнёши.* О героях и конфликтах у В. Распутина // Проблемы эволюции русской литературы XX века. М., 1995. Вып. 2. С. 217–219.
- Тер-Минасова С. Г.* Язык и межкультурная коммуникация. М. : Изд-во МГУ, 2008. 352 с.
- Хлопова А. И.* Вербальная диагностика динамики базовых ценностей : дис. ... канд. филол. наук. 2018. 172 с.
- Шнейдер Л. Б.* Идентичность: Хрестоматия. М. : Изд-во МПСИ ; Воронеж : изд-во МОДЭК, 2003. 272 с.
- Эриксон Э.* Детство и общество. СПб. : Ленато, АСТ, Фонд «Университетская книга», 1996. 592 с.
- Ясин Е. Г.* Новая эпоха – старые тревоги: Политическая экономия. М. : Новое издательство; 2004. 456 с.
- Schwartz S. H.* Value orientations: Measurement, antecedents and consequences across nations // Jowell C., Roberts R., Fitzgerald G. E. (Eds). Measuring attitudes cross-nationally – lessons from the European Social Survey. L. : Sage, 2006. 203 p.

ПРИКЛАДНЫЕ АСПЕКТЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ:
СТАНДАРТИЗАЦИЯ ЯЗЫКА,
ЛИНГВОДИДАКТИКА И ПЕРЕВОДОВЕДЕНИЕ

УДК 81'272, 811.113

Н. Н. Германова

доктор филологических наук, профессор каф. общего и сравнительного языкознания МГЛУ; e-mail: nata-germanova@yandex.ru

**ЕЩЕ РАЗ О СПОРЕ ПРИМОРДИАЛИСТОВ
И СОЦИАЛЬНЫХ КОНСТРУКТИВИСТОВ: ВОЗРОЖДЕНИЕ
МИНОРИТАРНЫХ ЯЗЫКОВ ИЛИ ИХ КОНСТРУИРОВАНИЕ?
(на материале скотс)**

В статье анализируется один из факторов, затрудняющих ревитализацию миноритарных языков. Автор усматривает его в методологическом противоречии между теоретическим обоснованием необходимости ревитализации миноритарных языков и практикой их стандартизации: в то время как аргументация в поддержку миноритарных языков опирается, как правило, на рассуждения в духе примордиализма, практика их стандартизации реализует принципы социального конструктивизма. В результате сконструированные лингвистами нормы далеко не всегда принимаются носителями миноритарных языков, которые не узнают в них язык предков и не испытывают по отношению к ним языковой лояльности. Подобный «обновленный» язык, оторванный от своих истоков, едва ли может отразить этноспецифическую картину мира его носителей. Автор демонстрирует трудности, с которыми сталкиваются лингвисты при разработке языковых стандартов миноритарного языка, на примере попыток разработать орфографический стандарт для шотландского языка скотс. В статье сопоставляются минималистский и максималистский подходы к орфографической реформе. Первый предполагает сохранение некоторого сходства с английской орфографией, а второй – проведение радикальной реформы орфографии за счет опоры на фонологический принцип. Автор отмечает, что большинство словарей скотс придерживаются дескриптивного подхода и дают несколько вариантов написания слова. Исключением является *The Online Scots Dictionary*, унифицирующий орфографию преимущественно на основе фонетического принципа. Автор заключает, что изучение стандартизации миноритарных языков показывает, что позиция социальных конструктивистов не обязательно означает отказ от возрождения малых языков и поддержку распространения глобального английского языка; напротив,

стандартизация миноритарных языков реализует на практике идеи социального конструктивизма.

Ключевые слова: примордиализм; социальный конструктивизм; стандартизация; орфографическая реформа; миноритарный язык; скотс.

N. N. Guermanova

Doctor of Philology (Dr. habil.),

Professor of General and Comparative Linguistics Chair,

Moscow State Linguistic University; e-mail: nata-germanova@yandex.ru

THE ARGUMENT BETWEEN PRIMORDIALISTS AND SOCIAL CONSTRUCTIVISTS REVISITED: REVITALIZATION OF MINORITY LANGUAGES OR THEIR RECONSTRUCTION? (on the example of scots)

The article analyses one of the factors which make it difficult to revitalize minority languages. The author explains this difficulty by the methodological contradiction between the theoretical foundation of minority language revitalization and its practical implementation. While the former relies mostly on the ideas of primordialism to justify the necessity of saving endangered languages, the latter resorts to principles of social constructivism. As a result, standards suggested by linguists are not always accepted by minority language speakers, who often fail to recognize in them their heritage languages and do not experience towards them the feeling of language loyalty. Such a standardized language, torn away from its historical roots, can hardly reflect the ethno-specific worldview of its speakers. The author demonstrates the difficulties encountered by linguists involved in minority languages standardization on the example of the attempts at standardizing the spelling of Scots. The article offers a comparison of the two approaches to orthographic reforms – the minimalist and the maximalist ones. The first presupposes the retention of a certain similarity with English orthography, while the second aims at a radical orthographic reform with a reliance on the phonological principle. The author shows that the majority of Scots dictionaries holds on to the descriptive approach and offer several spelling variants of most words. The exception is The Online Scots Dictionary which tries to unify Scots orthography mostly on the basis of the phonetic principle. The author concludes that the study of standardization practices proves that it would be wrong to consider all social constructivists as opponents of the idea of language revitalization who support the global expansion of the English language: quite the contrary, minority languages standardization relies heavily on the ideas of social constructivism.

Key words: primordialism; social constructivism; standardization; orthographic reform; minority language; Scots.

В последние десятилетия проблема миноритарных языков была осмыслена, по крайней мере в Европе, как одна из центральных проблем языковой политики. Миноритарные языки являются неустойчивыми языковыми образованиями, многим из которых грозит исчезновение. По некоторым подсчетам, к 2100 г. на планете может остаться лишь 5% из ныне существующих языков. Уже сейчас половина языков мира насчитывает около 3000 носителей, а у трети языков менее 1000 носителей, причем носители многих миноритарных языков относятся к старшему поколению и не передают свой язык молодежи. Этим языкам угрожает языковой сдвиг, т. е. отказ от этнического языка и переход на новый язык. Языковой сдвиг сопровождается этнической и культурной ассимиляцией, т. е. восприятием этносом иной культуры, сменой этнической и культурной идентичности и слиянием с другим этносом; итогом этнической ассимиляции является перемена этнического самосознания.

Ситуация с языками малочисленных народов не может не вызывать тревоги как с гуманитарной, так и с социально-политической точки зрения. Языковые права, выделенные в международном праве как составная часть общих прав человека после Второй мировой войны, регулируются целым рядом международно-правовых документов в области языковой политики.

Однако приходится признать, что несмотря на прилагаемые мировым сообществом усилия, поддержка и ревитализация миноритарных языков наталкивается на существенные трудности. Этому есть разные причины. Прежде всего, следует отметить причины социально-экономические и политические: неблагоприятная языковая политика со стороны государства и отсутствие мотивации сохранять язык предков со стороны самих носителей миноритарного языка, которые не рассматривают родной язык в качестве культурного капитала, т. е. той ценности, которая поможет их продвижению по жизненному пути.

Однако не следует упускать из виду еще одно обстоятельство существенно лингвистического свойства. Большинство миноритарных языков функционирует преимущественно в устной сфере; они представлены рядом диалектов со своими произносительными и грамматическими нормами. Расширение сферы их употребления требует преодоления диалектной раздробленности, модернизации лексики, стандартизации грамматики, разработки орфографических правил, без чего они

не могут быть введены в сферу делопроизводства, судопроизводства, использоваться в СМИ и, что особенно важно, в сфере образования.

Таблица 1

Примордиалисты	Социальные конструктивисты
Нация представляет собой объективную «природную» реальность	Национальная идентичность является социальным конструктом
Этническая идентичность опирается на эндогамию, общность территории и ландшафта, совместный жизненный опыт, которые формировали особый психический склад, единые культурные ценности и традиции	Формирование этнической идентичности, отбор этнических маркеров и конструирование «этнической мифологии» происходит в результате усилий интеллектуальной элиты, которые активизируются в эпоху создания национальных государств (XVIII–XIX вв.)
Этносу удается сохранить свою этническую идентичность на всем протяжении своего исторического развития, от племени до современной нации	Характеристики этнической группы подвижны и изменчивы, единство национального самосознания – это результат, а не основание для формирования нации
Язык – главный признак этничности, средство формирования национально специфического «мировидения»	Язык – не единственный маркер этноса, этнос может сохранить идентичность и при утрате языка

Работа в этом направлении нередко тормозится методологическим противоречием между теоретическим обоснованием необходимости ревитализации миноритарных языков и практикой их стандартизации: в то время как аргументация в поддержку миноритарных языков опирается, как правило, на рассуждения в духе примордиализма, практика их стандартизации реализует принципы социального конструктивизма.

Основные различия между пониманием природы этничности и роли языка в этногенезе примордиалистами и социальными конструктивистами отражены в таблице 1.

Хотя большинство современных лингвистов не разделяют радикальную позицию лингвистического детерминизма в духе гипотезы Б. Уорфа, современная лингвокультурология продолжает разрабатывать концепцию языковой картины мира, теснейшим образом связанную с концептуальной картиной мира носителей языка, близкую позиции примордиалистов.

1. Противоположный взгляд на природу этничности и роль языка в ее формировании представлен в трудах социальных конструктивистов [Андерсон 2001, Геллнер 1991, Э. Хобсбаум 2005, Биллиг 2005, Тишков 2003 и др.]¹. В их глазах представление этничности как объективной данности является результатом реификации. Примордиалисты, по их мнению, ошибочно трактуют этническую идентичность с позиций эссенциализма как внеисторическую сущность. С их точки зрения, этнос – это своего рода артефакт, конструкт, созданный интеллектуальными элитами в эпоху Нового времени для разрешения политической задачи строительства национальных государств. По известному выражению Б. Андерсона, нация оказывается «воображаемым сообществом», единство которого опирается не на объективные, изначально присущие этносу характеристики, а на «этническую мифологию», формирующую у представителей этноса убеждение в своей причастности к этнической общности [Андерсон 2001].

Язык в глазах социальных конструктивистов также оказывается не природным, а «рукотворным» явлением. Наиболее ярко этот рукотворный характер языка проявляется в литературных языках с кодифицированными нормами: с позиций социального конструктивизма их можно назвать «искусственными языками воображаемых сообществ» [Германова 2009]. Этнические идентичности, утверждают они, сохраняются и без языка. Не все этнические группы активно озабочены проблемой сохранения родного языка. Есть этносы, где язык относится к базовым ценностям (*core values*), но есть и такие, где на первый план выходят другие признаки этнической принадлежности [Смолич

¹Некоторые авторы выделяют в качестве отдельного направления инструменталистский подход к этничности, акцентирующий использование этничности заинтересованными группировками и индивидами как средство борьбы за политические и экономические ресурсы. В настоящей статье мы рассматриваем инструментализм как разновидность социального конструктивизма.

2012]. Взгляды социальных конструктивистов в последнюю четверть XX в. получили широкое распространение в этнографии, но значительно меньше известны в лингвистике.

Как было отмечено выше, эти противоположные точки зрения парадоксальным образом сталкиваются в практике ревитализации миноритарных языков. Так, одним из основных аргументов в пользу поддержки исчезающих языков является указание на теснейшую связь языка и этнической самобытности. Сторонники спасения миноритарных языков указывают, что исчезновение языков приводит к стандартизации картины мира и обеднению мировой культуры. С исчезновением бесписьменного языка исчезают уникальные культурные концепты, культурные модели и культурные метафоры. Языки хранят память многих поколений людей, поэтому вместе с языками исчезает уникальный опыт и знания говоривших на них народов.

Однако часто практика стандартизации¹ миноритарных языков представляет собой не столько возрождение этнических языков и возврат к истокам, сколько своего рода социальную инженерию – конструирование новых языковых идиомов, в которых представители миноритарного этноса не всегда могут узнать родной язык.

Это происходит потому, что стандартизация подразумевает преодоление, причем часто насильственное, диалектной раздробленности за счет выработки единых орфографических стандартов, стандартизации грамматики и модернизации лексики. В результате стандартизации диалект приобретает статус языка², однако в новом стандарте представители миноритарного этноса не всегда могут узнать родной язык (или, точнее, родной диалект).

Образно говоря, лингвисты порой «возрождают язык, который никогда не существовал». Не удивительно, что сконструированные лингвистами нормы далеко не всегда принимаются носителями миноритарных языков, которые зачастую не узнают в них язык предков

¹ Применительно к современным миноритарным языкам принято употреблять термин «стандартизация», а не «нормирование».

² В современной Европе немало таких идиомов, традиционно считавшихся диалектом, но ныне претендующих на статус языка – ладинский, вентский, пьемонтский, фриульский, ломбардский в Италии, астурийский, валенсийский, аранский, арагонский в Испании, корсиканский во Франции, ольстерский шотландский и скотс в Великобритании и т. п.

и не испытывают по отношению к стандартизованному идиому языковой лояльности. Такой модернизированный язык может взять на себя выполнение административных функций, но при этом он часто перестает восприниматься носителями как родной «домашний» язык или даже становится не вполне понятным им. Это снижает мотивацию представителей миноритарного этноса для использования разрабатываемого лингвистами стандарта, что и является одной из причин неудач при ревитализации миноритарных языков.

Трудности, с которыми сталкиваются лингвисты при разработке языковых стандартов, можно проиллюстрировать на примере шотландского языка *скотс*.

Статус *скотс* был и остается достаточно спорным. До XVI в. этот идиом часто обозначался как *Inglis* самими шотландскими авторами. С конца XV в. равнинный шотландский начинает эпизодически обозначаться как *Scots*, но это самоназвание еще не становится устоявшимся термином.

В целом борьба за независимость в Шотландии была в меньшей степени связана с языком как символом этничности, чем с политическими мотивами. В XVIII в., когда Шотландия стала частью Великобритании, различие между шотландским и английским понимали, скорее, как противопоставление правильного языка провинциальному диалекту.

При этом традиция употребления *скотс* как в устной, так и письменной форме на территории Шотландии не прерывалась; на *скотс* в течение более шести веков существует художественная литература, самыми знаменитыми представителями которой являются поэты Роберт Бернс (XVIII в.) и Хью Мак-Диармид, один из ключевых представителей шотландского Возрождения (XX в.). Последний активно экспериментировал с шотландским языком, пытаясь придать его развитию новый импульс путем смещения народных говоров и языка шотландской средневековой поэзии. Свой «синтетический» шотландский он называл *Lallans*. В XX в. это название часто употребляли для обозначения шотландского языка; сейчас общепринятым является название *скотс*.

В настоящее время *скотс* официально признан правительством Великобритании и Европейским бюро менее признанных языков (EBLUL) в качестве самостоятельного языка. Ратифицировав

Европейскую хартию региональных языков или языков меньшинств, Великобритания взяла на себя обязательства по его поддержке (наряду с поддержкой валлийского, ирландского, гаэльского, и ольстерско-го шотландского языков).

Помимо политической воли, параметрами, позволяющими считать скотс отдельным языком, являются следующие: 1) большое число отличий от английского языка, преимущественно в фонетике и лексике; 2) четко очерченный ареал распространения; 3) наличие самостоятельной истории, сначала в качестве национального языка независимого государства, а затем в качестве регионального языка севера Великобритании); 4) наличие собственных территориальных и социальных диалектов; 5) существование многовековой письменно-литературной традиции; 6) наличие самостоятельной терминологии в религиозной, юридической и некоторых других сферах; 7) наличие у части населения языкового самосознания и языковой лояльности по отношению к исконному языку [Денисова 2010].

Однако, несмотря на официальное признание, *Standard Scots* так и не прошел процесса «фокусирования» и по-прежнему представлен рядом разновидностей, занимая переходную позицию в лингвистическом континууме, одним полюсом которого является региональный вариант английского языка (*Standard Scottish English*), а вторым – нелитературные диалекты, максимально отличные от английского языка, такие как *Doric dialect*, *Caitnes*, *Shetland dialect* и др.

Большинство носителей скотс говорят на так называемом *thin Scots*, для которого характерна невысокая частотность шотландизмов как в лексике, так и в грамматике. Поэтому многие шотландцы (даже те, кто говорит на скотс и положительно настроен по отношению к этому идиому) не видят в нем самостоятельного языка: по данным опроса 2009–2010 гг., около 64 % участвовавших в опросе шотландцев ответили, что не считают скотс отдельным языком; при этом 85 % информантов указали, что они говорят на скотс, а 67 % высказались за то, чтобы скотс продолжал использоваться в Шотландии [Раренко 2015].

Большую, возможно, главную проблему для скотс представляет отсутствие орфографического стандарта, без которого невозможно подготовить линейку учебников для учебных заведений¹. Разра-

¹ Скотс не преподается в школах Шотландии в качестве отдельного предмета. Учащиеся знакомятся с ним преимущественно на уроках литературы.

ботка орфографического стандарта имеет для миноритарного языка особое значение: без единой орфографии невозможна работа над нормативными словарем и грамматикой, подготовка учебников родного языка, издание хрестоматий и т.п. Наличие письменных стандартов зримо выделяет язык среди родственных идиомов и повышает его статус в глаза носителей языка. Однако, несмотря на многовековую литературную традицию (или, напротив, по причине ее существования), общепринятой орфографии скотс не существует. Авторы, пишущие на скотс, используют разнообразные написания – от средневековых орфограмм до авторских инноваций [McClure 1996; Douglas 2009; Unger 2013; Bann 2013].

Попытки выработать единую орфографию для скотс предпринимались неоднократно. Среди них принято выделить минималистский и максималистский подходы. Первый исходит из целесообразности сохранения сходства с орфографией английского языка, второй предполагает радикальную реформу орфографии.

В 1947 г. с ориентацией на минималистский принцип было составлено руководство по орфографии *Scots Style Sheet*, однако о его рекомендации не были безоговорочно приняты общественностью. В 1996 г. общество *Scots Language Society* организовало Комитет по проведению орфографической реформы (*the Scots Spelling Committee*). Члены Комитета, как и ранее составители *Scots Style Sheet*, исходили из минималистского принципа: по их мнению, для того чтобы тексты на скотс были бы понятны широкой аудитории, они не должны радикально отличаться от текстов на английском языке, следует также использовать традиционные исторические написания, встречавшиеся в литературе прошлого. Для слов, общих для скотс и английского языка, предлагалось сохранить английскую орфографию, за исключением случаев, когда слово приобрело в скотс новое значение.

Патриотически настроенные писатели и лингвисты (многие из них ратуют за выход Шотландии из состава Великобритании) настаивают, однако, на фундаментальной реформе, полагая, что последовательная опора на фонологический принцип сделает орфографию системной и наглядно противопоставит скотс английскому языку. Активным сторонником проведения радикальной орфографической реформы выступил Дж. МакКлюэр [McClure 1996]. Признавая, что на первом этапе пользователям будет трудно привыкнуть к новой орфографии,

он был убежден, что в итоге они оценят ее последовательность и системность (одна фонема – одно буквообозначение).

Разница между минималистским и максималистским подходами к реформе шотландской орфографии продемонстрирована в таблице 2, представляющей два варианта записи отрывка из известного стихотворения Р. Бернса «Tam o'Shanter».

Таблица 2

Минималистский подход (Style Sheet 1947)	Максималистский подход (версия МакКлюэра)
When chapman billies leave the street, An drouthy neibors neibors meet; As mercat days are wearing late, And fowk begin tae tak the gait; While we sit bousing at the nappy, An gettin fou an unco happy, We thinkna on the lang Scots miles, The mosses, waters, slaps and stiles, That lie atween us and oor hame, Whaur sits oor sulky, sullen dame, Getherin her brous like getherin storm, Nursin her wrath tae keep it warm.	Whan chapman bilys lei the streit, An drouthy neibors neibors meit; As mercat dais ar weiran laet, And fowk begin ti tak the gaet; Whiyl wei sit bousan at the napy, An geatan fou an unco hapy, We think na on the lang Scots miyls, The mossis, watirs, slaps and styils, That liy betwein us an our haem, Whaar sits our sulky, sulin daem, Gethiran hir brous liyk gethiran storm, Nursan hir vraeth ti keip hit warm.

В итоге при наличии столь различных позиций единый орфографический стандарт для скотс так и не был внедрен в общую практику. Наиболее авторитетные словари скотс (*Scottish National Dictionary*, *Dictionary of older Scottish Tongue*, *Concise Scots Dictionary*) ориентируются на дескриптивный, а не прескриптивный подход и предлагают целый ряд орфографических вариантов для одной лексической единицы, не рекомендуя ни один вариант в качестве образцового.

Например, в онлайн-словаре *Dictionary of the Scots Language*, объединившем ресурсы двенадцатитомного *Dictionary of the Older Scottish Tongue* и десяти томного *Scottish National Dictionary*, находим такие варианты написания слов:

SCHOOL – schule , sc(h)uil, scule, skule, scöl, skuil, skeul, shool; skill; s(c) kweel, squeel; scheel, skeel;

MARRIED – maryit, marieit, mareyitt, mairieit, mayreit, mer(r)iet, marit, -yt(e, -yde, marret, merit, -id; mar(r)ied);

OLD – auld, aul', aal, ald, ould; A river-island, a holm – ana, anna, anay, annay, awna.

Попытки стандартизировать орфографию скотс продолжаются. Так, *The Online Scots Dictionary*, преследующий практические нормативные цели, сопровождается обширным приложением, поясняющим принципы выбора орфограмм. В целом он ориентируется на фонетический принцип; орфография слов, произношение которых не совпадает с английским языком, отражает эти различия, например: MAIRVEL [me:rvl, mervl] – *marvel*; LAUND [lɑ:n(d), lɔ:n(d)] – *land*; DEITH [di:θ, de:θ] – *death*; AICHT [ext, eɣt] – *eight*. Слова, произношение и значение которых не отличаются от английского языка, по большей части сохраняют английскую орфографию, за исключением традиционных для шотландской письменности орфограмм. В отдельных случаях применяется принцип дифференциации, направленный на то, чтобы максимально обособить скотс от английского языка. Так, например, конечное *k* передается диграфом *ck* (*paddock*); отсутствует удвоение согласных (*apple* > *aiple*; *carry* > *cairy*; *hammer* > *haimer*).

В словаре для подавляющего большинства слов дается один вариант написания. В целом предлагаемый вариант орфографии достаточно последователен, однако только время покажет, будет ли он принят широкой публикой, создав базу для закрепления норм скотс в письменной коммуникации.

Изучение процесса стандартизации современных миноритарных языков представляет интерес для теории нормы и истории нормирования литературных языков, поскольку процесс разработки норм миноритарных языков принципиально отличается от нормирования национальных литературных языков XVI–XIX вв. Оно также вносит вклад в дискуссию примордиалистов и социальных конструктивистов, показывая, что хотя в дискурсе о ревитализации вымирающих языков доминируют восходящие еще к XVIII в. аргументы лингвокультурологического характера, отражающие примордиалистский взгляд на соотношение языка и этноса, на практике нормирование этих языков реализует принципы социального конструктивизма. Это показывает, что неверно считать всех социальных конструктивистов

противниками возрождения малых языков и сторонниками «англобализации»; напротив, стандартизация миноритарных языков осуществляется с позиций социального конструктивизма.

В статье это положение было освещено на примере разработки орфографических стандартов, в наибольшей степени допускающих сознательное регулирование, однако конструктивистский в своей основе подход характерен и для лексикографии. Модернизация словаря влечет за собой разработку пластов лексики, отражающих реалии и понятия современного мира, причем, как правило, за счет массовых заимствований из того самого доминирующего языка, который в прошлом вытеснял миноритарный язык из употребления. Подобный «обновленный» язык, оторванный от своих истоков, едва ли может отразить этноспецифическую картину мира носителей миноритарного языка. В результате нормализаторы порой конструируют стандарты, которые оказываются непривычными (или даже чуждыми) представителям миноритарного этноса и не вызывают аффективной привязанности к прошедшему процесс стандартизации языку.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Андерсон Б.* Воображаемые сообщества. М. : Канон-пресс центр, 2001. 288 с.
- Биллиг М.* Нации и языки // Логос. 2005. № 4 (49). С. 44–70.
- Геллнер Э.* Нации и национализм. М. : Прогресс, 1991. 106 с.
- Германова Н. Н.* Искусственные языки воображаемых сообществ: проблема национальных языков в западной лингвистике // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2009. Вып. 557: Языковое существование человека и этноса. С. 24–41. (Языкознание).
- Денисова Е. А.* Язык Шотландии Scots как продукт внешних и внутренних взаимодействий : автореф. дис... канд.филол. наук. СПб., 2010. 246 с.
- Раренко М.Б.* Языковая ситуация в современной Шотландии // Языковая ситуация в Европе начала XXI века. М. : ИНИОН РАН, 2015. С. 84–101.
- Смолич Е.* Языки меньшинств как центральные ценности этнических культур // Социолингвистика и социология языка. Хрестоматия / [пер. с англ.]; отв. ред. Н. Б. Вахтин. СПб. : Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2012. С. 402–432
- Тишков В. А.* Реквием по этносу: Исследования по социально-культурной антропологии. М. : Наука, 2003. 545 с.
- Хобсбаум Э.* Язык, культура и национальная идентичность // Логос. 2005. Вып. 4 (49). С. 33–43.

- Bann J.* Spelling Scots. Edinburgh : Edinburgh University Press, 2015. 192 p.
Dictionary of the Scots Language. URL : www.dsl.ac.uk/ (дата обращения: 15.11.2018).
- Douglas F.* Scottish Newspapers, Language and Identity. Edinburgh : Edinburgh University Press, 2009. 200 p.
- McClure J. D.* Scots and its Literature. Amsterdam : John Benjamins Publishing, 1996. 218 p.
- The Online Scots Dictionary. URL : www.scots-online.org/dictionary/read_dictionary.asp?letter=A&CurPage=13 (дата обращения: 20.11.2018).
- Unger J. W.* The Discursive Construction of the Scots Language: Education, politics and everyday life. Amsterdam : John Benjamins Publishing, 2013. 178 p.

УДК 81'25

Н. И. Ударова

преподаватель каф. переводоведения и практики перевода
английского языка переводческого факультета МГЛУ;
e-mail: n.udarova@gmail.com

УЧЕТ ЧАСТОТНОСТИ УПОТРЕБЛЕНИЯ ПРИЛОЖЕНИЙ С ЭРГОНИМАМИ В РУССКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ В ПЕРЕВОДЕ

В статье автор поднимает вопрос о необходимости учета при переводе расходов в частотности употребления приложений с именами собственными, в частности, с названиями компаний и организаций (эргонимами) в информационных текстах в английском и русском языках. Автор отмечает, что пренебрежение количественным аспектом использования тех или иных единиц приводит к стилистическим нарушениям и, соответственно, отрицательно сказывается на качестве переводимого текста в целом. Высказывается предположение, что для информационных текстов в русском языке употребление эргонимов в сопровождении с приложениями более характерно, чем для информационных текстов в английском языке, где эти же единицы при первом употреблении могут поясняться с помощью приложений, тогда как при повторном упоминании приложения опускаются. Для проверки данного предположения автор проводит статистическое исследование: был подобран корпус англо- и русскоязычных информационных текстов (характеристики, по которым подбирались материалы, приведены в статье) и выделены типичные модели, по которым строятся эргонимы в английском и русском языках; на следующем этапе автор распределяет встретившиеся в корпусе текстов эргонимы по группам в зависимости от модели и подсчитывает их количество. Согласно подсчетам, в русском языке модель «1) приложение 2) эргоним» оказывается более частотна, чем в английском языке, что подтверждает изначальную гипотезу. Кроме того, как и предполагалось, употребление эргонима без приложения более характерно для английского языка. Таким образом, автор приходит к выводу, что при переводе с русского языка на английский лишние приложения необходимо опускать. В то же время при переводе с английского языка на русский рекомендуется вводить в текст дополнительные приложения, часто встречающиеся в оригинальных русскоязычных текстах. В заключение автор приводит ряд иных рекомендаций, связанных с употреблением приложений, которые призваны повысить качество переводимого текста и приблизить его к сопоставимым текстам на английском языке.

Ключевые слова: имена собственные; эргонимы; приложения; частотность; статистика.

N. I. Udarova

Lecturer, the Department of Translation Studies
and Translation and Interpreting (the English Language),
the Faculty of Translation and Interpreting, MSLU;
e-mail: n.udarova@gmail.com

FREQUENCY OF USE OF APPLICATIONS WITH ERGONOMYS IN RUSSIAN AND ENGLISH TRANSLATION

The article stresses the importance of taking into account the differences in how frequently appositions are used in news texts in English and Russian. The author notes that ignoring the quantitative aspect may lead to stylistic mistakes and, thus, negatively affects the quality of the translated text. The author suggests that ergonyms accompanied by appositions are more common for news texts in Russian than in English. In English ergonyms may go along with appositions if need be, however, when an ergonym is used again, an apposition is then omitted. To test this assumption, the author conducted a statistical study by gathering a corpus of news texts in Russian and in English (the author expands on the details of how the texts were gathered further in the article). After that, the author singles out typical models of how ergonyms are used in both languages and distributes the ergonyms found in the texts according to the model. According to the statistics, the “1) application 2) ergonym” model is more common in Russian than in English, which confirms the original hypothesis. In addition, as expected, the use of an ergonym without an apposition is more usual in English. Thus, the author comes to a conclusion that when translating from Russian into English, the appositions should be omitted. At the same time, when translating from English into Russian, it is recommended to put additional appositions, common in Russian texts. At the end of the article, the author provides a whole range of additional recommendations concerning the use of appositions aimed at enhancing the quality of the translated text and bringing it closer to corresponding texts in English.

Key words: proper names; ergonyms; apposition, frequency, statistics.

В предыдущей публикации, рассмотрев структуры эргонимических единиц в русском и английском языках и в целом отметив сходство входящих в их состав элементов, мы подробно остановились на принципах употребления данных имен собственных (ИС) в газетно-информационных текстах (в особенности в АЯ). В частности, мы проанализировали особенности употребления сопровождающих эргонимы приложений (родовых наименований или так называемых «слов-классификаторов», вроде *company*, *organization*, *fund*, и более распространенных, вроде *tech giant* или *real estate developing corporation*) [Ударова 2018].

В данной статье мы вновь обратим внимание на приложения, однако теперь сосредоточимся на «количественном» аспекте их употребления. На необходимость учитывать расхождения в частотности использования лексических единиц в том или ином функциональном стиле указывали многие ученые. А. Д. Швейцер отмечал, что «несоблюдение количественного принципа приводит к качественным сдвигами – к нарушению стилистической нормы ПЯ» [Швейцер 1873]. О том же писал Л. К. Латышев, считавший, что «частые нарушения узуса затрудняют ориентировку в речевом поведении отправителя речи, восприятие и интерпретацию высказывания» [Латышев 1988]. Если речь идет о художественных и публицистических текстах, то такие нарушения создают «иллюзию индивидуального (авторского) приема там, где его нет» [там же]. Добавим, что ситуация, естественно, может быть и обратной, когда оригинальное авторское передается типичным общеязыковым, что также приводит к стилистическим искажениям и, как следствие, создает у читателя неверное представление об авторе.

С другой стороны, если переводчик имеет дело с нехудожественным текстом, в котором многое определяется традицией, строится по устоявшимся моделям, и наличие ярко выраженного авторского «я» в нем не предполагается, то подмена привычного и частотного в оригинале редким и необычным в переводе будет так же нарушать стилистическую норму, а читателя скорее всего приведет уже не к мысли о своеобразии авторской манеры, а о том, что перевод выполнен некачественно.

Думается, то же имел в виду Л. К. Латышев, когда писал следующее: «...перенасыщение ПТ неузуальными единицами и конструкциями затрудняет его смысловое восприятие и, согласно данным некоторых исследований, вызывает “подозрительность и недоверие” у получателей перевода, что не позволяет в полной мере достигнуть запланированный коммуникативный эффект» [Латышев 1988].

При этом он подчеркивал, что ошибки, связанные с нарушением узуса, малозаметны, неочевидны, и потому «представляют собой род наиболее коварных ошибок» [там же].

М.Д. Литвинова также обращает внимание, что «переводчики часто нарушают характерную для своего языка среднестатистическую частотность» [Литвинова 2010]. Эта мысль находится в центре

выдвинутой исследовательницей гипотезы о так называемых «спектрах языка». По мысли М. Д. Литвиновой, одни и те же элементы, существующие и в ПЯ, и в ИЯ, могут отличаться по частотности употребления, и именно совокупность таких «частотностей» составляет спектр языка – «системное свойство, отличающее один язык от другого» [Литвинова 2010]. Так, М. Д. Литвинова отмечает, что, к примеру, в английских художественных текстах придаточные времени встречаются чаще, чем в русском языке (далее РЯ), где они скорее замедляют и утяжеляют повествование (в таких случаях советуют менять подчинительную связь на сочинительную или использовать предложные конструкции); с другой стороны, в РЯ чаще, чем в английском (далее АЯ), употребляются наречия; асимметрия наблюдается и в способах выражения модальности: АЯ предпочитает модальные глаголы, тогда как для РЯ более привычно использование модальных слов. Несоблюдение статистических норм приводит к искажению языкового спектра и, как следствие, к стилистическим ошибкам.

Возвращаясь к первой из приведенных нами цитат М. Д. Литвиновой, хотелось бы добавить, что, по нашему мнению, вероятность подобных «частотных» искажений даже более высока, когда перевод производится на неродной язык (М. Д. Литвинова в большей степени говорит о переводе художественной литературы, который чаще идет в направлении с иностранного на родной, но очевидно, что вопрос соблюдения статистических норм актуален и для иных видов перевода).

Варианты, предложенные при переводе на ИЯ, часто отвечают нормам грамматики, точны с точки зрения лексики, но при этом звучат неестественно или в принципе не соответствуют тому, как в ПЯ принято выражать ту или иную мысль. Часто это происходит оттого, что переводчик отдает предпочтение варианту, формально схожему с имеющимся в родном языке, не задумываясь о более привычных и частотных вариантах на ПЯ.

Это особенно заметно, если речь идет об устойчивых, «расхожих» выражениях, которые говорящий не придумывает каждый раз для каждого конкретного случая, а отыскивает готовые варианты в собственной памяти. Классический пример – фраза «я хочу есть», которую можно передать как *I want to eat* (и в каких-то контекстах она будет уместна), но, думается, каждый человек, изучающий английский язык, рано или поздно узнает, что гораздо более привычно звучит

фраза *I'm hungry*. В данном случае выбор менее частотной формы не помешает носителю английского языка разобраться, чего хочет собеседник, но его иностранное происхождение будет очевидно. Как отмечал Л.К. Латышев, «узкая неадекватность не влечет за собой смысловых искажений» [Литвинова 2010], но определенно сказывается на том, как текст перевода воспринимается.

Точно так же выдаст себя англичанин или американец, если короткий переспрос *a что?*, с помощью которого мы обычно уточняем, зачем был задан предыдущий вопрос (иначе «почему вы спрашиваете?»), у него прозвучит как *почему?* или *зачем?* (что вполне вероятно, поскольку в английском языке функцию подобного переспроса-уточнения выполняет вопросительное слово *why*).

Очевидно, что, переводя на неродной язык, переводчик по объективным причинам оказывается менее чувствителен и восприимчив к подобным искажениям и заметить их, если постоянно не задаваться вопросом, насколько типична та или иная конструкция для ПЯ, и не проверять себя, крайне сложно.

По мере изучения и сопоставления эргонимических единиц у нас возникло предположение, что частотность их употребления с родовыми наименованиями в АЯ и РЯ не совпадает, что, безусловно, следовало бы принимать во внимание при переводе. Поясним наше предположение примером: если взять название «Майкрософт», то в русском тексте родовые наименования типа «компания», «корпорация», «фирма» и т. д. будут сопровождать этот эргоним на протяжении всей статьи с гораздо большей вероятностью, чем в английском тексте, где подобные наименования чаще обходятся без пояснений.

Говоря о подобных словах-классификаторах, Д. И. Ермолович отмечает, что и в РЯ, и в АЯ данный элемент может являться как постоянным, так и факультативным [Ермолович 2014]. Надо сказать, что это наблюдение в большей степени относится к символическим эргонимам, которые могут функционировать в тексте самостоятельно, тогда как реальные и тяготеющие к ним условные эргонимы без родового наименования обойтись не могут (ср. компания «Мегафон» и Химкинский бетонный завод). Родовое наименование в реальных и близких к ним условных эргонимах согласуется с остальными элементами и оказывается с ними крепко спаянным, тогда как к символическим эргонимам оно примыкает и при необходимости может легко

«отсоединиться». При этом, на наш взгляд, именно из-за факультативного характера родовых наименований, выполняющих в предложении функцию приложения вопрос частотности их употребления оказывается особенно важен.

Для начала уточним, что приложение – это «паратактическое соположение двух грамматически эквивалентных именных слов [Ахманова 1966], т. е. по сути еще один способ номинации того же объекта, к которому это приложение относится.

Итак, по нашим предварительным наблюдениям, в русскоязычных статьях приложения, уточняющие характер эргонима, часто встречаются на протяжении всего текста и не воспринимаются как избыточный элемент, тогда как для оригинальных англоязычных текстов наличие подобных повторов присуще в меньшей степени.

Для проверки этого предположения мы сопоставили эргонимы в оригинальных англо- и русскоязычных новостных статьях. Статьи были взяты из известных интернет-изданий, которые в то же время имеют печатные версии, что, на наш взгляд, говорит о более высоком качестве предлагаемых в них материалов, нежели в изданиях, существующих исключительно в электронном виде. В общей сложности мы рассмотрели 19 статей, взятых из русскоязычных источников (газеты «Ведомости» (В), «Коммерсант» (Ъ) и «Московский комсомолец» (МК)) и 15 статей из американской и британской прессы (The New York Times (NYT), The Wall Street Journal (WSJ) и The Guardian (G)). Количество рассмотренных статей не совпадает, поскольку, на наш взгляд, для большей наглядности подобной статистики равным должно быть не количество текстов, а количество употреблений эргонимов. Так, в полученном корпусе русских статей нам встретилось 350 случаев употреблений эргонимов, в корпусе английских – 345 употреблений.

Большая часть материалов относится к рубрикам «Финансовые новости» или «Экономика», поскольку именно в них наиболее часто упоминаются компании и другие организации.

Подбирая статьи на АЯ и РЯ в упомянутых рубриках, мы, когда позволял функционал новостного сайта, устанавливали ограничение по времени их написания (в итоге тексты датируются апрелем–июнем 2018 г.), а затем рассматривали в выдаче все материалы, которые могли представлять для нас интерес (если по заголовку было ясно, что

в статье вряд ли встретятся интересующие нас единицы, мы ее пропускали). Однако не на всех сайтах имеется доступ к архиву, в котором материалы располагались бы в хронологическом порядке (например, на сайте газеты «Гардиан» статьи связаны друг с другом по теме, и возможности ознакомиться со всеми статьями, опубликованными в тот или иной день, нет). В таком случае мы задавали поиск по интересующей нас рубрике через поисковик «Гугл» и уже там выставляли необходимый временной промежуток. Материалы в выдаче при таком подходе можно выставить в хронологическом порядке, что весьма удобно. Минимальный объем статьи составлял 1 500 знаков с пробелами.

Нужно отметить, что мы не учитывали эргонимы, встречавшиеся в заголовках. Заголовки, как известно, должны отличаться краткостью и понятностью; соответственно, родовые наименования и прочие характеристики при ИС – элементы, носящие дополнительный характер, – в них стараются не использовать. Кроме того, по своему опыту мы знаем, что количество знаков в поле для ввода заголовка у журналистов ограничено (отсюда сокращения типа *intl* – international, *spx* – spokesman, *MoD* – the Ministry of Defense и т. д.), и пояснения к ИС в них появляются только в случае крайней необходимости. Например, если степень известности того или иного ИС совсем не высокая. Приведем несколько примеров:

Mining Tech Firm Outotec Expects Fewer Orders From Iran (*NYT*)

British PR firm Bell Pottinger apologizes for South Africa campaign (*G*)

Суд арестовал счета компаний *группы «Сумма» («В»)*

Стоит сказать, что часто в случае, если название компании малоизвестно, от эргонима в заголовке вообще отказываются, а вместо него используют именно родовое наименование или более подробное описание, которое сообщает читателю больше информации, чем малоизвестное ИС. Например:

Microsoft, eBay, Tencent Invest \$1.4 Billion in ***Amazon's India Rival*** (*WSJ*).

«МегаФон» купит ***компанию – владельца частот для 5G*** в Москве («РБК»).

Также мы не рассматривали эргонимы, которые использовались в подзаголовках, поскольку подзаголовок, по сути, представляет собой

более подробное (по сравнению с заголовком) обобщение того, о чем говорится в статье, и существует как бы отдельно от основного текста.

Эргонимы, упоминавшиеся в цитатах, мы тоже оставили за рамками наших подсчетов. Цитата – это дословное воспроизведение чьего-то высказывания, которое в информационных текстах приводится «ради документальной точности»¹. Будучи отрывком из некоего стороннего произведения (словесного или письменного), цитата «встраивается» в систему нового, «заимствующего», текста, однако ее элементы продолжают существовать, подчиняясь логике текста оригинального, из которого она была взята. Поэтому, на наш взгляд, эргонимы, упоминавшиеся в цитатах, вряд ли могли бы быть полезны для нашей статистики.

Таким образом, отобрав и изучив необходимый материал, мы выделили эргонимические единицы, которые затем распределили по группам в зависимости от того, по какой модели они построены. Ниже представлена таблица, в которой перечислены выделенные нами модели (условные обозначения: Э – эргоним, П – приложение; порядок их следования относительно друг друга обозначен при помощи пунктов 1) и 2) в верхнем индексе). Каждую модель мы проиллюстрировали примерами на АЯ и РЯ (см. табл. 1).

Таблица 1

Модели	АЯ	РЯ
оди- ночный эргоним	A digital-currency startup backed by <i>Goldman Sachs Group Inc.</i> is now worth about \$3 billion... (WSJ)	На прошлой неделе Арбитражный суд Москвы удовлетворил требования «Нативы» о взыскании с «Р-фарм» 112,2 млн руб... («Ъ»)
^{1)П} ^{2)Э}	...and <i>the world's largest non-military drone manufacturer, DJI (G)</i> ...said Julio Hernandez, the global head of customer advisory at <i>the professional services firm KPMG</i> (NYT)	Группа компаний «Нефтиса», входящая в <i>промышленно-финансовую группу «САФМАР»</i> Михаила Гуцериева, продолжает работу... («МК»)

¹ Литературная энциклопедия: Словарь литературных терминов : в 2 т. М. ; Л. : Изд-во Л. Д. Френкель, 1925. URL : www.endic.ru/lit/Citata-576.html

Модели	АЯ	РЯ
¹⁾ Э ²⁾ П	... <i>Venmo, a startup now owned by PayPal Inc.</i> (WSJ)	ОАО «Агропромышленная фирма “Фанагория”», крупный российский производитель вина, в сентябре поставило первую партию... («Ъ»)

Отметим, что на первом этапе мы не учитывали положение одиночного эргонима в тексте (первое ли это упоминание в начале статьи или последующее). Для выделения моделей сочетаемости эргонимов с приложениями, существующих в АЯ и РЯ, этот фактор значения не имеет. Однако далее, для составления статистики, нам показалось важным ввести этот критерий, поскольку, согласно нашим предположениям, в англоязычных текстах существует тенденция обходиться без приложений даже при первом упоминании компании и организации, что, на наш взгляд, весьма непривычно для текстов на РЯ.

Также уточним, что варианты употребления вроде «the world’s largest non-military drone manufacturer, DJI» и «the professional services firm KPMG», несмотря на наличие запятой между приложением и эргонимом в одном случае и ее отсутствием в другом, мы относили к одной и той же модели – «¹⁾ П ²⁾ Э».

В АЯ, если при ИС находится приложение, содержащее уникальную характеристику, относящуюся только к данному ИС (например, «the world’s largest non-military drone manufacturer» (ведущий производитель в мире всего один)), то такое ИС обособляется запятыми. Если же характеристика может быть отнесена и на счет иного ИС («the professional services firm KPMG» (подобных фирм может быть множество)), то запятая оказывается не нужна¹.

В РЯ приложение, стоящее перед именем собственным, не обособляется (промышленно-финансовая группа «САФМАР»), кроме случаев, когда оно имеет добавочное обстоятельственное значение [Валгина 287]. Однако очевидно, что особенности пунктуационного оформления ничего принципиально в выделенной нами модели «¹⁾ П ²⁾ Э» не меняют. Соответственно, выделять дополнительную модель (к примеру, «¹⁾ П ²⁾ запятая ³⁾ Э») мы не стали.

¹ The Chicago Manual of Style. URL : www.chicagomanualofstyle.org

Добавим также, что приложение, следующее за определяемым словом, и в РЯ, и в АЯ всегда обособляется запятыми.

Важный вопрос, который было необходимо решить до начала наших подсчетов, – имеется ли в АЯ некая специфическая модель вида «the X company / fund / firm / etc.», отсутствующая в РЯ (чтобы удостовериться в этом, достаточно представить себе варианты вроде «“Газпром” компания» или «“Вера” фонд»¹), и которую в таком случае также было бы необходимо учесть в статистике.

С одной стороны, Д.И. Ермолович отмечает частотность данной конструкции и рекомендует прибегать к ней при передаче эргонимов с РЯ на АЯ (например, торговая сеть «Амарант» – *the Amarant retail chain*). И хотя в прошлой публикации мы показали, что в АЯ положение родового наименования относительно эргонима может варьироваться так же, как и в РЯ, и нельзя согласиться с утверждением о более частом употреблении конструкций с родовым наименованием в постпозиции, такие примеры, как «the Bing search engine» и «the Hotpoint, Creda, Indesit, ProLine and Swan brands», которые мы обнаружили среди рассмотренных материалов, указывают, что в АЯ текстах подобная модель действительно встречается.

С другой стороны, нужно учитывать, что в приведенных нами примерах между родовыми наименованиями (search engine и brands) и ономастическими элементами (Bing и Hotpoint, Creda, Indesit,

¹ Говоря о данной модели, нельзя не заметить появление в РЯ таких названий, как «Капитал Групп», «Волга групп», «Открытие Холдинг», на первый взгляд построенных по модели «¹ Э ² П». Здесь, однако, мы видим, что родовое наименование (чаще всего записанное на английский манер) входит в состав эргонима. Сопоставить такие ИС можно с английскими эргонимами вроде The Walt Disney Company, Digital Currency Group, PayPal Holdings Inc. и т. д., которые мы относили к «одиночным эргонимам» (если при них не было приложений). Таким образом, можно сказать, что подобные конструкции – не некое новое проявление синтаксиса русского языка, а лишь результат калькирования структуры названий, привычной для АЯ и ставшей порождающей моделью для названий на РЯ. Надо сказать, что подобные наименования сегодня встречаются не только среди эргонимов, но и среди названий совершенно разного рода – от названий массовых мероприятий («Йога-фест», «Ламбада-маркет») до названий торговых центров («Ереван Плаза»), концертных залов («Градский Холл»), стадионов («Казань Арена») и многого другого.

ProLine and Swan) возникает иной вид связи: ИС выполняют роль определения родовых наименований.

В АЯ конструкции вида «сущ. + сущ.», в которых главное слово, выраженное существительным, определяется с помощью существительного, встречаются весьма часто. На их наличие и необходимость учета при переводе указывал, например, Б. Н. Климзо, говоря об особенностях передачи терминов в научно-технических текстах [Климзо 2006]. Он отмечал, что среди терминов существуют так называемые «простые двусловные» и «многокомпонентные», состоящие из главного слова, выраженного существительным, и определения / определений, также выраженных существительными (например, drive system – система привода). Братья за передачу подобных терминов Б. Н. Климзо рекомендовал «с конца к началу», т. е. начиная с главного слова.

Поиск конкретных вариантов, построенных по модели «the X company», к примеру, в Корпусе современного американского варианта английского языка (COCA) выдает крайне скромные результаты. Приведем примеры:

“I want to see peace with Israel and the Palestinians,” Trump said in an interview last week with *the Reuters news agency* (COCA).

The Verizon phone company as well as the union of Verizon workers apologized to its customers for a strike that slowed phone service (COCA).

My grandfather, an electrical engineer with *the Boeing company*... (COCA)

Гораздо чаще, по нашим наблюдениям, встречаются конструкции следующего вида (судя по которым действительно можно сделать ошибочный вывод о частотности конструкции «the X company»):

This is Steve Jobs explaining the origins of *the Apple company name* to biographer Walter Isaacson... (*The Guardian*)

Ronald Gerald Wayne created *the Apple company logo*... (*Forbes*)

Uber company policy expressly forbids drivers from carrying firearms in their vehicles (*IBT*)

В данных фрагментах родовое наименование «company» опять же выступает в функции определения для таких слов, как «name» и «logo»,

«policy», а ИС (в нашем случае *Apple* и *Uber*), в свою очередь, является определением для сочетаний «company name», «company logo» и «company policy».

Слова-классификаторы «company», «corporation» и др. могут следовать за эргонимом, если, как мы уже отчасти отмечали в предыдущей публикации [Ударова 2018], они официально входят в название компании, и писать их в таком случае следует с прописной буквы:

John Lasseter, the animation titan who has been on leave from *the Walt Disney Company*... (NYT)

Verizon also expressed interest in *the CBS Corporation*... (NYT)

Подведем итог в отношении наименований вроде «the Bing search engine», «the Hotpoint brand» и др. Во-первых, подчеркнем, что, хотя конструкция «the X company» все же встречается в англоязычных контекстах, на наш взгляд, переводчику нет необходимости идти на риск и выбирать ненадежный, менее частотный вариант, если есть возможность пойти по более проверенному пути. Таким образом, мы полагаем, что при передаче эргонимических единиц с РЯ на АЯ переносить родовое наименование в положение после эргонима не стоит. К сожалению, подобные варианты можно часто заметить на англоязычных версиях сайтов российских новостных агентств:

the PR department of the *Kalashnikov corporation* – one of the major producers of firearms in Russia – released a statement... (RT)

Russia's Ilyushin aircraft maker plans to create the modernized version... (TASS)

Today the main customer is *the Aeroflot company*... (Sputnik)

Причем, если в публикациях «Спутника» и «РТ» подобные конструкции встречаются довольно редко, то ТАСС, судя по всему, когда есть выбор, всегда отдает предпочтение модели с родовым наименованием в постпозиции.

Во-вторых, повторим, что данная конструкция строится не по некой специфической схеме, характерной только для эргонимов в АЯ, а укладывается в типичную для АЯ модель, в которой, однако, в качестве определения выступает не нарицательное существительное, а ИС. Поскольку нас в рамках данной статьи интересует частотность

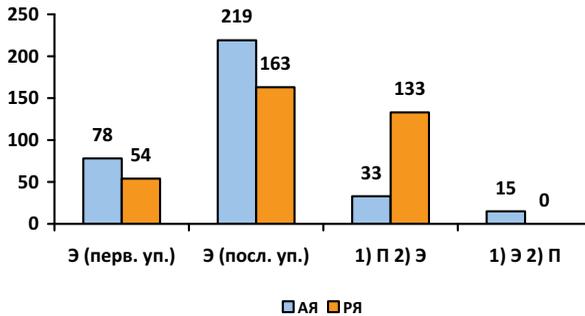
употребления эргонимов с приложениями, включать данную модель в наши подсчеты мы не стали. Названия, употребленные в функции определения, мы относили к модели «одиночный эргоним».

В итоге при подсчете количества употреблений конструкций с эргонимами мы пришли к следующим данным (см. табл. 2).

Таблица 2

Модель	АЯ	РЯ
Э (первое упоминание)	78	54
Э (послед. упоминания)	219	163
¹⁾ П ²⁾ Э	33	133
¹⁾ Э ²⁾ П	15	0
Всего:	345	350

Для наглядности представим данные из таблицы в виде графика:

Для начала заметим, что модель «¹⁾ Э ²⁾ П» в статьях на РЯ нам не встретилась, что было весьма неожиданно. Вероятно, сказывается относительно небольшой объем выборки, поскольку дальнейшая проверка показала, что подобные конструкции в газетно-информационных материалах на РЯ все же используются, хотя и заметно реже, чем те, что строятся по модели «¹⁾ П ²⁾ Э». Возможно, предпочтение отдается модели с приложением в препозиции как более нейтральной, тогда как постановка приложения в постпозицию создает впечатление попытки акцентировать на нем внимание (что в новостной статье чаще

всего не нужно, хотя и возможно). Выскажем также предположение, что положение приложения в постпозиции более характерно для художественных и близких к ним текстов.

Возвращаясь к нашим подсчетам, отметим, что особенно заметна разница в частотности употребления конструкции «¹⁾ П ²⁾ Э» в АЯ и РЯ (33 употребления против 133), из чего можно сделать вывод, что при переводе с РЯ на АЯ лишние приложения необходимо «снимать». Допустим, работая с наименованием фармацевтической компании «Р-Фарма» (один из эргонимов, встретившийся в нашей выборке), достаточно при первом упоминании пояснить, что это, к примеру, *Russian pharma / drug company R-Farma*, а затем использовать только собственно ИС, хотя в оригинале и могут встречаться конструкции типа «компания “Р-Фарма”» или «группа “Р-Фарма”». Точно так же при переводе с АЯ на РЯ следует время от времени вместе с эргонимом вводить в текст родовые наименования, которые, как мы показали, часто встречаются в русскоязычных статьях.

Здесь, однако, важно оговориться, что характер приложений, сопровождающих эргонимы, не всегда одинаков. Приложения, на наш взгляд, можно разделить на две группы. В первую входят те, которые автор текста употребляет намеренно, поскольку сообщаемая в них информация оказывается важна для понимания и, соответственно, при переводе она попадает в категорию релевантной. А значит, такие приложения¹ должны быть переданы и «снимать» их, как мы рекомендовали выше, нельзя.

Ко второй группе относятся приложения, которые сопровождают эргоним, но при этом новой, нужной информации не несут, и их наличие или отсутствие, по сути, ничего не меняет. В тексте такие приложения чаще всего появляются при повторных упоминаниях эргонима. Причем использование таких приложений, судя по нашим наблюдениям, характерно для РЯ, тогда как в АЯ оказывается избыточным. Косвенно это подтверждают и данные статистики: количество употреблений конструкции «¹⁾ П ²⁾ Э» в РЯ заметно выше, чем в АЯ

¹Часто подобные «релевантные» приложения сопровождают эргоним при первом упоминании, хотя возможно представить ситуацию, в которой автор статьи по мере необходимости вводит новые, «значимые» приложения, характеризующие эргоним с той стороны, которая оказывается важна в тот или иной момент повествования. При переводе такие приложения в каждом отдельном случае будут подлежать передаче.

(133 употребления против 33). То же можно сказать и о модели «¹ Э² П» (15–0), при этом в АЯ количество употреблений эргонима без приложения выше, чем в РЯ (219–163). Соответственно, можно сделать вывод, что приложения из второй группы, часто встречающиеся в РЯ, передавать при переводе на АЯ необходимости нет.

При этом стоит иметь в виду, что в АЯ избыточными могут оказаться даже те приложения, которые относятся к первой группе. Происходит это, когда информацию, заключенную в приложении, уже имплицитно сообщает контекст, и она логически из него выводится. В таком случае приложение часто опускают. Это хорошо заметно, если в качестве примеров взять названия газет или журналов, на которые часто ссылаются в новостных материалах. Во-первых, несомненно, если издание ссылается само на себя¹, то приложение оказывается ненужным, поскольку читатель знает, что именно он читает. Однако в англоязычной прессе часто можно заметить случаи, когда газета упоминает некое стороннее издание, но приложение, которое уточняло бы, откуда именно заимствуются те или иные цитаты или данные, при этом не используется.

Безусловно, значительную роль здесь играет фактор узнаваемости ИС, и названия иностранных, малоизвестных читателю изданий сопровождаются пояснениями, однако часто достаточным оказывается употребить отсылочную конструкцию (например, X reported, according to X, X quoted smb as saying, smb said in an interview with X), которая сама по себе дает понять, что использованное в ней ИС относится к некому источнику информации. И если для РЯ фраза «как сообщает газета “Ведомости”» в принципе равносильна фразе «как сообщают “Ведомости”» (разве что первый вариант звучит чуть более официально, но оба воспринимаются как приемлемые и могут использоваться на протяжении всего текста), то в АЯ уточнения вроде «the newspaper The New York Times» или «the British daily The Guardian» оказываются излишними.

Ту же тенденцию мы заметили в том, как оформляются эргонимы, указывающие на место работы некоего специалиста, чьи слова цитируются в новостной статье. Приведем примеры.

¹ Делается это обычно, чтобы подчеркнуть эксклюзивность полученной информации. Так, фраза «...said in an interview with The Washington Post» из статьи в газете «Вашингтон пост» показывает, что интервью получил «свой» корреспондент, что заметно повышает ценность материала.

...said Chris Lane, a telecom analyst in Hong Kong with *Sanford C. Bernstein* (NYT).

Sean McQuay, a card expert with *Nerdwallet*... (NYT)

Mary Hevener, a payroll-tax specialist with *Morgan, Lewis & Bockius*, also recommends... (WSJ)

Во всех приведенных случаях эргоним упоминается в тексте впервые и дальше не встречается; чем занимаются и что из себя представляют компании, на чьих работников ссылается автор статьи, не уточняется. Отсутствие пояснений к ИС можно было бы списать на недоработку журналиста и недосмотр редактора, но приложения – там, где они избыточны – опускают многие авторы в разных изданиях, и это составляет явную закономерность.

Подчеркнем еще раз, что мы не хотим сказать, что в РЯ эргонимы используются исключительно с приложениями, а в АЯ – наоборот – приложения не встречаются. Разница заключается именно в частоте употребления этих конструкций, существующих в обоих языках. Именно на такие расхождения указывает М.Д. Литвинова, говоря о языковых спектрах.

Говоря о приложениях, хотелось бы обратить внимание на такие названия, как «Роснефть», «Транснефть», «Росатом» и т. д., часто появляющиеся без родовых наименований, поскольку внутренняя форма этих сложносокращенных названий достаточно прозрачна. Однако надо понимать, что при переводе на АЯ подобные эргонимы потребуют пояснений, поскольку для англоязычного читателя их внутренняя форма очевидна уже не будет. Если в качестве примера взять «Росатом», то в переводе можно было бы увидеть варианты вроде *Rosatom, Russia's state nuclear company* или *Russia's state nuclear energy firm Rosatom*.

Не лишним, на наш взгляд, будет отметить, что иногда при первом упоминании названия компаний в английских статьях появляются именно в полном виде (со словами «company», «corporation» и некоторыми другими, входящими в состав названия), а также в сопровождении аббревиатур, сообщающих о форме организации предприятия (например, «Inc.», «Co.», «LLC», «Ltd.» и др.), которые в отличие от РЯ следуют после названия компании. Такая практика характерна для более серьезных экономических изданий, например, для «Уолл-стрит джорнал», где рядом с эргонимом также приводятся биржевые индексы.

Причем затем для краткости эти дополнительные элементы отбрасывают:

Nuance Communications, based in Burlington, Mass., was given a six-month extension... A spokeswoman for *Nuance* and a spokesman for Fiat declined to comment (*WSJ*).

A 2012 agreement with *Apple Inc.* allowed iPhone users... The personal contact information was kept on users' devices and *Apple* didn't gain access to any of that personal data... (*WSJ*)

Схожая картина наблюдается и в статьях на РЯ (например, в газете «Коммерсант») – с тем исключением, что полное наименование компании или организации может использоваться на протяжении всей статьи¹. При первом упоминании эргонима в статьях на РЯ также часто встречаются аббревиатуры типа АО, ООО, ОАО, ПАО и т. д. У таких сокращений есть традиционные способы передачи, которые обычно занимают положение перед ИС, но, на наш взгляд, сначала не менее важно определить, всегда ли в принципе необходимо воспроизводить данные элементы при переводе.

Очевидно, что в тех случаях, когда название компании официально переведено и закреплено в уставных документах (вместе с аббревиатурами и прочими вспомогательными элементами), переводчику необходимо придерживаться уже готового варианта передачи. Но стоит иметь в виду, что и эти варианты бывает необходимо несколько видоизменять и подстраивать под особенности переводимого текста. Поясним эту мысль на примере.

Рассмотрим уже упоминавшийся эргоним «Росатом», который имеет как краткую форму (собственно «Росатом»), так и полную, в состав которой входит родовое наименование, – «Государственная корпорация по атомной энергии “Росатом”»².

¹ В одной из просмотренных нами статей (www.mk.ru/economics/2018/06/08/ao-izdatelstvo-prosveshhenie-prodolzhaet-razvitie.html) журналист, упоминая издательство «Просвещение», практически каждый раз использовал его полное наименование – АО «Издательство “Просвещение”», что, по нашему мнению, выглядит несколько нарочито и неестественно, хотя подобные повторы, как мы показали, и характерны для газетных текстов в РЯ.

² По подобной модели «родовое наименование + “ономастический элемент”» строятся многие эргонимы, например, госкорпорации «Ростех», «Роскосмос», «Роснано», «Внешэкономбанк» и др.

В представленной ниже таблице мы постарались проследить, будет ли в зависимости от типа издания, в котором упоминается «Росатом», меняться способ его номинации, и если да, то как. Очевидно, что приведенные примеры – не единственно возможные, но общее представление о том, как передаются и оформляются подобные эргонимы на АЯ, по ним составить можно (см. табл. 3).

Как видно, в большинстве случаев авторы отказываются от полного наименования «Росатома», предпочитая вводить в текст приложение. Поэтому сомнительным представляется выбор полного наименования *Russian State Atomic Energy Corporation Rosatom* журналистами «РТ».

Конечно, если речь идет о специализированном экономическом издании, где при первом упоминании компании сообщать о ее форме организации принято (как, например, в издании «Блумберг»), указания типа «открытое акционерное общество», «государственная корпорация» и т. д. стоит сохранять. То же можно сказать и о строгих, официальных контекстах¹, документах и т. д. В этих случаях возникает вопрос о положении родового наименования, входящего в состав ИС, по отношению к собственно ономастическому элементу. На наш взгляд, вариант *Rosatom State Corporation*, предложенный автором статьи агентства «Спутник», вряд ли можно считать удачным. Поясним нашу точку зрения.

С одной стороны, этот вариант построен по привычной для АЯ модели. Достаточно вспомнить такие эргонимы, как *Coca-Cola Company* и *Microsoft Corporation*, которые чаще всего передаются как «компания “Кока-кола”» и «корпорация “Майкрософт”». Однако в подобных случаях речь идет не столько о прямом соответствии, сколько о некотором адаптированном варианте передачи эргонима, когда часть названия отбрасывается, а взамен добавляется приложение – «компания», «корпорация» и т.д. И такой подход вполне объясним: если бы метод транскрипции применялся в отношении всего названия, то значение слов “company” и “corporation” было бы потеряно². По сути, получается, что журналист «Спутника» создал новое наименование,

¹ К примеру, при первом упоминании полное наименование «Росатома» используется в публикациях на сайте Кремля (en.kremlin.ru/events/president/news/56946).

² При этом варианты вроде «компания “Кока-кола кампани”», хотя и возможны, в информационном тексте ощущаются как избыточные.

Таблица 3

Официальное название		Издания экономической направленности	Иные издания	
			брит. / амер.	русские
РЯ	АЯ			
Государственная корпорация по атомной энергии «Росатом»	The State Atomic Energy Corporation ROSATOM	Russian nuclear conglomerate Rosatom (<i>The Financial Times</i>) Rosatom , Russia's state-owned nuclear monopoly (<i>WSJ</i>) Russia's Rosatom Corp. (<i>Bloomberg</i>)	the state nuclear agency Rosatom (<i>G</i>) Rosatom , the state company that runs Russia's nuclear industry (<i>NYT</i>) state-controlled nuclear energy firm Rosatom (<i>Independent</i>)	Russian State Atomic Energy Corporation Rosatom (<i>RT</i>) Russia's state civil nuclear power corporation Rosatom (<i>TASS</i>) the Rosatom State Corporation (<i>Sputnik</i>)

что вряд ли можно назвать правильным решением. Так или иначе, учитывая, что материалы «Спутника» рассчитаны на широкую аудиторию, логично было бы воспользоваться вариантом наподобие тех, что мы видим, к примеру, у газет «Гардиан», «Нью-Йорк таймс» или «Индепендент».

По той же причине вариант, предложенный изданием «Блумберг», также вряд ли можно считать приемлемым. Хотя характер их публикаций и требует точности в указании на форму организации компании, вариант *Russia's Rosatom Corp.* также создает неверное представление о полном наименовании «Росатома». Кроме того, на «Блумберг» часто ссылаются другие издания, а значит подобный искаженный вариант передачи имеет шансы попасть и в другие СМИ. На наш взгляд, уместней было бы воспользоваться официальным (сокращенным) вариантом *State Corporation Rosatom.*

В заключение добавим, что при подсчете количества эргонимов мы также заметили, что в нескольких статьях на РЯ присутствовали своего рода «справочные» вставки, рассказывающие о компании, поясняющие, чем она занимается и чем известна. Подобные конструкции часто появляются, если компания отличается низкой степенью известности, и читателя требуется ввести в курс дела. В таких случаях родовое наименование подается не как некая дополнительная информация в виде приложения, а выступает в роли сказуемого. Приведем примеры подобных конструкций:

«Здоровая ферма» – группа компаний, производящих охлажденные и замороженные продукты из мяса птицы и свинины, полуфабрикаты, копченые деликатесы, колбасные изделия, яйцо, говорится на сайте агрохолдинга») («Ведомости»).

«Эксмо-АСТ» и **«Просвещение»** – два крупнейших издателя книг в России («Ведомости»).

Группа «РусГидро» является одним из самых крупных энергетических холдингов в России («Коммерсант»).

Среди 19 рассмотренных статей на РЯ эта конструкция встрети-лась шесть раз, что немного, однако в англоязычных статьях (их было, напомним, 15) таких вставок мы не обнаружили вообще: подобная информация в них представлена в виде приложения, как бы дополни-тельно, «в довесок» к основному сюжету, освещаемому журналистом.

Данные ИС мы относили к модели «одиночные эргонимы», однако, на наш взгляд, подобные случаи употребления эргонимов нелишним будет рассмотреть подробнее, как возможно некую специфическую особенность газетно-информационных текстов на РЯ.

Предположение, что подобные вставки менее характерны для новостных статей в АЯ, мы проверяли в несколько этапов. Во-первых, задали поиск сочетаний «is a leading company», «is a leading producer», «is a major manufacturer» в уже упомянутых нами выше британских и американских газетах. Поскольку поисковый механизм на сайте данных изданий не дает возможности производить поиск точных форм (слова или фразы), то мы воспользовались командой поиска по конкретному сайту «site:адрес сайта» в поисковике «Гугл»; поиск необходимых фраз в точном соответствии при этом задается с помощью двойных кавычек.

В итоге можно сказать, что подобные конструкции чаще всего встречаются в цитатах (например, когда владелец рассказывает о достоинствах и достижениях своей компании; когда приводится комментарий эксперта, рассказывающего о положении дел на рынке), пресс-релизах и на специализированных сайтах (например, на сайте американской биржи или в приложении к газете «Нью-Йорк таймс» под названием *DealBook*, призванном помочь читателям разобраться в современных экономических процессах и позиционирующем себя как «подробная памятка для желающих быть в курсе текущих событий» (перевод наш. – Н. У.). Поэтому логично, что справки и пояснения в представленных там заметках встречаются довольно часто.

Справочные вставки, предлагающие информацию о компании, в той же функции, в которой они используются в русскоязычных новостных статьях, мы обнаружили в большом количестве в архивных материалах, которые имеются на сайтах «Нью-Йорк таймс» и «Уолл-стрит джорнал» (примерный временной промежуток – с 1970–2000-е гг.). Возможно, справки стали появляться реже с развитием Интернета и появлением более широкого доступа к информации, позволяющего читателю самостоятельно произвести необходимый поиск, а также с появлением возможности применять гиперссылки (если речь идет не об обычной газете, а об ее электронной версии). В российской же журналистике, как мы видим, подобная «традиция пояснять» все еще сохраняется.

Если обратиться к Корпусу современного американского варианта английского языка (СОСА), то можно также заметить, что результаты в выдаче в основном относятся к 1990-м гг., при этом среди материалов имеется значительное количество расшифровок (что можно соотнести со случаями употреблений данных сочетаний в цитатах, о которых мы упоминали выше, говоря о результатах поиска по сайтам газет).

Что касается рекомендаций, которые можно предложить переводчику, столкнувшемуся с необходимостью передачи подобной конструкции, то, на наш взгляд, отталкиваться следует именно от типа переводимого текста. Если в АЯ подобные вставки, как мы выяснили, уместны в пресс-релизах, в текстах рекламного и «просветительского» характера, где они так же, как в русскоязычных аналогах, выносятся в отдельный абзац, по сути мало связанный с остальным текстом и часто состоящий из всего одного предложения, то при работе с новостными статьями мы бы посоветовали попытаться передать содержащуюся в данной конструкции информацию более привычными для АЯ средствами. Например, ввести в текст в другом месте в виде приложения. Если рассматривать обратную ситуацию (перевод с АЯ на РЯ), то, на наш взгляд, особенно злоупотреблять возможностью использовать справочные вставки не стоит. Однако если, речь в статье идет о компании малоизвестной российскому читателю, и объем дополнительной информации, необходимой для понимания происходящего, по сравнению с оригиналом заметно увеличивается и в виде приложения выглядит чересчур громоздко, то введение справки будет вполне оправдано. Стоит отметить, что справки чаще всего появляются в самом конце статьи, однако могут быть введены в текст и непосредственно после первого упоминания той или иной компании, название которой требуется сопроводить пояснением.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Ахманова О. С.* Словарь лингвистических терминов. М., 1966. 608 с.
- Валгина Н. С., Розенталь Д. Э., Фомина М. И.* Орфография и пунктуация. Правила и упражнения. М. : Высшая школа, 1970. 287 с.
- Ермолович Д. И.* Русско-английский перевод : учебник. М. : Аудитория, 2014. 592 с.
- Климзо Б. Н.* Роль переводчика в построении эквивалентов для заимствуемых иноязычных терминов // Мосты. 2006. № 4 (12). С. 20–27.

- Латышев Л. К.* Перевод: проблемы теории, практики и методики преподавания. М. : Просвещение, 1988. 160 с.
- Литвинова М. Д.* Спектр языка – лингво-статистический критерий оценки переводов художественных произведений // Столпотворение. 2010. № 13. С. 131–146.
- Ударова Н. И.* Основные особенности употребления эргонимических единиц в английском и русском языках и их учет при переводе // Вестник ВГУ. Серия: Гуманитарные науки. 2018. № 1. С. 151–154.
- Швейцер А. Д.* Перевод и лингвистика. М. : Воениздат, 1973. 280 с.

УДК 81.367.5, 81.42

О. С. Филичева

ст. преподаватель каф. «Языкознание»

ФГБОУ ВО «Российский университет транспорта (МИИТ)»;

e-mail: okslet1@mail.ru

ТИПИЧНОЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ И АКТУАЛИЗАЦИЯ ЯЗЫКОВЫХ СРЕДСТВ В АНГЛОЯЗЫЧНОМ НАУЧНО-УЧЕБНОМ ТЕКСТЕ

Данная статья посвящена изучению плана выражения содержания научно-учебных текстов на примере англоязычных учебных пособий для студентов технических специальностей. Языковые средства выражения, которые использует автор (адресант) текста, направлены на создание информативных высказываний в акте учебной коммуникации, влияющих на научную картину мира обучающихся (адресат). При создании научно-учебного текста адресант ориентируется как на требования научного стиля речи, связанные с использованием лексических и грамматических единиц языка, так и на собственное прагматическое намерение передать систему научного знания.

В лингвистической науке типичное употребление единиц языка в речи носит название автоматизации языковых средств, в то время как нарушение нормы или правила носит название актуализации языковых средств. В работе рассматриваются случаи автоматизации и актуализации единиц языка на примерах неопределенноличных и безличных предложений, параллельных и клишированных синтаксических конструкций, а также инверсионного порядка слов.

Типичное синтаксическое структурирование (автоматизация) содержания научной информации приводит к схематизации использования единиц языка, что способствует узнаваемости подобных структур адресатом и предотвращает возникновение непонимания в процессе учебной коммуникации. Нетипичное синтаксическое структурирование (актуализация) содержания научной информации приводит к реализации семантического значения актуализированной единицы языка и делает видимым для адресата как саму актуализированную единицу, так и весь фрагмент речи. Следовательно, типичное использование и актуализация языковых единиц могут быть охарактеризованы как случаи реализации прагматических интенций адресанта, направленных на структурирование научной информации таким образом, чтобы она стала доступной и видимой для адресата.

Ключевые слова: адресат; адресант; актуализация; научно-учебный текст; речевой акт; синтаксические конструкции; схематизация.

O. S. Filicheva

Senior Lecturer, Department of Linguistics,

Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education

«Russian University of Transport (MIIT)»; e-mail: okslet1@mail.ru

TYPICAL USE AND ACTUALIZATION OF LANGUAGE MEANS IN ENGLISH SCIENTIFIC AND ACADEMIC TEXTS

The article studies linguistic ways of representing the content in scientific and academic texts with reliance on English textbooks for students of technical specialties. Linguistic means used by the author (an addresser) to express the main idea in the text are aimed at producing informative statements that affect the scientific world view of students (an addressee). When creating a scientific and academic text, the addresser is guided both by the requirements of the scientific style of speech that implies the use of certain lexical and grammatical units, and by his or her own pragmatic intention to transfer the system of scientific knowledge.

In linguistics, a typical use of language units in speech is called automatic use of language means, while the violation of rules or regulations is called actualization of language means. The article deals with cases of automatic use and actualization of language units on the examples of indefinite-personal and impersonal sentences, parallel and cliched syntactic patterns, as well as the inversed word order.

A typical syntactic structuring (automatic use) of scientific information leads to schematization in the use of language units, which contributes to the recognition of these structures by the addressee and prevents any misunderstanding in the process of academic communication. An atypical syntactical structuring (actualization) of scientific information leads to the realization of the semantic meaning of the actualized language unit and makes both the actualized unit and the entire segment of speech visible to the addressee. Thus, the typical use and actualization of language units can be described as implementation of the addresser's pragmatic intention to structure the scientific information so that it becomes understandable to the addressee.

Key words: addressee; addresser; actualisation; scientific and academic text; speech act; syntactic patterns; schematization.

Введение

Научно-учебный текст является основным компонентом ситуаций коммуникативного взаимодействия между адресантом (лектором, автором учебного пособия) и адресатом (обучающимися), направленных на информирование о существующей системе знаний по определенной академической дисциплине с целью сформировать у адресата собственную научную картину мира. М. П. Котюрова указывает на то, что прагматическая установка любого научного текста, в частности научно-учебного текста как одного из его типов, заключается в изменении мировоззрения адресата: «Образцовый научный текст упорядочивается автором таким образом, чтобы создать максимально гибкую и информационно богатую структуру, которая, постепенно

разворачиваясь перед адресатом в акте коммуникации, влияла бы на его научную и мировоззренческую картину мира» [Котюрова 2012, с. 50]. Соответственно, в основе создания текстов лекций или учебных пособий находится интенция адресанта предложить адресанту такое структурированное научное знание, которое воспринимается как достоверное и объективное, поэтому беспрепятственно «встраивается» в уже существующую систему знаний адресата и изменяет те представления адресата, которые не совпадают с представлениями, предложенные адресантом.

План содержания научно-учебных текстов регламентируется государственным образовательным стандартом. В то время как план выражения нормируется требованиями научного стиля речи. Жанровую маркированность задают лексические и грамматические языковые средства, поскольку их использование в научно-учебных текстах является конвенциональным. Конвенциональное применение адресантом языковых средств в научно-учебном изложении приводит к их узнаваемости адресатом, и, как результат, к снятию противоречий и непонимания при восприятии научных данных. Типичное использование лексических и синтаксических единиц в речи носит название автоматизации. Случаи, когда языковые средства нарушают установленную конвенцию или стереотип, характеризуются как актуализация единиц речи.

Автоматизация и актуализация представляют собой основные способы функционально-стилистической, риторической и прагматической реализации ключевых свойств научно-учебной речи, а именно: объективности, точности, ясности и однозначности.

Методы исследования

Автоматизация языковых средств определяется Б. Гавранekom как акт речи, осуществление которого минимально сопровождается сознанием [Гавранек 1967]. Использование единиц языка соответствует типовым задачам ситуации общения и воспринимается как «нечто условное и стремится быть «понятым» уже как часть языковой системы, а не только как единица, поясняемая в конкретном высказывании контекстом или ситуацией» [там же, с. 355].

Актуализация языковых средств происходит в случае, когда единицы языка, входящие в состав акта речи, воспринимаются как

нетипичные или нехарактерные для ситуации общения. Я. Мукаржовский указывает, что «при помощи автоматизации явление схематизируется, актуализация же означает нарушение схемы» [Мукаржовский 1967, с. 409].

В нашей работе рассматриваются случаи типичного использования или автоматизации и актуализации языковых средств на примере синтаксических конструкций, используемых авторами англоязычных научно-учебных пособий для студентов технических специальностей: К. Ф. Боннетт [Bonnett 1996], К. Есвелд [Esveld 2001], С. Фрей [Frey 2012], Д. Людвиг, Д. Тёлер [Ludwig, Thurler 2006], А. К. МакЛин, К. Д. Гриббл [McLean, Gribble 1985], Р. С. Нараянан, А. В. Биби [Narayanan, Beeby 2001], А. Туорт, Д. Риз [Twort, Rees 2004].

Автоматизация синтаксических единиц проявляется в схематизации структуры высказывания, а именно – в закреплённом грамматически правилами порядке следования слов в предложении, который, согласно определению А. И. Смирницкого, является «средством выражения определенных синтаксических отношений: субъектно-объектных, субъектно-предикативных, атрибутивных и т. п.» [Смирницкий 1957, с. 62]. Актуализация синтаксических единиц выражается в нарушении установленного правила расположения слов, т. е. когда языковая единица занимает нехарактерную для нее позицию в акте речи. Для выявления и описания синтаксических средств автоматизации и актуализации научной информации в учебных текстах мы использовали метод сплошной выборки и метод синтаксической интерпретации.

Типичное использование единиц языка в научно-учебных текстах

Проведенное нами исследование показало, что авторы англоязычных научно-учебных пособий используют различные синтаксические средства автоматизации при передаче системы знаний адресату.

1. Употребление личного местоимения *we* и безличного местоимения *one* в функции субъекта действия:

1. *We can summarise* some attributes of a good design [Narayanan 2001, с. 2].
2. *We assume* that reality is in part constituted of facts stating “basic” properties of objects and relations between objects [там же, с. 11].

3. ***One uses*** no scientific criterion, or even physics, to regard such facts as being certain [Ludwig 2006, с. 13].
4. ***One has only to look*** at illustrations of early passenger coaches to see how closely they resemble the road vehicles of the previous century [Bonnett 1996, с. 31].

Личное местоимение «we» (мы) указывает на то, что субъектом действия предикатов, выраженных глаголами «summarise» (обобщать, подводить итог) и «assume» (предполагать), выступает не один автор пособия, а целое научное сообщество или коллектив исследователей, которые обобщают свойства объекта действительности или предполагают существование некоего объекта действительности.

Безличное местоимение «one» (любой человек, ты) указывает на то, что субъектом действия предикатов, выраженных глаголами «use» (использовать, применять) и «have to» (быть вынужденным что-л. делать), выступает любой участник ситуации научной коммуникации, который использует ненаучный критерий или вынужден рассмотреть изображения.

Употребление местоимений *we* и *one* в качестве субъектов действий является примером синтаксической автоматизации лексических единиц с целью создания референции на коллективность и интерсубъективность изложения научных данных.

II. Употребление безличной синтаксической конструкции «It is Adj to V...»:

1. ***It is interesting to gain*** a picture of the size of the forces that are developed internally in a beam compared with the forces that are actually being carried by the beam [Narayanan 2001, с. 34].
2. ***It is*** also ***usual to prepare*** reinforcement drawings at this stage ... [там же, с. 177].
3. ***It is*** often ***more useful to apply*** a theory only on that part of the application domain A_p where we can use a small degree of inaccuracy [Ludwig 2006, с. 14].
4. In Europe, ***it is common to use*** four-system locomotives [Frey 2012, с. 31].

Вышеперечисленные примеры с безличной синтаксической конструкцией «It is...», в состав которых входят прилагательные (*Adj*)

«interesting» (интересный), «usual» (обычный), «useful» (полезный, пригодный) и «common» (общеизвестный), создают референцию на общеизвестность, общепринятость, привлекательность и полезность действий (*V*), описывающих технологические и физические процессы в научно-учебном тексте. С помощью данных конструкций автор текста стремится избежать сомнений адресата относительно научной актуальности и ценности излагаемой информации.

III. Употребление параллельных синтаксических конструкций:

1. Nearly all identification of minerals in hand specimens in the field is made with the proviso that the specimen being examined is not a rare mineral but ***is one of a dozen*** or so common, rock-forming ***minerals***, or ***one of a couple of dozen minerals*** commonly found in the sheet-like veins that cut rocks [McLean 1985, с. 11].
2. ***Springing, body structure, wheels*** and ***axles*** all are subject to varying loads and stresses ... [Bonnett 1996, с. 32].
3. Forces are transmitted to the rail structure either ***by direct bearing*** on the rail top from the wheel tyre, or ***by bearing*** laterally through the flange, or ***by longitudinal friction*** [там же, с. 32].
4. The formation ***must have*** sufficient bearing strength and stability, ***must show*** reasonable settlement behaviour, and ***must provide*** good drainage of rain and melted snow from the ballast bed [Esveld 2001, с. 204].

Синтаксический параллелизм является не только средством автоматизации лексических единиц, но и риторическим приемом выражения объективности и обоснованности излагаемых научных сведений, поскольку субъект, объект, образ действия или предикат представлен в виде перечисления. Подобная синтаксическая повторяемость способствует ясности и непротиворечивости изложения, а также подтверждает смысловое содержание утверждения адресанта.

IV. Употребление устойчивых выражений:

1. ***Generally speaking***, down-sizing a part or the whole of the works is usually not as successful in reducing costs as omitting a part of the works [Twort 2004, с. 39].
2. ***Generally speaking***, the elastic modulus is the same but the strength in tension and the ductility may be very different [Narayanan 2001, с. 13].

3. ***It should be noted that*** while the maximum size of the aggregate is specified, the aggregate is not supplied in a single size generally [там же, с. 103].
4. ***It should*** also ***be noted that*** diesel locomotives have little power compared to electric locomotives, given the same weight and dimensions [Frey 2012, с. 55].

Употребление устойчивых вводных выражений «Generally speaking» (в общем, в сущности) и «It should be noted that...» (следует отметить, что...) адресантом способствуют созданию единого текстового пространства с референцией на общепринятые или особые научные положения. Частое использование вводных конструкций адресантом приводит к их узнаваемости адресатом, что в дальнейшем формирует автоматическую реакцию последнего на данные синтаксические конструкции, требующие воспринимать научную информацию либо как общепринятый факт, либо как особый случай.

Обобщая все перечисленные примеры типичного употребления синтаксических средств автоматизации в научно-учебных текстах, можно отметить, что автоматизация способствует схематизации и стереотипности использования языковых единиц. Они также помогают достичь взаимопонимания между адресантом и адресатом в ситуациях учебного взаимодействия и снизить вероятность коммуникативных неудач при передаче системы знаний.

Актуализация единиц языка в научно-учебных текстах

Актуализация синтаксических средств научно-учебной речи проявляется в нетипичном или нехарактерном расположении языковой единицы в стереотипной структуре высказывания.

В ходе изучения текстов англоязычных учебных пособий для студентов технических специальностей нами было выявлено несколько примеров актуализации языковых средств.

I. Употребление наречия *only* на позиции субъекта:

1. ***Only*** a few examples will be given with the main intention of illustrating the principles [Esveld 2001, с. 203].
2. ***Only*** the common ore minerals containing iron merit further brief description [McLean 1985, с. 27].

3. **Only** the section headings under each class of work need be numbered... [Twort 2004, с. 62].
4. **Only** under some kind of turnkey or simple purchase contract might be placed on a contractor's QA system though... [там же, с. 95].

Как правило, наречие «only» (только, лишь) встречается в середине предложения:

It is **only** necessary to see that the failure does not arise primarily from overstress of material... [Narayanan 2001, с. 6].

Расположение наречия «only» на позиции субъекта действия актуализирует семантическое значение следующих за ним единиц языка. Подобным способом автор учебного текста обращает внимание адресата на исключительность и обособленность объектов действительности, о которых идет речь в сообщении. В этом случае происходит актуализация семантического значения субъекта или объекта высказывания, на который указывает впереди стоящее синтаксически актуализированное наречие *only*.

II. Употребление наречия *usually* на позиции субъекта:

1. **Usually** trail mixes form the basis for mix design [Narayanan 2001, с. 102].
2. **Usually** it involves drawing and specifications to the contractor and calculations to the Building Control Authority [там же, с. 174].
3. **Usually** any requirement that the contractor should shoulder all or most risks arises ... [Twort 2004, с. 36].
4. **Usually** the matter is discussed prior, so that the terms of the Letter of Intent are agreed before it is written [там же, с. 78].

Как правило, наречие *usually* (обычно) располагается в высказывании перед глаголом предиката:

The contractor is **usually** asked to price the project... [Narayanan 2001, с. 174].

Использование адресантом наречия *usually* на позиции субъекта высказывания актуализирует не только семантическое значение самого наречия, но и речевого отрезка речи в целом, тем самым привлекая

внимание адресата к излагаемым научным сведениям. Необходимо также отметить, что, по нашему мнению, актуализированная первая позиция в предложении наречия *usually* приравнивает его к функции вводного слова, что делает его близким по значению с такими вводными словами, как «generally» (в общем) и «as a rule» (как правило). Соответственно, мы можем говорить о том, что актуализация наречия *usually* приводит к сдвигу в его семантическом значении, поскольку в этом случае оно может иметь перевод на русский язык «в общем», «как правило».

III. Употребление объекта высказывания на позиции субъекта:

1. ***Of great importance*** here is the relation between costs for laying and costs for renewing the track ... [Esveld 2001, с. 204].

Адресант располагает объект высказывания «Of great importance» (Большое значение) в начале предложения, чтобы подчеркнуть важность информации, которую выражает субъект высказывания «the relation between costs for laying and costs for renewing the track» (взаимосвязь между затратами на прокладывание и затратами на обновление пути). Синтаксическая актуализация грамматического объекта в научно-учебной речи является крайне редким явлением. В ходе исследования нами был выявлен только указанный выше пример.

IV. Употребление вопросительных слов *what* и *how* на позиции субъекта:

1. ***What is even more amazing*** is that fourteen short years later Daniel Gooch ... drove Prince Albert home from Bristol to London in about the same time ... [Bonnett 1996, с. 35].
2. ***How magnetic the rock is*** depends to a large extent on the percentage of magnetite it contains ... [McLean 1985, с. 207].

Использование вопросительных слов «what» (что) и «how» (насколько, как) на позиции субъекта в утвердительном предложении можно встретить довольно редко в научно-учебных текстах. Адресант прибегает к подобному эмоционально-стилистическому приему актуализации языковых средств с целью акцентировать внимание адресата на содержании высказывания в целом.

Таким образом, актуализация языковых средств происходит в результате размещения единицы языка на первое место в предложении,

т. е. на сильную позицию, если подобное расположение не является типичным правилом ее расположения. Синтаксическая актуализация единиц языковой системы характеризуется реализацией не только семантического значения выделенного слова, но и в большинстве случаев плана содержания всего высказывания в ситуации научно-учебного общения.

Заключение

Типичное и актуализированное использование языковых средств играет важную роль в создании научно-учебного текста. Данные процессы могут быть реализованы при помощи синтаксических конструкций и порядка слов. Результаты нашего исследования показали, что адресанты научно-учебных текстов применяют автоматизацию и актуализацию для достижения прагматических и коммуникативных интенций, направленных на информирование адресата о системе знаний по академической дисциплине. Типичное использование или автоматизация единиц языка структурирует изложение научных данных привычным и конвенциональным способом. Это дает возможность адресанту выработать некую стереотипную организацию слов в речи, а адресату – сформировать навык адекватного и непротиворечивого восприятия сообщаемых сведений. Актуализация единиц языка приводит к выделению отдельных смысловых отрезков речи. Это делает их заметными для адресата среди текстового континуума, что упрощает ориентацию адресата в смысловом пространстве научно-учебного произведения. Соответственно, ни один научно-учебный текст не обходится без подобных приемов употребления языковых единиц в речи, а, значит, они являются средствами маркирования языковых способов передачи знаний в научно-учебном изложении.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Гавранек Б.* Задачи литературного языка и его культура // Пражский лингвистический кружок / пер. с чеш. А. Г. Широковой. М. : Прогресс, 1967. С. 338–377.
- Которова М. П.* Стилистика научной речи. 2-е изд., испр. М. : Академия, 2012. 240 с.
- Мукаржовский Я.* Литературный язык и поэтический язык // Пражский лингвистический кружок / пер. с чеш. А. Г. Широковой. М. : Прогресс, 1967. С. 406–431.

- Мюллер В. К.* Большой англо-русский словарь: в новой редакции. 4-е изд. М. : Цитадель-трейд : Лада : РИПОЛ КЛАССИК, 2008. 832 с.
- Смирницкий А. И.* Синтаксис английского языка. М. : Изд-во литературы на иностранных языках, 1957. 284 с.
- Bonnett C. F.* Practical railway engineering. Imperial College Press, 1996. 207 p.
- Carter R., McCarthy M.* Cambridge grammar of English. Cambridge : Cambridge University Press, 2006. 973 p.
- Esveld C.* Modern railway track. Zaltbommel : MRT-Productions, 2001. 654 p.
- Frey S.* Railway electrification systems and engineering. White Word Publications, 2012. 145 p.
- Ludwig G., Thurler G.* A new foundation of physical theories. B. : Springer, 2006. 178 p.
- McLean A. C., Gribble C. D.* Geology for civil engineers. 2-d ed., E & FN Spon, 1985. 333 p.
- Narayanan R. S., Beeby A. W.* Introduction to design for civil engineers. Spon Press, London and New York, 2001. 196 p.
- Twort A., Rees G.* Civil engineering project management. 4th ed. Elsevier Butterworth-Heinemann, 2004. 263 p.

УДК 81'23

Г. Т. Хухуни

доктор филологических наук, профессор;
профессор каф. общего и сравнительного языкознания МГЛУ;
e-mail: khukhuni@mail.ru

БЫТОВЫЕ РЕАЛИИ В САКРАЛЬНОМ ТЕКСТЕ: ПРОБЛЕМЫ МЕЖЪЯЗЫКОВОЙ ПЕРЕДАЧИ

В статье рассматриваются вопросы, связанные с передачей содержащихся в Священном Писании бытовых реалий, не имеющих специально религиозного характера. В качестве примера анализируются обозначения нижней и верхней одежды (*χιτών* и *μάτιον*) в тексте Нагорной проповеди, содержащейся в Евангелия от Матфея (Мф. 5: 40). Материалом для исследования послужили наиболее значимые для отечественной культуры версии (церковнославянская Елизаветинская Библия XVIII в., перевод Российского библейского общества (РБО) первой четверти XIX в. и Синодальный перевод 1876 г.) Отмечается, что, хотя в плане понимания указанные единицы не вызывают у переводчиков каких-либо затруднений, характерное для реалий отсутствие однозначных эквивалентов в переводном языке приводит к вариативности при их передаче. При квалификации тех или иных решений в рассматриваемых переводах необходимо принимать во внимание возможные семантические сдвиги соответствующих единиц переводного языка. С другой стороны, сопоставление названных версий друг с другом позволяет выявить определенное различие в построении словосочетаний в церковнославянском и русских фрагментах указанного места Евангелия от Матфея, которое также может влиять на восприятие текста читателем указанных переводов.

Ключевые слова: Евангелие от Матфея; Евангелие от Иоанна; оригинал; перевод; церковнославянский; русский; реалия; текст.

G. T. Khukhuni

Doctor of Philology, Professor;
Professor at the Department of the General and Comparative Linguistics,
Moscow State Linguistic University; e-mail: khukhuni@mail.ru

CULTURAL WORDS DENOTING REALITIES OF EVERYDAY LIFE IN SACRAL TEXTS: THE PROBLEM OF INTERLINGUAL TRANSLATION

The present paper is dedicated to issues, connected with the translation of the cultural words of the non-religious character in Holy Writ, reflecting the realities of the everyday life. The analysis relies on example with the components *χιτών* and *μάτιον*, denoting respectively the underwear and outerwear in the Sermon of the Mount (Mat. 5: 40). Research relies on the Church Slavonic Elizabeth Bible of the 18th century and two Russian versions important for the Russian culture – the New Testament of the Russian Bible Society created in the first quarter of the 19th century

and the Synodal Translation of the 1876. Although the said words are not difficult for understanding, they don't have full equivalents in the target language, which is typical of this kind of lexical units. So, their representation in different translations is characterized by variability. The semantic changes of the used equivalents must also be taken in account. On the other hand, in Church Slavonic and Russian fragments of (Mat. 5: 40) there is a difference in the way words combine, that may influence the interpretation of the text by the reader.

Key words: Gospel of Matthew; Gospel of John; original; translation; Church Slavonic; Russian; cultural words; text.

Проблематика, связанная с передачей лексических единиц, обладающих национально-культурной спецификой и, вследствие этого, как правило, не имеющих однозначных межъязыковых эквивалентов, принадлежит к числу наиболее традиционных и, вместе с тем, наиболее актуальных вопросов теории и практики перевода, в первую очередь, перевода художественного. Причем, если приемы их передачи в целом можно считать достаточно установившимися и неоднократно описанными (в любом учебном пособии можно найти соответствующий раздел, в котором будет идти речь о транскрипции / транслитерации, лексическом и семантическом калькировании, функциональном аналоге, перифрастическом переводе, видо-родовой и родо-видовой замене (гиперонимическом и гипонимическом переводе) и т. п. – иногда с несколько варьирующейся терминологией), то в каждом конкретном случае их применение требует учета ряда факторов, а полученные результаты нередко оказываются в значительной степени спорными.

Среди русскоязычных работ, посвященных различным аспектам передачи интересующего нас пласта лексики наиболее известной и популярной до настоящего времени, вероятно, остается классический труд болгарских переводоведов С. Влахова и С. Флорина «Непереводимое в переводе», первое издание которого вышло еще в 1980 г. С тех пор оно неоднократно переиздавалось, и без ссылок на него вряд ли можно представить себе в нашей стране работу, затрагивающую данную тему. Действительно, в ней представлен, классифицирован и проанализирован обширный корпус данных, причем на материале весьма большого количества текстов. Однако фактически вне сферы внимания авторов (думается, по вполне понятным причинам) оказались тексты сакрального характера – прежде всего Библия (если не считать вопроса о передаче библеизмов), хотя, как известно, она является наиболее часто переводимой и тиражируемой книгой.

Разумеется, существует большое количество трудов, посвященных специальным вопросам переводов Священного Писания (из недавно появившихся работ на русском языке можно назвать [Десницкий 2015]), а одна из наиболее известных концепций, возникших во второй половине прошлого века – теория динамической эквивалентности Ю. Найды, разрабатывалась как раз для целей библейского перевода. Но при этом, что вполне естественно, внимание как самих переводчиков, так и теоретиков перевода привлекали либо лексические единицы, связанные с предметами религиозного культа, где споры о том или ином способе их репрезентации не всегда носили чисто филологический характер (например, еще в XIX в. замена в одной из русских версий *ковчега* на сундук, а *скинии собрания* на *сборный шатер* была воспринята как «стремление к десакрализации текста» [Снигирев 2008, с. 189]), либо те случаи, когда для передачи связанной с той или иной реалией коннотации ее заменяли на лексему, более привычную в данной функции для культуры переводного языка (хрестоматийно известный случай – передача *хлеба насущного* в китайской версии через *рис насущный*, а в алеутской – через *рыбу насущную* (пример взят из [Десницкий 2011]). Уделялось внимание и имеющимся в Священном Писании случаям, когда точное значение той или иной реалии не может быть восстановлено, что, естественно, приводило к различным, порой весьма несхожим интерпретациям (примером может служить лексема *кесита*, в церковнославянском тексте переданная как *агница*, а в Синодальном переводе – как *монета* (подробнее см. [Хухуни, Осипова 2018]).

При всей несомненной значимости исследования подобного рода явлений, заслуживают внимания, на наш взгляд, и такие случаи, когда ни о культурной несовместимости, ни о «темноте» значения той или иной единицы говорить не приходится, однако отмеченное выше отсутствие однозначного эквивалента также способствует вариативности предлагаемых переводчиками решений. Причем, поскольку сами переводы выполнялись в различное время, на выбор того или иного варианта могли повлиять и процессы эволюции самого переводного языка.

В качестве примера нами были взяты две единицы, относящиеся к лексико-семантическому полю «одежда» (*χιτών* и *ιμάτιον*), фигурирующие во фрагменте Нагорной проповеди (Мф. 5: 40), где речь идет о необходимости отдавать больше требуемого (*καὶ τῷ θέλοντί σοι*

κριθῆναι καὶ τὸν **χιτῶνά** του λαβεῖν αφερ αὐ' τῷ καὶ τὸ **ἱμάτιν** [Библия на греческом языке. Новый Завет. Электронный ресурс]. Рассмотрена их репрезентация в церковнославянской Елизаветинской Библии, создание которой относится к середине XVIII в. (воспроизводится по [Библия на церковнославянском языке... Электронный ресурс]), версии Российского Библейского общества первой четверти XIX в. (мы пользовались изданием 1822 г., содержащим параллельный текст Нового Завета на русском и церковнославянском языках [Господа нашего Новый Завет... 1822]) и Синодальном переводе 1876 г., по изданию [Новый Завет. Псалтырь 2016].

Выбор названных источников определяется, прежде всего, их несомненной значимостью в истории отечественной культуры. При этом Елизаветинская Библия была отнюдь не первой в отечественной традиции. К ней предъявлялся и предъявляется ряд претензий (ср. заглавие одной из работ видного отечественного богослова Н. А. Елеонского [Елеонский 1902]), однако именно она является тем текстом, который принят Русской Православной Церковью, хотя вопрос о его пересмотре ставился неоднократно. Значение перевода РБО было в свое время подробно освещено в статье А. А. Алексева [Алексеев 2001], к которой мы и отсылаем читателя. Что касается Синодального текста, то он до настоящего времени является основным в отечественной традиции, используется, по существу, во всех сферах, кроме литургической, и, как правило, именно по нему даются и переводятся цитаты из Священного Писания, не фразеологизированные в церковнославянской форме. При этом необходимо принимать во внимание, что, как неоднократно отмечалось в специальной литературе, при подготовке Синодального перевода «были приняты уже существующий перевод Нового Завета и подготовленные тексты Ветхого, но все они подверглись самым серьезным исправлениям, так что фактически нужно говорить о появлении нового перевода, а не просто о редакции старых» [Десницкий 2015, с. 226]. Указанное обстоятельство, вероятно, целесообразно учитывать и при анализе репрезентации в них тех или иных фрагментов библейского текста, включая рассматриваемый в предлагаемой статье.

Однако начать его анализ мы сочли целесообразным с известного эпизода романа Л. Н. Толстого «Анна Каренина», где супруг главной героини в разговоре с ее возлюбленным произносит следующие

слова: «...я хочу отдать рубаху, когда у меня берут кафтан» [Толстой 1948, с. 379].

Даже не слишком искушенный в Священном Писании современный читатель, вероятно, легко опознает здесь аллюзию на интересующие нас слова Иисуса из Евангелия от Матфея. Однако, как указывалось выше, скорее всего, он знаком с соответствующей цитатой по Синодальному переводу, а там она представлена в следующем виде: «... и кто захочет судиться с тобой и взять у тебя рубашку, отдай ему и верхнюю одежду» [Новый Завет 2016, с. 10].

Одно расхождение чисто лексического характера бросается в глаза сразу – наличие слова *кафтан*. Второе, возможно, менее заметно и носит уже несколько иной характер: в привычном нашим соотечественникам Синодальном переводе предлагается отдать верхнюю одежду, если требуют нижнюю, тогда как в цитате из толстовского романа дело обстоит противоположным образом.

Начнем с лексического момента. Представленные в оригинале единицы в наиболее полном в отечественной лексикографии древнегреческо-русском словаре И. Х. Дворецкого толкуются следующим образом (приводятся значения, имеющие отношение к данному контексту): «*χῆτόν*, <...> 1. хитон (*нательная одежда, преимущ. из льняной ткани, поверх которой обычно надевались φῆρος, χλαῖνα или ἱμάτιον*); 2. (*вообще*) одежда, платье»; «*ἱμάτιον τὸ (ἱμά)* <...> 2. гиматий, плащ, (верхняя) одежда (*платье, носившееся поверх хитона, ср. лат. pallium, и состоявшее из длинного куска ткани, который перебрасывался через левое плечо и укреплялся над или под правым*) <...>; 3. (*у римлян*) тога <...>» [Дворецкий. Древнегреческо-русский словарь. URL].

До анализа пути от *хитона* и *гиматия* к *рубахе* и *кафтани* представляется целесообразным вкратце рассмотреть их репрезентацию в латинском переводе – знаменитой Вульгате Блаженного Иеронима, где данная цитата дана в следующем виде: *et qui vult tecum iudicio contendere et tunicam tuam tollere remitte ei et pallium* [Vulgata... 1975, с. 1532]. В латинско-русском словаре И. Х. Дворецкого первая из интересующих нас лексем квалифицируется следующим образом: «1. туника (нижняя домашняя одежда римлян без рукавов, поверх которой мужчины надевали тогу, а женщины – столу» [Дворецкий 2003, с. 790], а вторая – «<...> 3. паллий (паллиум), просторный греческий

плащ (один из внешних признаков древних философов) <...> 4. верхнее платье (вообще)» [Дворецкий 2003, с. 549].

Как видим, обе единицы переданы не посредством транскрипции / транслитерации, а с использованием слов, обозначающих аналогичные предметы в переводном языке, как это полтора тысячелетия спустя сделали и русские переводчики. Однако если, учитывая близость греческой и римской культур, *тунику* вполне можно считать эквивалентом *хитона*, а *паллий* – *гиматия*, то с соответствующими русскими словами дело обстоит иначе. Особенно сказанное относится к *кафтану*, который сейчас явно воспринимается как нарушающий и временную соотнесенность, и национально-культурную специфику исходного текста, т. е. свидетельствует, используя известное выражение С.Влахова и С.Флорина, «о введении в текст перевода аналогизмов и анахронизмов, реалий, не совместимых с местом и временем действия оригинального произведения» [Влахов, Флорин 1986, с. 130]. Действительно, представить себе обитателей Палестины I в., щеголяющих в *кафтанах* в том представлении, которое это слово вызовет у нашего современника (а в словарях русского языка оно обычно определяется как старинная долгополая мужская верхняя одежда, что явно не совпадает с тем описанием, которое представлено выше для *гиматия*), довольно затруднительно, и вряд ли найдется в наши дни переводчик, который будет склонен к такому решению. Однако проецировать подобное представление на текст, создававшийся два столетия назад, вероятно, будет не совсем справедливо.

Поскольку до появления Нового Завета РБО в русском культурном пространстве практически безраздельно доминировал церковнославянский текст Священного Писания (впрочем, многие представители дворянской образованности вообще предпочитали знакомиться с ним в переводах на европейские языки), постольку представляется целесообразным при рассмотрении интересующего нас фрагмента обратиться к нему. Здесь последний выглядит следующим образом: «И хотящему судитися с тобою и ризу твою взяти, отпусти ему и срачицу» [Библия на церковнославянском языке... Электронный ресурс].

Таким образом, *гиматий* передан *ризой*. Последняя в восприятии современного читателя имеет отчетливую церковно-религиозную коннотацию (ср. ее дефиницию в одном из наиболее популярных толковых словарей: «1. Облачение, одежда священника при богослужении <...>

2. Оклад на иконе» [Толковый словарь... 2008, с. 833]), которая в данном случае в исходном тексте явно отсутствует. Однако заслуживает внимания то обстоятельство, что в церковнославянском употреблении семантика данного слова представлена как гораздо более широкая. Так, в словаре Г. Дьяченко зафиксированы значения «...платье, одежда, верхнее платье, плащ» [Дьяченко 2011, с. 549], что позволяет считать передачу данной лексемы в Елизаветинской Библии, если исходить из норм церковнославянского языка, вполне адекватной.

Что касается *срачицы*, толкуемой в церковнославянском словаре Г. П. Дьяченко как «<...> хитон <...> сорочка, рубашка, нижнее платье» [Дьяченко 2011, с. 549], то в целом, как видим, ее вполне можно рассматривать как синонимичную *рубашке* Синодального перевода. Однако представляется не лишним интереса, что в другом церковнославянском словаре конца XIX в., принадлежащем протоиерею А. И. Свирелину, трактовка указанных единиц отличается, если можно так выразиться, некоторой размытостью: *риза* определяется как «верхняя одежда, хитон», в то время как сам *хитон* – «нижняя одежда, рубашка» [Свирелин 2008, с. 189, 242]

Обратимся теперь к Новому Завету в версии РБО: «И кто захочет судиться с тобою и взять у тебя рубашку, отдай ему и кафтан» [Господа нашего Новый Завет... 1822, с. 14]. Вопрос о появлении в тексте романа Л. Н. Толстого этой последней лексемы получает, таким образом, соответствующее разъяснение: скорее всего, здесь воспроизводится (с некоторой вариативностью *рубаха / рубашка*) именно текст РБО. Однако пока не совсем ясно, почему его создатели (а переводчиком Евангелия от Матфея был один из крупнейших отечественных библеистов Г. П. Павский, которому при Николае Первом пришлось претерпеть немало неприятностей за «самочинные», т. е. не санкционированные церковными и светскими властями переводы книг Ветхого Завета) предпочли использовать эту лексему при всей ее, на первый взгляд, неуместности в данном контексте.

Думается, ответ заключается в том, что она претерпела в рассматриваемый период определенный семантический сдвиг в ходе происходивших в лексической системе эволюционных процессов. Действительно, в известном Словаре древнерусского языка И. И. Срезневского, наряду с привычным конкретным значением *кафтана* («верхняя одежда, простирающаяся почти до пят, с длинными рукавами, с пуговицами

и петлицами для застёжки напереди»), находим и дефиницию: «вообще верхняя одежда» [Срезневский 1912, стлб. 1200]. Аналогично в Словаре Академии Российской конца XVIII в., фиксировавшего нормы русского литературного языка, которыми руководствовались создатели перевода Российского библейского общества, дефиниция данного слова также отмечает присущее ему обобщенное значение: «Верхнее мужское платье, делаемое из разных тканей и разного покрова бывает» [Словарь Академии Российской. URL, стлб. 460–461].

Что касается *хитона*, то он, как видим не нашел отражения в данном фрагменте ни в одной из рассматриваемых версий. Однако в Евангелии от Иоанна, в рассказе о том, как римские воины делили одежду Христа (Ин. 19: 23), картина несколько иная – во всех трех версиях это слово транслитерировано. *Греч.* «ἦν δὲ ὁ *χιτών* ἄραφος ἐκ τῶν ἄνωθεν ὑφαντὸς δι' ὄλου» в церковнославянском соответствует «бе же *хитон* нешвен, свыше исткан весь» [Библия на церковнославянском языке... Электронный ресурс], в версии РБО (переводчиком Евангелия от Иоанна в ней был архимандрит Филарет, впоследствии знаменитый митрополит Московский, сыгравший важнейшую роль в создании Синодального перевода): «*Хитон* же был не сшитый, а тканый, весь сверху до низу» [Господа нашего Новый Завет... 1822, с. 391], в самом Синодальном переводе: «*Хитон* же был не сшитый, а весь тканый сверху» [Новый Завет. Псалтырь 2016, с. 151]. Возможно, поскольку речь шла об одежде самого Спасителя, использование греческого слова представлялось более подходящим со стилистической точки зрения, чем имеющие чисто бытовую коннотацию *рубашка* или *сорочка*. Отметим, что в латинской Вульгате какого-либо расхождения в выборе лексической единицы по сравнению с Евангелием от Матфея не наблюдается: «Erat autem *tunica* inconsutilis desuper conexta per totum» [Vulgata... 1975, с. 1693].

Вернемся к цитате из «Анны Карениной». Как уже отмечалось, она, в основном, опирается на текст перевода РБО, но в то время как в последнем, подобно греческому и Синодальному текстам, говорится о готовности отдать верхнюю одежду, когда требуют нижнюю, герой Л. Н. Толстого, как отмечалось выше, выражает стремление пожертвовать и нижней одеждой, когда забирают верхнюю, т.е. следует церковнославянскому тексту. Каких-либо объяснений названной перестановки в специальной литературе нам не встречалось; однако позволим

себе заметить, что она, на наш взгляд, сохраняя в целом общий смысл фразы, несколько меняет ее акценты. В оригинале подчеркивается готовность отдать более ценную вещь, нежели требуемая, в церковнославянской версии – пожертвовать последней одеждой, прикрывающей наготу (ср. выражение *отдать последнюю рубашку*). Кстати, внешне церковнославянский текст, на наш взгляд, выглядит в данном случае логичнее: для того чтобы заполучить нижнюю одежду, с человека необходимо сначала снять верхнюю. Заметим, что по этому же пути пошли и составители «славянизированных» версий русского Нового Завета В. А. Жуковский и К. П. Победоносцев, переводы которых, однако, предметом настоящей статьи не являются.

Подводя итоги рассмотренному нами материалу, можно прийти к следующим выводам:

- При квалификации тех или иных решений в рассматриваемых переводах необходимо принимать во внимание возможные семантические сдвиги соответствующих единиц переводного языка, как это имеет место с применением лексемы *кафтан* для передачи греческого ἱμάτιον в переводе, выполненном в начале позапрошлого века.
- Во всех рассмотренных версиях отсутствует попытка использовать для передачи греческого слова ἱμάτιον прием транскрипции или транслитерации; его заменяют аналогами *риза* и *кафтан* и словосочетанием с обобщенным значением *верхняя одежда*, в то время как с лексемой *χιτών* ситуация выглядит более сложной: все рассмотренные выше переводы отказались от ее воспроизведения в отрывке из Нагорной проповеди, предпочтя различные аналоги (*срачица*, *рубашка*), однако сохранили *хитон* в том фрагменте Евангелия от Иоанна, где речь идет об одеянии самого Иисуса, что может объясняться стилистическими соображениями.
- Изменение в церковнославянском тексте и восходящих к нему версиях последовательности отдачи нижней и верхней одежды, на первый взгляд, не играющее существенной роли, в определенной степени может повлиять на интерпретацию смысла высказывания.
- Разнообразие способов передачи бытовых реалий в переводах Библии представляет большой интерес как с историко-культурной, так и с собственно лингвистической точки зрения, и их изучение может быть признано актуальной задачей отечественной филологической науки.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Алексеев А. А.* Первый русский перевод Нового Завета в издании 1823 г. // Роль переводов Библии в становлении и развитии славянских литературных языков. М. : Институт славяноведения, 2001. С. 7–38.
- Библия на греческом языке. Новый Завет. URL : www.magister.msk.ru/library/bible/greek/greek.htm (дата обращения: 18.09.2018).
- Библия на церковно-славянском языке. Гражданский шрифт. URL : www.my-bible.info/biblio/bib_tsek_rus/ (дата обращения: 19.09.2018).
- Влахов С., Флорин С.* Непереводимое в переводе. М. : Высшая школа, 1986. 416 с.
- Господа нашего Новый Завет на славянском и русском языке. Иждивением Российского Библейского общества. Вторым тиснением. Санктпетербург: В Типографии Российского Библейского Общества, 1822. VIII + 820 с.
- Дворецкий И. Х.* Древнегреческо-русский словарь. URL : gurin.tomsknet.ru/alphaonline.html. (дата обращения: 28.09.2018).
- Дворецкий И. Х.* Латинско-русский словарь. М. : Русский язык–Медиа, 2003. 846 с.
- Десницкий А. С.* Современный библейский перевод. Теория и методология. М. : Издательство ПСТГУ, 2015. 432 с.
- Десницкий А. С.* Сорок вопросов о Библии. М. : Дарь, 2011. URL : libking.ru/books/sci-/sci-religion/569129-andrey-desnitskiy-sorok-voprosov-o-biblii.html (дата обращения: 29.09.2018).
- Елеонский Н. А.* Примеры сделанных Елизаветинскими справщиками исправлений текста первопечатной славянской Библии, не служащих к ее усовершению // Христианское чтение. 1902. № 2. Т. I. С. 657–685, 841–852.
- Новый Завет. Псалтырь. М. : Издательство Московской Патриархии Русской Православной Церкви, 2016. 472 с.
- Полный церковно-славянский словарь / сост. протоиерей Григорий Дьяченко. М. : Отчий дом, 2011. 1168 с.
- Свирелин А.* Церковнославянский словарь для толкового чтения Святого Евангелия, Часослова, Псалтири, Октоиха (учебных) и других богослужебных книг. Н.-Новгород : Христианская библиотека, 2013. 272 с.
- Словарь Академии Российской 1789–1794 гг. : электронное издание. Ч. III. От З до М. URL : it-claim.ru/Projects/ESAR/SAR/PDFSAR/Framesetpdf.htm (дата обращения: 24.04.2018).
- Снигирев Р. Л.* Русские переводы Ветхого Завета середины XIX в. // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. Серия 9. 2008. Вып. 4. Ч. II. СПб. : Изд-во Санкт-Петербургского университета, 2008. С. 189–197.

- Срезневский И. И.* Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. СПб. : Типография Императорской Академии наук, 1912. Т. I. IX с. + 1420+49 стлб.
- Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / отв. ред. Н. Ю. Шведова. М. : Издательский центр «Азбуковник», 2008.
- Толстой Л. Н.* Анна Каренина / Л. Н. Толстой. Собрание художественных произведений. Т. 7. М. : Издательство «Правда», 1948. 400 с.
- Хухуни Г. Т., Осипова А. А.* «Неопределенные реалии» и их передача: об одном аспекте диахронического перевода // Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода. 2018. № 1. С. 96–108.
- Vulgata. Biblia Sacra iuxta Vulgata Versionem. Т. II. Stuttgart : Württembergische Bibelanstalt, 1975. P. 956–1980.

УДК 316.765:17.035.3

В. А. Пищальникова, Чэнь Ваньжоу

Пищальникова В. А., профессор, доктор филологических наук;
профессор каф. общего и сравнительного языкознания МГЛУ;
e-mail: pishchalnikova@mail.ru

Чэнь Ваньжоу, аспирант каф. общего и сравнительного языкознания МГЛУ;
e-mail: 454679197@qq.com

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ БАЗОВЫХ ЦЕННОСТЕЙ В ДЕРЕВЕНСКОЙ ПРОЗЕ (на материале произведений В. Астафьева, В. Белова)

В статье автор исследует представление русских базовых ценностей в деревенской прозе, являющихся важным компонентом национального менталитета. Для любой национальной культуры характерна своя специфическая система базовых ценностей и их иерархия, фиксирующаяся различными средствами языка. Автор основывается на концепции, в которой язык понимается как явление культуры, представляющее и проявляющее народный менталитет. В работе исследуются базовые ценности, которые являются частью национального архетипа, укорененного в русском менталитете, и представляют ядро ментальности представителя русской лингвокультуры. Содержание исследуемых ценностей устанавливается на основе анализа ключевых женских образов, потому что героини В. Астафьева и В. Белова являются носителями главных черт русского национального характера, реализуют нравственные принципы и мировоззрение их и всего русского народа. Этнические ценности оказывают влияние на формирование мотивов поведения, определяют предпочтительные способы действия и критерии доминантных смыслов, составляющих ядро сознания этноса. В статье анализируются лексические средства языка, позволяющие выявить в художественных текстах содержание базовых ценностей русского народа и смоделировать фрагмент его менталитета.

Ключевые слова: этническая культура; базовые ценности; менталитет; средства репрезентации; вера; нравственная сила; женский образ.

V. A. Pishchalnikova, Chen Wanrou

Professor, Doctor of Philology, Professor at the Department of General and Comparative Linguistics, MSLU; e-mail: pishchalnikova@mail.ru

Chen Wanrou, Post-graduate student of the Department of General and Comparative Linguistics of the MSLU; e-mail: 454679197@qq.com

REPRESENTATION OF BASIC VALUES IN THE VILLAGE PROSE (an analysis of works by V. Astafyev and V. Belov)

In this article, the authors explore the presentation of Russian basic values in village prose and regard them as an important component of the national mentality. It is proved that any national culture is characterized by its own specific system of basic values and their hierarchy, which is fixed by various means of language. Research relies on the concept in which language is understood as a cultural phenomenon that represents and manifests popular mentality. The article examines the basic values that are part of the national archetype, rooted in the Russian mentality, and represent the core of the mentality of members of Russian linguistic culture. The content of the studied values is established as a result of analysis of key female images, as the heroines V. Astafyev and V. Belov are regarded as bearers of the main features of the Russian national character, implement the moral principles and worldview typical of the entire Russian people. Ethnic values influence the formation of motives of behavior, determine the preferred modes of action and the criteria of dominant meanings that constitute the core of the consciousness of an ethnos. The article analyzes the lexical means of the language, which make it possible to reveal in poetic texts the content of the basic values of the Russian people and to model a fragment of its mentality.

Key words: ethnic culture; basic values; mentality; means of representation; faith; moral strength; female image.

Введение

В современной лингвистической науке активно эксплуатируется актуализированный еще В. фон Гумбольдтом тезис о том, что в языке представляются национальные особенности менталитета каждого народа: «Язык есть как бы внешнее проявление духа народов: язык народа есть его дух, и дух народа есть его язык, и трудно представить себе что-либо более тождественное» [Гумбольдт 1984, с. 68]; «Интеллектуальная деятельность, совершенно духовная, глубоко внутренняя и проходящая в известном смысле бесследно, посредством звука материализуется в речи и становится доступной для чувственного восприятия» [там же, с. 75].

Базовые ценности выражаются с помощью языка, поэтому, чтобы исследовать специфику национальной культуры, национального менталитета, необходимо осуществить анализ его средств, использованных в данной лингвокультуре для репрезентации ее способов осмысления, а следовательно, и представления действительности. Вслед за

этнопсихологами, социологами и лингвистами (см., например: [Рокич 1973; Сухарев 1997; Лебедева 1999; Леонтьев 2003; Прохоров 2013] и др.), мы исходим из того, что любая национальная культура обладает своей системой базовых ценностей, содержание которых специфически представлено в национальном языке.

«Язык и культура – вот что характеризует любой этнос, на какой бы стадии эволюции он ни находился. Они объединяют и роднят членов этноса перед силами природы и перед другими этносами. Язык и культура отличают один этнос от другого, и вместе с тем через них открываются способы общения и даже сближения разных этносов» [Смирнов 1994, с. 99]; Е. Ф. Тарасов отмечает, что «язык включен в культуру, так как “тело знака (означающее) является культурным предметом, в форме которого опредмечена языковая и коммуникативная способность человека, значение знака – это также культурное образование, которое возникает только в человеческой деятельности. Также и культура включена в язык, поскольку вся она смоделирована в тексте”» [Тарасов 1994, с. 105]. Н. И. Толстой отмечал: «...эта связь признается всеми; во многих случаях она даже подчеркивается, но вместе с тем мало изучается из-за разного понимания слова “менталитет” и сущности этого явления» [Толстой 1995, с. 38].

И действительно, понятие менталитета неоднозначно и часто синонимизируется с ментальностью, по-разному понимаемым национальным характером, трудно определяемым или поэтому часто вообще не определяемым духом народа и не менее содержательно размытой душой народа. Слово *менталитет*, восходящее к латинскому *mēns* ‘ум, мышление, рассудок’, может быть соотнесено с миропониманием, культурными стереотипами, совокупностью ценностных ориентаций, критериями поведения и т. д., которые свойственны народу и которые исторически формируются в деятельности этноса / социума. Как отмечает В. Н. Телия, язык в его функционировании несет сведения о совокупной идентичности культурно-языкового самосознания как части общекультурного менталитета социума [Телия 1999]. Наиболее детальное и точное изучение менталитета возможно только посредством языка, поскольку именно в языке в системе значений и грамматических категорий фиксируется ментальный и материальный опыт людей.

Исследование

Ценности, формирующиеся веками, в жизни человека занимают значительное место, определяют его социальное поведение и способы действия, в том числе и ментальные, одобряемые обществом. «Под базовыми ценностями подразумеваются либо достаточно абстрактно выраженные представления о том, что наиболее желательно и эмоционально привлекательно (способно соответствовать идеальному состоянию бытия людей), либо столь же эмоционально привлекательный – и как раз в силу этого предпочитаемый – модус поведения или способ действий ...» [Рябов, Курбангалеева 2003, с. 19]. Базовые ценности – это практически неосознаваемая общепризнанная норма жизни, характеризующая определенную культуру, поэтому она рассматривается как структурообразующее ядро менталитета.

Чтобы понять русскую культуру, нужно разобраться в исторически сложившихся, традиционных ценностях русского народа, с помощью которых можно судить о менталитете русского человека. К базовым ценностям русского народа исследователи относят веру, милосердие, трудолюбие [Рябов, Курбангалеева 2003]. При этом важно, что доминирование ценностей в рамках одного социума может варьироваться по гендерному признаку. Так, в число «мужских» ценностей, по результатам проекта «Томская инициатива», попали законность, могущество, независимость, природа, профессионализм, равенство, родина, свобода, сотрудничество, труд, убеждения и удовольствие. К «женским» же оказалось возможным отнести веру, внимание к людям, здоровье, милосердие, мир, надежду, образование, покой, порядочность и семью» [Рябов, Курбангалеева 2003, с. 186].

Исследователи предполагают, что основа различий в восприятии универсальных (базовых) ценностей – неодинаковые мотивы деятельности людей [Шварц Бутенко, Седова 2012].

Н. М. Лебедева экспериментально выявила наиболее предпочитаемые ценности, протестировав 244 студента и 180 учителей и специалистов из Пензы, Москвы, Санкт-Петербурга и Ярославля: «В обеих группах можно выделить блок повторяющихся, неизменных, ценностей (защита семьи, здоровье, настоящая дружба, верность, интеллект, смысл жизни, внутренняя гармония). Эти ценности можно отнести к базовым ценностям русской культуры, транслирующимся из поколения в поколение» [Лебедева 2000, с. 85].

Исследуя базовые ценности россиян и динамику их социальной детерминации, В. С. Магун и М. Г. Руднев установили, какие изменения в базовых ценностях россиян произошли под влиянием социальных изменений, связанных с переходом от советского к современному российскому обществу. Они выделили семь общих базовых ценностей российской молодежи, пожилых людей и жителей ряда стран Европы, включая самостоятельность, риск-новизну, гедонизм, безопасность, конформность, традицию, заботу о людях и природе, самоутверждение [Магун, Руднев 2010].

И. Г. Сенин предлагает опросник терминальных ценностей (далее – ОТеЦ) для измерения ценностей; в нем респондентам предлагается вопросы, выявляющие желания и стремления индивидов с просьбой оценить их по пятибалльной шкале. ОТеЦ основывается на теории структуры ценностей М. Рокича [Сенин 1991, с. 17]. С помощью опросника ОТеЦ получены терминальные ценности человека, в которые входит «собственный престиж, высокое материальное положение, креативность, активные социальные контакты, развитие себя, достижения, духовное удовлетворение, сохранение собственной индивидуальности» [Сенин 1991].

Рассмотрим репрезентацию некоторых ценностей русского народа в русской деревенской прозе – значительном явлении русского литературного процесса, которая является уникальной в аспекте отображения деревенского обыденного существования людей. Представители деревенской прозы этого периода – В. Астафьев, В. Белов, А. Солженицын, В. Распутин, Ф. Абрамов, В. Шукшин, В. Крупин, Н. Кочин, С. Залыгин и др.

Наша цель – на основании языковых средств репрезентации компонентов базовых ценностей в русской деревенской прозе смоделировать их содержание и определить их важность для реализации авторской концепции. Предполагается проанализировать содержание ключевых женских образов, в структуре которых реализуются некоторые базовые ценности.

А. Большакова отмечает, что художественный мир деревни представляет собой «национальный литературный архетип, укорененный в российском менталитете» [Большакова 2000] – «явление не тематического, а сущностного порядка», и «эта сущность выявляется не столько на уровне образа героя или повествователя, сколько на уровне

эстетического идеала и связанного с самой широкой мировой культурой» [Большакова 2000, с. 33].

В творчестве В. Астафьева и В. Белова реализуются представления о нравственных ценностях деревенских жителей. В их произведениях доминантой человека являются духовные ценности, дающие героям духовную силу, подчас преодолевающую целесообразность. Как отметил Ю. Боров: «...нравственные опоры человека утверждаются ими как высшая нравственная ценность и идеал. Центральная идея крестьянского лада – *идея непреходящей ценности идеалов народной культуры, животворности ее традиций как генетически культурно-нравственных, духовных основ общества* – определяет деревенскую прозу в целом» [Боров 2002, с. 188] (выделено нами. – Ч. В.). Эта идея, наиболее очевидно проявляющаяся в деревенской прозе, позволяет предполагать важность базовых ценностей в духовно-нравственной жизни русского народа в целом.

Согласно исследованию А. В. Рябова и Е. Ш. Курбангалеевой, в систему духовных ценностей россиян входят *вера, счастье, милосердие, терпимость, трудолюбие*. Сознание и поведение героев в творчестве В. Астафьева и В. Белова обусловлено ими: перечисленные ценности составляют их мировоззрения на жизнь, представляют народные архетипы, воплощающие нравственные критерии и мировоззрение этноса. Так, в повести В. Белова «Привычное дело», которую часто называют энциклопедией деревенской жизни, показана тяжелая жизнь, нищенский быт людей, но это не мешает им демонстрировать высокие нравственные качества, определяющие их жизнь, помогающие выжить в трудные моменты, дающие надежду на будущее. По мнению С. Залыгина, Катерина из повести «Привычное дело» – это «человек большой силы, большой души и душевной ясности; человек, обладающий негромким, даже невнятным, и все-таки героизмом, который можно, наверное, назвать героизмом повседневным, житейским» [Залыгин 1991, с. 45].

Героиня повести В. Белова «Привычное дело» Катерина обладает необыкновенной душевной щедростью, милосердием и добротой, которые проявляются в повседневных заботах: *«Пошлю Танюшке-то хоть в письме пятерочку. За самовар сосновская крестная сулила принести двадцать рублей, да бригадир сорок принесет, надо посылать. Анатошке, тому тоже трешник на неделю вынь да положишь,*

хоть и кормят там в интернате, а подавай. Да и валенки вон уже все измолот, ведь в худой обуви в школу не пойдешь, надо ему новые валенки, а Гришке с Васькой по рубашке, уж давно сулила, надо купить, больно рубашки-то добры в лавку привезли, да Марусе сапожки резиновые, весна скоро, а дома вон тоже уже не сидит, бегают. Ой, много всего надо!» [Белов 2005, с. 42]. Характерно, что для себя у Катерины в этом перечне места нет: она всегда испытывает чувство глубокой ответственности за семью, упорно пытается найти выход из любого трудного положения. Ее самопожертвование ради семьи не знает границ: она живет ради детей, и писатель неоднократно акцентирует на материнском начале, любви к своим детям: *«Катерина все прижимала ребенка. Поправила волосенки, ладонью осушила Марусины слезы и говорила, говорила ласковые тихие слова: – Вот, Маруся, я тебе и пряничков принесла, и домой-то мы сейчас с тобой пойдём, доченька, есть кто дома-то? Нету? Сквозь пелену давнишней недетской тоски в глазах девочки блеснуло что-то мимолетное, радостное, она уже не плакала и не вздрагивала плечами»* [Белов 2005, с. 48]. И дети отвечают матери большой любовью: узнав, что мать выписалась из больницы, все дети бегут ей навстречу: *«Остановилась: от реки с визгом бежал Гришка, за ним, не попевая, размахивая ручонками, торопились двойники Васька с Мишкой, а из поля, с другого конца, бежала голенастая Катя, все радостные, родимые... Визжат, кричат, вон один запнулся за что-то, шлепнулся на траву – невелика беда, – вспрыгнул на ноги, побегал опять, ближе, ближе, с обеих сторон. Прибежали, уткнулись в подол, обхватили ручонками ослабевшие ноги...»* [Белов В.И. 2005, с. 50]. Но бессознательно проявляемая материнская любовь Катерины всегда сродни инстинкту защиты не просто потомства и продолжения жизни, а ее нравственной опоры, которая и создает вечную духовную связь поколений, без которой бытие немислимо.

Это определяет любую повседневную работу Катерины. После рождения девятого ребенка она возвращается домой, «слабая после болезни». Хотя два дня назад она только что выписалась из больницы, Катерина уже *«пошла в телятник. Телятишки, как ребятишки, тыкались мокрыми рылами в ее ладони. Ревели, трубили, и Катерина начала делить оставленное для сосунков молоко. Чуть не до дневной дойки бегала, чистила стайки, солому стелила»* [Белов 2005, с. 43]. Необходимость заботиться о слабых – инстинкт ее души, потому

и «телятишки» воспринимаются Катериной как ребятишки, от милосердного отношения к которым зависит нравственная устойчивость ее существования, пусть неосознаваемая, но всегда необходимая для героини. Это подчеркивается автором: Катерина работает до изнеможения, потому что иначе не может, ведь живые беззащитные существа нуждаются в ее заботе: *«Только что это? Она присела на приступок: вдруг не стало хватать воздуха, тошнота подступила к горлу. Не бывало еще так никогда... Нет, не бывать... И вдруг опять будто кто зажал Катерине рот и начал душить, ослабела враз и ничком опустилась на сухую теплую соломенную подстилку»* [Белов 2005, с. 51]. Ранняя смерть Катерины обнаруживает, что именно она со своей самоотверженностью и милосердием, ровным душевным теплом, всегда пребывающая в «мелких» хозяйственных заботах о семье, была ее незаметной, но надежной опорой. Это осознает и Иван Африканович: *«С того дня, как ее увезли в больницу, он похудел и оброс, брился всего один раз, на заговенье. В руках ничего не держится, глаза ни на что не глядят. Катерину увезли на машине еле живую. Врачи говорят: гипертония какая-то, первый удар был. Четыре дня лежала еще дома – колесом пошла вся жизнь. В доме сразу как не топлено стало»* [Белов 2005, с. 408]. Без Катерины исчезает тот нравственный стержень семьи, «дома», на котором держалась жизнь: не случайно после смерти жены Иван Африканович *«заметно ссутулился за две эти недели», «глубже стала тройная морщина на лысеющем крутобоком лбу, пальцы на руках все время чуть подрагивали»* [Белов 2005, с. 467] и вполне осознает, что он *«без Катерины хуже всякой сироты»* [Белов 2005, с. 468]: без нее из семьи ушла душевная опора. И когда человек уходит из жизни, окружающие вдруг понимают, что его присутствие в этой жизни определяло цель и их бытия. Иван Африканович приходит на могилу жены и разговаривает с нею, впервые размышляет о «высоких материях» – о жизни и смерти, о бессмертии души, о том, что незримо присутствовало в его жизни в простых словах и делах его жены: *«...а ведь дурак был, худо тебя берег, знаешь сама... Вот один теперь... Как по огню ступаю, по тебе хожу, прости... Худо мне без тебя, вздоху нет, Катя. Уж так худо, думал за тобой следом... А вот оклемался... А твой голос помню. И всю тебя, Катерина, так помню, что... Да. Ты, значит, за ребят не думай ничего. Поднимутся. Вон уж самый младший, Ванюшка-то, слова говорит... такой парень толковый и*

глазами весь в тебя. Я уж... да. Это буду к тебе ходить-то, а ты меня и жди иногда... Катя... Ты, Катя, где есть-то? Милая, светлая моя, мне-то... Мне-то чего... Ну... тепере-че... вон рябины тебе принес... Катя, голубушка» [Белов 2005, с. 151]. Свет души Катерины коснулся и его: при жизни «худо берегший» жену, Иван Африканович понимает, что ничего «милее и светлее» этой женщины у него не было; раньше даже не помышлявший о проявлении нежности к жене, теперь «вон рябины...принес», и для него счастье, что сынишка похож на мать. И важно, что человек говорит об этом не в обыденной беседе, а там, где пересекаются бытие и небытие, наедине с образом жены. Он даже не осознал – ощутил важность женщины-хранительницы семейного очага, которая утешит, обогреет, защитит. Он почувствовал милосердное величие женщины как нравственного начала бытия, одно присутствие которой создает духовную опору существования.

В образе Катерины и других селян реализуется одновременно и другая базовая ценность – трудолюбие. Приехавший из Заполярья брат заметил, что дома хозяев уже нет: *«Он приехал ночью, уже под утро... В избу заходить не стал, а поднялся на поветь. Постель под пологом оказалась пустая...»* [Белов 2005, с. 74]. Катерина встает с первыми петухами, управляет с домашним хозяйством и бежит на работу, и при всей тяжести жизни она сохраняет жизнелюбие: *«... встанет-то в третьем часу, да и придет уж вечером в одиннадцатом, каждой-то божий день эдак, ни выходного, ни отпуску много годов подряд...а она как родит, так сразу и бежит на работу, никогда-то не отдохнет ни денька...»* [Белов 2005, с. 131]. Именно трудолюбие и самоотверженность женщины спасают семью в условиях тяжелой деревенской жизни.

Еще одна Катерина – бабушка из «Последнего поклона» В. Астафьева – биографической повести о нелегком детстве писателя. Бабушка Катерина – хранитель народных (этнических) ценностей, обычаев и традиций деревенской жизни, порядка мироустройства: *«Все вокруг должно стоять и лежать на определенном месте: и дом, и пащина, и огороды, и лес, и горы вокруг, хозяйство и деяния человека в нем должны знать границу, должны быть очерчены жердями, заплотом, межой, дорогой, распадком, речкой, за которую не хождено и незачем ходить, стало быть, и думать, что там дальше, – незачем, всей земли не охватишь, вся она в боговом распоряжении, только ему и*

досягаемо всю ее озреть с небесной высоты, ему и заботиться о ней, страдать большими страданиями, потому как один за всех. Человек должен трудиться и не роптать» [Астафьев 1989, с. 187]. Труд – великая ценность и нравственная опора, определяющая жизнеспособность русского народа: «В любом деле не слово, а руки всему голова. Рук жалеть не надо. Руки, они всему вкус и вид делают. Болят ночами рученьки мои, потому как не жалела я их никогда» [Астафьев 1989, с. 36].

Исследователь русских ценностей этнограф М.А. Антоновский еще в XVIII в. отмечал, что русские женщины «трудятся через меру», «больше всех других европейских поселянок», ибо «сверх работ своих во весь почти год отправляют на дому и в поле те же работы, что и мужчины» (цит. по: [Семенова 1982, с. 116]). Но этот постоянный, часто очень тяжелый труд воспринимается как единственно возможный способ существования человека, основа крестьянской жизни, не уничтожающая в женщине милосердие, заботу об окружающих: «Машинка хотя и была бабушкина, но в то же время как бы принадлежала и многим другим людям. Бабушка обшивала на ней почти полсела...» [Астафьев. 1989, с. 301]. Достаточно вспомнить, как помогает односельчанам бабушка Катерина в голод 1933 г., проявляя инстинктивное милосердие. Одобряемое социумом поведение настолько прочно вошло в сознание женщины, что стало уже неосознаваемым, внутренним свойством ее.

С особой душевной теплотой бабушка Катерина растила внука Витьку, самоотверженно спасала от болезней и голода, что повлияло на всю его жизнь и стало его нравственной опорой в жизни и внушило веру в людей. В рассказе «Деревья растут для всех» автор описывает, что во время половодья Витька заболел малярией, и «бабушка шептала молитву от всех скорбей и недугов, брызгала меня святой водой, травами пользовала до того, что меня начало рвать, из города порошки привозили – не помогло. Тогда бабушка увела меня вверх по Фокинской речке, до сухой росохи, нашла там толстую осину, поклонилась ей и стала молиться, а я три раза повторил заученный от нее наговор: «Осина, осина, возьми мою дрожалку – трясиуну, дай мне леготу», – и перевязал осину своим пояском» [Астафьев 1989, с. 19]. Кроме того, вместо наказания за обман она преподносила бесценные уроки доброты внуку. Витька не собрал землянику, наградой за

которую должен был стать пряник от бабушки, заигрался и, по совету друзей, обманывает свою бабушку: *«Ничего не подозревая, бабушка продает в городе туюсок, лишь сверху заполненный ягодами, а внизу – травой»* [Астафьев 1989, с. 50]. Обман был раскрыт. *«Я думал, сейчас бабушка обнаружит мое мошенничество, даст мне что полагается, и уже приготовился к каре за содеянное злодейство... Но обошлось. Все обошлось. Бабушка унесла туюсок в подвал, еще раз похвалила меня, дала есть»* [Астафьев 1989, с. 51]. Бабушка поступила мудро и преподнесла ему настоящий урок доброты и честности. *«Грозой гремит бабушка, даже порой в сердцах “наподдает” внуку, но сколько же любви, тепла, заботы на него изливается под эти громы небесные! Даже когда он самым настоящим образом проитрафился и подвел ее, Катерина Петровна все же привезла ему из города пряничного коня с розовой гривой, а ещё толком не поднявшись на ноги после тяжёлой болезни, принялась кроить и шить Витьке долгожданнные штаны с настоящим карманом»* [Астафьев 1989, с. 233]. В этом поведении бабушки Катерины – суть русского национального характера, умеющего прощать, ярче всего проявляющегося в женском милосердии, заботливости, умении взять на себя самый нелегкий труд, а потому служащего и для других опорой бытия: *«Не убило меня на войне, и я к бабушке иду, к Катерине Петровне. Только через порог переступлю, непременно гаркну: “Здравия желаю, товарищ генерал!” - она аж присядет и с испугу уронит чего-нибудь. «О, шиботя, окаянного, приподняло да шлепнуло!» – скажет. Так и скажет. Я-то уж знаю свою бабушку!»* [Астафьев 1989, с. 318].

Бабушка стала для внука воплощением нравственной силы народа, символом неразрывной связи с родной землей, веры в себя и в Бога, что дает русскому народу стойкость и определяет его легендарную способность к выживанию.

Выводы

Особое звучание приобретают в русской деревенской прозе традиционные ценности – *милосердие, трудолюбие и вера*, определяющие ядро ментальности представителя русской лингвокультуры и становящиеся ориентирами обыденного существования. Герои В. Астафьева и В. Белова выражают эти духовные ценности в своем повседневном поведении, актуализируя основные черты русского национального характера.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Астафьев В. П.* Последний поклон: Повести. М. : Молодая гвардия, 1989. 335 с.
- Белов В. И.* Привычное дело. М.: Эксмо, 2005. 864 с.
- Бердяев Н. А., Лосский Н. О.* Русский народ. Богоносец или хам? М. : Алгоритм-издат ООО, 2014. 240 с.
- Бердяев Н. А.* Философия свободы. Смысл творчества. М. : Правда, 1989. 244 с.
- Большакова А. Ю.* Деревня как архетип. От Пушкина до Солженицына // Пушкин и теоретико-литературная мысль. М. : Комитет по телекоммуникациям и СМИ правительства Москвы, 1999. С. 369–395.
- Большакова А. Ю.* Нация и менталитет: Феномен «деревенской прозы» XX века. М.: Комитет по телекоммуникациям и СМИ правительства Москвы, 2000. 132 с.
- Борев Ю.* Эстетика : учебник. М. : Высшая школа, 2002. 511 с.
- Богданов А. В.* Почвенничество. Политическая философия А. А. Григорьева, Ф. М. Достоевского, Н. Н. Страхова. М. : Воробьев, 2001. 143 с.
- Гумбольдт В. фон.* Избранные труды по языкознанию. М. : Прогресс, 1984. 452 с.
- Достоевский Ф. М.* Дневник писателя. 1876 / Достоевский Ф. М. Мысли. Высказывания. Афоризмы. Париж: Пять континентов, 1975. 112 с.
- Достоевский Ф. М.* Бесы / Федор Достоевский. М. : Эксмо, 2008. 603 с.
- Залыгин С. П.* О творчестве Василия Белова // Залыгин С. П. Рассказы. 1981–1989. Литературно-критические статьи : в 6 т. М. : Художественная литература, 1991. С. 401–416.
- Калугин А. Ю.* Психометрический анализ двух «ценностных» методик-аналогов: «Опросник терминальных ценностей» И. Г. Сенина и опросник «Аксиологическая направленность личности» А. В. Капцова, Л. В. Карпушиной // Современные исследования социальных проблем. 2015. № 1 (45). С. 62–79.
- Лосский Н. О.* Бог и мировое зло. М. : Республика, 1994. 436 с.
- Лебедева Н. М.* Введение в этническую и кросс-культурную психологию: уч. пос. М. : Ключ-С, 1999. 224 с.
- Лебедева Н. М.* Базовые ценности русских на рубеже XXI века // Психологический журнал. 2000. № 3. С. 73–87.
- Леонтьев А. А.* Основы психолингвистики. М. : Смысл, 2003. 287 с.
- Магун В. С., Руднев М. Г.* Базовые ценности двух поколений россиян и динамика их социальной детерминации // Общественные науки и современность. 2010. № 3. С. 87–97.
- Прохоров М. М.* Смыслы и ценность модели отношения человека с миром // Философская мысль. 2013. № 7. С. 136–240.

- Рокич М. Природа человеческих ценностей. N.Y. : Свободная пресса, 1973. 153 с.
- Рябов А. В., Курбангалеева Е. Ш. Базовые ценности россиян: Социальные установки. Жизненные стратегии. Символы. Мифы. М. : Дом интеллектуальной книги, 2003. 448 с.
- Семенова Л. Н. Очерки истории быта и культурной жизни России: первая половина XVIII века. Ленинград : Наука, 1982. 279 с.
- Сенин И. Г. Опросник терминальных ценностей. Руководство. Ярославль : Содействие, 1991. 19 с.
- Смирнов Ю. И. Язык, фольклор и культура. Язык – культура – этнос / С. А. Арутюнова, А. Р. Багдасаров, В. Н. Белоусов и др. М. : Наука, 1994. 240 с.
- Соловьев В. С. Русская идея. М. : Путь, 1911. 51 с.
- Сухарев В., Сухарев М. Психология народов и наций. Донецк : Сталкер, 1997. 400 с.
- Тарасов Е. Ф. Язык и культура: методологические проблемы // Язык. Культура. Этнос. М. : Наука, 1994. С. 105–113.
- Телия В. Н. Первоочередные задачи и методологические проблемы исследования фразеологического состава языка в контексте культуры // Фразеология в контексте культуры. М. : Языки русской культуры, 1999. 333 с.
- Толстой Н. И. Язык и народная культура: Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. М. : Индрик, 1995. 509 с.
- Шварц Ш., Бутенко Т. П., Седова Д. С. Уточненная теория базовых индивидуальных ценностей: применение в России // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2012. № 2. С. 24–43.

УДК 80

М. Б. Раренко

кандидат филологических наук; старший научный сотрудник,
Отдел языкознания, Институт научной информации по общественным наукам
(ИНИОН) РАН; Москва, Российская Федерация; e-mail: rarenco@rambler.ru

РАЗГОВОР ПО-РУССКИ НА СТРАНИЦАХ РОМАНА И. А. ГОНЧАРОВА «ОБЛОМОВ»

Изучение национального характера невозможно вне связи с культурой, в недрах которой он сформировался. В современной гуманитарной науке вопрос о национальном характере рассматривается как сложная междисциплинарная проблема, поскольку, как показывают исследования, ни одна наука не может претендовать на всеобъемлющее его описание. Культура представляет собой символический конструкт и как таковой может быть по-разному наполняться смыслами, т. е. в разных культурных сообществах одни и те же действия индивидуумов могут иметь различное, даже противоположное, символическое значение, что позволяет говорить о том, что ценностные доминанты культуры (их наличие не подвергается никаким сомнениям) могут существенным образом отличаться и отличаются друг от друга. XIX век остался в истории европейской цивилизации как век национализма, век, когда представители европейских наций и народностей стали задумываться каждая о собственном своеобразии, уникальности, неповторимости. Во многом этому способствовали события, произошедшие во Франции. В России в этот период также отмечается повышенный интерес к проблеме самоидентификации. Вопросы нации, национализма, национального сознания, национального мышления в этот период занимают представителей самых разных слоев общества, в том числе и писательские круги. В XIX в. романы приобрели небывалую до того времени популярность, и роль художественной литературы, в частности, жанра романа, невозможно переоценить в процессе конструирования национально-специфического дискурса. В статье анализируется русская речь, представленная на страницах романа И. А. Гончарова «Обломов».

Ключевые слова: И. А. Гончаров; «Обломов»; роман; «образ речи»; национальный характер; разговор по-русски; национальный язык; литература XIX в.; художественная литература; моделирование.

M. B. Rarenko

Candidate of Philology (PhD); Senior Research Fellow, the Centre for Linguistics,
Institute of Scientific Information on Social Sciences of the Russian Academy
of Sciences; Moscow, Russia; e-mail: rarenco@rambler.ru

CONVERSATION IN RUSSIAN STYLE ON THE MARGINS OF I. A. GONCHAROV'S NOVEL 'OBLMOV'

The study of the national character is impossible without considering the culture in the depths of which it has been formed. In modern Humanities, the question of

national character is considered as a complex interdisciplinary problem, because, as the studies show, no one approach can claim to a comprehensive description of it. Culture is a symbolic construct, and as such can be filled with different meanings, i.e. in different cultural communities, the same actions of individuals can have different, even opposite, symbolic meaning, which suggests that the value dominants of culture (their presence goes without any doubt) may differ significantly and differ from each other as well. The XIX century remained in the history of the European civilization as the century of nationalism, the century when representatives of European nations and nationalities began to think about their uniqueness. This was largely due to the events that took place in France. In Russia, during this period, there is also an increased interest in the problem of self-identification. The questions of nation, nationalism, national consciousness, national thinking in this period seem very important to the representatives of various strata of the society, including writers. In the XIX century, novels gained unprecedented popularity, and the role of fiction, in particular, the genre of the novel, cannot be overestimated in the process of constructing a national-specific discourse. The article analyzes the Russian speech, presented on the margins of the novel "Oblomov" by I. Goncharov.

Key words: I. Goncharov; "Oblomov"; novel; "image of speech"; national character; conversation in Russian; national language; literature of the XIX century; fiction; modelling.

1. Введение

В настоящее время отмечается большой интерес к изучению национальной культуры. Возможно, этот очередной всплеск интереса можно объяснить процессами глобализации, протекающими в современном обществе и сопровождающимися самыми разными опасениями, вплоть до того, что в результате возникновения глобального языка (как известно, в настоящее время в его роли выступает английский язык, имеющий быть таковым все основания, в том числе и научно подтвержденные) произойдет «унификация» культур, т. е. постепенно англо-американская культура распространит свое влияние на другие и поглотит их. Безусловно, далеко не исследователи разделяют столь пессимистические прогнозы и утверждают, что изучение английского языка как международного, языка, при помощи которого можно изучать не только культуры народов, говорящих на английском языке, но и другие национальные культуры позволит не только сохранить все другие национальные культуры, но и повысить их статус в мировом сообществе.

Общепринятым фактом является то, что изучение культуры народа и связанной с ней проблемы национальной идентичности невозможно

без обращения к его национальному языку. Существование «национального характера», т. е. присущего каждому народу (или этносу) своего, отличного от других, психологического склада, кажется, не подвергается никакому сомнению. Неоднократно предпринимавшиеся в разные эпохи и с разными целями попытки систематизировать этнографические описания, начиная с древних времен, подтверждают, что эти знания претендовали на научный характер и, что более важно, таковыми признавались. В Римской империи такие описания, к примеру, выступали как своеобразное пособие для властей по вечно актуальному национальному вопросу, поскольку, говоря современным языком, позволяли в какой-то степени, в большей или меньшей, предугадать «модели поведения» представителей разных народов. На основании таких тщательно собранных описаний и строилась известная во всем мире византийская дипломатия. Как показывает анализ научно-специальной литературы, вплоть до XX столетия исследования национального характера продолжают использоваться как в политических, так и в иных целях.

2. Национальный характер как междисциплинарная проблема

Изучение национального характера невозможно вне связи с культурой, в недрах которой он сформировался. В современной гуманитарной науке вопрос о национальном характере рассматривается как сложная междисциплинарная проблема, поскольку, как показывают исследования, ни одна наука не может претендовать на всеобъемлющее его описание. Особое внимание проблеме изучения национального характера уделяет психологическая антропология, или этнопсихология, динамично развивавшаяся на протяжении всего XX в. в непосредственном сотрудничестве с другими дисциплинами гуманитарного цикла – историей, социологией, психологией, психоанализом, семиотикой, лингвистикой, культурологией и др.

Национальный характер, таким образом, предстает как нечто объективное, то, что можно выявить, и то, что описать как комплекс психологических особенностей, зачастую полагаясь на собственную интуицию, воспринимая какие-то черты представителей другого народа (этноса) как «странности». Также следует отметить, что национальный характер представляет собой не органическое, самоотверженное образование, а, скорее, продукт мышления и риторики, т. е.

некий ментальный конструкт, порожденный нашим восприятием и нашедшим отражения в культуре.

Поскольку, согласно символической концепции культуры, культурные феномены являются символическими, при изучении культуры происходит изучение символов и символических действий, присутствующих в любой культуре в изобилии, хотя они и могут не восприниматься носителями данной культуры как таковые.

В 1970 г. была опубликована работа К. Гирца¹ «Интерпретация культуры», в которой культуру предлагается рассматривать как сложный семиотический текст, как «паутина смыслов», а анализ культуры рассматривается как диалог, нацеленный на понимание, интерпретацию, поиск значений и раскрытие социальных механизмов, лежащих в основе человеческого опыта. Таким образом, изучение культуры, по мнению К. Гирца, оказывается подобно чтению текста. Предложенная исследователем метафора как никакая другая хорошо объясняет процесс познания культуры: изучая чужую культуру, исследователь старается уловить ее смыслы и значения, используя при этом не только свой интеллект, но и интуицию, т. е. способность к самопереживанию, вчувствованию, эмпатии.

Как уже было сказано выше, культура представляет собой символический конструкт, и как таковой может быть по-разному наполняться смыслами, т. е. в разных культурных сообществах одни и те же действия индивидуумов могут иметь различное, даже противоположное, символическое значение, что позволяет говорить о том, что ценностные доминанты культуры (их наличие не подвергается никаким сомнениям) могут существенным образом отличаться и отличаются друг от друга. Таким образом, можно рассматривать культуры как производные от этнических констант, с одной стороны, и ценностной ориентации, – с другой. Этнические константы сами по себе не имеют содержательного наполнения, а представляют собой определенную и не меняющуюся на протяжении жизни этноса форму упорядочения культурного опыта, которая в соответствии со

¹ Клиффорд Гирц (р. 1926) – американский антрополог, основатель направления интерпретативной антропологии, представляющей собой синтез традиций американской культурной антропологии с традициями европейской социальной теории и философии XX в.

сменой культурно-ценностных доминант народа в течение его истории может наполняться разным смыслом.

Следует отметить, что проблемами национального самосознания обеспокоены не только представители научного сообщества, но и «рядовые» граждане, вынужденные, в силу самых разных обстоятельств, часто на бытовом уровне, идентифицировать себя в противоположность представителям других этносов, особенно сегодня, когда по всему миру наблюдаются громадные потоки мигрантов в поисках лучшей жизни.

Роль представителей искусства и литературы в процессе конструирования национальной идентичности оказывается не менее ответственной, поскольку они воздействуют на сознание не на рациональном, а на эмоциональном уровне. В литературных произведениях национальное самосознание нередко моделируется, затем, если происходит процесс признания аудиторией, становятся предметом рефлексии, подражания, и, в конечном счете, воспроизведения. Таким образом, можно говорить о том, что национальное единство часто представляет собой не обязательно нечто объективно существующее, а то, что представителями этноса воспринимается, «воображается» как существующее. Именно об этом писал в своей работе «Воображаемое сообщество. Размышления о происхождении и распространении национализма» (1983) американский культуролог Б. Андерсон [Anderson 1983].

3. Моделирование национальной идентичности в художественной литературе

XIX век остался в истории европейской цивилизации как век национализма, век, когда представители европейских наций и народностей стали задумываться каждая о собственном своеобразии, уникальности, неповторимости. Во многом этому способствовали события, произошедшие во Франции.

В России в этот период также отмечается повышенный интерес к проблеме самоидентификации. Вопросы нации, национализма, национального сознания, национального мышления в этот период волнуют представителей самых разных слоев общества, в том числе и писательские круги.

В XIX в. романы приобрели небывалую до того времени популярность, и роль художественной литературы, в частности, жанра романа,

невозможно переоценить в процессе конструирования национально-специфического дискурса. М. М. Бахтин писал: «Огромная популярность романов способствовала тому, что они приняли на себя ключевую роль в конструировании нации как воображаемого сообщества» [Бахтин 1996, с. 294]. И действительно, писатели XIX в. тщательно выписывали на страницах своих романов мельчайшие детали современного быта, уклада жизни представителей разных сословий в противовес предыдущим эпохам, когда в основном страницы художественных произведений населяли представители высших сословий. Хорошим тоном стало считаться показать, как живет общество в целом, его проблемы и чаяния, мечты и надежды, притязания и будни. Более того, страницы романов наполнялись звучащей речью, поскольку теперь писатели позволили своим персонажам говорить – в текст романа стали интенсивно включаться диалоги персонажей. Писатели середины XIX в., видимо, интуитивно поняли, что живая речь персонажей повышает степень доверия читателей, способствует большей реалистичности повествования, и сознательно и целенаправленно реконструировали ее в своих романах. М. М. Бахтин считал тесную взаимосвязь «изображенной и изображаемой речи» основной особенностью языка художественной прозы.

В XIX в. язык и речь начинают широко осознаваться как основа национальной культуры, исток национального самосознания, критерий национальной (само)идентификации.

4. Моделирование «образа речи» в романе И. А. Гончарова «Обломов»

Известный литературный критик XIX в., вероятно, один из самых авторитетных в тот период, В. Г. Белинский характеризовал И. А. Гончарова как художника «объективного», что в устах уважаемого критика вовсе не было похвалой, как это ни странно: «У него нет ни любви, ни вражды к создаваемым им лицам, они его не веселят, сердят, он не дает никаких нравственных уроков ни им, ни читателю; он как будто думает: кто в беде, тот и в ответе, а мое дело сторона» [Белинский 1953, с. 382]. Подчеркивает объективность повествования писателя и Д. И. Писарев, ставя в заслугу И. А. Гончарову «спокойное, бесстрастное творчество, отсутствие лирических портов, нарушающих ясность и отчетливость этого повествования» [Писарев 1981, с. 44].

Сам И. А. Гончаров полагал, однако, что только такое беспристрастное, объективное творчество и может стать основой реализма, поясняя в статье «Лучше поздно, чем никогда» (1879), что в его произведениях отразились «как в зеркале, и явления общественной жизни, и нравы, и быт» [Гончаров 1980, с. 107].

В романе И. А. Гончарова «Обломов» обращает на себя внимание большое количество диалогов. И это не удивительно, потому что для И. А. Гончарова, по его собственным словам, язык – «самое живое и чуть ли не единственное выражение национальности» [Гончаров 1980, с. 258]. Более того, право голоса получают не только главные герои повествования, но и второстепенные.

Современная действительность служила для И. А. Гончарова материалом, из которого он выстраивает образ русского общества. Сам писатель неоднократно напоминал о том, что творит бессознательно, ведомый поэтической интуицией, ощущением целого: «Я писал как будто по диктовке. И, право, многое явилось бессознательно; подле меня кто-то невидимо сидел и говорил мне, что писать» [Гончаров 1980, с. 107]. Тем ценнее оказывается то идеально общение, образ которого писатель моделирует на страницах романа – общение, основанное на взаимопонимании на уровне интуиции, наиполнейшего вчувствования в мир собеседника.

И действительно, общение на страницах романа происходит как бы в двух плоскостях: беседу ведут герои романа, но беседа происходит и между писателем и читателем. Самое удивительно то, что происходит общение в обоих случаях по одной и той же модели.

И. А. Гончаров с удивительной легкостью воспроизводит в романе русский разговорный язык, обильно используя просторечие, обращение к русскому культурному тезаурусу. Речь обломовцев, в том числе и посетителей квартиры на Гороховой улице, подчинена разговорному синтаксису, с его эллипсисами, соединительными союзами, переборами, короткими предложениями. Всё это создает иллюзию непосредственного, живого общения, или, как писал И. А. Гончаров в письме к П. А. Валугеву от 6 июня 1877 г., «живой речи живого человека» [Гончаров 1980, с. 440]. При передаче разговора на письме, конечно, отсутствует экспрессия интонаций голоса и физических жестов.

Удивительно то, что речи настоящих обломовцев – коренных обломовцев, самого Обломова, приятелей, навещающих его на улице

Гороховой в Петербурге – в романе оказывается противопоставлена речь Андрея Штольца – «слишком правильная», как замечают П. Вайль и А. Генис [Вайль, Генис 1995, с. 124].

Непосредственно Обломовка описывается в романе только в одной первой главе романа, но в большинстве ситуаций общения, представленных на страницах романа, Обломов не только фигурирует как один из субъектов, но и задает тон в той мере, в какой он останется собой (а собственно вся коллизия романа и разворачивается вокруг вопроса, изменится ли Обломов, а если не изменится, то можно ли его любить таким, каков он есть?). Перемещаясь в пространстве, Обломов везет с собой и воспроизводит везде, где он обосновывается, обломовскую атмосферу. Можно сказать, что разговор по-обломовски – утрированный, «подсвеченный» иронией, но и одновременно окутанный атмосферой поэтического мифа – фигурирует в романе как художественная модель разговора по-русски.

Большинство описанных в романе ситуаций общения происходят ради самого общения, они комически отчуждены от какой-либо утилитарности, пользы дела. Это так называемое нефункциональное общение. Таков, например, бесконечный «разговор» старого Обломова с дворовыми. Например:

- Эй, Игнашка? Чего несешь, дурак? – спросит он идущего по двору человека.
- Несу ножи точить в людскую, – отвечает тот, не взглянув на барина.
- Ну неси, неси; да хорошенько, смотри, наточи! [Гончаров 1979, с. 113].

Сами обломовцы, как видно из приведенного выше примера (а примеры подобного рода можно приводить еще и еще), рассматривают общение в основном и именно как символическое свидетельство взаимопроникновенности. В то же время общение в Обломовке – общение принципиально своих, которое предполагает, что общающиеся между собой хорошо знают друг друга, характеры и привычки друг друга, имеют общие интересы, общих знакомых, уклад их жизни предопределен, ритуален, предсказуем до мелочей.

Общение обломовцев настолько самодостаточно, что они не испытывают тяги ни к чему новому, неизвестному. Более того, все новое и неизвестное их пугает. Для обломовцев их усадьба представляется

символом мироздания. Аналогичным образом ведет себя и Илья Ильич Обломов, покинув Обломовку. Он никак не хочет выходить из дома, где чувствует себя защищенным от чужих, не желает никуда переезжать.

Еще одной характерной чертой общения по-обломовски становится бессмысленное, казалось бы, бесконечное перечисление всех знакомых – Натальи Фадеевны, Анны Андреевны, Алексея Наумовича, Василия Фомича и др., упоминающихся в романе лишь единожды. Ритуальный перебор всех знакомых (на Гороховой происходит все то же самое) на самом деле явление самоценное и значимое: «Сначала ... переберут весь околоток, кто как живет, кто что делает ... проникнут не только в семейный быт, закулисную жизнь, но и в сокровенные замыслы и намерения каждого, влезут в душу» [Гончаров 1979, с. 138].

Такое «влезание в душу» ставшее неотъемлемой частью ежедневного общения ценится высоко. Ему противостоит психологическое отторжение или, по словам Обломова, «извержение из круга человечества» [Гончаров 1979, с. 27]. Для обломовца это худшее из худших наказаний.

Услышав, как Захар сравнивает его с другими (читай «чужими») – «Я думал, что другие, мол, не хуже нас, да переезжают, так и нам можно...» [Гончаров 1979, с. 90], Обломов приходит в неподдельный ужас: «Он [Обломов] в низведении себя Захаром до степени других видел нарушение прав своих на исключительное предпочтение Захаром особы барина всем и каждому» [Гончаров 1980, с. 90]. Не может Обломов смириться и с тем, что его называли «каким-то Обломовым» [Гончаров 1979, с. 38].

Отличает диалоги обломовцев тавтологичность содержания, также подтверждающая, что общение является ценностью само по себе. Такие диалоги мы можем слышать и в Обломовке, и на Гороховой улице:

...Илья Иванович пойдет к окну, взглянет туда и скажет с некоторым удивлением: «Еще пять часов только, а уж как темно на дворе!»

– Да, – ответит кто-нибудь, – об эту пору всегда темно; длинные вечера наступают [Гончаров 1979, с. 131].

А вот Обломов и Судьбинский в квартире Обломова обмениваются мнением о некоем Олешкине, упоминаемом в романе единожды:

– Он добрый малый! – сказал Обломов.

– Добрый, добрый..

– Очень добрый, характер мягки, ровный, – говорил Обломов.

– Такой обязательный, – прибавил Судьбинский, – и нет этого, знаешь, чтоб выслужиться, подгадить, подставить ногу, опередить... все делает, что может.

– Прекрасный человек! Бывало, напутаешь в бумаге, недоглядишь, не то мнение или законы подведешь в записке, ничего: велит только другому переделать. Отменный человек! – заключил Обломов» [Гончаров 1979, с. 26].

Обмен репликами между обломовцами следует однажды и навсегда принятым правилам, в частности, собеседники не могут противоречить друг другу. Собеседник просто обязан согласиться со сказанным поддержать или продолжить начатую другим мысль.

Молчание – еще один принятый среди обломовцев ритуал. Молчание символизирует коллективное мышление обломовцев, носит эмпатический характер: «Между собеседниками по большей части царствует глубокое молчание...» [Гончаров 1979, с. 131], «И опять замолчат» [Гончаров 1979, с. 131], «... и все погрузилось в молчание» [Гончаров 1979, с. 134]. В этом смысле особую значимость приобретает привычно-молчаливое молчание Обломова и Захара: «Обломов с упреком смотрел на него, покачал головой и вздохнул, а Захар равнодушно поглядел в окно и тоже вздохнул. Барин, кажется, думал: “Ну, брат, ты еще больше Обломов, нежели я сам”, а Захар чуть ли не подумал: “Врешь! Ты только мастер говорить мудреные да жалкие слова, а до пыли и паутины тебе и дела нет”» [Гончаров 1979, с. 15].

Еще бóльшую ценность, нежели эмфатическое молчание, в романе приобретает единение в выполнении ритуальных действий или переживаний эстатических состояний: будь то гомерический смех или, напротив, несказанные слезы: «Все вдруг встрепенулись, посмотрели на Луку Савича и разразились хохотом» [Гончаров 1979, с. 133]:

– Да, да, – продолжает та. – Пришли последние дни: восстанет язык на язык, царство на царство ... наступит светопредставление! – выговаривает наконец Наталья Фадеевна, и обе плачут горько [Гончаров 1979, с. 138].

Диалоги в романе подчиняются ритмическим законам, подобно поэзии. Ритмичность речи, поддерживаемая благодаря многочисленным повторам, рефренам, создает впечатление неспешно протекающих бесед, завораживает и очаровывает читателя. Происходит

гармонизация позиций участников, их взаимоотождествление даже на психосоматическом уровне:

- Вы *как* будете: пешком или в экипаже?
- Да .. *никак*, – сказал Обломов.
- Первого мая в Екатеринингофе не быть! Что вы, Илья Ильич! – и изумлением говорил Волков. – Да там *все*!
- Ну, как *все*! Нет, *не все*! – лениво заметил Обломов [Гончаров 1979, с. 20].

Описанная выше модель общения может быть условно названа эмпатической. Она предполагает и подразумевает общение среди близких, хорошо знающих друг друга людей и лучше всего подходит для «домашнего» общения, общения в кругу семьи. В некотором роде все действие романа представляет собой поиски заглавным персонажем дома, усилия восстановить – во взрослом, зрелом социальном состоянии – неподражаемую идиллию проникнутого, окутанного любовью детства. В своих петербургских домах Илья Ильич Обломов стремится воспроизвести дух изначальной Обломовки, и это ему – увы! – лучше всего удастся на Выборгской стороне, в доме вдовы Пшеницыной.

5. Выводы

Как можно видеть на примере романа И.А. Гончарова «Обломов», в художественной литературе XIX в. активно осваиваются этностереотипы, носителем которых традиционно выступает национальный фольклор и язык в целом, при этом этностереотипы предстают как предмет социальной эстетизации, игры, саморефлексии, критики, анализа, дискуссии. Этностереотипы, относящиеся к сфере коммуникативного поведения, заслуживают особого внимания, поскольку, будучи погруженным в определенную культурную среду, человек усваивает характерные для нее коммуникативные стереотипы, подобно тому, как овладевает и другими социальными навыками. В художественной литературе речевое поведение, с одной стороны, отображается (примером непосредственного отображения являются включенные в ткань повествования диалоги персонажей), с другой – художественное произведение само непосредственно участвует в речевом общении, поэтому может рассматриваться как частный способ принятого в данном социуме типа общения.

В романе И. А. Гончарова русская речь представлена как макрообраз. Легкая ирония, недоговоренность, умолчания, намеки, рассчитанные на понимание с полуслова и бесконечное доверие, -- характерные признаки гончаровского дискурса как внутри романа, так и посредством его.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бахтин М. М.* Собрание сочинений : в 7 т. М. : Русские языки, 1997. Т. 5. 730 с.
- Белинский В. Г.* Полное собрание сочинений : в 13 т. М. : Издательство Академии наук СССР, 1953. Т. 8. 728 с.
- Вайль П., Генис А.* Родная речь: Уроки изящной словесности. М. : Независимая газета, 1995. 190 с.
- Гончаров И. А.* Лучше поздно, чем никогда // Гончаров И. А. Собрание сочинений : в 8 т. М. : 1980. Т. 8. С. 99–148.
- Гончаров И. А.* Обломов // Гончаров И. А. Собрание сочинений : в 8 т. М. : 1979. Т. 4. 534 с.
- Писарев Д. И.* Литературная критика : в 3 т. Л. : Художественная литература, 1981. Т. 1. 384 с.
- Anderson B.* Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism. L., N.Y. : Verso, 1983. 198 p.
- Geertz C.* The Interpretation of Cultures. Selected Essays. N.Y. : Basic Books, 1973. 527 p.

УДК 81'42

О. М. Ретивкина

начальник отдела по связям с общественностью МГЛУ;
e-mail: olga-k82@mail.ru

РЕТРО КАК ОДИН ИЗ СПОСОБОВ ОРГАНИЗАЦИИ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ В ТВОРЧЕСТВЕ Н. АБГАРЯН

Статья направлена на изучение роли ретро-компонента в межкультурной коммуникации и его использования для установления диалога между автором и читателем – представителями разных культур, а также для популяризации культурно-исторического наследия определенного народа или страны. В качестве материала для анализа были выбраны произведения писательницы Н. Ю. Абгарян, представляющей собой пример дискурсивной личности. В статье предпринимается попытка обобщить и систематизировать наиболее часто используемые способы вербализации ретро-компонента в произведениях автора. На основе анализа произведений выделяются четыре типа вербализации ретро-компонента: бытовая зарисовка, национальные традиции и обычаи, ретро-событие и прецедентные единицы.

Ключевые слова: ретро; ретро-компонент; межкультурная коммуникация; прецедентные единицы.

O. M. Retivkina

Head of External Relations, Moscow State Linguistic University;
e-mail: olga-k82@mail.ru

RETRO AS A WAY OF INTERCULTURAL COMMUNICATION IN WORKS BY N. ABGARYAN

The article focuses on the role of the retro component in intercultural communication and its usage for establishing a dialogue between the author and the reader who represent different cultures, as well as for dissemination of cultural and historic heritage of a certain nation or a country. The analysis relies on literary works by N. Abgaryan, who represents an example of a discursive person. The article attempts to generalize and classify the most frequently used means of verbalization of the retro component in the works of the author. The analysis of the works allows identifying four types of verbalization of the retro component: description of the daily routine, national habits and ways, retro event, and precedent texts.

Key words: retro; retro component; intercultural communication; precedent texts.

Ретро – «все старинное,
воспроизводящее старину, прошлое»¹

«Прошлое – путь к своей душе»²

В современном мире феномен «ретро» является малоизученным с точки зрения лингвистической науки. До настоящего времени предпринимались лишь отдельные попытки дать определение феномену «ретро» с позиций гуманитарных наук. Роль анализируемого феномена в литературном дискурсе и его значение для коммуникации «автор – читатель» оставляют большой простор для исследователей. Так, И.А. Гусейнова рассматривает феномен ретро как «один из способов сохранения культурно-исторического наследия в многополярном мире и одновременно как средство его популяризации в литературном дискурсе» [Гусейнова 2018, с. 355]. В данной статье мы будем придерживаться термина «ретро-компонент», понимая под ним определенный фрагмент текста, призванный вызвать у реципиента художественного произведения определенные ассоциации с неким временным отрезком в прошлом.

Можно утверждать, что ретро-компонент выступает в качестве интержанрового явления, так как встречается в текстах самой разной направленности: художественных, публицистических, рекламных, маркетинговых. На протяжении последних 10 лет наблюдается прагматический интерес к использованию ретро-компонента, что связано с так называемой «модой на ретро». Примеры этой моды находят свое отражение в самых разных сферах общественной жизни: кинематографе (фильмы «Оттепель», «Стиляги»), шоу-бизнесе (радиостанция «Ретро ФМ»), ресторанном бизнесе (рестораны «Главпивторг», «Спецбуфет №7») и других.

В настоящей статье предпринимается попытка изучить роль ретро-компонента в межкультурной коммуникации, его использование для установления диалога между автором и читателем – представителями разных культур, а также для популяризации культурно-исторического наследия определенного народа или страны.

¹ Современный толковый словарь русского языка / гл. ред. С. А. Кузнецов. М., 2004 [с. 701].

² Н. Ю. Абгарян. Зулали. М. : АСТ, 2018.

Мы рассмотрим особенности использования ретро-компонента как способа установления связи между автором и читателем в условиях межкультурной коммуникации на примере произведений популярной современной писательницы Наринэ Абгарян, представляющей собой пример дискурсивной личности. Под дискурсивной личностью мы в контексте исследования понимаем человека, знакомого с разными культурами, взаимодействующего с представителями разных лингвосоциумов, способного конструировать пространство вокруг себя и организовывать коммуникацию с представителями разных народов и национальностей.

Н. Ю. Абгарян может рассматриваться в качестве дискурсивной личности на основании ряда фактов. Местом рождения писательницы является Армения, где она провела свои детство и юность. При этом в настоящее время Наринэ Юрьевна проживает в Москве, куда переехала в 1993 г. Все наиболее известные произведения автора написаны в России, на русском языке, при этом Армения выступает в них в качестве превалирующего места действия. Один из основных лейтмотивов в произведениях Наринэ Абгарян – это обращение к счастливому, беззаботному детству в горах.

Также важно отметить тот факт, что основная часть жизни писательницы в Армении пришлось на времена СССР, когда Россия и Армения были единым государством с общими культурными и социальными ценностями. Таким образом, Н. Абгарян можно охарактеризовать как автора мультикультурных произведений, представляющих собой зону «культурного пограничья» [Сидорова 2015, с. 245].

Следует отметить, что произведения Наринэ Абгарян пользуются популярностью не только среди читателей, но и среди ученых-лингвистов¹. Это объясняется тем обстоятельством, что язык ее произведений отличается особой выразительностью за счет большого количества авторских сравнений, активного использования неологизмов и окказионализмов.

И мы торжественно поклялись на польском журнале никогда не становиться такими волосатыми, как Карламакс [Абгарян 2014].

Ба держала нас так, словно наши шивороты прибили гвоздями к её рукам [там же].

¹ В частности, произведениям Н. Ю. Абгарян посвящен ряд работ проф. Иваницы Е. П. и Ивановой П. С.

Сама Наринэ Юрьевна нередко цитирует одного из критиков, который справедливо, на ее взгляд, утверждает, что она «пишет на армянском, просто русскими словами»¹.

Одной из целей данного исследования является изучение роли активного использования ретро-компонента в достижении такого эффекта близости как российскому, так и армянскому читателю.

На этом основании мы предприняли попытку обобщить и систематизировать наиболее часто используемые способы вербализации ретро-компонента в произведениях Н. Ю. Абгарян. Безусловно, данная типология не является исчерпывающей и охватывает лишь некоторые, наиболее типичные для произведений данного автора модели.

Центральным локусом большинства произведений Н. Ю. Абгарян становятся рамки одного двора, дома, деревни, так называемый «малый мир». В этих условиях описание повседневного **быта** персонажей нередко становится ключом к развитию сюжета и более глубокому пониманию образа героев. В результате использование ретро-компонента для создания **бытовой зарисовки** приобретает существенную художественную ценность.

Несмотря на то, что действие большинства произведений происходит в наше время, в тексте активно используется устаревшая лексика: архаизмы и историзмы, характерные для времен СССР, для того времени, в котором прошло детство писательницы. В то время две страны, Армения и Россия, были единым целым, и многие предметы быта были характерны для представителей обеих культур. Такие атрибуты времени, как *шифоньер*, *тахта*, *деревянный ларь* вызывают чувство ностальгии у целого ряда поколений и выступают в качестве определенного культурного кода. При этом для более молодого поколения, воспитанного уже в другую эпоху, многие имплицитные смыслы, заложенные в таком тексте, могут теряться или деформироваться.

Особый интерес представляют примеры, когда упомянутые бытовые зарисовки имеют юмористический характер и направлены на достижение комического эффекта.

Так, в рассказе «В краю победивших старушек» Бабо Софа знакомит зятя со своим домом, обставленным в типично советском стиле:

¹ Интервью интернет-журналу «Эксмо» от 04 апреля 2017 г. URL : eksmo.ru/interview/narine-abgaryan-kto-to-iz-kritikov-skazal-chto-ya-pishu-na-armyanskom-prosto-russkimi-slovami-ID5493583/

здесь присутствуют и *хрустал чехский*, и *немецкий сервиз*, и *расписной чайник гжель*. После чего «зять был благополучно представлен шторам с гардинами ... и висящему на стене огромному фиолетово-желто-красному коври. На вопрос, почему ковер не лежит на полу, получил исчерпывающий ответ: «Потому что так положено» [Абгарян 2018, с. 162].

Данный эпизод вызовет недопонимание у носителя, например, французской или немецкой культуры в силу разных фоновых знаний у представителей этих культур. Для любого читателя, воспитанного во времена Советского Союза, ковер на стене – это символ эпохи. Для старшего поколения – показатель благополучия и благосостояния, для последующих поколений – уже повод для легкой иронии. Для самого младшего поколения этот образ уже практически утерян и вызовет, скорее всего, также недопонимание.

Отдельно следует выделить описание традиционных армянских *обычаев и обрядов*, которое становится неотъемлемой частью целого ряда произведений, придавая им аутентичность и одновременно национальный колорит.

В данном случае эффект, который достигается автором, не одинаков по отношению к российскому и армянскому читателю. Если для армянского читателя – это неотъемлемая часть его национальной идентичности, возможность глубже прочувствовать того иного персонажа или сюжетную линию, то для российского – это скорее возможность соприкоснуться с другой культурой, расширить границы своего познания.

Например, в автобиографичном рассказе «Неля» Наринэ Абгарян рассказывает о том, как она посвящала во все местные обычаи новую подругу, переехавшую в Берд из Уфы:

Я в долгу не оставалась – учила ее воровать из колхозного сада зеленый виноград, водила на развалины крепости и показывала, как правильно нужно есть цогол – незрелый абрикос. Под моим чутким руководством Неля научилась ловко отсыпать на ладошку горсть крупной соли, макать туда цогол и есть, похрумкивая на всю округу [Абгарян 2018, с. 290].

В данном отрывке можно рассмотреть ряд посылов, интерпретация которых зависит от знаний и опыта читателя как адресата. Если для армянского читателя это в первую очередь чувство ностальгии,

возможно, в сочетании с дополнительным ассоциативным рядом, то для российского данный отрывок несет принципиально новое знание, позволяющее глубже проникнуться духом армянской культуры, почувствовать во рту кислый вкус, от которого сводит *«не только скулы, но и все тело»*.

Принципиальным моментом здесь является то, что несовпадение когнитивной базы в паре «автор – читатель» не является критичным для адекватного понимания передаваемой информации, но влияет на конечный результат коммуникации в плане художественного восприятия текста.

Описание традиций неразрывно связано с использованием *традиционных армянских названий*. Так, из произведений Наринэ Юрьевны российский читатель узнает, что *женгял* – это разнотравье, которое собирают летом на самой макушке горы, а *женгялов хац* – лепешки с этой самой зеленью [Абгарян 2018, с. 325].

Система кулинарных образов в целом является важной составляющей любого лингвокультурного пространства и имеет очень богатый потенциал для создания национального колорита в художественном дискурсе.

В рассказе «Неисполнимое» мы встречаем очень подробное и красочное описание праздничного стола на Пасху:

Пасха в этом году поздняя, потому к праздничному столу будет все, что положено, – много разной зелени, редис, первые огурцы с грядки, молодой сыр, прошлогодняя зрелая брынза в сушеных горных травах, паштет из шпината и красной фасоли, отдающее пахтой сливочное масло, несладкая выпечка, специальная каша из дзавара – кашика, домашний сыровяленый окорок, лаваш, красное вино. И отварная рыба – неременное для пасхального стола блюдо [Абгарян 2018, с. 329].

В приведенном выше отрывке, как и во многих других произведениях автора, привлекает внимание проблема перевода традиционных армянских названий, которые присутствуют в русском тексте, на армянский язык.

Если в оригинальном русском тексте данные названия создают национальный колорит, придают произведению определенную эмоциональную окраску, при переводе на армянский эта важная стилистическая функция теряется. Достаточно оригинальный ход компенсации

этой потери предложила переводчица Нарине Гижларян, которая при переводе книги «Манюня» использовала в речи некоторых персонажей местный бердский диалект¹. За счет контраста между провинциальным диалектом, характерным для коренных жителей города, и литературным армянским языком удается частично компенсировать потери выразительности.

Особую роль для осуществления межкультурной коммуникации в произведениях автора играет такой феномен как *ретро-событие*. Под ретро-событием мы понимаем описание реальных, особенно трагических, событий, таких как война или землетрясение, которые позволяют читателю, далекому от истории и культуры страны, глубже понять психологию и философию народа, который прошел через подобные испытания. Такие описания не только порождают эффект сопереживания, душевной близости, но и играют важную просветительскую функцию. При этом важно отметить, что подобные описания «имеют синкретичную природу, будучи обусловлены не только индивидуальным, личным опытом, но и особенностями национальной картины мира, носителями и выразителями которой выступают авторы» [Коннова 2018, с. 40].

Так, в повести «С неба упали три яблока» автор описывает «страшное землетрясение, смывшее в бездну западное плечо Маниш-кара». Далее идет описание реакции местных жителей на это событие: «Уцелевшая часть деревни перенесла удар стихии мужественно и с достоинством. Люди отслужили заупокойные службы... и разошлись по домам» [Абгарян 2018, с. 21–22], после чего принялись восстанавливать свои дома, но никому даже мысли не пришло в голову переехать в более безопасное место.

Такое достаточно сдержанное, в чем-то лаконичное описание драматического события многое говорит о национальном характере: здесь и принятие неизбежного, и близость к природе и покорность ее силам, и верность корням, и нежелание перемен даже под страхом смерти.

В некоторых случаях автор прибегает к форме притчи для того, чтобы рассказать о реальных исторических событиях. Напомним, что притча – это один из древнейших жанров, в котором аккумулируются ценностные установки целого этноса. Таким образом, история органично

¹ Берд – небольшой город в Тавушском районе Армении, место рождения Н. Ю. Абгарян.

«вплетается» в нить основного повествования. Так, например, Наринэ Абгарян рассказывает историю своего родного города Берд:

У этого замка удивительная и очень грустная история. В X веке он принадлежал армянскому князю Цлику Амраму. И пошел князь войском на своего царя Ашота II Багратуни, потому что тот соблазнил его жену. Началась тяжелая междоусобная война, на долгие годы парализовавшая страну, которая и так была обескровлена набегами арабских завоевателей. А неверная и прекрасная княгиня, терзаемая угрызениями совести, повесилась в башне замка... Городок, выросший потом вокруг развалин, называли Берд. В переводе с армянского – крепость [Абгарян 2014].

Несмотря на то, что в повести «Манюня» действие разворачивается на территории небольшого поселка, ограничиваясь, фактически, территорией одного двора, ретро-событие позволяет автору воссоздать гораздо более широкую картину мира. Исторические отступления, в том числе приведенное выше, формируют тот самый фон, который делает роман больше, чем детской книжкой.

Использование *прецедентных ретро-единиц* для создания межкультурной коммуникации «автор – читатель» открывает сразу несколько направлений для исследования творчества Н. Ю. Абгарян. Прецедентные единицы, согласно определению Л. В. Моисеенко, «представляют результат интерактивного процесса между адресантом и адресатом, отражая взаимодействие их когнитивных систем» [Моисеенко 2015, с. 15]. По этой причине восприятие одного и того же прецедентного феномена представителями разных культур изначально не равнозначно. При этом определяющую роль играет характер самого прецедентного феномена: носит ли он универсальный, межкультурный или сугубо национальный характер.

Е. П. Иванян и П. С. Иванова исследуют прецедентные онимы в художественных текстах Н. Абгарян с точки зрения гендерной специфики, делая вывод, что прецедентные онимы в произведениях автора «в большей степени описывают качества героя», чем, например, его действия. [Иванян, Иванова 2017, с. 55]

В данном исследовании необходимо учитывать, что, аналогично ситуации с бытовой лексикой, многие прецедентные единицы, относящиеся к советскому периоду времени, могут быть отнесены к межкультурной категории, когда речь идет о странах постсоветского пространства.

Благодаря наличию такого общего лингвокультурного пространства, прецедентные ретро-единицы могут успешно использоваться в литературном дискурсе, в том числе, для создания или усиления комического эффекта.

В рассказе «Уроки вождения» автор рассказывает о своем опыте обучения вождению с инструктором:

Виктор Петрович глянул на меня искоса, смягчился.

– Ладно, давай машину заводить.

Несмотря на его терпеливые объяснения, ни с пятой, ни с десятой попытки завести машину мне не удалось.

– Неужели так трудно запомнить? – взрывался после каждого моего фиаско Виктор Петрович. – Поднимаешь ручник, надавливаешь на педаль сцепления и поворачиваешь ключ! Поняла?

– Ага, – кивала я точь-в-точь как девочка из мультика «Фильм-фильм-фильм» [Абгарян 2018, с. 280].

Отсылка к мультфильму, хорошо знакомому как российскому, так и армянскому читателю, отлично иллюстрирует рвение начинающей автомобилистки при общении с инструктором путем вербализации стандартной поведенческой ситуации.

В то же время для произведений Наринэ Юрьевны характерно активное использование типично национальных прецедентных единиц, использование которых в тексте дает российскому читателю в очередной раз прикоснуться к культуре и истории Армении, узнать о наиболее выдающихся ее деятелях.

Так, в рассказе «Папа-Песталоцци» Н. Абгарян знакомит читателя с выдающимся советским футболистом армянского происхождения *Никитой Симоняном*, в рассказе «Арамаисыч» с армянским поэтом и прозаиком *Егшише Чаренцем* и др. [Абгарян 2018].

Таким образом можно утверждать, что произведения автора способствуют формированию армянского «национально-культурного поля прецедентности» [Моисеенко 2015, с. 150], вовлекая в это поле не только армянского, но и российского читателя.

Заключение

Проведенное исследование позволяет сделать вывод, что ретро-компонент является неотъемлемой составляющей авторского стиля Н. Ю. Абгарян, способствуя установлению диалога между писателем

и читателем – представителями разных культур и популяризации культурно-исторического наследия армянского народа.

На основе анализа текстов можно выделить несколько типов вербализации ретро-компонента, характерных для произведений изучаемого автора. Среди них: бытовая зарисовка, национальные традиции и обычаи, ретро-событие и прецедентные единицы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Гусейнова И. А.* К вопросу о месте и роли феномена ретро в литературном дискурсе // *Миры литературного перевода* : в 2 т. Т. 2. Переводчик: тонкости ремесла: материалы тематических семинаров IV Международного конгресса переводчиков художественной литературы. М., 2018. С. 355–361.
- Иванян Е. П., Иванова П. С.* Персонасфера в сравнениях с прецедентными онимами в текстах произведений З. Прилепина и Н. Абгарян // *Экология языка и коммуникативная практика*. 2017. № 4. С. 46–58.
- Коннова М. Н.* Категоризация темпорального опыта в английском и русском языках : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Калининград : Балтийский фед. ун-т им. И. Канта, 2018. 50 с.
- Моисеенко Л. В.* Лингвокогнитивные основы теории прецедентности : дис. ... д-ра филол. наук. М., 2015. 404 с.
- Сидорова О. Г.* «Смеяться, право, не грешно...»: О комических романах мультикультурных авторов // *Филология и культура. Philology and culture*. 2015. № 2 (40). С. 245–251.
- Современный толковый словарь русского языка / гл. ред. С. А. Кузнецов.* М., 2004. 960 с.
- Ханукаева Р.* Интервью с лауреатом премии «Ясная поляна» [Электронный ресурс] // *Эксмо* : интернет-журнал. М., 2017. URL : eksmo.ru/interview/narine-abgaryan-kto-to-iz-kritikov-skazal-chto-ya-pishu-na-armyanskom-prosto-russkimi-slovami-ID5493583/
- Абгарян Н.* Все о Манюне. М. : АСТ, 2014. 861 с.
- Абгарян Н.* Зулали. М. : АСТ, 2018. 350 с.
- Абгарян Н.* С неба упали три яблока. М. : АСТ; 2018. 381 с.

УДК 80

Л. К. Салиева

кандидат филологических наук, доцент, кафедра международной коммуникации, факультет мировой политики, доцент, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, e-mail: liudmila.salieva@gmail.com

В. О. ПЕЛЕВИН И НОВОЯЗ МАСКУЛЬТА

В. О. Пелевин – признанный классик постмодернизма, причем не только в силу формальной принадлежности к литературе этого направления, но и в силу того, что его творчество в гротескной форме воспроизводит сущностный аспект эпохи постмодернизма, а именно – факт замещения культурно-исторического сознания набором символов той или иной маскультурной утопии. В настоящей статье рассматривается метод, при помощи которого писатель достигает указанного эффекта. Основой для практического анализа выступает роман «Generation “П”».

Ключевые слова: топос; концепт; массовая культура; Пелевин; постмодернизм.

L. K. Salieva

PhD (Philology), Assoc. Prof., Department of International Communication, Faculty of World Politics, Associate Professor, Lomonosov Moscow State University; e-mail: liudmila.salieva@gmail.com

PELEVIN AND THE NEWSPEAK OF MASS CULTURE

V. Pelevin is a recognized classic of postmodernism, not only because of the formal belonging to the literature of this direction, but also because his works provide a grotesque description of the essential aspect of the postmodernist era, namely the fact of replacing the cultural-historical consciousness with a set of symbols of one or another mass cultural utopia. This article discusses the method by which the writer achieves this effect. The basis for the practical analysis is the novel Generation “P”.

Key words: topos; concept; mass culture; Pelevin; postmodernism.

Введение

В. О. Пелевин – признанный классик постмодернизма, писатель, воплотивший и отразивший в своем творчестве ключевые тенденции информационного общества. Литературный критик Сергей Сиротин в статье «Виктор Пелевин: эволюция в постмодернизме» называет Пелевина одним из ведущих голосов современности [Сиротин 2012]. Современность же двулика. С одной стороны, это – общество знания, с другой – глобальная деревня, объединенная и управляемая массовой информацией и массовой и / или групповой культурой. Эти две

тенденции противонаправлены, поскольку первая нацелена на создание общества компетентных людей, а вторая продуцирует популяции людей, сознание которых ограничено символической структурой СМИ и массовой / групповой культуры [Салиева 2017]. Постмодернизм как мироощущение и практика порожден именно массовым аспектом информационного общества и является его частью, методом, а также реакцией на него. Что касается формирования сознания человека массового общества, то здесь определяющим фактором и механизмом является трансформация языка, его словесной, понятийной и образной структуры, и распространение нового языка посредством всех типов медиа. Этот факт был «запротоколирован» еще в 1949 г. Оруэллом в Приложении «О новоязе» к роману «1984» [Оруэлл: Джордж Оруэлл (1903–1950)].

Одним из основных механизмов изменения плана содержания языка является замена содержания базовых концептов культуры и тем самым создание новой ценностной системы. Эта технология может быть проиллюстрирована примерами из рекламы, которой принадлежит важная роль в формировании системы ценностей общества потребления. Как отмечает Г. Дебор, идет «непрерывная опиумная война, которая ведётся с целью уничтожить даже в мыслях людей различия между товарами и жизненными ценностями...» [Дебор: Открытый текст].

Как показано в статье Л. К. Салиевой, в рекламном слогане продукт становится предметным содержанием таких понятий, как личность, жизнь, истинность, жизненная сила, свобода, счастье, лучшее будущее, при этом положительная оценочная коннотация традиционного понятия сохраняется [Салиева 2015]. Например: «I am what I am. REE-BOK», «Life tastes good. COCA-COLA», «Pure Gold. Benson&Hedges Cigarettes», «Happiness is a cigar called Hamlet».

Механизм, при помощи которого происходит подмена понятия, состоит в том, что сначала формируется устойчивая ассоциация продукта и ценностной категории (базового концепта культуры), т. е. возникает новый культурный топос, а затем продукт становится содержанием данного концепта. Именно этот аспект современности и отобразился в творчестве В. Пелевина. Как отмечает литературный критик Сергей Сиротин, В. Пелевин в отличие от других писателей, демонстрирует несоциальную критику общества. «Вообще, лобовая

критика поздней советской действительности исходила из жажды свободы. Она карала преступления и скудоумие руководителей – и тем самым ориентировалась на социальные аспекты. Пелевин обратился к психическим основам, став проводником другой традиции, менее озабоченной социальным миром и куда больше – широкими основами действительности. <...> Это критика с более широких оснований, не нуждающаяся в обращении к, скажем, демократическим ценностям. Если здесь уместно говорить о цели, то ее цель в том, чтобы выявить фундаментальные культурологические мотивы» [Сиротин 2012].

О том, что романы Пелевина повествуют о тотальной капитуляции сознания перед очередной возникающей социальной утопией, пишут многие исследователи, но до сих пор никто не обратился к вопросу, какими средствами, как технически писатель достигает цели. Именно такую задачу мы ставим в настоящей статье. Метод исследования описан в статье Л. К. Салиевой «Концепты жизнь и смерть в художественной картине мира романа Владимира Набокова Дар» [Салиева 2018].

Топика и концептосфера романа В. Пелевина «Generation “П”»¹

Сюжетным стержнем романа является перерождение главного героя Вавилена Татарского из литератора в копирайтера и его профессиональный и карьерный рост в качестве работника СМИ. Этот процесс одновременно является постепенным обезличиванием героя, состоящем в вытеснении личности и образовании на ее месте identity (системы коммерческих символов), и в итоге превращением самого героя в коммерческий символ. Художественная действительность романа – плод игры авторского сознания наименованиями реально существующих торговых марок, именами реальных политических деятелей (и тех, и других он относит к категории рыночных продуктов), а также древними мифами и историческими фактами. Свое право на это автор объясняет тем, что все они – пустые формы, существующие в виртуальных мирах давным-давно запутавшегося в силках ложного слова человеческого ума. Свое значение эти формы обретают, только получив определенное идеологическое наполнение. Идеологию (т. е. то, что мотивирует поступки людей) в торгово-политическом

¹ [Пелевин 1999].

информационном пространстве, в котором разворачивается действие романа, устанавливает мамона – здесь символ поглощающей российской общество идеологии потребления. В романе проводится прямая параллель между идеологией потребления, превращающей человека в identity, и врагом человеческим.

Ведущая к гибели и человека, и мира ложность имен, замена культурно-исторически сформированного содержания концепта коммерческим символом, – главный лейтмотив романа. Все имена, создающее жизненное пространство героя, как в прошлом, так и в настоящем – ложные. Ложные, относительные и пустые, способные исчезать и превращаться во что угодно. Ложным является и собственное имя героя. Такое положение вещей воспринимается им как возможность ничем не ограниченной свободы манипулирования словом, как возможность создания собственных ложных имен. Однажды осознав этот факт, герой понимает и то, какую власть эти возможности дают человеку. В поисках власти и денег он, став работником СМИ, вступает на путь создателя ложных имен.

Имя героя, данное ему отцом-шестидесятником, – Вавилен – соединяет в себе имена Василия Аксенова и Владимира Ильича Ленина и является ложной мифологемой 1960-х гг. Стесняясь своего имени (и тем самым отвергая идеологию родителя), герой предпочитает называться просто Владимиром. Именно в этот период автор, подобно Диогену, отправившись искать человека на рынке, находит его в Вавилене Татарском, литераторе, мечтающем жить и трудиться для вечности. Но меняется эпоха, и меняется система символов, вечность исчезает и ее место занимает неопределенность, главной проблемой в которой является проблема выживания. Владимир вновь становится Вавиленом, однако теперь уже человеком с именем древнего города Вавилона, символа гордыни, желания власти, потери истинного языка, смешения языков, столпотворения народов. Все эти мотивы находят развитие в романе. Но главным становится авторский мифологический мотив Великой лотереи – игры без названия, состоящей в разгадывании трех рыночных загадок. Непременным условием игры является либо разгадывание загадок, либо смерть. Выигравший получает доступ на вавилонский зиккурат, взойдя на который он соединяется с золотым идолом богини Иштар и становится ее мужем (это символизирует овладение величайшим богатством и верховной властью, что в

данной системе означает величайшую мудрость). Таков и жизненный путь героя: ему удастся разгадать все загадки и подняться до уровня первого лица на телевидении – зиккурате общества потребления. На самом же деле этот путь наверх оказывается путем вниз – в подземную комнату в Останкино (аналог преисподней), где ничто, кроме денег, даже человеческая жизнь, не имеет значения.

Начало новой жизни для Вавилена ознаменовано исчезновением старой системы символов и появлением на ее месте чего-то, что еще не имеет названия: неопределенности, где все обо всем узнают по телевизору и из газет. Игра, в которую вступает герой, став в качестве копирайтера на первую ступеньку карьеры в СМИ – главной мифопорождающей машине общества потребления, не имеет названия. Слоган NO NAME сопровождает героя на всех этапах его карьеры и является указателем правильности направления. Отсутствие имени – это то же, что и ложное имя, т. е. сфера князя тьмы. Пройдя путь снизу доверху в структуре СМИ, герой осваивает цели и принципы работы этой структуры, цели и принципы создания ложных имен-символов.

В основе принципа создания ложных символов лежит принцип столпотворения, т. е. смешения всего: языков (прежде всего русского и английского), культур, религий, исторических фактов, персоналий и т. д. (здесь все без разбора: восточные символы, Латинская Америка с Че Геварой, русские березки и косоворотки, ковбои в джинсах, средневековая романтика, христианская символика и т. п.). Гигант рекламной мысли тот, кто может срифмовать штаны хоть с Шекспиром, хоть с русской историей. С эрой телевидения наступает эра смешения времен и пространств, в которой есть единственная мера – деньги, а все остальное – товар. Товаром становятся даже пространство и время (они сдаются и продаются). Символы, будучи вырванными из своей культурно-исторической парадигмы, лишаются своего истинного содержания, в результате чего открывается возможность толковать их на основе любых ассоциаций. Так, Вещий Олег, символизируя национальный характер, осмысливается как символ вещизма, и возникает слоган «Как ныне сбирается Вещий Олег в Царьград за вещами. На том стояла и стоит русская земля». Демократия (внутри корпоративной струны телевизионщиков) трактуется как демоверсия для ботвы. Ложные символы рождают и ложные стили. Возникают два основных стиля – западнический и ложнославянский. Суть западнического стиля в

пропаганде через пепси-колу победы нового над старым, победы всего «крутого» и способного двигаться напролом. Суть ложнославянского стиля – игра на чувстве обывательского патриотизма и приверженности «нашим» традициям, использующийся набор образов здесь примитивен: березки, церкви, колокола, красные рубахи навывпуск, бороды, сарафаны, подсолнухи, лузга и некоторые другие подобные.

В целом же всё разнородное и разнообразное множество рекламных образов создает один единственный образ – образ счастливого человека (причем счастливого примитивно – как правило, это телесный комфорт, «шкурная» безопасность). Реклама показывает людям других людей, которые сумели обмануться и найти счастье в обладании материальными благами. Она стремится убедить, что потребление рекламируемого товара ведет к высокому и благоприятному перерождению, причем не после смерти, а сразу же после акта потребления. «Пожевал «Дирол» – и вообще бог с белыми-белыми зубами» [Пелевин 1999, с. 163]. Условием достижения этого счастья являются деньги. Деньги – главная мифологема романа. Большинство остальных символов суть лишь контекстные метафоры денег.

Об устройстве общества потребления, которое всё более укрепляется в России, герой узнает следующее. Им правит паразитическое виртуальное надмирное существо – мамона. Паразитизм его состоит в том, что оно поглощает человека, вытесняя личность и заменяя ее набором идентификаторов, типа «я тот, который имеет...» и «я тот, который носит...» и т. п. Основным веществом, из которого состоит мир мамоны, являются деньги. Воздействует мамона на человека при помощи СМИ, в основном телевидения и рекламы. Работники СМИ являются, по сути, идеологическими работниками, пропагандистами и агитаторами. Их цель – перераспределить деньги так, чтобы максимум забрать себе. С этой целью копирайтеры мастерят для других (ботвы) фальшивую панораму жизни, они вторгаются в визуально-информационную среду и пытаются так изменить ее, чтобы чужая душа рассталась с деньгами. Панораме жизни соответствует целая система символов, содержанием которых являются деньги. Деньги – содержание всего. В этой системе всё, что составляет человека и его культуру является символом денег. То, что не может символизировать деньги, не имеет никакой ценности. В этом основа стиля жизни, поэтому в первую очередь СМИ стремятся создать эталонный имидж человека.

В результате, люди воспринимают друг друга как напичканный коммерческой рекламой клип. Из этого следует: для того, чтобы соответствовать и производить должное впечатление (впечатление человека с деньгами), они вынуждены либо покупать, либо брать напрокат одежду (клубные пиджаки, черные платья, голубые пыжиковые шапки, шикарные шубы), аксессуары (блокноты в кожаных обложках, папки с золотыми замочками, ручки zoom, часы Rolex, пейджеры, сотовые телефоны), автомобили, женщин – всё определенного класса. Иногда функцию способна выполнить и имитация. При этом есть класс очень богатых людей, которые могут себе позволить одеваться так, чтобы вызвать у партнеров ощущение, будто дела у них идут настолько хорошо, что им уже не надо заботиться о бизнесе и самое чудаковатое поведение не в состоянии причинить им никакого ущерба. Возникают и особые поведенческие привычки, подобные демонстрации сотовых телефонов или поведению на дорогах владельцев дорогих машин, которые также являются составной частью имиджа, но, кроме того, и средством самоутверждения и самоудовлетворения, и особенно за счет унижения других. Профессиональные интересы тоже сводятся к деньгам: космонавты летят не к звездам, а к баксам.

Развлечения и удовольствия, даже такие, как секс и наркотики, также в рамках этой системы. Секс в рекламе все чаще оказывается привлекательным только потому, что символизирует жизненную энергию, которая может быть транспонирована в деньги, а не наоборот. Нюхают отнюдь не кокаин – поддельный московский кокаин не способен доставить ни минуты удовольствия – а деньги (свернутая стодолларовая купюра, которой требует неписанный ритуал, – важнее порошка).

Понятие о счастье становится вполне определенным: «Вот лежит перед тобой жизнь, и можно пройти по ней вперед без оглядки, поставить на карту самого себя и выиграть, и промчаться на белом катере по ее морям, и пролететь на белом мерседесе по ее дорогам ... и дашь себе слово, что еще вырвешь зубами много-много денег у этой враждебной пустоты, и сметешь с пути, если надо любого» [Пелевин 1999, с. 179].

Знак равенства между счастьем и деньгами, рождает и такое понятие, как «инфляция счастья» (которое, по всей вероятности,

коррелирует с экономическим термином убывающей полезности). Прежнее удовлетворение от 100 граммов водки теперь возможно получить, только потратив 50 долларов, а то счастье, которое доставляло приобретение кроссовок при советской власти, может быть приравнено только к приобретению джипа или дома. За одни и те же объемы счастья приходится платить больше денег.

В том же духе и оценка достижений: иномарка – трофей, свидетельствующий о полной и окончательной победе над жизнью. «Не зря прошел через известно что, и жизнь удалась» [Пелевин 1999, с. 222]. Показателем уровня жизни является тип потребляемого напитка и женщин. Высшее достижение в этом смысле – текила и тысячедолларовая проститутка, которую в темноте не отличишь от Клаудии Шифер. Отдых – это обязательно золотой песок и пальмы.

Деньги являются также и значением слова «свобода». Копирайтеры так поворачивают реальность перед глазами *target people*, что свободу начинают символизировать то утюг, то прокладка с крылышками. За нее и платят. В результате все пытаются показать друг другу, что уже достигли свободы и «впаривают» [Пелевин 1999, с. 135] друг другу черные пальто, сотовые телефоны, кабриолеты с кожаными креслами... Кроме того, для обозначения денег персонажи используют слово «лэвз» – аббревиатура *liberal values*. Отношения людей строятся на том, что они позиционируют себя друг перед другом. Такие отношения называются PR. Культура и искусство также редуцируются к данной тематике. Центральный символ кино и литературы – черная сумка, набитая пачками стодолларовых купюр. Ее движение – сюжетообразующий мотив. Именно она генерирует эмоциональный интерес аудитории. Заменителями такой сумки могут выступать участвующие в фильме звезды, у которых она есть дома, или навязчивая реклама о бюджете фильма и его кассовых сборах. Самая актуальная тенденция в дизайне – монетаристский минимализм, когда вместо картин и скульптуры выставляются сертификаты, где указана цена и факт приобретения. Реклама тоже оказывается подверженной этой тенденции. Главное в ней – сколько денег заплатили. Отсюда, самая лучшая реклама та, когда все видят, что заказчик может в корзину бросить миллион долларов. Также обстоит дело и с идеологией. Русскую идею, над которой ломают голову, таксист формулирует так: «Мне бы на бензин заработать да

на хань, а там что Дудаев, что Мудаев, лишь бы лично меня мордой об стол не били» [Пелевин 1999, с. 178]. В устах бизнесмена она озвучивается следующим образом: «Мы у них на пансионе. Их фильмы смотрим, на их тачках ездим и даже хавку ихнюю едим. А сами производим только бабки, которые по всем понятиям также их доллары. За каждыми бабками стоит какая-то национальная идея. У нас раньше было православие, самодержавие и народность. Потом был этот коммунизм. А теперь, когда он кончился, никакой такой идеи вообще нет, кроме бабок. Но ведь не могут же за бабками стоять просто бабки?» [Пелевин 1999, с.175]. В романе возникает и идея о России как о Третьем Риме, и она тоже превращается в свой перевертыш – в Рим на Волге, царем которого становится Вавилен Татарский, т. е. в Вавилон на Волге. Все мы шумеры, как-то заключает про себя герой.

Заключение

Роман «Generation “П”» написан о 1990-х, но его метафора до сих остается актуальной. Общество потребления, в котором деньги – «четвертое измерение» [Пелевин 1999, с. 131], топос, общее место коммуникаций, смысл и содержание всех базовых концептов, – реальность современного мира.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Дебор Г. Э. Общество Спектакля [Электронный ресурс] // Открытый текст: [сайт]. URL : www.opentextnn.ru/man/?id=4991 (дата обращения: 23.11.2018).
- Оруэлл Дж. 1984. Приложение «О новоязе» [Электронный ресурс] // Джордж Оруэлл (1903–1950): [сайт]. URL : orwell.ru/library/novels/1984/russian/ru_arr (дата обращения: 23.11.2018).
- Пелевин В. GENERATION “П”. М. : ВАГРИУС, 1999. 302 с.
- Салиева Л. К. Современный дискурс сквозь призму текстов М. Бахтина [Электронный ресурс] // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2015. Вып. 6 (717). С. 521–532. (Языкознание). URL : libranet.linguanet.ru/prk/Vest/Vest15-717z.pdf (дата обращения: 02.02.2019).
- Салиева Л. К. Риторическая компетентность как базовая цель образования в эпоху информационной диктатуры // Alma mater. Вестник высшей школы. 2017. № 8. С. 93–96.

Салиева Л. К. Концепты жизнь и смерть в художественной картине мира романа Владимира Набокова Дар [Электронный ресурс] // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2018. № 9 (801). С. 292–303. URL : libranet.linguanet.ru/prk/Vest/9_801.pdf (дата обращения: 02.02.2019).

Сиротин С. Виктор Пелевин: эволюция в постмодернизме // Урал. 2012. №3 [Электронный ресурс] // Журнальный зал: [сайт]. URL : magazines.russ.ru/ural/2012/3/ss11.html (дата обращения: 23.11.2018).

УДК 82

И. С. Тиболов

аспирант, старший преподаватель каф. русской и зарубежной литературы Юго-Осетинского государственного университета им. А. А. Тиболова, г. Цхинвал, Республика Южная Осетия; e-mail: tibilov.inal@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ ПРОЗЫ СЕКА ГАДИЕВА В ОСЕТИНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Статья посвящена особенностям прозы Сека Гадиева. Жанр рассказа был хорошо известен основоположнику осетинской прозы в большей степени по грузинской литературе, которую он прекрасно знал и по которой учился искусству слова. Учитывая, что именно С. Гадиев впервые применил термин *æмдзæвгæ* (стихотворение) в осетинской литературе, он также мог подобрать аналогичное понятие и к термину «рассказ». Тем не менее он обозначил свои прозаические произведения фольклорным термином *таураг*. Прозаические произведения С. Гадиева, не являющиеся литературными рассказами в традиционном понимании, есть переход от фольклора к литературе. В таком аспекте можно утверждать, что проза С. Гадиева относится к литературному жанру *таураг*. При этом необходимо различать фольклорный жанр *таураг*, который не применим к творчеству С. Гадиева, и литературный жанр *таураг*, который является переходным от устного рассказа к литературному. Проведенное исследование дает возможность проанализировать особенности прозы Сека Гадиева и подтвердить, что он является не только основоположником осетинской прозы, но и основателем литературного жанра *таураг*. Результаты исследования могут быть использованы при изучении истории осетинской литературы, а также творчества Сека Гадиева.

Ключевые слова: осетинская литература; литературоведение; фольклор; проза; рассказ; таураг; жанр; герой; событие; художественный прием; Сека Гадиев; гуманизм; основоположник.

I. S. Tibilov

Postgraduate Student, Senior Lecturer, the Department of Russian and Foreign Literature, A. A. Tibilov South Ossetian State University, Tskhinvali, the Republic of South Ossetia; e-mail: tibilov.inal@mail.ru

CHARACTERISTIC FEATURES OF SEKA GADIYEV'S PROSE IN OSSETIAN LITERATURE

The article is devoted to characteristic features of Seca Gadiyev's prose. The founder of Ossetian prose was quite familiar with the genre of short story, mostly through Georgian literature which he knew very well and which helped him to learn the art of word. Given that S. Gadiyev was the first to apply the term *æmдzævгæ* (a poem) in Ossetian literature, he might as well have chosen a concept similar to the

term *taurag*. But he used the folk term *taurag* for his prose. Prose works by S. Gadiyev are not traditional short stories; they are a transitional form from folklore to literature. That is why the literary genre of *taurag* refers to the prose by S. Gadiyev. One should distinguish between the folklore genre of *taurag* which is not applicable to works by S. Gadiyev, and the literary genre of *taurag* which is a transition from the oral narrative to the short story. This study makes it possible for characteristic features of the prose by Seca Gadiyev to be analyzed and confirms that he is not only the founder of Ossetian prose, but the founder of the literary genre of *taurag*. The results of the study may be used in studying the history of Ossetian literature and works by Seca Gadiyev.

Key words: Ossetian literature; literature; folklore; prose; story; *taurag*; genre; character; event; art reception; Seca Gadiev; humanism; founder.

В становлении прозы в осетинской литературе огромная роль принадлежит Сека Гадиеву, чье творчество пришлось на конец XIX – начало XX вв.

Сека Гадиев по праву считается зачинателем литературной прозы, хотя в его творчестве важное значение имеет и поэзия. Но он был философом и историком в прозе, публицистом и певцом, передающим в своем творчестве горестную судьбу осетинского народа, его протест против всякого насилия над человеческой личностью, его этику и эстетику.

Мудрость С. Гадиева шла от народа, его философия – это философия осетинского эпоса и афористического творчества – пословиц и поговорок, его историзм – это народная точка зрения на важнейшие события прошлого [Салагаева 1984, с. 19].

В связи с тем, что большинство произведений Сека Гадиева не датировано, трудно проследить эволюцию его творчества. Но, как утверждает Н. Г. Джусойты, «смена устойчивых настроений, направленности мысли, поэтической интонации дает нам порой верный путь к определению наиболее важных этапов в творчестве писателя. Подойдя к произведениям Сека, включенным в сборник «Осетинский пастух», именно с этой точки зрения, мы убеждаемся, что в них многое писалось под влиянием предреволюционных настроений народа. Наряду с тоскливыми мыслями и унылыми настроениями в книге порой мелькают настроения, озаренные надеждой на скорое освобождение» [Джусойты 1985, с. 16–17].

Если поэтические произведения Сека Гадиева не претендуют на первенство – до него вышли поэтические сборники А. Кубалова, К. Хетагурова и Б. Гуржибеева, то своими прозаическими

произведениями он проторил дорогу в прозу. О значении прозы Сека Гадиева можно выразиться словами И. В. Мамиевой: «Мы можем сказать, что Сека является тем прозаиком, которому удалось, опираясь на национальные традиции, проторить новую дорогу рядом с той, по которой прошел в свое время Инал Кануков, опиравшийся на достижения русской прозы»

Прозаические произведения Сека Гадиева группируются в несколько тематических циклов. Это прежде всего цикл рассказов об историческом прошлом, о жизни патриархально-феодального мира («Азау», «Залда», «Арагвинский алдар Эристав Нугзар», «Брат и сестра», «Садулла и Манидза», «Дыса», «Мать и сын», «Сафиат», «Женщина в трауре» и «Цыппу Кудский»). Правда, эти произведения только условно можно отнести к жанру рассказа. Это, строго говоря, не рассказы, а таураги по жанровой принадлежности.

Вторым по обширности и историко-литературной значимости является цикл произведений о современной писателю действительности. Это бытовые картины, драматические сценки, аллегорические притчи и пейзажные зарисовки, близкие к стихам в прозе: «Два соседа», «Сон», «Парламент зверей», «Тигр, волк, звери и скот», «Волк, старшина скота», «Гадалка Госама», «Воры поневоле», «Лекса и Карасе», «Весна в Осетии», «Лето в Осетии», «Осень в Осетии», «Зима в Осетии», «Ластока» и «Человек или зверь».

Третий цикл прозаических произведений Сека Гадиева – народные сказки и предания. Авторское вмешательство в эти произведения незначительно и носит чисто стилистический характер, но отбор произведений для пересказа явно говорит о том, какие мотивы в народном творчестве привлекали симпатии Сека. Сюжеты этих произведений («Правдоискатель», «Чертова узда», «Уастырджи и три брата», «Хаджи Лиса», «Афсати», «Как богатство вызывает гордыню», «Куртатинский лгун» и «Куртатинские пастухи») общеизвестны, но они органически входят в творчество писателя, всецело связанного с фольклором.

Четвертый цикл произведений состоит из двух легенд об исторических деятелях, о царице Тамаре и ее муже Давиде Сослане, из рассказа об экономическом упадке Грузии в период нашествия ирано-персидских завоевателей и из драматической сцены о нападении легендарного осетинского военного вождя Ос-багатара на стан грузинского царя [Джусойты 1985, с. 69].

Произведения Сека Гадиева во многом способствовали обогащению и развитию осетинской литературы. Его творчество немислимо без осетинского народного творчества. Фольклор и народная жизнь – это та стихия, которая породила Сека Гадиева. В его прозе мы ясно различаем такие художественные особенности нартских сказаний, как простая, но емкая композиция, несложный синтаксис, лаконичный, выразительный диалог, динамичность действия, яркое содержательное описание.

Как правило, повествование в рассказах С. Гадиева преобладает над описанием, автор больше рассказывает о событиях, о своих героях, чем показывает их в художественно-описательных картинах. Характер героя чаще всего раскрывается в авторском повествовании. Излюбленный прием писателя – рассказать историю жизни своих героев (рассказы «Вдова в трауре», «Мать и сын», «Садулла и Манидза» и др.). При этом автор нередко вводит в фабулу основного повествования еще побочный рассказ или эпизод, который способствует раскрытию авторской идеи. Так, в фабулу рассказа «Садулла и Манидза» включен эпизод, рассказанный одной из героинь. Этот эпизод мог бы стать самостоятельным рассказом, но автор использует его здесь, чтобы показать, к каким трагическим последствиям приводит выдача девушки замуж за нелюбимого человека [Ардасенов 1959, с. 199].

Вместе с тем все творчество С. Гадиева тесно связано с фольклором. «С традициями фольклора тесно связан весь образный мир Сека Гадиева, склад его мышления как художника» [Мамиева 2008, с. 226].

З. М. Салагаева, посвятившая фундаментальное исследование творчеству Сека Гадиева, считала, что своим творчеством писатель выразил эпоху от фольклора к письменной литературе в осетинской прозе. В то же время она отмечает, что по характеру своего дарования Сека Гадиев тяготел к большим жанрам прозы – повести и роману. Отсюда специфика жанров его произведений, специфика, ставящая в недоумение исследователей его творчества, как только они начинают применять к жанру всех прозаических произведений писателя мерилу рассказа в современном значении этого слова [Мамиева 2008, с. 235–236].

Тесная связь творчества Сека Гадиева с осетинским фольклором исследована, в основном, в трудах Н. Г. Джусойты и З. М. Салагаевой.

Прозаические произведения Сека Гадиева Нафи Джусойты называет литературными *таурагами*, выделяя тем самым *таураг* из фольклора.

З. М. Салагаева замечает, что, чувствуя, что у Сека Гадиева не рассказы в обычном смысле этого слова, Н. Г. Джусойты пишет: «...то представляют собой рассказы Сека в жанровом отношении, что это – рассказы или таураги, как мы утверждаем, и если таураги, то каковы их жанровые особенности». Но всё, что говорит Нафи Джусойты о таураге, имеет отношение не только или не столько к Сека Гадиеву, а к историческим фольклорным произведениям. И повествование о конкретных исторических лицах и достоверных фактах, и определенность времени и места (географическая приуроченность), и народная точка зрения на исторические события (здесь «повествователь выступает в качестве мыслителя и судьи»), и «стремительность развертывания действия», и «общие типические места», и традиционные формулы (у Нафи Джусойты «условность повествования») – всё это характерно (в разной мере) и для осетинских исторических песен и преданий, и, например, для русских исторических песен и преданий об Иване Грозном, о Степане Разине, о Емельяне Пугачеве и др. Это то, что отличает историческую песню от эпоса, в частности в осетинском фольклоре – от нартовского эпоса, в русском – от былин. И если ограничить жанр прозаических произведений Сека Гадиева таурагами, т. е. сказаниями, то здесь речь будет идти лишь о сказителе, о народном певце, не поднявшемся до уровня писателя-профессионала. Джусойты Н.Г. делает оговорку: «Прежде всего надо иметь в виду, что Сека, говоря фигурально, не «писал», а рассказывал. А рассказывал он людям ближайшего окружения, родичам, людям одной с ним общины» [Мамиева 2008, с. 236].

Вместе с тем Абаев В. И. в своей статье, посвященной творчеству Сека Гадиева, сравнивает его со сказителем Леваном Бегизовым: «Сека – это такой же народный рассказчик, как Леван, но овладевший грамотой настолько, что мог сам записывать свои устные рассказы» [Абаев 1990, с. 570].

Но Салагаева З. М. не согласна и с В. И. Абаевым, считая, что Сека Гадиев как писатель «вышел за рамки фольклора, что это представитель литературы письменной, чье творчество – достижение таланта индивидуального и поэтому не исчерпывается стихией фольклора» [Мамиева 2008, с. 234].

В 1966 г. вышла книга Корзуна В. Б. «Литература горских народов Северного Кавказа», в которой Сека Гадиев рассматривается как один из ярких представителей критического реализма в осетинской литературе. Соглашаясь с Нафи Джусойты в том, что основные особенности творчества Сека Гадиева связаны «с восприятием традиций фольклора», В. Б. Корзун указывает и на традиции письменной литературы в его прозе, а *таураг*, рассматриваемый Н. Джусойты, он воспринимает как особый жанр, присущий только Сека Гадиеву, но в его истинном значении – как специфически фольклорный термин [Епхиты 1955, с. 102].

Солидарна с З. М. Салагаевой и И. В. Мамиева: «Сека Гадиев является обладателем яркого и самобытного таланта, который одним из первых сделал первый шаг от фольклора к письменной форме искусства слова. Если мы проанализируем с этой точки зрения его произведения, то лучше осознаем индивидуальнопрофессиональные особенности писателя, которые отличают его от фольклорного сказителя (элементы литературного психологизма, умение показывать неразрывную связь жизни конкретных людей со значимыми социальными явлениями), и что связывает все эти явления. Прикрываясь коллективным мнением, Сека старается донести до читателя свои идеалы, свое мировоззрение. Каноны устного творчества нарушаются в его творчестве и при построении сюжета. Благодаря «публицистическим вставкам», встречающимся в его творчестве, время и пространство повествования выходят за рамки действия героя. Таким образом рушится то, что мы называем «эпической дистанцией» (связь между сюжетом и временем повествования). У автора есть свой взгляд на исторические события, в этом проявляются как сильные, так и слабые стороны его мировоззрения» [Корзун 1966, с. 21–22].

З. М. Салагаева, соглашаясь с тем, что у Сека Гадиева нет рассказа в традиционном понимании, в то же время утверждает, что у него нет и таурага в специфически фольклорном значении этого слова. «Сека Гадиев не удовлетворяется в своем творчестве таурагом – фольклорным жанром – прежде всего потому, что содержание его произведений – обостренная социальная борьба в Осетии XVIII–XIX вв., усугубленная распадом родовых общин, крупные исторические события, имевшие решающее значение в жизни народа, например присоединение Осетии к России, частная жизнь героев, реальная, повседневная,

проблема любви, большие страсти, сильные характеры – все это не могла вмещать уже фольклорная форма» [Мамиева 2008, с. 237].

Однако, увлекшись доказательством неправоты Н. Джусойты, З. М. Салагаева не замечает, что Н. Джусойты говорит не о фольклорном жанре *таураг*, а о литературном *таураге*, который является переходным от фольклора к литературе, хотя о переходности фольклора к литературе говорит и сама З. М. Салагаева. То, что *таураг*, присущий Сека Гадиеву, тесно связан с фольклором, но приобретает и литературные формы в произведениях Сека Гадиева, наглядно демонстрирует сравнительный анализ творчества А. Казбеги и С. Гадиева [Джусойты 1985, с. 89–92].

Таким образом, прозаическим произведениям Сека Гадиева характерен именно жанр *таурага*, и, конечно же, не его фольклорная форма, а литературная.

Особенность *таурагов* Сека Гадиева – синкретизм и ориентация на устную (разговорную) речь. Синкретизм находит выражение в соединении дидактико-публицистического и художественного начал, элементов поэтики разных жанров: фольклорных, газетных и литературных. Синкретизм просматривается и на уровне темы, событий, ситуаций, эпизодов, который лежит в основе рассказа, а также в системе изобразительно-выразительных средств, принципов и приемов построения художественной формы. Писатель обращается к фольклору не столько с целью найти для своего рассказа сюжет, сколько для усиления выразительности своих мыслей.

С. Гадиев часто прибегает к народным пословицам и поговоркам. Их использование бывает продиктовано не столько усилением эстетики художественного описания событий, сколько более кратким выражением своего отношения. Так, например, при описании сцены, в которой жители Гудского ущелья по наущению алдара напали на таких же бедных и угнетенных, как и они сами («Арагуыйы Ерыстау аелдар Нугзар»), с помощью пословицы «Сноп горел, а свясло смеялось над ним» («*Куырис сыгъдис, аеме йыл баеттаен худтис*») автор старается донести до читателя мысль, что того, кто идет на поводу у натравливающего, постигает участь жертвы.

Именно из-за своеобразного симбиоза фольклорного и литературного жанров, не соответствующего сложившимся в русской литературе того времени традициям, на основе которого впоследствии учились

последующие осетинские писатели-прозаики, отрицали, что именно Сека Гадиев является основоположником осетинской прозы, называя его, вслед за Цомаком Гадиевым, писателем-самоучкой. Так, на основании того, что Сека Гадиев не получил традиционного образования, выучившись грамоте во время работы псаломщиком, Татари Епхиве сделал вывод, что он не мог заложить основу осетинской прозы, так как писатель-самоучка не знал приемов и законов художественной литературы, а его произведения считал талантливой обработкой фольклорных произведений [Джусойты 1985, с. 21].

При оценке произведений Сека Гадиева необходимо прежде всего исходить из творческого пути, пройденного писателем. Если Коста Хетагуров тесно соприкасался с русской литературной традицией, то Сека Гадиев, не владевший русским языком, оказался под сильным влиянием грузинской литературной традиции. Он оказался под сильным влиянием творчества Александра Казбеги, для которого было характерно изображение сильных страстей, героических характеров, острота сюжетов. В то же время Сека Гадиев следовал за А. Казбеги не слепо, а выработав свой особый мир художественных образов и свой почерк.

Все исследователи по теории литературы сходятся во мнении, что художественному слову предшествовал фольклор. Несомненно, проза Сека Гадиева тоже «выросла» из фольклора и в какой-то степени является переходной формой от фольклора к художественной литературе. Однако «переходность» не может являться препятствием для причисления прозы Сека Гадиева к художественной литературе.

От *таурагов* народного сказителя проза С. Гадиева отличается прежде всего элементами литературного психологизма, художественным историзмом, «привязкой» социальных явлений к жизни конкретного человека. «Для произведений С. Гадиева характерно сочетание героического и повседневного, романтического и сатирического. В них нет фантастических ситуаций и образов, сюжет и конфликты не берутся готовыми из фольклора, а представляют собой результат наблюдений автора над жизнью и плод его вымысла, что является важным обретением романа» [Мамиева 2008, с. 238–239]. Поэтому нам кажется справедливым высказывание исследователя творчества С. Гадиева Мамиевой И. В., утверждающей, что «Сека Гадиев является обладателем яркого и самобытного таланта, проделавшего первые шаги от фольклора к письменной форме искусства слова» [Корзун 1966, с. 21].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Абаев В. И.* Слово о Сека Гадиеве // Абаев В. И. Избранные труды: Религия. Фольклор. Литература. Т. 1. Владикавказ, 1990. С. 567–572.
- Ардасенов Х. Н.* Очерк развития осетинской литературы. Дооктябрьский период. Орджоникидзе, 1959. 284 с.
- Джусойты Н. Г.* История осетинской литературы. Кн. 2 (1902–1917). Тбилиси, 1985. 272 с.
- Епхиты Т.А.* Коцойты Арсен. Орджоникидзе, 1955. 190 с.
- Корзун В. Б.* Литература горских народов Северного Кавказа: (дооктябрьский период). Грозный, 1966. 132 с.
- Мамиева И. В.* В поисках слова: Автор и герой: динамика взаимоотношений, Владикавказ, 2008. 368 с.
- Салагаева З. М.* От Нузальской надписи к роману: Проблемы генезиса и становления осетинской прозы. Орджоникидзе, Ир, 1984. 312 с.
- Салагаева З. М.* Четыре этюда об осетинской прозе. Орджоникидзе : Ир, 1970. 242 с.

С. Н. Шевченко

кандидат филологических наук;
Белгородский государственный национальный исследовательский университет; Институт межкультурной коммуникации и международных отношений; e-mail: floradale@mail.ru

ЭМОЦИОНАЛЬНОЕ МИРООЩУЩЕНИЕ УИЛЬЯМА КАЛЛЕНА БРАЙАНТА СКВОЗЬ ПРИЗМУ ЕГО ПОЭТИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ

Статья посвящена описанию методики выявления транслируемых через поэтические тексты доминантных эмоций и настроений, характерных для чувственного мировосприятия американского поэта-романтика XIX в. Уильяма Каллена Брайанта. Исследуемый пласт смыслового содержания лирики автора вносит вклад в изучение особенностей его идиостиля и личностных смыслов. В статью поднимается проблема сложности кодировки субъективного эмоционального мироощущения в языковых знаках. Научные изыскания проводятся на стыке литературоведения, корпусной лингвистики и психологии. В статье дается определение эмоциям как форме выражения мироощущения, кратко описываются некоторые классификации языковых эмотивов. Поэтические переживания У. К. Брайанта исследуются, прежде всего, на уровне эксплицитно выраженных эмоций с использованием корпусного подхода, основанного на частотных показателях, что позволяет выявить преобладающие настроения поэтических произведений. Проводится сравнение между частотностью положительно окрашенных и негативно окрашенных эмотивов, прямо называющих переживания. В поле зрения попадает также лексика, выражающая ощущения, связанные с эмоциональной оценкой окружающей действительности. Описаны некоторые морфологические и синтаксические эмотивные средства поэта. В части исследования контекстно обусловленных коннотаций и эмосем изучается частотность эмоционально положительного / негативного употребления некоторых междометий и лексемы снег. Отмечается, что эмоциональное мироощущение в творчестве автора также выражается имплицитно через иносказательность и аллегории. Чаще такой способ используются для вербализации философских чувств и переживаний. Описываются характерные для поэта философские чувства, связанные с опытом переживания явлений окружающей действительности.

Ключевые слова: У. К. Брайант; идиостиль; мироощущение; эмотив; эмотивная коннотация; эмосема; эмотема; философское чувство.

S. N. Shevchenko

PhD (Philology); Belgorod National Research University;
Institute of Cross-cultural Communications and International Relations;
e-mail: floradale@mail.ru

**WILLIAM CULLEN BRYANT'S SENSUAL WORLD PERCEPTION
THROUGH THE PRISM OF HIS POETIC TEXTS**

The article describes methods that serve to reveal the dominant emotions and moods typical of the 19th century as they are presented in works by American romantic poet William Cullen Bryant whose perception is transmitted through his poetic texts. The studied semantic content of the poet's works contributes to understanding the distinctive features of his idiostyle and individual perception. The article deals with the problem of complexity of encoding subjective sensual world perception in linguistic signs. This scientific research is carried out at the junction of literary criticism, corpus linguistics and psychology. The article gives a definition to emotions expressing the uniqueness of personal world perception; it briefly describes some classifications of language emotives. W.C. Bryant's poetic feelings are investigated in the first place at the level of explicitly expressed emotions; in this case a corpus-based approach helps to calculate frequency indices, which makes it possible to reveal the prevailing moods. Frequencies of positive and negative emotives that directly designate feelings are compared. Vocabulary associated with emotional assessment of the world around comes into consideration as well. Some morphological and syntactic emotive means used by the poet are also described. As for studying context-based connotations and emotive semes the frequencies of emotionally positive/negative usage of certain interjections and the lexeme snow are studied. At the same time the author's works express implicitly his sensual world perception through allegory and other stylistic means. They help to verbalize complex philosophical feelings and moods. Some philosophical senses typical for Bryant are revealed and described.

Key words: W. C. Bryant; idiostyle; sensual world perception; emotive; emotive connotation; emotive seme; emotive theme; philosophical feeling.

Введение

Отличительными особенностями художественных и в том числе поэтических произведений является их когнитивно-смысловая многоплановость и синтетичность, при которых наряду с кодированием в текстах фактической информации важное место отводится выражению субъективных чувственных переживаний писателя. В лирической, романтической поэзии они часто играют ведущую роль. Поэзия, будучи по своей природе музыкальной, основана на квинтэссенции и трансляции эмоций, переживаний, настроений; в ней находят

отражение эмоциональные оценки и отношения к разворачиваемым художественным образам и концептуальным идеям. В литературоведении исследование специфики эмоционального мироощущения как неотъемлемой части анализа идиостиля и инвариантных смыслов писателя затруднено по причине недискретности самих эмоций, их субъективности, иррациональности и градуальности. Тем не менее эмоциональное мироощущение поэта относится к числу ключевых компонентов текстового содержания, поэтому изучение данного пласта содержания представляется существенным, если мы хотим наиболее полно вскрыть особенности идиостиля автора.

Несмотря на то, что Уильям Каллен Брайант (1794–1878) является яркой фигурой, внесшей вклад в развитие американского романтизма, а его богатое поэтическое наследие оказало огромное влияние на мировую литературу, стилистические особенности его творчества все еще исследованы не в полной мере. И хотя в разное время к изучению произведений писателя обращались Гербель Н. В. (1875), Елистратова А. А. (1947), Сергеев А. Я. (1970), Дьяконова Н. Я. (1975), Кириченко О. М. (1982), Юрьева Л. П. (1982), Ханжина Е. П. (1984), особенности эмоционального мироощущения поэта всесторонне не раскрыты и не описаны; не определены доминантные эмоции и настроения поэтических текстов. Возможно, причина данного пробела кроется в общелингвистической проблеме, связанной со сложностями вербализации эмоций и настроений.

Исследование

Эмоция в языке как результат мироощущения

Эмоции связываются с субъективными психологическими состояниями как непосредственными переживаниями и ощущениями, возникшими от соприкосновения человека с окружающей действительностью: «Эмоции являются специфической формой человеческого отношения к миру» [Маслова 2011, с. 255].

Проблема понимания природы эмоций и проблема их классификации однозначно не решены в психологии, а в языкознании нет единого взгляда на специфику их лингвистической интерпретации. Если Декарт насчитывал шесть основных слов, использующихся для обозначения эмоций (*радость, печаль, удивление, желание, любовь, ненависть*) [Декарт 1989, с. 501], то К. Изард расширил этот список,

добавив к ним *интерес, отвращение, страх, стыд* и др. [Изард 1999, с. 102]. В настоящее время составляются различные словари эмоций, которые насчитывают более двухсот эмотивов – слов, номинирующих данные психические процессы. Психологи описывают до 500 эмоций. Однако к поэтическим эмоциям и эмотивам относится лишь некоторая часть выделяемых в психологии и лингвистике переживаний. Часто они ограничиваются *печалью, радостью, любовью, надеждой*, выражаемых в разной степени.

Существуют различные подходы к классификации эмоций как в психологии, так и у лингвистов. Например, А. Вежицкая выделяет положительные эмоции; негативные; эмоции, связанные с выражением гнева в отношении других людей; позитивные эмоции по отношению к людям [Вежицкая 1996, с. 241]. Другой подход основывается на классификации эмоций и слов-эмотивов в зависимости от принадлежности эмоции, ее направленности и цели. В этом случае выделяются типы эмоций и эмотивных лексем: со значением эмоционального состояния (*sorrow / печаль*); со значением эмоционального отношения (*love / любовь*); со значением эмоционального воздействия (глаголы и междометия); со значением эмоциональной характеристики (*glorious / великопный*); связанные с внешним выражением эмоционального отношения (*smile / улыбка, weep / плакать*); связанные с прецедентными эмоциональными ситуациями (*feast / праздник, death / смерть*).

Существующие классификации не являются универсальными и совершенными, не всегда удается однозначно отнести эмотив к тому или иному типу, переживания не всегда прямо реализуются и объективируются в конвенциональных внешних проявлениях, номинация которых иногда рассматривается как языковая реализация эмоций, однако «все существующие классификации эмоций являются взаимодополняемыми» [Шаховский 2007, с. 90]. Для лингвиста первоочередную важность представляют способы их вербализации в речи, языковые механизмы их объективации. В. И. Шаховский отмечает, что «категория эмотивности представлена во всех языках на всех уровнях его системы и предстает в фонетическом, лексическом, фразеологическом, словообразовательном, морфологическом, синтаксическом, стилистическом, сверхфразовом, текстовом, гипер-, мега-, межтекстовом статусах» [Шаховский 2004, с. 8].

Эксплицитно выраженные эмоции в поэзии У.К. Брайанта

Эмоциональное мироощущение может выражаться в языке прямо (эксплицитно), косвенно и неявно (имплицитно). Исследование эксплицитно выраженного отношения к миру основывается на частотном анализе слов-эмотивов в словаре поэта. Список лексем, прямо номинирующих человеческие переживания, насчитывает более пятидесяти единиц в словаре У. К. Брайанта. Они достаточно легко классифицируются на положительные и негативные. В числовом выражении количество слов, передающих позитивные и негативные эмоции практически одинаково: 25 и 29 соответственно. Тем не менее частота обращения к синонимическому ряду с эмоциональным значением *радость* значительно выше, чем к синонимическому ряду с эмоциональным значением *грусть*, о чем свидетельствуют нижеприводимые цифры:

- *gay** 29, *glad** 39, *joy** 29, *cheer** 18, *happ** 22, *merr** 17, *delight** 12, *mirth** 7 = 173
- *sad** 29, *grief(f/v)** 29, *sorrow** 22, *melancholy** 7, *despair** 3, *drear** 5, *anguish* 1, *afflicted* 2 = 98

Полученные частотные данные показывают, что упоминание поэтом радостных эмоций происходит почти в два раза чаще, чем упоминание печальных. На основе этого можно сделать вывод о том, что У. К. Брайанту не свойствен пессимизм, трагическое мироощущение, наоборот, его произведения пронизаны оптимистическим взглядом на окружающую действительность, в явлениях мира он склонен искать позитивные моменты и переживать их. В пользу данного вывода свидетельствуют и другие факты, основанные на количественных измерениях, например, слово *life* / *жизнь* упоминается поэтом 99 раз, в то время как слово *death* / *смерть* только 52 раза. До некоторой степени показательно сопоставление частот в синонимических рядах *страх* и *надежда* / *покой*, которое свидетельствует о преобладании в мироощущении умиротворенности и веры в лучшее:

- *fear** 41, *horror** 9, *awe** 9, *afraid* 5, *fright** 7 = 71
- *hope** 23, *calm** 36, *peace** 33, *believe* 2, *trust** 11 = 105

Метод подсчета частотности хотя и достаточно информативный, однако его нельзя считать абсолютно объективным. Во-первых,

тактика исследования основана на работе с корнем слова, в то время как присоединение к нему отрицательного суффикса или использование в контексте отрицательных частиц способно поменять значение на противоположное. Во-вторых, в синонимическом ряду могут присутствовать лексемы схожих эмоций, но проявленных с разной силой и градацией (*joy* и *delight* (*радость* и *восторг*), *sorrow* и *grief* (*печаль* и *горе*)), факт, который сложно учитывать в ходе частотного анализа. Всё это может, хотя и незначительно, повлиять на общую картину, выраженную в количественных показателях.

Помимо прямой номинации самих чувств и эмоций эксплицитному выражению подвержены также эмоции, характеризующие явления и предметы окружающей действительности. В их число входят эстетические чувства, оценочные эпитеты. Частотный анализ для данного вида лексем не проводился ввиду, во-первых, большого их разнообразия, во-вторых, явного преобладания светлых эмоциональных красок. Постигаемый У. К. Брайантом и отражаемый в его произведениях мир прекрасен и совершенен, отсюда широкое использование таких лексем, как, например: *sweet* / *приятный, сладостный*; *lovely* / *прелестный*; *beautiful – startlingly beautiful – ever beautiful* / *поразительно, бесконечно красивый*; *such charm* / *такое очарование*. Поэт широко использует эмоционально-оценочные эпитеты, передающие эстетические чувства возвышенного и величественного: *gorgeous* / *великолепный*, *glorious* / *славный*, *magnificent* / *величественный*, *fair* / *прекрасный* и др.

Прямо указывать на эмоции способны некоторые морфологические средства английского языка, к которым прибегает поэт. Здесь можно отметить использование суффикса превосходных степеней прилагательных (*fairest* / *красивейший*; *sweetest* / *приятнейший*; *tenderest, gentlest* / *нежнейший*; *loveliest* / *прелестнейший*; *softest* / *нежнейший*) и уменьшительно-ласкательных суффиксов (*hillocks* / *пригорки*, *rivulets* / *речки*, *streamlets* / *ручейки*).

Стилистические средства усиления экспрессии связаны с использованием возможностей синтаксиса. В основном, это повторы (*far, far below thee*) – реализуется чувство безграничности пространства; лексическая избыточность с использованием близких по смыслу слов (*waning moon, all pale and dim* / *убывающий месяц, весь бледный и тусклый*); семантический плеоназм (*fervent heat* / *горячая жара*), добавление определения к эмотиву, увеличивающего экспрессию: *mortal*

fear / смертельный страх; добавление эмотивного определения к самому эмотиву: *bitter scorn* / злое презрение.

Постоянно (системно) реализуемая эмотивная коннотация также относится к средствам, эксплицитно передающим эмоции. Она содержится в устаревших словах и поэтизмах – маркерах возвышенных чувств, языковых средствах, создающих особую атмосферу лиричности. В стихотворениях У. К. Брайанта обнаруживаются поэтизмы: *nigh* (близко), *ere* (до, перед), *vale* (долина), *firmitment* (небосвод), *beauteous* (прекрасный), *gale* (ветерок), *lea* (луг), *torn* (утро), *midst* (между), *oft* (часто), *chant* (пение), *waft* (навевать), *glen* (долина), *rill* (ручеек), *behold* (видеть, смотреть), *haunt* (являться), *hoary* (древний). К устаревшим словам, которые используются в стихотворениях, относятся: *yon*, *methinks*, *olden time*, *brethren*; а также большой набор вспомогательных глаголов, например: *art*, *dost*, *didst*, *wert* и др., характерные поэтические местоимения: *thee*, *thy*, *thou*, *ye*, *thine*.

Косвенно выражаемые эмоции и настроения

Языковые единицы и языковые конструкции, эмотивный потенциал которых раскрывается только в определенных контекстах, относятся к средствам, косвенно выражающим переживания. Б. И. Додонов замечает, что «в разговорной практике мы часто пользуемся одним и тем же словом для обозначения разных переживаний, так что их действительный характер становится ясным только из контекста. В то же время одна и та же эмоция может обозначаться разными словами» [Додонов 1975, с. 23]. Более того, «окончательный вывод о характере выражаемой эмоции можно сделать только в конкретной ситуации, в связи с чем возможен вывод о дискурсивном характере эмоции» [Шаховский 2008, с. 131].

В этом случае показателен анализ эмотивных составляющих используемых поэтом междометий, которые относятся к словам с открытой семантикой, чье актуальное значение реализуется в определенной речевой ситуации. Были проанализированы случаи употребления некоторых междометий. За небольшим исключением удалось выделить качественную характеристику их эмоционального содержания. Так, поэтическое междометие *lo* в девяти случаях (75%) несет в себе положительные эмоции, и только в трех случаях (25%) – негативные. Еще более позитивным с точки зрения выражаемых эмоций выглядит

междометие *ay*: обнаружены восемь случаев (88 %) вербализации с его помощью светлых переживаний, и только один случай (12 %) – печальных. Что касается междометия *oh*, то показатели здесь распределены следующим образом: 25 словоупотреблений (62 %) актуализируют эмоционально-позитивный семантический потенциал данного слова и только 15 словоупотреблений (38 %) – эмоционально-негативный. Несколько выбивается из общей картины эмотивно-семантическое контекстно обусловленное содержание междометия *ah*, где положительные и негативные эмоции распределены почти в равных долях с небольшим перевесом в сторону негативных: 9+11 (45 % и 55 %). Проведенный анализ эмотивной семантики междометий вносит вклад в выявление преобладающей тональности переживаний поэта. Его итоги еще раз подтверждают, что светлые краски доминируют в мироощущении У. К. Брайанта.

Переменная эмотивная коннотация присутствует в семантике большинства слов языка, являясь отражением сформированных ассоциаций в результате жизненного опыта и прецедентных ситуаций. В творчестве поэта слова с положительной эмоциональной ассоциативной коннотацией значительно преобладают над словами с негативной:

- положительную имеют: *golden, birds, home, stars, sunny, hills, brook, dew, springs, fountains, flowers, sunshine, mother, care, dance, welcome, heart, music, fame, freedom, proud, holy, virtue* и др.;
- негативная обнаруживается у: *desert, frost, foe, war, toil, scarce, wolf* и др.

Несмотря на некоторую универсальность эмоционального отношения к явлениям мира, коннотативные ассоциации могут значительно варьировать в разных речевых ситуациях. Например, *summer / лето*, не будучи эмотивом, сопровождается в большинстве случаев ассоциируемой с ним положительной эмоцией (радостью), но, тем не менее, в наследии У. К. Брайанта обнаруживается и негативное отношение к данному сезону, когда оно связывается с удушающей жарой (в стихотворении *Midsummer*).

Описываемый тип эмоциональных коннотаций перекликается с понятием эмосемы, предложенным в работах В. И. Шаховского: «Это специфический вид сем, соотносимых с эмоциями говорящего и представленных в семантике слова как совокупность семантического

признака «эмоция» и семных конкретизаторов ..., список которых открыт...» [Шаховский 2008, с. 29].

Показательна в этом плане эмотивная семантика слова *snow*, которая может указывать как на положительные, так и на негативные переживания. Актуализация эмоций происходит именно в тексте. В приводимых ниже отрывках из стихотворений *A Winter Piece* и *November* данное слово имеет разнонаправленную эмотивную коннотацию.

1. A WINTER PIECE

...when the clouds, from their still skirts,
Had shaken down on earth the *feathery snow*,
And *all was white*. ...
But Winter has yet *brighter scenes*

2. NOVEMBER

Yet one smile more, departing, distant sun!
One mellow smile through the soft vapoury air,
Ere, o'er the frozen earth, the loud winds ran,
Or *snows* are sifted o'er the meadows bare.

В первом случае снег вызывает приятные эмоции (пушистый, всё становится белым, смысл стихотворения – в показе красоты природы, «ярких сцен»); во втором – эмоции печальные, снег соседствует с голыми лугами, завывающими ветрами, замерзшей землей, а человеку очень хочется, чтобы солнце продолжало согревать его своей улыбкой (эмоции усилены восклицательным знаком в первой строчке – синтаксический прием).

В исследовании были проанализированы все случаи употребления поэтом слова *snow* с целью выявления эмоционального к нему отношения. В восьми случаях данное природное явление воспринимается У. К. Брайантом с радостью и в стольких же случаях (восьми) – негативно. Употребления рассматриваемого слова в переносных значениях анализировались отдельно, здесь положительные эмоции актуализируются чаще: четыре случая из пяти.

***ИмPLICITно выражаемые эмотемы, философские концепты
и настроения***

Наибольшую трудность и вместе с тем интерес для лингвистики представляет изучение имPLICITно выраженных эмоций и чувств как

сложных комплексов эмоций, при этом язык прямо их не называет и не описывает. В этом случае автор прибегает к различным стилистическим приемам, таким как иносказательность, аллегория, метафора. Они выступают в роли сложных символических знаков. В наследии У. К. Брайанта обнаруживаются отрывки стихотворений, где, например, эмоциональные переживания передаются посредством персонализации: порывы ветра – это авторский сложный символический знак, означающий вздохи человека, подверженного горестным переживаниям (*The West Wind*); одиноко и смело цветущая накануне зимы горечавка является символом надежды и оптимизма человека перед лицом неминуемой смерти (*To The Fringed Gentian*). В этих случаях в контексте мы не обнаруживаем эмотивной лексики, хотя стихотворения наполнены глубокими переживаниями. В стихотворных произведениях можно выделить эмотему, функционирующую как «отрезок текста (от слова до всего текста), смысл которого или форма выражения содержания являются источником эмоционального воздействия» [Болотов 1981, с. 18]. Одна или несколько эмотем могут представлять собой «инварианты личностных смыслов», «смысловые универсалии», «доминантные смыслы концептуальной системы индивида» [Пищальникова 2018, с. 285].

В творчестве У. К. Брайанта обнаруживаются целые законченные стихотворные произведения, в которых смысл, в том числе эмоциональный, выражается с помощью стилистических аллегорий. Показательно в этом плане стихотворение *To a Waterfowl*. Эмоциональные переживания поэта сводятся к ощущению и переживанию присутствия в нашей жизни высших сил (Бога) и надежды на «правильность» и гармоничность мироустройства, что в конечном итоге обуславливает веру в благоприятный исход событий и, в конце концов, счастье. Но автор прямо не называет и не описывает ни свои эмоции, ни переживаемые концептуальные представления. Путь одиноко летящей перелетной птицы – это аллегорическое обозначение индивидуального жизненного пути человека, порой тернистого; факторы, помогающие птице наверняка добраться до места зимней миграции – иносказательное обозначение помощи высших сил человеку, сопутствующих ему в его жизни.

Имплицитное выражение эмоций в текстах У. К. Брайанта происходит также через метафору. Например, *солнце* означает 'счастье',

ночь – ‘печаль’. В этом смысле Ю. Д. Апресян замечает: «Важный аспект концептуализации эмоциональных отношений к идее света. В целом положительные эмоции (любовь, радость, счастье и др.) светлые, отрицательные (ненависть, тоска, гнев, страх) темные» [Апресян 1995, с. 52]. В качестве подтверждения этого вывода можно привести строчки из стихотворения У. К. Брайанта (Blessed Are They That Mourn):

There is a day of sunny rest / (счастье)
For every dark and troubled night; / (печаль, горе)

Эмоциональные концепты часто сложны и передают не столько простые эмоции, сколько чувства, которые имеют не временный, а постоянный характер и возникают в связи с познанием и переживанием фундаментальных основ бытия. Это философские чувства, раскрывающие отношение человека к жизни и мирозданию в целом.

По мировоззрению У. К. Брайанта в их число входят вышеупомянутые религиозные чувства, надежда и вера на лучшее и оптимизм. Радость, разлитая в бытии, имплицитно выражается с помощью описания того, как природа улыбается, смеется, танцует; ощущение текучести времени опосредованно раскрывается через тему осени (October), убывающего месяца (The Waning Moon). Однако чувство конечности жизни не страшит поэта, оно соседствует с чувством реальности иного бытия.

Что касается имплицитно передаваемых настроений, то здесь следует отметить, что поэтическая и философская меланхолия мало характерна для творчества поэта. Элегические и трагические настроения хотя и обнаруживаются в его стихотворениях, но редки. Большинство произведений наполнены радостью и светом, поэт делится с читателем своим ощущением счастья жизни, счастья созерцания красоты, разлитой в окружающем мире.

Заключение

«Ткань» стихотворений У. К. Брайанта окрашена богатой палитрой разнообразных эмоций, чувств и настроений. Эмоциональные переживания играют важную роль в духовной и творческой жизни поэта. Отражаясь в языке и индивидуальном словаре, они дают читателям представление об особенностях видения мира писателем,

о переживаниях, возникших в связи с услышанным и постигнутым в окружающем мире. Они – результат формирования субъективного отношения к явлениям окружающей действительности и мироздания в целом, оценки места человека в мире.

Методика выделения и анализа доминантных эмоций и настроений в поэзии У. К. Брайанта как репрезентантов особенностей его мироощущения базируется на различных тактиках. Она включает в себя работу с: 1) эксплицитно выражаемыми эмоциями в языке; 2) контекстно обусловленными эмотивами и 3) имплицитными эмотемами и переживаниями. Эмотивны практически все уровни языка поэта, но наиболее явно переживания проявлены на лексическом, стилистическом и текстовом уровнях.

Эксплицитно эмоции выражаются преимущественно в словах-эмотивах, которые либо прямо называют эмоции, либо транслируют эмоциональные оценки различных сторон мира. Для определения доминантных характеристик эмоционального мироощущения поэта используются элементы количественного анализа, основанные на выявлении частотности. В силу того, что эмотивы с позитивной характеристикой в целом преобладают в творчестве У. К. Брайанта, можно сделать вывод о том, что мир предстает для поэта в большой степени как источник света, радости и счастья.

Анализ контекстно обусловленных эмотивов, которые проявляются в ходе специфической активации переменной эмосемы в речевой среде, также свидетельствуют о том, что поэт оптимистично смотрит на окружающий его мир. Это подтверждают, в частности, результаты частотного анализа эмоциональных тональностей, которыми окрашены контексты использования автором междометий.

Исследование скрытых имплицитных переживаний и эмоций связано с выявлением иносказательности, аллегорий и персонификаций, где чувства прямо не называются, но подразумеваются. К непрямой номинации поэт часто прибегает при выражении глубоких философских переживаний, связанных, в частности, с ощущением беспрестанно и бесповоротно текущего времени; с религиозными чувствами и ощущением присутствия Высшего начала (Бога) в мире; с переживанием бренности мира и вечности бытия; с радостью мира, порой доходящей до степени эйфории; с переживанием восторга, вызванного осознанием совершенства и гармонии, присущих миру и отраженных

в природе. Большое значение для мировосприятия У.К. Брайанта играет чувство надежды: хотя поэту не чуждо элегическое трагическое восприятие мира, ощущение от предвидения счастливого и гармоничного конца не покидает его и проходит сквозь его творчество красной нитью.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Апресян Ю. Д.* Лексическая семантика (синонимические средства языка) // Избранные труды. Т. 1. М.: Языки русской культуры ; «Восточная литература» РАН, 1995. 472 с.
- Болотов В. И.* Эмоциональность текста в аспектах языковой и неязыковой вариативности. Основы эмотивной стилистики текста. Ташкент : Фан, 1981. 116 с.
- Вежбицкая А.* Язык. Культура. Познание. М. : Русские словари, 1996. 416 с.
- Декарт Р.* Страсти души: Соч. : в 2 т. М., 1989. Т. 1. С. 481–572.
- Додонов Б. И.* Классификация эмоций при исследовании эмоциональной напряженности личности // Вопросы психологии. 1975. № 6. С. 21–33.
- Изард К.* Психология эмоций (пер. с англ). СПб. : Питер, 1999. 464 с.
- Маслова В. А.* Введение в когнитивную лингвистику. М. : Флинта : Наука, 2011. 293 с.
- Пищальникова В. А.* Понимание художественного текста как междисциплинарная проблема [Электронный ресурс] // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2018. Вып. 9 (801). С. 275–291. URL : libranet.linguanet.ru/prk/Vest/9_801.pdf
- Шаховский В. И.* Полистатусная репрезентация категории эмотивности в языке // Композиционная семантика : материалы III Междунар. школы-семинара по когнитивной лингвистике. Тамбов, 2002. С. 8-10.
- Шаховский В. И.* Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка. М. : ЛКИ, 2007. 206 с.
- Шаховский В. И.* Лингвистическая теория эмоций : монография. М. : Гнозис, 2008. 416 с.

УДК 81'23

Л. О. Бутакова, С. Ю. Вязигина

Бутакова Л. О., доктор филологических наук, профессор;
заведующая кафедрой русского языка, славянского и классического языкознания,
Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского;
e-mail: larisabut@rambler.ru

Вязигина С. Ю., преподаватель кафедры иностранных языков,
Омский государственный технический университет;
e-mail: viazigina_s@mail.ru

ЦЕННОСТНЫЕ ОРИЕНТАЦИИ РУССКИХ КАК АКЦИОЛОГИЧЕСКИЙ КОМПОНЕНТ ЯЗЫКОВОГО СОЗНАНИЯ: ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ

С целью определения ценностных ориентаций как наиболее устойчивых категорий, связанных с базовыми человеческими ценностями, был проведен массовый ассоциативный эксперимент с русскоязычной группой испытуемых, представленной студентами технического университета. В ходе исследования испытуемым был предложен список слов-стимулов, состоящий из шести смысловых групп. Первая группа была представлена словами, являющимися компонентами ядра ментального лексикона, выделенного А. А. Залевской. Вторая группа состояла из слов, представляющих базовые человеческие ценности согласно результатам исследований, проводимых Всероссийским центром изучения общественного мнения. Третья группа была представлена словами-интернационализмами, относительно недавно вошедшими в состав русского литературного языка. Четвертая группа была образована словами, обозначающими общие понятия, с которыми реципиенты сталкиваются каждый день. Пятая и шестая группы состояли из русских и американских реалий, этнически окрашенных слов для носителей американской и русской культур.

На каждый стимул необходимо было отреагировать с помощью языковых единиц, описывающих возникающие в сознании реципиентов образы. Для описания возникшей ассоциации испытуемые не были ограничены рамками определенного грамматического класса. В сумме все полученные на каждый стимул реакции ранжировались по степени частотности и, таким образом, позволили сконструировать ассоциативное поле каждого стимула, являющееся отражением сознания данной группы.

На основании частотности повторения сгруппированных по семантическому принципу реакций, повторяющихся в большинстве стимулов, были выделены

ключевые концепты системы ценностей русской группы реципиентов: «Успех», «Оптимизм», «Патриотизм», «Семья», «Законопослушность», «Космизм».

Ключевые слова: ассоциативный эксперимент, ценность, ценностная ориентация.

L. O. Butakova, S. J. Vyazigina

Butakova L. O., Doctor of Philological Sciences, Professor,
Head of Russian Language, Slavic and Classical Linguistics Department,
Omsk Dostoevsky State University; e-mail: larisabut@rambler.ru

Vyazigina S. J., Lecturer of foreign language department;
Omsk State Technical University; e-mail: viazigina_s@mail.ru

RUSSIAN CULTURAL VALUES AS AN AXIOLOGICAL COMPONENT OF LANGUAGE CONSCIOUSNESS: AN EXPERIMENTAL STUDY

The article describes a large-scale association experiment that was held in order to determine cultural values of Russians. Cultural values are regarded as invariable categories associated with basic human values. As part of the study the volunteers were given a list of word stimuli consisting of six semantic groups.

The first group was represented by words, which are – according to A. A. Zalevskaya – the core components of the mental lexicon. The second group consisted of words representing the basic human values, according to research conducted by Russian Public Opinion Research Center. The third group was represented by international words. The fourth group comprised words denoting general concepts. The fifth and sixth groups consisted of Russian and American culture-bound terms.

The recipients were asked to react to each stimulus with words that correlate with the images in their minds. The volunteers were not restricted by a particular grammatical class. Verbal reactions to each stimulus were classified according to the degree of frequency, and associative fields that correspond with each stimulus and reflect the ethnic consciousness of each group were constructed.

The reactions were grouped by semantic principle with the key concepts of the Russian ethnic group being: “Success,” “Optimism,” “Patriotism,” “Family,” “Law abidance,” “Cosmism”.

Key words: association experiment; value; value system.

Введение

Категория «ценность» является ключевым понятием ряда наук, таких как философия, психология, педагогика и т. д. Содержание данного понятия характеризуется признаками, свойственными всем формам общественного сознания, такими как значимость, нормативность,

полезность, необходимость, целесообразность. С одной стороны, понятие «ценность» связано со способностью каких-либо предметов, явлений и их свойств удовлетворять потребности общества, а с другой – ценность представляет собой суждение, связанное с оценкой данного предмета или явления обществом [Кириякова 1996, с. 7].

Исследование ценностей в психолингвистике неразрывно связано с изучением закономерностей функционирования языкового сознания индивида, отражения этнокультурных особенностей социума и позволяет «найти объяснения и оценки социальных и ментальных процессов в их языковом проявлении» [Самойлова 2011, с. 3]. Понятие «ценность» как явление, существующее в культуре и образующее социальную жизнь общества, отличается от понятия «ценностные ориентации», которое выражает субъективное отношение к тем или иным ценностям, т. е. отражает направленность личности на определенные цели [Пахомова 2011, с. 121].

В рамках нашего исследования наибольший интерес представляют ценностные ориентации как наиболее устойчивые категории, связанные с базовыми человеческими ценностями. Анализ указанных категорий в результате психолингвистического описания вербальной репрезентации системы ценностных ориентаций группы позволит выявить отношение русской группы испытуемых к окружающей действительности.

В научной литературе представлены различные точки зрения относительно определения понятия ценностных ориентаций [Shalom H. Schwartz 2006, с. 3]. Так как нас интересует прежде всего мотивационная составляющая, т. е. способность ценностных ориентаций влиять на речевое и неречевое поведение индивида, мы придерживаемся трактовки данного понятия как относительно устойчивой, социально обусловленной направленности личности на те или иные цели, имеющие для нее важное значение, которое выражается в виде каких-либо личностных качеств, образцов поведения и является относительно независимым от наличных ситуаций [Пахомова 2011, с. 121].

Ценности формируются и трансформируются в процессе исторического развития общества, представляя для каждой исторической эпохи определенный набор и иерархию. Таким образом, сложившаяся в данный период времени система ценностей способствует становлению ценностных ориентаций всего общества в целом и каждой

отдельной личности, в частности, отражаясь в сознании людей, поскольку именно сознание человека как высшая форма отражения действительности определяется теми общественно выработанными представлениями, понятиями и идеями, которые усвоены человеком в процессе жизнедеятельности.

Процедура и методы исследования

Цель исследования – выявление ценностных ориентаций, отраженных в сознании русской группы испытуемых, с помощью анализа вербальных ассоциаций.

Методологические основания: психолингвистический подход к исследованию сознания, базирующийся на представлениях русской психолингвистической школы об ассоциации и ассоциативном значении слова [Залевская 2007, с. 164]. В связи с этим для выявления ценностных ориентиров представителей русской группы реципиентов нами был применен метод массового ассоциативного эксперимента с дальнейшим построением на основе его результатов ассоциативно-вербальной сети. Ассоциация рассматривалась нами как связь между определенными субъектами или явлениями, основанными на персональном опыте индивида, совпадающем с опытом той культуры, к которой принадлежит данный индивид. Построенное по результатам эксперимента ассоциативное поле каждого стимула интерпретировалось как фрагмент вербальной памяти человека, а также фрагмент образа мира представителей данного этноса, отраженного в сознании носителя данной культуры, его оценок, понятий, а следовательно, и ценностных ориентиров. Выявленная в результате такого эксперимента специфика образов сознания данной группы реципиентов, принадлежащих к определенной культуре, представляет собой некую систему базовых компонентов образа мира, определяющую и характеризующую поведение представителей данной этнолингвокультуры и отличающую ее от других этносов [Claire Kramsch 1998, с. 17].

Представленный в статье анализ ассоциативного эксперимента является частью масштабного сопоставительного (русскоязычного и англоязычного) исследования, целью которого было установление ценностных областей, актуальных для русской и американской групп испытуемых.

Ход эксперимента. В ходе массового свободного ассоциативного эксперимента испытуемым был предложен список слов-стимулов, на которые необходимо было отреагировать с помощью языковых единиц, описывающих возникающие в их сознании образы. В данном исследовании для описания возникшей ассоциации испытуемые не были ограничены рамками определенного грамматического класса. В сумме все полученные на каждый стимул реакции ранжировались по степени частотности и, таким образом, позволили сконструировать ассоциативное поле каждого стимула, являющееся отражением сознания реципиентов данной этнической группы.

Перед проведением эксперимента реципиенты заполняли анкету, в которой требовалось указать пол, возраст и родной язык, далее следовала инструкция к выполнению задания и 30 слов-стимулов.

По предварительному анализу анкет в эксперименте приняли участие 328 человек (206 мужчин и 122 женщины). Все участники эксперимента были студентами I и II курса технического университета г. Омска. Из полученных 307 анкет для дальнейшего анализа было отобрано 280 анкет, в которых родным языком был указан русский.

Данный эксперимент является базовым этапом исследования, целью которого было сопоставить ценностное восприятие окружающего мира двух групп испытуемых (студенты Омского технического университета и студенты университета штата Огайо (University of Cincinnati, College of Business)) через анализ результатов ассоциативных экспериментов, проведенных с указанными группами. В связи с этим список стимулов, состоящий из 30 слов, составлялся с учетом этнической принадлежности указанных языковых групп испытуемых и был предложен каждой группе на родном языке.

Так, в первые две группы слов вошли понятия, представляющие определенную важность для каждой из исследуемых групп. Первая группа состояла из слов: *я, человек, думать, хороший, плохой*, являющихся компонентами ядра ментального лексикона, выделенного А. А. Залевской в результате исследований, проведенных на материале The Associative Thesaurus of English [Залевская 1981, с. 28]. Из всех 75 выделенных исследователем реакций нами были выбраны пять вызванных наибольшим количеством стимулов, а значит, представляющих собой наибольшее значение для реципиентов англоговорящей группы. Вторая группа состояла из слов: *дом, семья, работа*,

время, деньги, представляющих базовые человеческие ценности, согласно результатам исследований, проведенных в 2014–2015 гг. Всероссийским центром изучения общественного мнения. Так, в рамках указанного исследования на вопрос «Какие сферы жизни для вас важны?» 98% респондентов ответили «дом, семья»; 84 % – «время, деньги», 82 % – «работа» [Семья и дружба: wciom.ru/index.php?id=236&uid=13608].

В третью группу вошли интернационализмы: *революция, президент, бизнесмен, Интернет, конституция* – слова, совпадающие в разных языках по своей внешней форме и полностью или частично схожие по смыслу. Включение в эксперимент данной группы слов обусловлено усиливающимся за последние десятилетия процессом глобализации, отразившимся на лексическом составе русского и английского языков. Предполагается, что изменение языка, способное повлечь за собой трансформацию сознания носителей данного языка, также способствует изменению ценностных ориентаций представителей данной группы.

Четвертая группа была сформирована из слов: *документы, транспорт, путешествие, наука, одежда*. Данные слова представляют собой социально значимые для современного человека лексемы, представляющие собой общие понятия, названия классов или множеств предметов. Исследование их ассоциативного восприятия продемонстрирует в том числе и восприятие частных составляющих данных понятий. Использование данных слов в ассоциативном эксперименте, на наш взгляд, предоставляет возможность максимально широко охватить ценностные ориентации носителей языка.

Пятая и шестая группы также были включены в стимульный список с учетом последующего этапа исследования, целью которого было сопоставить результаты двух ассоциативных экспериментов, проведенных с русской и американской группами. Данные кластеры были представлены этноориентированными словами, имеющими специфическую культурно-историческую окраску для обеих групп испытуемых. Кластер русских реалий включал слова: *винегрет, балалайка, матрешка, блины, самовар*. Кластер американских реалий был представлен словами: *уик-энд, хот-дог, маффин, виски, эль*.

Экспериментальное исследование проводилось в ноябре 2015 – феврале 2016 гг.

Анализ результатов эксперимента

В результате проведенного эксперимента были получены ассоциативные поля (далее – АП), в каждом из которых были обнаружены ассоциаты, находящиеся между собой в отношении смысловой близости. Данные феномены были объединены в семантические группы в пределах каждого ассоциативного поля. Например, одна из выделенных семантических групп в ассоциативном поле стимула «Я» была представлена реакциями, называющими различные профессии: *дизайнер* (1), *моряк* (1), *специалист* (1), *художник* (1), *танцор* (1), *инженер* (1) и т. д.

При сопоставлении всех семантических групп, полученных от всех ассоциативных полей, было обнаружено, что некоторые группы, принадлежащие разным стимулам, совпали по своему смысловому и лексическому наполнению. В результате объединения данных групп было получено семь основных кластеров, каждому из которых было присвоено соответствующее их лексическому наполнению название:

1. Успешность (2 515 реакций; 30 % от общего числа реакций).
2. Оптимизм (1 965 реакций; 23,4 %).
3. Патриотизм (597; 7 %).
4. Семья (358; 4 %).
5. Законопослушность (217; 2,6 %).
6. Космизм (94; 1,2 %).

Отличие в количестве реакций, входящих в каждый кластер, можно трактовать как показатель важности данной категории для реципиента.

Поскольку результаты ассоциативного эксперимента в виде ассоциативных полей рассматриваются как фрагмент образа мира представителей конкретного этноса как носителя определенной культуры и культурных ценностей [Уфимцева 2009, с. 98], представляется возможным трактовать полученные семантические группы как вербализованные ценностные ориентации русской группы реципиентов.

Так, наибольшее количество реакций содержит ценностная категория «Успех», в которую вошли 2 515 реакций. В процентном эквиваленте относительно общей суммы реакций, число которых – 8 400, данный объем соответствует 26,4 %.

Наименьшее количество реакций содержит семантическая группа «Космизм», содержащая всего 94 реакции, что составляет 1,2 % от общего числа реакций.

Таким образом, в результате объединения близких по своему смысловому наполнению групп были получены ценностные ориентации, свойственные русской группе испытуемых.

1. Ценностная категория «Успех»

1.1. Финансовая независимость

Ассоциативные поля многих стимулов содержат в себе реакции, одинаково репрезентирующие образ успешного человека. В наибольшей степени данный образ проявился в стимуле «Бизнесмен». Так, успешный человек, с точки зрения русской группы испытуемых, – это в первую очередь финансово состоявшийся человек. Об этом свидетельствует наиболее частотная реакция «Деньги» (36), входящая в ядро ассоциативного поля данного стимула, а также образующие семантическую группу смежные по значению реакции «богатый» (15), «успешный» (9), «олигарх» (4), «богач» (3) и т. д. Успешными людьми, по мнению русских реципиентов, являются: «Абрамович» (7), «Прохоров» (2), «Билл Гейтс» (1), «Миллер» (1), «Стив Джобс» (1). Некоторые из указанных реакций вошли в ядро ассоциативного поля данного стимула. Данные реакции были выделены в группу персонифицированных реакций.

1.2. Трудолюбие

Финансовая независимость во многом определяется профессиональными качествами. Работа играет важную роль в жизни реципиентов русской этногруппы и рассматривается современными русскими в первую очередь с точки зрения финансовой привлекательности. Так, реакции «работа» (16), «труд» (4), «зарабатывать» (2), «зарплата» (2), «очень много» (2), «капитал» (1), «получать» (1), «доход» (1) и т. д. являются составляющими ядра ассоциативного поля стимула «Деньги».

Ассоциативное поле стимула «Работа» содержит в качестве наиболее частотной реакции «Деньги» (62). Входящие в данную группу реакции определяют прагматический подход к выбору работы, нежели духовный: «заработок» (13), «карьера» (10), «высокооплачиваемая» (6) и т. д. Ценностный подход к восприятию стимула «Работа» во многом определяется серьезностью отношения со стороны русской группы, на что указывают реакции «серьезная» (2), «ответственная» (2), «жизненно важно» (1) и т. д.

Однако стремление много зарабатывать вступает в конфронтацию с тягой русских к веселью и развлечениям. Характеризующие это качество реакции входят в состав стимула «Время»: «удовольствие» (3), «развлечение» (2) и т. д. Глобальная сеть Интернет также служит русским в первую очередь как площадка, предлагающая различные виды развлечений: «веселье» (6), «игра» (4), «развлечение» (2) и т. д. Возможность работы в Интернете выражена единичной реакцией в этом поле – «работа» (1). Главный закон страны, Конституция РФ, ассоциируется с праздничным днем и официальным выходным в календаре – «выходной в ее день» (6).

1.3. Авантюризм

Однако работа не является единственным способом получения денег. Авантюризм, свойственный русским, готовность рисковать ради получения прибыли прослеживаются на примере ассоциативного поля стимула «Деньги», соотносящегося с нелегальным способом заработка: «риск» (2), «приключения» (1), «наручники» (1), «фишки» (1) и т. д.

Ассоциативное поле стимула «Путешествие» включает реакции, подтверждающие авантюризм, свойственный русской этнической группе: «приключения» (15), «захватывающее» (3), «авантюра» (1) и т. д.

1.4. Интеллектуальные особенности. Образование

Успешность во многом определяется интеллектуальным развитием индивида и уровнем его образования. В ассоциативных полях стимулов «Думать» и «Человек» находится множество реакций, характеризующих особенности мышления русского человека и его интеллектуальные способности: «мыслить» (10), «анализировать» (2), «логично» (2), «считать» (2) и т. д. Анализируя реакции, входящие в данные группы, следует отметить, что значимая их часть описывает мышление современного русского человека как творческий процесс: «мечтать» (5), «воображать» (2), «творить» (1), «созерцать» (1), «думать креативно» (1) и т. д.

Важность приобретения знаний прослеживается на примере стимула «Наука», в ассоциативном поле которого нами выделена соответствующая группа реакций: «знание» (26), «прогресс» (18), «развитие» (8), «изучение» (4), «исследования» (4) и т. д. «Хорошим», по

мнению русской языковой группы, может быть «умный» (2) человек, «специалист» (1) своего дела, «студент» (1) или «учитель» (1). Множественные реакции на стимул «Путешествие», указывающие на познавательный характер данного мероприятия, также говорят о важности получения новых знаний, по мнению испытуемых: «интересное» (17), «открытия» (3), «познание нового» (2), «исследование планеты» (1), «новые знания» (1), «познавательное» (1) и т. д. Таким образом, большое количество реакций данной тематики на различные стимулы свидетельствует о ценностном отношении к образованию и знаниям, которыми владеет человек в современном обществе.

1.5. Внешность

Внешность человека также является составляющей успеха. Желание быть стройным, физически красивым и вечно молодым (хотя бы внешне) является частью успешного имиджа современного человека и одним из ключевых моментов на пути к успеху. Такое отношение прослеживается на примере группы реакций стимула «Я»: «красавчик» (2), «спортсмен» (3), «молодой» (2), «кудрявый» (1) и т. д.

Особенно детально внешность «успешного» человека была прописана реакциями, относящимися к стимулам «Президент» и «Бизнесмен». В данных стимулах особое внимание было уделено различным атрибутам и аксессуарам: «костюм» (6), «галстук» (4), «часы» (2), «в очках» (1), «фрак» (1), «запонки» (1) и т. д.

Важность внешнего образа, моды и стиля актуализирована в АП стимула «Одежда». С одной стороны, актуальным для реципиентов остается практичность в выборе одежды, что подтверждается 53 реакциями, указывающими на комфорт, удобство и простоту в ее использовании: «удобная» (23), «тепло» (10), «комфорт» (3) и т. д. С другой – 84 реакции указывают на «стиль» (15), «роскошь» (4), «имидж» (2) и т. д. как важные составляющие внешнего образа человека.

И только для минимального количества реципиентов одежда не представляет особой важности и является всего лишь «маской» (1) или «мишурой» (1).

1.6. Власть

Власть также является составляющей успеха современного человека. В АП стимула «Бизнесмен» это выражено реакциями,

описывающими положение индивида на руководящей должности: «руководитель» (7), «власть» (5), «решающий дела» (1) и т. д. В ассоциативном поле стимула «Я» выделяется группа реакций с соответствующим значением: «бог» (4), «власть» (1), «царь» (1), «король» (1) и т. д. Особое отношение к данному понятию прослеживается на примере стимула «Деньги», в ядре ассоциативного поля которого находится реакция «власть» (10), а среди немногочисленных реакций присутствуют интертекстуальные реакции с семантикой всеохватности – «могут все» (2), «решают все» (2), социокультурно обусловленные реакции выделительного типа – «привилегии» (2) и т. д. Стимул «Президент» воспринимается русскими в смысловом ареоле власти, о чем говорят многочисленные единичные реакции: «господин» (1), «может все» (1), «властный человек» (1), «у власти» (1) и т. д., а также реакции, входящие в ядро ассоциативного поля данного стимула: «власть» (15), «главный» (7), «правитель» (6) и т. д. Также реакция «власть» (6) содержится в ядре ассоциативного поля стимула «Документы».

В целом, говоря о категории «Успех» как о ценностной ориентации, выделенной в результате ассоциативного эксперимента, проведенного с русской группой испытуемых, следует отметить, что характер реагирования русской опытной группы на ряд стимулов указал на тенденцию к материализации ценностной культуры. Так, в ассоциативном поле стимула «Хороший» есть реакции, представляющие определенные предметы современной культуры потребления. Всё же следует отметить, что данная группа является не многочисленной и в противовес ей выступает пласт реакций, передающих различные духовные качества.

В ассоциативном поле стимула «Транспорт» выделена группа реакций, представляющих названия моделей машин класса люкс, а также реакции типа «только Porsche» (1). Данная группа также является немногочисленной, ей противостоят множественные реакции, представляющие названия наземных видов транспорта, большую часть которых занимают «машина» (50), «автобус» (27), троллейбус (10) и т. д.

Указанная черта прослеживается в ассоциативном поле стимула «Одежда». Помимо реакций, указывающих на то, что одежда в первую очередь должна быть удобной, модной и стильной («удобная» (23),

«мода» (18), «стиль» (15) и т. д.), встречаются реакции наименований западных брендов («Версаче» (3), «Ив Сен-Лоран» (2) и т. д.).

Особенно злободневным для русских сегодня является финансовый вопрос. Ценностная категория «Деньги» (62) является ключевым понятием ядра ассоциативного поля стимула «Работа», ядра ассоциативного поля стимула «Время» (72), а также ядра ассоциативного поля стимула «Бизнесмен» (36).

В ассоциативном поле самого стимула «Деньги» выделяются две семантические группы, выявляющие двоякое отношение к данной ценностной категории со стороны русской этнической группы. С одной стороны, позитивное восприятие данной ценностной категории заключается в первую очередь в новых возможностях, которые открываются в связи с обогащением индивида, отсюда такие реакции, как «возможности» (11), «власть» (10), «богатство» (7) и т. д. В этой связи русских очень волнуют вопросы нехватки денег («нет» (6), «очень нужны» (5), «мало» (4) и т. д.) и выбора валюты, в которой деньги следует хранить («доллары» (7), «рубль» (4), «евро» (3), «валюта» (2) и т. д.). С другой стороны, прослеживается пренебрежительное отношение к указанной категории. Для данной подгруппы деньги не играют особой роли, так как это всего лишь приносящая «зло» (8) бумага, не имеющая никакого смысла. Следует отметить, что, несмотря на большое количество реакций с явно негативным отношением к анализируемому объекту, их количество значительно меньше числа реакций, говорящих о важности этого явления. На наш взгляд, это указывает на материализацию современной ценностной культуры, когда духовные ценности сдвигаются на задний план, отдавая приоритет материальным благам, что позволяет нам рассматривать данную категорию в качестве ценностной.

2. Оптимизм

2.1. Отношение к себе

Позитивное восприятие себя и окружающего мира является одной из основных характеристик русской группы испытуемых.

В частности, оценочный смысл позитивного восприятия себя прослеживается на примере стимула «Я». АП данного стимула содержит группу реакций, констатирующую высокий уровень самооценки

испытуемых: «хороший» (6), «хорошая» (3), «добрая» (1), «любимый» (1), «успешный» (1) и т. д.

Позитивная самопрезентация русской группы испытуемых граничит с эгоцентризмом, уверенностью в себе и стремлением к совершенству, в первую очередь внешнему. Такое восприятие действительности свойственно преимущественно мужской половине опрошенных, о чем свидетельствуют 25 реакций мужского рода стимула «Я»: «бог» (4), «хороший» (6), «мужик» (3), «красавчик» (2), «классный» (1) и т. д. Отметим, что в ассоциативном поле данного стимула было получено только восемь реакций женского рода данной тематики: «хорошая» (3), «отзывчивая» (2), «добрая» (1), «принцесса» (1), «спокойная» (1).

Эгоистичная позиция также представлена в АП стимула «Думать», включающее реакцию «о себе» с весом смысловой нагрузки, равной 2.

2.2. Отношение к окружающим

Стимул «Человек» содержит 98 позитивных реакций. Среди наиболее частотных реакций данной группы можно выделить реакции «разумный» (36), «хороший» (18), «добрый» (12), «умный» (5), «мудрый» (4), «гуманный» (1) и т. д. Негативное восприятие себя и окружающей действительности в ассоциативном поле представлено довольно слабо в виде двух единичных реакций: «глупый» (1), «упрямый» (1).

Также в ядре стимула «Думать» наибольший вес имеет реакция «о хорошем» (18), а в сумме группа позитивных реакций данного стимула насчитывает 48 схожих по значению реакций: «хорошо» (13), «правильно» (7), «полезно» (3), «люблю» (2) и т. д.

Особое внимание следует уделить ассоциативному полю стимула «Хороший», в масштабах которого выделена группа, состоящая из 49 реакций, представляющих различные параметры данного стимула («добрый» (19), «добро» (11), «отличный» (4), «положительный» (2) и т. д.), что говорит о важности данного понятия для русской этнической группы. «Хорошим», по мнению русской группы реципиентов, является «человек» (23) как таковой, обычный «парень» (4), вероятнее всего «друг» (25) и т. д.

Актуальность темы добра и зла для русских прослеживается также на примере стимула «Плохой». Так, если «Хороший» человек, по

мнению русских, – это прежде всего «добрый» (19), «доброжелательный» (3), «положительный» (2) и т. д., то «Плохой» значит «злой» (33), «злодей» (4), «отрицательный» (2) и т. д. Таким образом, «доброта» является значимой для русской группы характеристикой и рассматривается нами как весомая ценностная ориентация.

3. Патриотизм

Патриотические чувства русской группы строятся на ассоциировании родной страны с членами своей семьи, либо с географическими местами, значимыми для реципиентов, или же с событиями прошлого, определившими историческое развитие родной страны.

3.1. Семья

Понятие семьи непосредственно связано с понятием родного дома. Образ родного жилища детально прописан в АП стимула «Дом»: «родной» (17), «гнездышко» (1) — и его составляющих: «очаг» (10), «крыша» (2), «лампа» (1).

3.2. Родина (географическое положение)

Тема патриотизма тесно переплетается с отношением реципиентов к родным местам. АП стимула «Дом» содержит реакции, определяющие отношение русских к понятию «Родина» (17). Любовь к родине, тоска по родине («скучаю» (4), «один» (2), «на краю обрыва» (1), «далеко» (1) и т. д.), по родным местам («родной город» (1), «родная деревня» (1)) и неповторимая, свойственная только этому месту природа («Байкал» (1), «дерево» (1) и т. д.) являются определяющими понятиями в жизни русской группы испытуемых.

3.3. Страна (исторически значимые события)

Стимул «Революция» был в первую очередь воспринят русскими информантами в политическом контексте и вызвал в их сознании ассоциацию с историческими событиями родной страны: «Ленин» (23), «Октябрьская» (9), «красный» (5) и т. д. В меньшей степени указанный стимул был воспринят как «прорыв» (2) или «преобразование» (2).

Особенно ярко тема родины проявляется в группе стимулов, представляющих русские реалии. Каждый стимул в ядре своего

ассоциативного поля содержит реакции, напрямую относящиеся к родной для данной группы испытуемых стране («традиционный русский салат» (2), «Россия» (64), «Русские традиции» (2), «Русь» (4) и т. д.).

В ядре каждого стимула обнаружилась ассоциативная реакция цветоименования «красный». Указанный цвет имеет особое значение для реципиентов данной группы в связи с символикой конкретного исторического периода развития родной страны. Так, реакция «красный» входит в ядро ассоциативного поля стимула «Винегрет» и «Блины». Стимул «Матрешка» ассоциируется у реципиентов с красным цветом (2), румянами (2), красными щеками (2), Красной площадью (1) и т. д. В ядрах ассоциативных полей стимулов «Самовар» и «Балалайка» также содержится данная реакция цветоименования. Показательным является отсутствие отказов на все стимулы данной группы, что говорит о национально-культурной отмеченности образов сознания русскоязычных испытуемых и о буквальном восприятии данных стимулов.

В контрасте с данной группой стимулов находится группа реакций, представляющих американские реалии. Ассоциативное поле данной группы содержит множественные отказы, оформленные графическим способом в виде прочерка, пробела, а также вербализованные различными языковыми единицами: «нет», «ничто», «что-то непонятное» и т. д. Основной стратегией ассоциативного реагирования в случае незнания предложенного стимула является семантически пустой ассоциат («буэль», «вуэль», «шмаффин», «шмиски» и т. д.) или схожая по звучанию языковая единица (эль – «Эльф», маффин – «Кадафи», «морфин» (3) и т. д.). Также в ассоциативных полях стимулов данной группы отсутствуют реакции в виде паремий или фразеологизмов.

Таким образом, в ассоциативных полях всех стимулов содержатся реакции, с помощью которых можно воссоздать образ родины, сформированный в сознании русской группы реципиентов. Родина в первую очередь ассоциируется с семьей, на что указывают реакции, в которых упоминаются прямые родственники, с наиболее частотной реакцией «бабушка».

4. Семья

Семейные ценности представляют собой особую важность для русской группы испытуемых, вызывая в большинстве своем максимально

положительные ассоциации: «любовь» (32), «счастье» (13), «дружная» (6), «уют» (4) и т. д. Именно семья в современном мире является для реципиентов гарантом стабильности («спокойствие» (2), «где тебе помогут» (2) и т. д.) и безопасности («забота» (23) и «защита» (7) и т. д.). В АП стимула «Семья» только три реакции имеют негативную окраску: «оковы» (1), «скандал» (1) и «теснота» (1).

4.1. Состав семьи

Родственники

Детально указан испытуемыми состав семьи. Близкие родственники являются обязательной составляющей: «родные» (23), «дети» (19), «родители» (14), «мама» (13), «папа» (3), «жена и дети» (2), «муж» (2) и т. д.

Друзья

Яркой особенностью является тот факт, что реципиенты считают членами семьи не только кровных родственников, но и просто близких им людей, не являющихся родными. Реакции, подтверждающие это, находятся и в ядре ассоциативного поля стимула «семья», и на его периферии «близкие люди» (8), «люди» (7), «любимые люди» (1), «много людей» (1) и т. д.

Образ большой семьи, в которую, по мнению испытуемых, могут входить не только кровные родственники, но и друзья, дальние родственники, просто люди, подчеркивает национальную идею русского коллективизма. Быть частью общества, жить в обществе является очень важной особенностью существования русского человека и необходимой сферой самореализации русской группы реципиентов.

Важная составляющая сознания русской группы испытуемых – «человеко-другоцентричность» прослеживается в АП стимула «Человек». АП данного стимула включает в себя понятия «дружба» (2), «друг» (2), «компания друзей» (1), характеризующих русских реципиентов как социальных экстравертов.

Значимость данного феномена актуальна для стимула «Хороший», в ассоциативном поле которого одной из наиболее многочисленных реакций является реакция «друг» (25).

Стимул «Семья» также подтверждает данный тезис. АП стимула содержит реакции, указывающие на важность друзей и дружбы для реципиентов: «друзья» (1), «дружба» (1).

4.2. Функции семьи

Среди реакций, описывающих функциональную составляющую стимула «Семья», следует выделить понятие «забота» (23), являющееся одним из самых многочисленных в АП данного стимула. Следует отметить, что данная реакция встречается также в АП стимулов «Дом» и «Работа», схожих между собой. Таким образом, базовые ценности «Дом» – «Семья» – «Работа» объединены в сознании участников эксперимента одной смысловой составляющей – необходимостью заботы друг о друге.

5. Законопослушность

В ассоциативных полях ряда стимулов («Человек», «Думать», «Хороший», «Плохой», «Деньги», «Революция», «Президент», «Конституция») выделены семантические группы, содержащие реакции, связанные со сферой закона и применением права. К примеру, в ассоциативном поле стимула «Хороший» выделяется реакция «законопослушный» (4). Следует отметить, что данная реакция не была зафиксирована до этого момента в русском ассоциативном словаре (*it-claim.ru/Projects/ASIS/RSPAS/LEON_RAS.htm#LR190*), а также в Русской региональной ассоциативной базе (*adict.ru.nsu.ru/dictright#*). Также сюда относится персонифицированная реакция «Дядя Степа» (3) в ядре стимула «Хороший», представляющая героя детской книги С. В. Михалкова, милиционера, представителя закона, следящего за порядком в столице. Сюда же относится реакция «Клинт Иствуд» (2), представляющая американского актера, исполняющего однотипные роли борца с нарушителями закона в маленьких американских городках середины XIX в. Наличие указанных реакций в ядре стимула «Хороший» указывает на появление в сознании русской группы испытуемых ценностного отношения к законопослушанию и борьбе с разного рода правонарушениями. Такое восприятие говорит о трансформации отношения к системе законодательства и восприятие ее уже не как норм наказания, а как норм регулирования взаимоотношений между

людьми и как неотъемлемую составляющую социально-бытовой сферы, а следовательно, и сознания русских.

Указанная составляющая сознания русской группы реципиентов также проявилась в ассоциативном поле стимула «Президент». Ядро ассоциативного поля данного стимула содержит такие реакции, как «закон» (4), «конституция» (3), «справедливость» (2). Среди единичных реакций можно отметить «верховенство» (1), «легитимность» (1).

В ядре ассоциативного поля стимула «Плохой» содержатся реакции, представляющие различные виды правонарушений, семантически связанные с выделенной нами ценностной категорией «законопослушность». Таким образом, плохим, по мнению русских, является человек, нарушивший закон: «преступник» (6), «бандит» (4), «убийца» (2), «вор» (1).

Ядро ассоциативного поля стимула «Конституция» содержит множественные реакции, семантически связанные с понятием «закон» (81), что также подтверждает наше предположение о трансформации восприятия данного явления. Следует отметить, что в ассоциативном поле стимула «Конституция» содержится только одна реакция («ограничение» (1)), трактуемая данный стимул как меру юридического сдерживания граждан.

6. Космизм

6.1. Философия

Планетарность мышления русской группы испытуемых, восприятие себя частью Вселенной также проявляются в группе реакций, являющихся составляющими практически каждого стимула. Очень ярко указанная черта проявляется в ассоциативном поле стимула «Я». Реакции «бог» (4), «песчинка в океане галактик» (1), «солнце» (1), «небо» (1) соотносят реципиентов с различными составляющими космоса и Вселенной. Космологизм как составляющая мышления русских также представлен в ядре стимула «Человек», где присутствуют такие реакции, как «земля» (3), «мир» (3), «вселенная» (2), «жизнь» (2). Стимул «Время» также содержит в своей ассоциативном поле реакции, подтверждающие данную характеристику: «жизнь» (17), «бесконечно» (4), «будущее» (1), «пространство» (1) и т. д.

6.2. Религия

По результатам нашего эксперимента религия не играет первостепенной роли для русской группы реципиентов. Во всем эксперименте только два стимула в своих ассоциативных полях содержат реакции, соотносимые с религиозной тематикой. Так, в ассоциативном поле стимула «Человек» зафиксированы две единичные реакции, указывающие на божественное происхождение человека: «Адам» (1), «Адам и Ева» (1). Данные реакции противостоят более многочисленной группе реакций, в рамках того же стимула определяющих биологическое происхождение человека: «животное» (15), «*homo sapiens*» (6), «биосоциальное существо» (1) и т. д. Стимул «Наука» в своем ассоциативном поле имеет две единичные реакции: эмоционально нейтральную реакцию «религия» (1) и негативную реакцию «бога нет» (1).

Выводы

Описание ценностей русских как принадлежности их языкового сознания проводилось ранее. Так, на базе Русского ассоциативного словаря [Караулов и др. 1998] выявлялись особенности образов сознания русских, и, в частности, их система ценностей [Уфимцева 2009: 98]. Сравнение результатов более крупных исследований с экспериментом, проведенным с нашей микрогруппой, позволяет проследить возможную трансформацию системы ценностных ориентаций изучаемой этнической группы.

Анализ результатов проведенного нами свободного ассоциативного эксперимента как психолингвистического инструмента, позволяющего проникнуть в языковое сознание индивида, дал возможность выявить специфику системы ценностей русской группы реципиентов, представленной студентами Омского государственного технического университета. Полученные ценности характеризуются своеобразным смысловым наполнением, определяемым спецификой сознания реципиентов и принадлежностью к этносу как носителю определенных культурных ценностей и традиций.

По результатам эксперимента самой многочисленной стала ценностная категория «Успех». По мнению реципиентов, «успех» в современном мире определяется в первую очередь материальными составляющими, что предполагает финансовую стабильность и независимость,

а также ориентацией современного человека на индивидуализм, свободу личности и защиту ее прав и интересов. Следует отметить, что данный результат повторяет результаты более крупных исследований [Уфимцева 2009, с. 103].

Второй по величине является ценностная ориентация «Оптимизм». Высокий рейтинг данной категории относительно других определяется, возможно, возрастом реципиентов (от 18 до 23 лет).

Патриотические чувства реципиентов выражены любовью к родным для реципиентов местам, а также интересом к истории собственной страны. Отношение к родине во многом ассоциируется реципиентами с отношением к родной семье. Семья также является одной из ценностных ориентаций для участников эксперимента. Особое внимание привлек четко представленный в ассоциативных полях разных стимулов состав семьи: помимо близких и дальних родственников членами семьи реципиенты также считают и друзей. «Другоцентричность» как важная составляющая сознания русских была неоднократно отмечена исследователями [Уфимцева 2009, с. 104]. Следует отметить, что анималистические реакции в ассоциативных полях соответствующих стимулов отсутствовали.

Абсолютно новой, не отмеченной в более масштабных исследованиях, стала ценностная ориентация «Законопослушность». Появление данной категории в системе ценностей связано, вероятно, с ростом юридической грамотности представителей данного этноса.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Залевская А. А.* О комплексном подходе к исследованию закономерностей функционирования языкового механизма человека // Психолингвистические исследования в области лексики и фонетики. Калинин : Калинин гос. ун-т, 1981. 159 с.
- Залевская А. А.*, Введение в психолингвистику : учебник. 2-е изд., испр. и доп. М. : Российск. гос. гуманит. ун-т, 2007. 560 с.
- Караулов Ю. Н., Сорокин Ю. А., Тарасов Е. Ф., Уфимцева Н. В., Черкасова Г. А.* Русский ассоциативный словарь. М., 1994–1998. Т. 1–6.
- Кирьякова А. В.* Теория ориентации личности в мире ценностей. Оренбург : Изд-во Оренбургского гос. пед. ин-та, 1996. 188 с.
- Пахомова Е. В.* Методика диагностики ценностных ориентаций (МДЦО) // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия «Психология». 2011. № 2 (10). С. 120–129.

- Самойлова С. П.* Языковой образ базовых ценностей россиян : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2011. 18 с.
- Семья и дружба – превыше всего [Электронный ресурс] // Всероссийский центр изучения общественного мнения: сайт. URL : wciom.ru/index.php?id=236&uid=13608 (дата обращения: 8.10.2016).
- СИБАС – Русская региональная ассоциативная база данных (2008–2016) / авт.-сост. : И. В. Шапошникова, А. А. Романенко. URL : adictru.nsu.ru.
- Уфимцева Н. В.* Образ мира русских: системность и содержание // *Язык и культура*. 2009. № 4.
- Ушакова Т. Н.* Языковое сознание и принципы его исследования // *Языковое сознание и образ мира: сборник статей / под ред. Н. В. Уфимцевой*. М., 2000. 318 с.
- Черкасова Г. А.* Русский сопоставительный ассоциативный словарь. М. : ИЯз РАН, 2008.
- Kramsch C.* Language and Culture. Oxford University Press, 1998. 134 p.
- Shalom H. Schwartz* Basic Human Values: Theory, Methods and Applications. The Hebrew University of Jerusalem. 20 p.

УДК 378.1; 304.2

Е. Э. Дробышева

доцент, доктор философских наук; профессор каф. философии, истории и теории искусства Академии Русского балета имени А. Я. Вагановой, Санкт-Петербург; e-mail pestelena@yandex.ru

ВЫСШАЯ ШКОЛА И КРЕАТИВНЫЕ ИНДУСТРИИ: ВОЗМОЖНОСТИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Архитектоника современного образовательного пространства претерпевает существенные изменения в связи с интенсивными социокультурными изменениями, фундированными, прежде всего, технологическим развитием. Классическая модель университета / института, основанная на знании, меняется на системно-деятельностную / компетентностную. Одновременно меняется и система культуры – как в целом, так и отдельные ее области (художественной жизни, досуга, развлечений, моды), в частности. Нарастает тренд индустриализации культурных практик, отмеченный еще в середине XX в. Т. Адорно и М. Хоркхаймером. Культурные / творческие / креативные индустрии наращивают свои «мощности» и занимают все большее место в структуре социальной активности. В статье анализируются возможности и перспективы взаимодействия образовательной среды с креативными индустриями, претендующими на статус драйвера развития общества по многим ключевым направлениям. Конституруется принципиальное отставание института высшей школы от темпов развития креативных культурных практик – как в концептуальном, так и в институциональном ключе. Высшее образование на данный момент в подавляющем большинстве вузов России не использует механизмы и технологии креативных институций, которые, в свою очередь, претендуют на свое место в образовательном процессе и успешно реализуют собственные амбиции в рамках программ дополнительного образования, лекториев и лабораторий, мастер-классов и альтернативных курсов. Очевидна необходимость создания устойчивых коллабораций данных институций в целях теоретического и прикладного взаимодействия, взаимного привлечения специалистов, создания баз практик, расширения пространства реализации актуальных образовательных технологий, в полной мере отвечающих задачам компетентностного подхода в рамках Федерального государственного образовательного стандарта.

Ключевые слова: высшее образование; креативные индустрии; компетентностный подход; коллаборации; архитектоника культуры.

E. Drobysheva

PhD, Professor Department of Philosophy, History and Theory of the Arts, Vaganova Ballet Academy, Saint-Petersburg; e-mail: pestelena@yandex.ru

HIGHER EDUCATION INSTITUTIONS AND CREATIVE INDUSTRIES: OPPORTUNITIES OF INTERCOMMUNION

The architectonics of the modern educational space is undergoing significant progress in connection with intensive sociocultural changes, which are based, first

of all, on technological development. The classical model of university / institute, based on knowledge, changes to the system-activity / competence-based. At the same time, cultural system itself is changing – both in general, and its separate areas (artistic life, leisure, entertainment, fashion) in particular. There is a growing trend in the industrialization of cultural practices, noted in the middle of the twentieth century by Theodor Adorno and Max Horkheimer. Cultural/artistic/creative industries are expanding their “capacities” and occupying an ever increasing place in the structure of social activity. The article analyzes the opportunities and prospects for interaction between the educational environment and creative industries that claim to be a driver in many key areas of society development process. The principal delay of development of the institution of higher education against the pace of development of creative cultural practices is stated, both in conceptual and institutional terms. Higher education in the vast majority of Russian universities, at the moment, does not use the mechanisms and technologies of creative institutions, which, in turn, claim to be in the educational process and successfully implement their own ambitions in the programs of additional education, lectures and laboratories, master classes and alternative educational courses. It is obvious that it is necessary to create stable collaborations of these institutions for the purposes of theoretical and applied interaction, mutual attraction of specialists, creation of practice bases, expansion of space for the implementation of relevant educational technologies that fully meet the tasks of the competence-based approach within the framework of the Federal State Educational Standard.

Key words: higher education; creative industries; competence-based approach; collaboration; architectonics of culture.

Современное образовательное пространство можно проанализировать в различных дискурсах, мы предлагаем сделать это с точки зрения проблемы его взаимодействия с креативными индустриями, занявшими свою достойную нишу в архитектонике современной культуры и претендующими на статус драйвера развития общества по многим ключевым направлениям.

Культурные индустрии в архитектонике современного социокультурного пространства

Феномен «культурных / творческих / креативных индустрий», как предмет исследовательского интереса, был актуализирован в последние десятилетия XX в. в связи со структурными изменениями в процессе производства и потребления в сфере культуры. На данный момент эта тема все чаще привлекает внимание специалистов в области культурологии, социологии, философии и экономики культуры, арт-менеджмента и маркетинга – как теоретиков, так и практиков. Особое

значение данного сегмента социокультурного пространства подчеркивается в активно разрабатываемых концепциях и программах федерального, регионального и городского развития, проектах в рамках государственной культурной политики [Зеленцова, Мельвиль 2010; Зеленцова, Мельвиль 2011].

Междисциплинарный характер феномена культурных индустрий обусловлен сложностью контекста, сформировавшего ситуацию, в которой творческие процессы приобрели индустриальный характер. «Творческая экономика», «экономика впечатлений», «творческий город», «креативный класс» – все эти концепты, введенные в научный оборот социогуманитаристики в конце XX – начале нынешнего века маркируют глубинные изменения, происходящие в архитектонике социокультурного пространства под влиянием, прежде всего, технологических, но, кроме того, и геополитических, социально-экономических, ментальных – процессов [Лэндри 2011; Нордстрем, Риддерстрале 2005; Пайн, Гилмор 2005; Флорида 2007; Хезмондалш 2014; Хокинс 2007].

Поскольку архитектурность является базовым принципом организации самой культуры и способов ее (само)описания¹, мы исходим из априорности взаимовлияния различных ее сфер. В данной статье нас будет интересовать алгоритм взаимодействия системы образования и области художественных практик, досуга, социальной активности, функционирующей в режиме креативных / культурных индустрий. Дискурс предполагает обращение к широкому спектру вопросов социогуманитаристики и находится на стыке философии, культурологии, социологии, экономики, психологии и урбанистики. Как справедливо отмечают исследователи, специализирующиеся на данной проблеме, «креативные пространства действительно становятся площадками для разнообразных событий и проектов (культурных, образовательных). Но их роль в создании и продвижении новых просветительских и образовательных продуктов недооценивалась и редко изучалась» [Гордин, Кузьмина, Никольская 2017].

¹ См. об этом: *Дробышева Е. Э.* Архитектоника культуры: опыт культурно-философского анализа [монография]. СПб. : Изд-во СПбГУСЭ, 2010; *Дробышева Е. Э.* Архитектоника культуры в аксиологическом измерении: дис. ... д-р филос. наук. СПб., 2011.

Креативные технологии в сфере культурного производства параллельно разрабатываются и используются в двух направлениях: на *традиционных площадках* (театральных, концертных, музейных) и *в рамках креативных пространств*, изначально создаваемых для соответствующего вида деятельности. Традиционные культурные институции, особенно музеи и библиотеки, сейчас довольно активно развивают просветительско-образовательную активность, внедряя в свою деятельность новые инструменты привлечения посетителей, организуя лектории, мастер-классы, квесты. Однако наибольший потенциал в этом направлении демонстрируют креативные культурные пространства, поскольку алгоритм их функционирования имплицитно заложена идея постоянного творческого развития, создания инновативных форматов деятельности, перекодирования и распространения актуальной информации.

Образовательный потенциал креативных пространств

Архитектоника современного образовательного пространства претерпевает существенные подвижки в связи с интенсивными социокультурными изменениями, фундированными, прежде всего, технологическим развитием. Классическая модель университета / института, основанная на знании, меняется на системно-деятельностную / компетентностную. Образование как важнейший социальный институт постоянно трансформируется. Специалисты предлагают выделять следующие образовательные парадигмы: *традиционалистско-консервативную (знаниевую)*, основанную на передаче молодому поколению культурно-исторического опыта и наследия цивилизации, *рационалистическую (бихевиористскую, поведенческую)*, основной формой которой являются научение, тренинг, тестовый контроль, *феноменологическую (гуманистическую)*, рассматривающую и педагога, и обучающегося как равноправных субъектов образовательного процесса, *технократическую*, провозглашающую основой точное научное знание, *неинституциональную*, ориентированную на организацию образования вне традиционных социальных институтов (школ и вузов), с помощью сети Internet, в условиях открытых школ, дистантного обучения, *гуманитарную*, ориентированную на обучающегося в формате субъект-субъектного взаимодействия» [Шелковникова 2015].

Не вдаваясь в дискуссию с авторами данной (довольно спорной) типологии, отметим наиболее интересующую нас здесь *неинституциональную* модель. Именно в рамках ее и происходит образовательная (в режиме «дополнительности») деятельность на базе креативных площадок. Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. N 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» определяет, что «дополнительное образование детей и взрослых направлено на формирование и развитие творческих способностей детей и взрослых, удовлетворение их индивидуальных потребностей в интеллектуальном, нравственном и физическом совершенствовании, формирование культуры здорового и безопасного образа жизни, укрепление здоровья, а также на организацию их свободного времени» [ФЗ № 273 «Об образовании в Российской Федерации»]. Дополнительное образование «включает в себя общее дополнительное образование и профессиональное дополнительное образование»¹.

Можно говорить, что на базе креативных пространств формируется рынок малых образовательных форм в рамках досуговой и просветительской деятельности. «В креативных пространствах в настоящее время на первый план выходят не стандартные учебные программы, а активно формируются новые, дополнительные, отвечающие более узким запросам со стороны потребителей. Такие специальные корот-

¹ *Общее дополнительное образование* – это «дополнительное образование, направленное на развитие личности, способствующее повышению культурного и интеллектуального уровня человека, его профессиональной ориентации в соответствии с дополнительными общеобразовательными программами, приобретению им новых знаний». *Профессиональное дополнительное образование* – это «дополнительное образование, направленное на непрерывное повышение квалификации и профессиональную переподготовку лиц, имеющих профессиональное образование, в соответствии с дополнительными программами, квалификационными требованиями к профессиям и должностям и способствующее развитию деловых и творческих способностей этих лиц, повышению их культурного уровня». *Программы общего дополнительного образования*, в отличие от профессионального, не ориентированы на подготовку профессиональных деятелей культуры, спортсменов и т. п. Данные программы могут позиционироваться как *досуговые занятия*, а организация подобных программ позиционируется как *досуговая деятельность*» [№ 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации»].

кие дополнительные программы называют *малыми образовательными формами*, а новый рынок таких услуг – *рынком малых образовательных форм*» [Ксенофонтова 2006]. Таким образом, «креативные пространства обладают большим потенциалом в качестве площадок дополнительного образования для взрослых и детей, но не заменяют на данный момент традиционные учреждения культуры. Они нашли свою нишу, связанную с предоставлением краткосрочных программ в виде семинаров, лекций, тренингов с непостоянной аудиторией и выполняют важную просветительскую функцию. При этом наравне с традиционными учреждениями культуры они реализуют и долгосрочные образовательные программы. Образовательные практики креативных пространств меняют городскую образовательную среду, дают возможность запуску новых форм в виде творческих проектов, тренингов, семинаров, встреч с интересными специалистами» [Гордин, Кузьмина, Никольская 2017].

Высшее образование: вызовы времени

«Западный университет мертв. В это трудно поверить, поскольку он у всех на виду, но такова реальность. Однако история университета говорит о его необыкновенной способности к обновлению: его долголетие – свидетельство умения адаптироваться. Так что вполне может появиться новый университет» [Барнетт 2013]. Эти слова Рональда Барнетта, профессора Института образования Лондонского университета, произнесенные в 1997 г., сейчас повторяют на все лады теории и практики в сфере высшего образования. «Мы не можем вернуться в мир, где было известно, что нам делать. Нет традиций, которых мы могли бы придерживаться, нам приходится начинать с нуля. Нам нужны новый словарь и новая цель», – говорит Барнетт. Пафос его речи заключается в том, что должна быть сформирована новая повестка, сориентированная на компетентностную модель образования, поскольку «границы тех форм деятельности, которые носят имя университета, проницаемы и подвижны». Каждое учреждение высшего образования должно для себя решать, «в какой степени университет может и должен становиться совокупностью коммерческих предприятий, помогающих академическим работникам – особенно тем из них, которые преодолевают технологические и научные барьеры, – продавать свой товар, где заканчивается исследование и начинается

консалтинг». Это связано с диверсификацией системы знания: «существует не одно, а множество знаний»: процессуальное, неявное, практическое, опытное, – все эти термины указывают на множество наших способов познания в современном мире. «Знанию всё больше придается перформативный характер: при пособничестве и поддержке государства в зачет идет только то, что работает, знание ценится за его полезность». Эта оценка Барнетта перекликается с мыслью, высказанной еще в 1979 г. Ж.-Ф. Лиотаром: «Университеты и институты высшего образования подчиняются отныне требованию формирования компетенции, а не идеалов» [Лиотар 1997].

Останавливаясь на проблеме «концептов современного университета», Барнетт выделяет, в том числе, *личностное развитие, самовыражение и самореализацию* и отмечает: «Проблема, с которой сталкивается этот набор понятий, очень проста, в их основе лежит вера в существование персональной идентичности, а также в то, что задача высшего образования – развивать ее». Современный университет находится в сложном двойственном положении: «Технический разум и диалогический разум продолжают бороться друг с другом, неизбежно вызывая смещение пластов» [Барнетт 2013]. Невозможность реализации традиционалистской знаниевой парадигмы в чистом виде задается сегодня множеством факторов, игнорировать которые образовательная система уже не может.

В итоговом коммюнике Всемирной конференции по высшему образованию (июль 2009 г., Париж) специальный раздел посвящен исследованиям и инновациям. В нем отмечается, что организация научных исследований должна предполагать некую гибкость для того, чтобы поставить фундаментальную науку и междисциплинарные исследования на службу обществу. При этом высшие учебные заведения должны искать такие области исследовательских работ и такие направления обучения, которые будут связаны с проблемами благосостояния населения и построением прочного фундамента для новых технологий и областей развития науки, значимых для данного конкретного региона [Всемирная конференция по высшему образованию – 2009. Итоговое коммюнике].

Говоря о современной образовательной парадигме, Г. А. Мкртычян подчеркивает значимость системы *трансфера знаний*, призванной обеспечить их передачу, «включая технологии, опыт и навыки от

университета к *внешним заказчикам* – предприятиям, общественным и государственным структурам, приводя к инновациям в экономике и общественной жизни. Трансфер знаний в университете имеет два основных направления реализации: коммерциализацию результатов научных исследований и реализацию рыночно-ориентированных образовательных программ. В первом случае речь идет о *трансфере технологий*, который понимается организационный процесс передачи научно-технического *know-how* из научной лаборатории в производство в условиях рыночной экономики. Это направление деятельности включает в себя проведение научных исследований в рамках договоров с предприятиями и организациями, использование прав интеллектуальной собственности на результаты научных разработок университета, участие в национальных и региональных программах развития, работу технологических инкубаторов и научных парков» [Мкртычян 2011]. Именно в данном аспекте нам представляется интересной и перспективной модель взаимодействия вузов и креативных площадок.

Можно говорить о принципиальном отставании института высшей школы от темпов развития креативных культурных практик – как в концептуальном, так и в институциональном аспекте. Высшее образование в настоящее время в подавляющем большинстве вузов России не использует механизмы и технологии креативных институций, которые, в свою очередь, претендуют на свое место в образовательном процессе и успешно реализуют собственные амбиции в рамках программ дополнительного образования, лекториев и лабораторий, мастер-классов и альтернативных курсов. Очевидна необходимость создания устойчивых коллабораций данных институций в целях теоретического и прикладного взаимодействия, взаимного привлечения специалистов, создания баз практик, расширения пространства реализации актуальных образовательных технологий, в полной мере отвечающих задачам компетентностного подхода в рамках ФГОС.

Возьмем для примера Федеральный государственный образовательный стандарт специальности 50.04.01 «Искусства и гуманитарные науки», в рамках которой, в том числе, может осуществляться реализация учебных программ, связанных с проблематикой культурных индустрий. По окончании программы выпускник магистратуры должен получить набор «универсальных и общепрофессиональных

компетенций». Среди *универсальных компетенций* хочется особо отметить: «УК-1 – способность осуществлять критический анализ проблемных ситуаций на основе системного подхода, вырабатывать стратегию действий; УК-2 – способность управлять проектом на всех этапах его жизненного цикла; УК-3 – способность организовывать и руководить работой команды, вырабатывая командную стратегию для достижения поставленной цели». Среди *общепрофессиональных компетенций* выделим: «ОПК-2 – способность формулировать исследовательские задачи и управлять проводимыми исследованиями в выбранной области профессиональной деятельности; ОПК-4 – способность к педагогической деятельности, а также к деятельности по организации процесса воспитания и обучения в образовательных организациях; ОПК-5 – способность руководить коллективом в выбранной сфере профессиональной деятельности, толерантно воспринимая социальные, этнические, конфессиональные и культурные различия, готовность брать на себя всю полноту профессиональной ответственности» [ФГОС специальности 50.04.01 Искусства и гуманитарные науки].

Из всех вышеперечисленных компетенций только УК-1, ОПК-2 и ОПК-4 могут быть частично реализованы в рамках собственно вузовской среды. В идеале же они максимально полно формируются в режиме синергии образовательного учреждения и профессиональной среды. УК-2, УК-3 и ОПК-5, в свою очередь, вообще немислимо обеспечить без баз практической деятельности. На деле же ситуация с прохождением практики оставляет желать лучшего. Учреждения культуры неохотно берут на практику выпускников, мотивируя это сложностями юридического и организационного характера. Даже на стадии заключения договоров мы сталкиваемся с трудно разрешимыми ситуациями относительно материальной ответственности сторон, алгоритма взаимодействия в части учебных планов, границ полномочий руководителей практик. Возникают сложности даже на уровне понимания характера будущей деятельности выпускника программы, поскольку для традиционных культурных институций это неочевидная реальность.

Пункт 3.4. ФГОС гласит, что «профессиональные компетенции, устанавливаемые программой магистратуры, формируются ... на основе анализа требований к профессиональным компетенциям,

предъявляемых к выпускникам на рынке труда, обобщения отечественного и зарубежного опыта, проведения консультаций с ведущими работодателями, объединениями работодателей отрасли, в которой востребованы выпускники» (курсив авт – Е. Д.) [ФГОС специальности 50.04.01 Искусства и гуманитарные науки]. И если для подготовки бакалавра проблема соотнесенности учебных планов с реальной экономической ситуацией в большей степени решается достаточно умозрительно, то для программ магистратуры такой подход совершенно недопустим. Сама парадигма магистерского образования предполагает подготовку узкого специалиста с высоким уровнем профессиональной готовности, заточенной на решение практико-технологических задач. И в этом смысле роль баз практик невозможно переоценить.

В случае с программами подготовки, так или иначе связанными с культурными / творческими индустриями, креативные пространства (лофты, арт-инкубаторы, коворкинги) могут и должны стать полноправными участниками образовательной коллаборации с высшими учебными заведениями. Такая синергия имеет, прежде всего, огромный творческий потенциал. Ведь выпускники-магистранты, находящиеся в стадии подготовки выпускной квалификационной работы, смогут собрать и проанализировать конкретный «полевой» материал, а креативная площадка – расширить ассортимент уже предоставляемых услуг или получить разработанный start-up проект.

Заключение

Специалисты в сфере культурных / творческих индустрий отмечают ряд ключевых проблемных точек в их функционировании. Первая сложность – «раздробленность профессиональных сообществ» [Зеленцова, Мельвиль 2011]. И здесь, на наш взгляд, есть огромный потенциал: привлечение креативных площадок к образовательным проектам вузов не только поможет сформировать актуальную теоретико-технологическую базу, но и будет способствовать консолидации специалистов, задействованных в подобного рода коллаборациях.

Вторая сложность – территориальная неравномерность в развитии креативной среды. По мнению крупнейшего специалиста в этой сфере Е. В. Зеленцовой, «сегодня только Москву и Санкт-Петербург

можно назвать постиндустриальными центрами; другие крупные города несут в себе больше черт индустриальной эпохи, чем постиндустриальной. Соответственно и предприятия творческих индустрий сконцентрированы преимущественно в Москве и Санкт-Петербурге, в меньшей степени – в других региональных центрах. Российская ситуация связана с недостаточной насыщенностью потребительского рынка, неразвитостью сферы услуг и недостаточным уровнем спроса на культурную продукцию в силу того, что российские регионы пока еще только вступают в ту зону, где определяющей становится «экономика переживаний» [Зеленцова, Мельвиль. 2011].

Среди «специфических проблем» культурных индустрий отмечаются также следующие: «молодость рынков»; предпочтение импорта, противоречие между культурой и коммерцией; слабость сетевых структур во многих секторах; отсутствие профессионального сообщества, корпоративной этики, внутрицеховых правил и стандартов деятельности; дефицит качественных творческих продуктов, *неразвитое профессиональное образование и дефицит кадров*» (курсив авт. – Е. Д.). Особо отмечается, что «при наличии большого количества образовательных предложений, особенно в секторе рекламы, комплексное практико-ориентированное образование в сфере творческих индустрий получить можно только в Москве и Санкт-Петербурге» [Зеленцова., Мельвиль .2011].

Представляется, что предлагаемая нами модель коллаборации между системой высшего образования и креативными кластерами могла бы быть взаимобразно полезной. Подобное предложение, несколько в иной плоскости, прозвучало от группы петербургских исследователей: «Нужно подчеркнуть не просто инновационный, но экспериментальный характер деятельности КП, где апробируются различные, ранее не применявшиеся формы творческой активности. Это ставит на повестку дня вопрос о создании на базе КП арт-инкубаторов по аналогии с бизнес-инкубаторами, поддерживающими инновации в производственной сфере» [Гордин., Кузьмина., Никольская., 2017].

Имеющийся на данный момент дисбаланс в темпах обновления методов и инструментария деятельности, очевидно выводит вперед креативные институты относительно традиционных учреждений культуры, не обладающих таким потенциалом в силу большей

инерционности развития, специфики кадрового обеспечения, изначально иной парадигмы функционирования. «Существуя в режиме постоянного структурного усложнения за счет взаимодействия с запросами разных людей и содружеств, креативные пространства эволюционируют быстрее, чем среда города в целом, предлагая тому некую стратегическую модель бытования. Внедрение креативных площадей в плоть городов разительно перелицовывает их характер в лучшую сторону, способствует обогащению культурной среды», обеспечивая «высокую концентрацию креативных процессов, плотность коммуникации между их участниками и группами участников с прогнозируемым синергетическим эффектом» [Косолапова, Стеклова 2014].

В данной статье лишь намечены контуры проблемы и способов ее реализации. Хотелось бы, чтобы поставленные вопросы нашли отклик в профессиональной среде.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Барнетт Р.* Осмысление университета // Теоретические вопросы образования [Электронный ресурс]: хрестоматия / сост., под ред. : М. А. Гусаковского, А. А. Полонникова, А. М. Корбута. Минск : БГУ, 2013. С. 5–29. URL : elib.bsu.by/bitstream/123456789/104684/1/%D0%91%D0%B0%D1%80%D0%BD%D0%B5%D1%82%D1%82.pdf
- Всемирная конференция по высшему образованию – 2009. Итоговое коммюнике // Высшее образование сегодня. 2009. № 8. С. 13–17.
- Гордин В.Э., Кузьмина К.А., Никольская М. В.* Анализ образовательного потенциала креативных пространств // Международный журнал исследований культуры. № 1 (26). 2017. URL : www.culturalresearch.ru/ru/archives/108--126.
- Зеленцова Е. В., Мельвиль Е. Х.* Развитие творческих индустрий в России: проблемы и перспективы // Культурологический журнал. 2011. № 4 (6). URL : www.cr-journal.ru/rus/journals/92.html&j_id=8.
- Зеленцова Е., Мельвиль Е.* Культурная политика и экономика культуры: тезисы для сборки региональных стратегий. М. : Арт-транзит, 2010.
- Косолапова Е. А., Стеклова И. А.* Креативное пространство: диалектика мотивации // Современные проблемы науки и образования. 2014. № 3. URL : www.science-education.ru/ru/article/view?id=13096.
- Ксенофонтова О. Л.* Специфика образовательных услуг: маркетинговый аспект. URL : main.isuct.ru/files/publ/snt/2006/02/HTM/45.htm.
- Лютар Ж.-Ф.* Состояние постмодерна. URL : www.lib.ru/CULTURE/LIOTAR/liotar.txt_with-big-pictures.html.

- Лэндри Ч.* Креативный город. М. : Классика-XXI, 2011. 400 с.
- Мкртычян Г. А.* Модель инновационного университета на основе использования метафоры мозга. URL : www.hse.ru/pubs/share/direct/document/53791524
- Нордстрем К.А., Риддерстрале Й.* Бизнес в стиле фанк: Капитал пляшет под дудку таланта : пер. с англ. СПб. : Стокгольмская школа экономики в Санкт-Петербурге, 2005. 280 с.
- Пайн Дж., Гилмор Дж.* Экономика впечатлений: работа – это театр, а каждый бизнес – сцена : пер. с англ. М. : Вильямс, 2005. 168 с.
- Стеклова И. А., Рагужина О. И.* Архитектоника креативного пространства: лофты // Архитектон: известия вузов. 2014. № 5. URL : archvuz.ru/cont/2557.
- ФГОС специальности 50.04.01 Искусства и гуманитарные науки // Справочник кодов общероссийских классификаторов. URL : classinform.ru/fgos/50.04.01-iskusstva-i-gumanitarnye-nauki.html.
- Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. N 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» с изменениями 2017–2016 гг. URL : zakon-ob-obrazovanii.ru/.
- Флорида Р.* Креативный класс. Люди, которые меняют будущее. М. : Классика-XXI, 2007. 421 с.
- Хезмондаши Д.* Культурные индустрии. М. : Изд-во НИУ ВШЭ, 2014.
- Хокинс Дж.* Креативная экономика. Как превратить идеи в деньги. М. : Классика XXI, 2011. 256 с.
- Шелковникова Л. Ф.* К вопросу о знаниевой парадигме в образовании // Преподаватель XXI век. 2015. URL : cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-znaniyevoy-paradigme-v-obrazovanii.

УДК 008.2

А. Ю. Евдокимов, О. И. Клименко

Евдокимов А. Ю., доктор технических наук, кандидат культурологии, академик Российской академии естественных наук (РАЕН), профессор каф. теологии Института гуманитарных и прикладных наук МГЛУ; e-mail: alexevdo@yandex.ru

Клименко О. И., методист, Муниципальное бюджетное учреждение культуры «Городской центр культуры» (Норильск); e-mail: olynord@mail.ru

ЭКОЛОГИЧНОСТЬ КУЛЬТУРЫ В КОНТЕКСТЕ РЕЛИГИИ (православие)

Религия, являясь системообразующим элементом любой культуры и цивилизации, определяет миропонимание этноса, его отношение к окружающей природной среде. Обвинения в неэкологичности христианства в целом и православия в частности, являются несостоятельными, поскольку базируются либо на принципиальном непонимании христианства, либо на недобросовестном рассмотрении вопроса.

Ключевые слова: религия; культура; цивилизация; система; экология; экологический кризис; православие

A. Yu. Evdokimov, O. I. Klimenko

Evdokimov A. Yu., Doctor of Technical Sciences, PhD (Culturology), Academician of the Russian Academy of natural Sciences (RAEN), Professor at the Department of theology of the Institute of Humanities and Applied Sciences, MSLU; e-mail: alexevdo@yandex.ru

Klimenko O. I., Methodist, Municipal budget cultural institution "City cultural center" (Norilsk); e-mail: olynord@mail.ru

ECOLOGICAL CULTURE IN THE CONTEXT OF RELIGION (Orthodoxy)

Religion, being a system-forming element of any culture and civilization, determines the worldview of the ethnic group, its attitude to the natural environment. Accusations of the non-ecological nature of Christianity in General and Orthodoxy in particular are untenable, since they are based either on a fundamental misunderstanding of Christianity or on an unfair consideration of the issue.

Key words: religion; ecology; the ecological compatibility of a religion; the ecological crisis, Orthodoxy.

С позиций системного подхода к познанию окружающего мира важнейшим свойством любой системы является ее иерархичность и, следовательно, наличие системообразующего элемента. Говоря

о социоестественных системах (культура//цивилизация//биосфера), таким элементом является религия или атеизм как подобие религии (карикатура на нее). Действительно, убрав православие из истории России, получим всего лишь набор фактов, не имеющих особой связи между собой; аналогично в отношении, например, ислама в истории арабских и тюркоязычных народов.

В работе [Евдокимов 2016, с. 176–194] рассмотрены проблемы связи культуры, религии и экологии, в частности – обвинения христианства как такового в целом, в инициировании глобального экологического кризиса. Отмечалось, что обвиняя христианство, западные мыслители либеральной ориентации, говоря о трех основных ветвях христианства, фактически лишь констатируют это как факт, не делая никакого различия между ними (особенно это относится к православию). Такой подход существенно дезориентирует читателя, особенно молодежь. Представляется необходимым рассмотреть этот важнейший вопрос детально, относительно основных направлений внутри христианства. В статье рассматривается экологичность православия.

Для истинно христианского сознания все бедственные состояния природы, так или иначе связанные с научно-технической и хозяйственной деятельностью человека и поражающие его самого, имеют своей глубинной причиной искажение нравственной основы изначально данному человеку господства над природой. С православных позиций *не природа определяет религиозные взгляды человека, но человек, формулируя для себя свою роль в этом мире, в первую очередь влияет на природу.*

Необходимо подчеркнуть изначально глубокую экологичность христианского учения. Экология – «наука о доме». Образ мира как дома мы встречаем в евангельской притче о верном домоуправителе (Мф.24:45–51; Лк.12:42–48), где человек представлен как назначенный Господином управитель большого дома, ожидающий возвращения своего Господина и обязанный дать Ему отчет в своей деятельности. С точки зрения богословского подхода к созиданию мира, здесь налицо тема благоразумного отношения человека к божественному миру.

В либеральных обвинениях христианства в экологическом кризисе можно выделить следующие составляющие:

- человеку отводится роль венца природы и ее хозяина.
- христианство открыло психологическую возможность эксплуатировать природу в духе безразличия к самочувствию естественных объектов.
- как следствие, необходим возврат к язычеству или переход к восточным религиям.

Нужно отметить, что существует множество работ, посвященных анализу христианского взгляда на экологию. Среди них современные сборники «Православие и экология» Российского Православного университета св. Иоанна Богослова и «Христианство и экология» под редакцией Т. Горичевой [Христианство и экология 1997]. Так как все нападки на христианство в основном затрагивают первые две Главы Книги Бытия, где говорится о сотворении мира и человека, то нельзя не вспомнить множество святоотеческих толкований на Бытие. Самые ранние и уважаемые – труды Иоанна Златоуста, преподобного Ефрема Сирина, святителей Василия Великого и Григория Нисского. Учения перечисленных выше святых Отцов весьма подробно и доступно в XX в. проанализировал иеромонах Серафим (Роуз), четко поставивший вопрос: если так много подробных толкований спорных мест Книги Бытия, имеющих древнюю святоотеческую традицию, каким образом могло возникнуть такое глубокое непонимание основ христианства в современном обществе?

Для ответа на этот вопрос следует обратиться к основным принципам подхода к пониманию Бытия, выделенным Серафимом Роузом:

- Писание боговдохновенно; если мы встречаем трудности в понимании отдельных вещей, мы должны скорее подозревать нехватку собственных знаний, нежели недостатки в боговдохновенном тексте.
- Мы не должны спешить предлагать наши собственные объяснения «трудных» мест, но должны сперва попытаться ближе ознакомиться с тем, что святые Отцы говорили об этих местах.
- Мы должны также остерегаться искушения выхватывать из контекста отдельные цитаты святых Отцов, чтобы доказать желаемую точку зрения.
- Мы должны быть смиренными в попытках прибавить нечто к пониманию текста для наших дней, так как наука наших дней имеет свои слабости и ошибки [Серафим (Роуз) 2004].

В свете этих принципов можно понять, почему доводы христианства против обвинений в провоцировании экологического кризиса кажутся застывшими и несовременными. В противовес постоянно «развивающимся» (а по сути – деградирующим) либеральным обоснованиям экологического кризиса, в христианстве существует раз и навсегда данное понимание взаимоотношений мира и человека и причин кризиса.

Святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексий II в статье «Христианский взгляд на экологическую проблему» изложил основные положения этого понимания. Во-первых, рассматривается нравственный принцип владычества и причины его утраты. «Обладайте и владычайте над всею землею», – эта богооткровенная истина впервые зафиксирована Бытописателем Моисеем в те далекие времена, когда религиозные верования всех народов, за исключением его собственного, были проникнуты чувством зависимости от природы, когда ее стихии обожествлялись, и люди воспринимали их грозную власть над собой с не меньшей покорностью, чем деспотизм своих вождей и правителей. Но не о такой власти человека над природой говорит Книга Бытия. Уже та забота, с какою «насадил Господь Бог рай в Едеме, на востоке, и поместил там человека, которого создал, и произрастил ... всякое дерево, приятное на вид и хорошее для пищи» с тем, чтобы человек «возделывал и хранил» место своего обитания, показывает, что дарованное ему владычество над природой должно быть подобно владычеству Божию над миром: это не деспотический произвол тирана, а царственное промышление о благе каждого создания.

Если заключительные слова первой главы Книги Бытия – «И увидел Бог все, что создал, и вот, хорошо весьма» воспринимаются как удовлетворение Творца гармонией и целесообразностью созданного Им космоса, в котором человек причастен всем другим земным существам, то вторая глава представляет человека как свободную разумную личность, «причастную Божественной полноте» и призванную совершенствовать окружающий мир. Нарекая имена животным, он исходит из познания их сущности. Поэтому человеку дано владычествовать над земной природой. Это значит, что человек, созданный по образу и подобию Божию, должен был восходить сам и возводить вместе с собою всякий род творений к Богу. Так выясняется нравственная

высота господства человека над природой: постоянное попечение о благобытии всей твари, возможное лишь при любви к каждому созданию [Святейший патриарх 1997].

Но первые люди не выполнили этого назначения. Грехопадение, усиленное самооправданием повлекло за собой скорби, болезни и смерть. Расстроилась и жизнь природы, ставшей враждебной человеку. Его господство над нею сменилось необходимостью отставать свое существование от грозных природных стихий и бороться с «терниями и волчцами» земли, «в поте лица добывая у нее хлеб свой» (Быт 3:18–19).

Не было отнято у людей Божие благословение «владычествовать над всею землею». Но это владычество после грехопадения, из реального в саду Едемском, стало как бы потенциальным на земле производящей теперь «тернии и волчцы». Возмущенную человеком землю и всю природу ему предстояло покорять трудом постепенно, в длительном историческом процессе на избранном пути познания добра и зла.

Сюда же следует отнести высказывание П. А. Флоренского: «Только в христианстве тварь получила свое религиозное значение, только с христианством явилось место для «чувства природы», для любви к человеку и вытекающей отсюда науки о твари» [цит. по: Большаков, 1997, с. 104].

В православии сохранена заповедь Господа о владычестве – бережении всякой твари Божией и о нарицании ей имени: «Праведный печется и о жизни скота своего, сердце же нечестивых жестоко» (Притч 12:10).

Л. Уайт отмечает различие в отношении к миру в православии и западном христианстве, однако не идет далее самой констатации [Уайт 1990, с. 188–203]. Но хорошо известно, что православная Восточная Римская империя существовала около 1000 лет без каких-либо признаков возникновения идеологии техногенной цивилизации. Следовательно – дело не в христианстве, а в его искажении (ереси), пусть даже и с благими намерениями.

Таким образом, следует признать, что православие дает всему миру пример подлинного самоограничения – то есть указывает реальный путь выхода из экологического кризиса. По мысли академика Н. Н. Моисеева – не нужно искать новой идеологии, все уже сказано в Нагорной проповеди [Моисеев 1990–1999].

С чисто научной точки зрения православие представляется единственно неискаженной формой христианства. Действительно, если мы веруем в Божественное Откровение, веруем в истинность информации, данной нам в Писании, то мы должны помнить, что информация имеет свойство утрачиваться, «стираться». Поэтому так важно хранить изначальный вариант Писания, не допуская никаких изменений в нем. Все изменения, даже привносимые с самыми лучшими намерениями, ведут лишь к нарастанию хаоса – весь исторический процесс тому доказательство. Уместно вспомнить слова аввы Викентия Лиринского: «Говоря ново, не скажи нового».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Большаков А. А.* Древняя Русь IX–XIII вв. Очерки истории и антропоэкологии. М. : МНЭПУ, 1997. С. 104
- Евдокимов А. Ю.* Проблемы религии и экологии // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2016. Вып. 1 (762). С. 176–194.
- Моисеев Н. Н.* Человек и ноосфера. М. : Молодая гвардия, 1990. 351 с.
- Моисеев Н. Н.* Восхождение к разуму. М. : Издат, 1993. 192 с.
- Моисеев Н. Н.* Современный антропогенез и цивилизационные разломы (эколого-политологический анализ). М. : МНЭПУ, 1994. 47 с.
- Моисеев Н. Н.* Экология и образование. М. : Юнисам, 1996. 192 с.
- Моисеев Н. Н.* Быть или не быть ... человечеству? М. : Ульяновский дом печати, 1999. 288 с.
- Святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексей II.* Христианский взгляд на экологическую проблему. Православие и экология. Московский патриархат. Отдел религиозного образования и катехизации. Российский Православный университет св. Иоанна Богослова, 1997.
- Серафим (Роуз).* Бытие: сотворение мира и первые ветхозаветные люди. Христианское православное ведение. М. : Издательский дом «Русский паломник», 2004.
- Уайт Л.* Исторические корни нашего экологического кризиса // Глобальные проблемы и общечеловеческие ценности. М. : Прогресс, 1990. С. 188–203.
- Христианство и экология : сб. статей / под ред. Т. Горичевой. СПб. : Изд-во Русского Христианского гуманитарного института, 1997. 352 с.

УДК 372.881.1

Ю. Зибен

аспирант Института славяно- и угроведения
Берлинского университета имени В. Гумбольдт;
e-mail: artemenko_yuliya@mail.ru

ФУНКЦИИ РУССКИХ КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИХ РЕАЛИЙ В НЕМЕЦКОМ ТУРИСТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

В статье анализируется роль языка в эпоху глобализации. Особое внимание уделено процессу коммодификации языка. Согласно современным социолингвистическим представлениям, русский язык функционирует не только как неотъемлемая часть национального единства, но и приобретает черты экономического капитала.

Постепенно русский язык становится одним из наиболее распространенных на международном уровне и востребованных в сфере услуг, а также в области маркетинга и туризма. Автор акцентирует проблему дифференциации понятий *туризм* и *туристический дискурс*. Критически анализируются современные типы и жанры туристического дискурса, а также особенности перевода текстов указанной тематики.

На основе проведенного исследования делается вывод о том, что путеводитель проявляет себя как один из сложнейших жанров туристического дискурса, что обусловлено его комплексной структурой и многообразием языковых средств. Кроме того, в статье раскрываются основополагающие функции культурно исторических реалий.

Ключевые слова: глобализация; коммодификация; дискурс; туристический дискурс; путеводитель; реалии; функции реалий.

Yu. Sieben

PhD student; Department of Slavic
and Hungarian Studies, Humboldt University (Berlin);
e-mail: artemenko_yuliya@mail.ru

FUNCTIONS OF RUSSIAN CULTURAL AND HISTORICAL REALITIES IN THE GERMAN TOURISM DISCOURSE

The article investigates the role of the Russian language in the era of globalization. The process of language comodification is considered.

From the point of view of contemporary sociolinguistics, the Russian language is considered as both a subject of national pride and economic capital.

Russian is becoming one of the most demanded and widely-used languages in the foreign service, tourism and marketing industries. The issue of distinction between the concepts of "tourism" and "tourism discourse" is raised. Special focus is placed on

the types and genres of tourism discourse and on the distinctive features of tourist texts that are to be taken into account when this kind of texts are translated.

It is concluded that the tourist guide is the most complex genre of tourism discourse, as it has a complex structural organization and a variety of speech tactics. The main functions of cultural and historical realities are determined.

Key words: globalization; commodification; tourism; discourse; travel discourse; guide-book; words-realia, classification; functions of words-realia.

1. Einführung

Die Rolle der Sprache wird unter modernen gesellschaftlichen und wirtschaftlichen Verhältnissen einer starken Veränderung unterzogen. Sie ist unter anderem durch den wachsenden Waren-, Dienstleistungsaustausch, den Austausch der Arbeitsressourcen, sowie durch die Entstehung einer globalen neoliberalen Wirtschaft geprägt. Diese Erscheinung ermöglicht die Kommodifizierung fast aller relevanten Lebensbereiche, auch der Sprache.

Die Relevanz der Sprache wird durch eine neue Strömung in der westlichen Soziolinguistik erforscht, die sich mit dem Prozess der Kommodifizierung, d.h. der Betrachtung der Sprache als Ware (*commodity*) in der Epoche der Globalisierung auseinandersetzt. Dieser Frage widmen ihre Arbeiten solche Wissenschaftler, wie Heller M., Duchene A., Kelly-Holmes H. u.a.

Die russische Sprache stellt keine Ausnahme in dem genannten Prozess der Kommodifizierung dar. Insbesondere kommt es in den Ländern mit der stark ausgeprägten Mobilität der Russischsprachigen zum Vorschein. Auf solche Weise erhält die Sprache eine neue Dimension – den kommerziellen Wert. Die Kenntnisse des Russischen geben bessere Chancen auf dem Arbeitsmarkt, tragen zur besseren Geschäftsabwicklung bei. Die Menschen, die der russischen Sprache mächtig sind, erzielen einen höheren Gewinn im Vergleich zu den Personen, die ihre Dienstleistungen nicht in der Sprache anbieten können.

Der Prozess der Kommodifizierung der Sprache bietet neue Perspektiven für die Popularisierung der russischen Sprache an: „Абстрактно-гуманитарные интересы заменяются утилитарно-профессиональными, а язык распространяется через туризм, экономику и науку, что реально дает возможность функционировать русскому языку как мировому“ [Protasova 2013, S. 53].

Im Rahmen einer wissenschaftlichen Forschung über die Kommodifizierung der Sprache wurden die Lebensbereiche detailliert betrachtet, in denen der Sprachgebrauch eine entscheidende Rolle unter modernen wirtschaftlichen Bedingungen spielt. Unter Berücksichtigung der Haupttätigkeitsbereiche, an dessen Beispiel die Kommodifizierung der Sprache erforscht und erarbeitet werden kann, lassen sich fünf wesentliche Wirtschaftsbereiche herauskristallisieren, die der Sprache und deren Nutzern einen wichtigen Platz einräumen – *Tourismus*, *Marketing* und *Werbung*, *Fremdsprachenunterricht* und *Übersetzen / Dolmetschen*, *Call-Center* sowie eine moderne Kunstform wie *Performance* [Heller 2010, S. 101, 114].

Unter obengenannten Bereichen lässt sich der Tourismus als eine meist erforschte und relevante Branche im Rahmen der Kommodifizierung der Sprache hervorheben. Es handelt sich dabei sowohl um den Massen- als auch um den Individualtourismus (z. B. Extremsportarten, Abenteuer-tourismus oder Kulturtourismus).

2. Tourismus aus der Perspektive der Kommodifizierung der Sprache

Der diskursive Raum der modernen Tourismusbranche umfasst unterschiedliche Formen der schriftlichen und mündlichen Kommunikation. Der Tourismus als einer der schnell entwickelnden Wirtschaftsbereiche erweist sich als ein untrennbarer Teil jeder Kultur, jeder Gesellschaft. Er steigert das Prestige des Landes, sein Ansehen auf der regionalen und Weltebene. Der Tourismus stärkt interregionale und internationale Beziehungen, trägt zur Entwicklung der diplomatischen Beziehungen und Stabilisierung der Zusammenhänge zwischen Regionen und Staaten bei [Vinokurov 2004, S. 2].

In der interkulturellen Kommunikation wird eine besondere Rolle der nationalspezifischen Eigenart des sprachlichen Weltbildes zugeschrieben, sowie auch dem Verhältnis zwischen dem Nationalbewusstsein und der Sprache. Gerade im Tourismus kommen der Zusammenstoß und die Zusammenwirkung der unterschiedlichen Kulturen zustande [Filatova 2012, S. 76–82].

Der Gesamtanstieg der Anzahl von Auslandsreisenden erklärt das zunehmende Interesse an der Erlernung der russischen Sprache und die Aufnahme des Russischen in „die Liste“ der Tourismussprachen. Um zu

verstehen, warum Russisch ebenso wie Englisch gebraucht wird, wurden die statistischen Angaben der Bundesagentur für Tourismus in Betracht gezogen.¹

Die Anzahl der Auslandsreisen der russischen Bürger zu Tourismuszwecken für 9 Monate in den Jahren 2016–2017 (10 beliebteste Länder)²

Länder	9 Monate 2016	9 Monate 2017	Die Veränderung der Anzahl der Auslandsreisen der russischen Bürger zu Tourismuszwecken für 9 Monate im Jahre 2017 im Vergleich zum gleichen Zeitraum im Jahre 2016 (+- %)
Finnland	2.114.500	2.481.000	17
China	1.183.019	1.478.000	25
Estland	1.122.006	1.285.000	15
Polen	840.195	929.000	11
Deutschland	772.555	918.000	19
Griechenland	723.131	792.000	10
Zypern	691.703	738.000	7
Spanien	664.546	794.000	19
Tunesien	568.148	458.000	-19
Thailand	562.291	706.000	26

Zu erkennen ist, dass die Anzahl der Reisen in die oben genannten Länder (ausgenommen Tunesien) laut Statistik in einem halben Jahr um

¹ URL : www.russiatourism.ru/

² URL : www.russiatourism.ru/contents/statistika/statisticheskije-pokazateli-vzaimnykh-poezdok-grazhdan-rossiyskoy-federatsii-i-grazhdan-inostrannykh-gosudarstv/vyborochnaya-statisticheskaya-informatsiya-rasschitannaya-v-sootvetstvii-s-ofitsialnoy-statisticheskoy-metodologiyey-otsenki-chisla-vezdnykh-i-vyezdnykh-turistskikh-poezdok/

ein Mehrfaches gestiegen ist. Dadurch kann die Tatsache erklärt werden, warum Russisch in den unter russischen Bürgern beliebten Ländern immer mehr gefragt wird. In Anlehnung an die Forschung von Pavlenko lassen sich einige Gründe für den weiten Gebrauch des Russischen im Ausland hervorheben [Pavlenko 2016, S. 25–26]:

- ein großer Anteil der russischsprachigen Reisenden unter allen Touristen;
- geringe Englischkenntnisse unter russischsprachigen Touristen;
- hohe Ausgaben der russischen Touristen im Ausland und traditionelle russische Großzügigkeit.

Diese Gründe erklären, warum Russisch in der Sprachlandschaft der ausländischen Städte auftaucht: in Namen, auf den Schildern, in den Anzeigen, in Speisekarten der Restaurants. Im Bereich der touristischen Dienstleistungen werden Firmen und Guides gefragt, die russische Touristen in ihrer Muttersprache bedienen können, es werden Infoblätter, Bücher und Karten in der russischen Sprache herausgegeben.

3. Definition der Begriffe „Diskurs“ und „touristischer Diskurs“

Abgesehen davon, dass sich Tourismus auf der aktuellen Entwicklungsstufe der Wirtschaft als ein Bereich der Kommodifizierung der Sprache erweist, besitzt die Sprache des Tourismus selbst eine individuelle Spezifik, weil sich darin einige Genres und Stile verflechten.

In dieser Hinsicht ist es wichtig zu definieren, was unter dem Begriff „touristischer Diskurs“ zu verstehen ist und wie er sich von dem „Diskurs“ unterscheidet.

Der Begriff „Diskurs“ wird in der modernen Sprachwissenschaft nicht eindeutig ausgelegt. Es können einige Ansätze zur Definition des Diskurses hervorgehoben werden:

1. Kommunikativer Ansatz: Diskurs entweder als verbale Kommunikation (Sprache, Gebrauch, Funktionalität der Sprache), oder als Dialog, oder als Gespräch, d. h. als Typ der dialogischen Aussage, oder als Rede vom Gesichtspunkt des Sprechenden aus, im Gegensatz zur Erzählung, die diesen Gesichtspunkt nicht berücksichtigt [Karasik 1999, S. 5].

2. Strukturell-syntaktischer Ansatz: Unter dem Begriff „Diskurs“ werden zwei oder mehrere Sätze verstanden, die eine Sinnverbindung

aufweisen, dabei wird die Verbindung als ein der Hauptmerkmale des Diskurses betrachtet.

3. Strukturell-stilistischer Ansatz: Diskurs als eine Außertextorganisation der Umgangssprache, die durch unklare Teilung in Abschnitte, Vorherrschaft assoziativer Verbindungen, durch Spontanität, Situationsabhängigkeit, durch hohe Kontextualität und stilistische Spezifik gekennzeichnet ist.

4. Sozial-pragmatischer Ansatz: Diskurs als Text in einer Sprachsituation, im Leben oder als ein sozialer oder ideologisch eingeschränkter Typ der Aussagen [Churmatullin 2009, S. 33].

Der Begriff „Diskurs“ wird im untrennbaren Zusammenhang mit den Begriffen „Sprache“ und „Text“ betrachtet [Churmatullin 2009, S. 31–37].

Unter dem touristischen Diskurs wird die Gesamtheit der Texte verstanden, die das Ergebnis der Sprachaktivität in der Tourismusbranche darstellen. Der touristische Diskurs hat einen umgangssprachlichen Stil, der eine vertrauliche Atmosphäre und einen vertrauten Umgang schneller erreichen lässt. Jede Art des Diskurses verfügt über einen Idealabsender der Sprachmitteilung und einen Idealempfänger.

Die Genres des touristischen Diskurses können wie folgt definiert werden: 1) **verbale Genres** hängen davon ab, wo und unter welchen Umständen die verbale Kommunikation stattfindet (Gespräch mit dem Reiseveranstalter, Ausflug mit dem Guide etc.); 2) **nonverbale Genres**, d. h. geschriebene oder gedruckte Varianten der touristischen Texte (Broschüren, Touristenfaltblätter, Reiseführer, Sprachführer usw.) [Tarnaeva 2013].

4. Der Reiseführer als Mittel der interkulturellen Kommunikation

Als eines der kompliziertesten und spezifischsten der obengenannten Genres des touristischen Diskurses gilt der Reiseführer. Er hat sich nicht nur als ein meist verbreitetes Genre etabliert, sondern kombiniert auch einige andere Genres des touristischen Diskurses in sich.

Durch die Analyse des empirischen Materials hat sich gezeigt, dass ein Reiseführer im Kontext der interkulturellen Kommunikation nicht nur die traditionelle Informations- Unterhaltungsfunktion, sondern auch die imagebildende zu realisieren hat. Das Phänomen touristischer Reiseführer besteht in ihrer funktional- unterschiedlichen Ausrichtung: *informativen, Werbe, Unterhaltungsausrichtung.*

Von der inhaltlichen Qualität des Reiseführers, von der Erklärung und Übersetzung komplizierter Realien der russischen Sprache, sowie vom Kommentieren des kulturspezifischen Wortschatzes hängt nicht nur die erfolgreiche Vermarktung, sondern auch die Formierung des Bildes eines „fremden“ Landes im Bewusstsein der Ausländer, Stereotypisierung der fremdsprachigen Realien ab.

Der Reiseführer und Besonderheiten seiner Stilistik können folgendermaßen charakterisiert werden: <...> путеводитель можно рассматривать как текст, соединяющий научно-справочный и научно-популярный подстили, то есть как «синкретичное образование, находящееся на пересечении нескольких стилей, соответственно вмещающие в себе их черты» [Rucinskaja 2011], <...> тексты, целенаправленно предоставляющие эмпирическую информацию о регионе, но вместе с тем, как тексты, в которых репрезентированы социокультурные особенности региона [Rucinskaja 2013, с. 18]. Der Reiseführer stellt ein multifunktionales Phänomen der Massenkultur dar. Außer der anerkannten Auskunftsfunktion:

- bildet er neue Verhaltensstereotypen;
- reguliert den Aneignungsprozess der kulturellen Werte unter neuen sozial-kulturellen Bedingungen;
- überträgt die professionellen wissenschaftlichen Erkenntnisse auf das Niveau der Alltagsvorstellungen;
- erfüllt Image und Werbefunktionen [Rucinskaja 2013, S. 18].

Der Reiseführer lässt sich schwierig einem bestimmten Texttypus zuordnen: z. B. in Anlehnung an die Typologie der Texte von K. Reiß besitzen touristische Texte des Genres „Reiseführer“ Merkmale aller von ihr bestimmten Texttypen und enthalten eine appellativische, expressive und informative Komponente [Reiß 1989, S. 105], wo die Dominante jeder bestimmten Funktion durch den Kontext bedingt ist.

In der vorliegenden Forschung werden die deutschsprachigen Reiseführer für Russland unter dem linguistischen Gesichtspunkt – der Interlinguokulturologie untersucht, die eine Fremdsprache der interkulturellen Kommunikation erforscht, die auf russische Kultur ausgerichtet ist.

Alle deutschsprachigen Reiseführer können in zwei Hauptarten aufgeteilt werden: Werbeauskunftswerke, die durch Informationsschriften, Werbeschriften, Touristenfaltblätter repräsentiert sind, und die Autorenreiseführer, die einen werbeinformativen und auskunftsenzyklopädischen Charakter haben [Protčenko, 2006].

Die durchgeführte Analyse der Reiseführer zeigte, dass der inhaltliche Teil der beiden Reiseführertypen trotz der Arten- und Umfangsunterschiede sowie trotz verschiedener Zielauditorien fast gleich bleibt und somit als sein Basisteil gilt. Er ist auf folgende Weise aufgebaut: Geschichte und Kultur, Kunst und Kultur; Sehenswertes, Stadtplan, Ausflüge und Touren, Reiseinformation, Hotels und Restaurants; Einkaufen; Unterhaltung, Praktische Hinweise; im Notfall. Auf solche Weise lässt sich darauf hinweisen, dass der Reiseführer über eine deutliche Struktur und Komposition verfügt. Dennoch können Reiseführer andere Kapitel enthalten und ganz andere Struktur aufweisen.

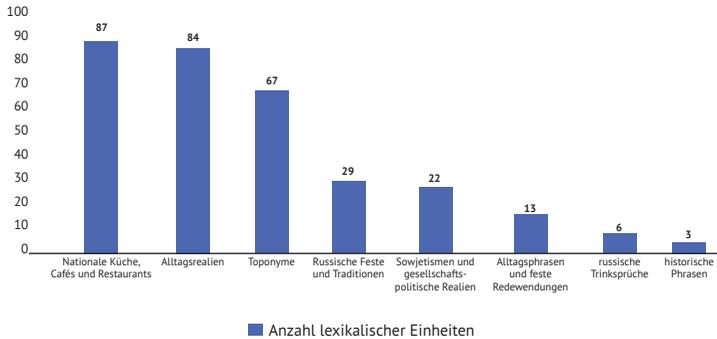
Bei der Untersuchung einiger Texte wurden solche Begriffe von den modernen Sprachwissenschaftlern eingeführt, wie *kreolizovannyj tekst*“, (ein kreolisierte(r) Text) „intertekst“ (Intertext), „gipertekst“ (Hypertext) [Protčenko 2006, S. 6]. All diese Begriffe können bei der Analyse des Reiseführers als eines semiotisch erschwerten (komplizierten) Textes verwendet werden. Die Reiseführer werden außerdem so konzipiert, dass sie den Leser beeinflussen, sein Interesse, den Wunsch, das eine oder andere Land zu besuchen, erwecken sollen. Seiner Natur zufolge erweist sich der Reiseführer als ein ideologischer Text, der das Landesbild formieren oder eine bestimmte Realität im Bewusstsein des Lesers modellieren soll [Kiseleva 2008].

In der vorliegenden Arbeit wurden zehn deutschsprachige Reiseführer für Russland analysiert, die von verschiedenen Autoren in der Zeitperiode von 2004 bis 2014 verfasst und außerhalb Russlands herausgegeben wurden. Die Werke enthalten kulturologische Informationen über Moskau und Sankt-Petersburg, mit dem gesamten Umfang ca. 2500000 Druckzeichen – d. h. 337 Lexeme, die als anschauliches Material dienen und kulturhistorische Realien der russischen Kultur darstellen.

Realien wurden durch die Methode der freien Auswahl (*metod splošojj vyborki*) und auf Intuitionsbasis des Muttersprachlers zusammengestellt. Der funktionale Dualismus, der im Laufe der Forschung ausgewählten Realien ermöglicht es, sie als Schlüsselwörter, die das Interesse des Lesers an der Geschichte und Kultur Russlands wachhalten, zu betrachten.

Die Ergebnisse der Analyse können graphisch wie folgt dargestellt werden (S. 383).

Des Weiteren wird ausführlicher auf jede einzelne Gruppe der Realien eingegangen. Die meist gebrauchten Realien stammen aus der Gruppe der ethnographischen Realien „Nationale Küche, Cafés und Restaurants“ (87 Lexeme).

Zu dieser Gruppe gehören Bezeichnungen der Speisen der nationalen russischen Küche, der Getränke, es werden manchmal sogar Rezepte zur Zubereitung mancher Speisen angeführt. Diese Kategorie schließt ebenso Namen verschiedener öffentlicher Gastronomiebetriebe, Bezeichnungen der in Russland beliebten Obst- und Gemüsesorten ein. Z. B. Kwas (Erfrischungsgetränk), Rassolnik (Rinderbrühe mit Gemüse und Nieren), Okroschka (eine kalte Suppe aus Kartoffeln, Rettich, Gurken, Schnittlauch, Smetana (Sauerrahm), Kulitsch (eine Art Osterbrot), Piwaja (Bierkneipe), Psychetschnaja (für Pyschki – Donuts), Borschtsch (Rote-Bete-Suppe).

Die nächste Gruppe nach der Anzahl der festgestellten Lexeme ist die Kategorie „Alltagsrealien“, die 84 Einheiten zählt. Diese Gruppe beinhaltet Routinismen aus den unterschiedlichen Lebensbereichen des russischen Volkes – Verkehrsmittel, Bezeichnungen verschiedener Gegenstände, die im Alltagsgebrauch notwendig sind, und auch die Einzelwörter, die schwer in Untergruppen zu gliedern, jedoch von einem russischen Muttersprachler oft zu hören sind. Dazu gehören solche Lexeme, wie z. B.: Elektrischka, Marschrutka (Minibus), Talony (Fahrscheine), Sanitarnyj den (einen Tag im Monat, an dem etw.geschlossen ist), Datscha, Basar, Sprawka (Beleg), Propiska (Wohn- und Arbeitserlaubnis für die Hauptstadt) usw.

Die nächste, ziemlich zahlreiche Gruppe der Realien ist die Kategorie „Toponyme“ (67 Lexeme), zu der Bezeichnungen der Sehenswürdigkeiten, Straßen und Plätze gehören.

Folgende Beispiele solcher Routinismen können angeführt werden: Novaya Opera, Gostinyj Dwor, Soljanoj pereulok, Kiewskij Woksäl, Spas na krowi, uliza Belinskogo, Gorochowaja uliza, Sadowaja uliza, Abkürzungen – WWZ (WDNH), GUM u.a.

Einer Sondergruppe wurden ebenso „Sowjetismen und gesellschafts-politische Realien“ (22 lexikalische Einheiten) zugeschrieben, weil dieses Material mir als wichtig für die Bekanntschaft mit der russischen Kultur vorkommt. Zu dieser Kategorie zugehörige Wörter stellen ein Teil der Geschichte und Politik der jeweiligen Nation dar, ohne deren Aneignung wird die Einsicht in das kulturelle und gesellschaftliche Leben der Stadt und ihrer Einwohner schwerfallen. Solche Wörter können in dem Zusammenhang angeführt werden: Kommunalka (Gemeinschaftswohnungen), Rajsowjet, Peredwischniki (=Wanderer), Perestrojka (Umgestaltung) u. a.

Als zahlreich gilt ebenso die Gruppe „Russische Feste und Traditionen“, die 29 Lexeme einschließt, z. B.: Masleniza (Butterwoche), Roschdestwo Christowo (Weihnachtsfest).

In den Reiseführern können auch unterschiedliche Historismen, die die russische Kultur in verschiedenen Zeitperioden und Epochen tiefgehender und ausführlicher beschreiben sollten, oft getroffen werden, z. B.: Dewitzj (junge russische Mädchen), Opritschniki, Nalitschnik („Verkleidung“. Gemusterte Gardine um Sims und Fenster einer Hausfassade ranken).

Am wenigsten sind folgende thematische Gruppen in Reiseführern vertreten: phrasen: russische Trinksprüche – 6 Lexeme (Sa sdorowie! (Auf die Gesundheit!), Sa nas! (Auf uns!); Alltagsphrasen und feste Redewendungen – 13 lexikalische Einheiten (Prichodite jescho ras (Kommen Sie mal wieder), Wsjo budet! (Das wird schon! – als Warten und Geduld den Lebensrhythmus bestimmten); historische Phrasen – 3 Lexeme (Lenin schiw! (Lenin lebt!), Lenin: „Wsjem! Wsjem! Wsjem!“ (An alle! An alle! An alle!).

Die Popularität der obengenannten Gruppen lässt sich dadurch erklären, dass es eben in dem Zusammenhang ein direkter interkultureller Dialog zustande kommt, wenn die Reisenden den Kontakt mit den russischen Sprachträgern auf alle Fälle aufnehmen müssen.

In der oben genannten Auflistung sichert die Stütze auf die Schlüsselwörter und feste Redewendungen das Anfangskommunikationsniveau in einem fremden Milieu.

5. Funktionen kulturhistorischer Realien.

Interpretationspotential der kulturhistorischen Realien

Die von uns nach Funktionen ausgewählten Realien sowie auch andere kulturhistorische Realien funktionieren sowohl im Inhaltssystem eines

Textes, als auch in seinem Bedeutungssystem. Der Inhalt wird durch den Leser als eine Reihenfolge von Fakten angeeignet, die z. B. das Sujet einer Erzählung bildet.

Durch die Semantisierung einer Aussage eignet sich der Leser den Inhalt allseitig an, was ihn auch zum Verstehen übergehen lässt. Unter Bedeutungen werden „связи и отношения, которые реципиент восстанавливает на основании своего прошлого опыта“ [Bogin 2009].

Die Befürworter der kognitiven Ausrichtung in der Übersetzungswissenschaft heben aufgrund der rationalen Inhaltsinterpretation folgende *Funktionen kulturhistorischer Realien* hervor: informative, denotative, pragmatische und formell-ästhetische [Samochina 2012, S.12]. Im Bedeutungssystem eines Textes werden Funktionen der kulturhistorischen Realien durch ihr Interpretationspotential bestimmt, sowie können als Bestandteile der Aktualisierungssituationen auftreten¹. Kulturhistorische Realien beteiligen sich gleichzeitig an der Bedeutungsformierung eines Textes, an seiner Inhaltsformierung, d. h. im System des Inhaltsreichtums eines Textes. Kulturhistorische Realien, besonders „externe“ Realien für beide beteiligten Sprachen, fördern das Denken des Lesers, bewegen ihn zum Reflektieren. Diese Fähigkeit der kulturhistorischen Realien wird in der Forschung als ihr Interpretationspotential bezeichnet.

6. Schlussfolgerung

Zusammenfassend lässt sich betonen, dass kulturhistorische Realien als funktionalbedeutsame, das bedeutungsbildende Potential besitzende Bestandteile im System des Inhaltsreichtums eines einheitlichen Textes gelten. Dessen Verständnis wird zu einer notwendigen Voraussetzung der Anfangsanalyse des Ausgangstextes.

Der touristische Diskurs seinerseits verfügt über einige Besonderheiten und Genres, die sich infolge des Optimierungsbedarfs der interkulturellen Kommunikation im Rahmen dieses Diskurses gebildet haben. Wie bereits gesagt, stellt ein touristischer Reiseführer ein kompliziertes Genre des touristischen Diskurses dar, denn er weist eine komplexe Struktur auf. Unter dem touristischen Diskurs wird die Gesamtheit der Texte verstanden, die das Ergebnis der Sprachaktivität in der Tourismusbranche darstellen.

¹ Интерпретационный потенциал культурно-исторических реалий – это способность реалии выполнять смыслообразующую функцию [Богин 2009].

Dank seinem medialen Charakter interagiert der touristische Diskurs mit anderen Diskurstypen (Werbe-, Wissenschafts-, Alltagsdiskurs), was die Verwendung der Strategien und Werte bestimmt. Die wichtigste Ausrichtung des touristischen Diskurses erklärt sich in der Steigerung der Attraktivität des Tourismus als einer Freizeitform, die Förderung touristischer Dienstleistungen wird wiederum durch eine „äußerst positive Attraktion“ realisiert.

LITERATURVERZEICHNIS

- Bogin G.I.* Obretenie sposobnosti ponimat'. Raboty raznyh let Tekst.: v 2 t. / G.I. Bogin; redkol.: I. F. Krjukova (otv. red.) [i dr.]. Tver': TvGU, 2009. T. 1: Filologičeskaja germenевtika, 1982. 2009. 152 S.
- Birgit Borowski* (und Autorenkollektiv). Baedeker Allianz «St. Petersburg» - Karl Baedeker Verlag, Ostfildern, 2011.
- Christian Funk, Aglaya Sintschenko.* CityTrip St. Petersburg. Reise Know How Verlag, Bielefeld, 2008.
- Churmatullin A. K.* Ponjatje diskursa v sovremennoj lingvistike // Učen. zap. Kazan. un-ta. Ser. Gumanit. nauki. 2009. T. 151, kn. 6. S. 31–37.
- Filatova N. V.* Žanrovoe prostranstvo turističeskogo diskursa // Filologičeskie nauki. M., 2012. № 2. S. 76–82.
- Gerberding E.* Moskau – Reise-Taschenbuch. Dumont Reiseverlag, Ostfildern, 2014.
- Gerberding E.* St. Petersburg – Reise-Taschenbuch. Dumont Reiseverlag, Ostfildern, 2010.
- Heike Maria Johanning.* CityTrip Moskau. Reise Know How Verlag, Bielefeld, 2007.
- Heller M.* The Commodification of Language. Annual Review of Anthropology. 2010. Vol. 39. S. 101–114.
- Heller M., Duchene A.* Pride and Profit: Changing Discourses of Language, Capital, and Nationstate. In: Duchene A., Heller M. (eds.) Language in Late Capitalism: Pride and Profit. New York : Routledge, 2012. S. 1–21.
- Howard Jeremy* St. Petersburg / Jeremy Howard. Fotos von Juri Belinski. [Übers.: Claudia Buchholtz ...]. Hamburg: National Geographic Deutschland, 2007.
- Kabakči V. V.* Angljazyčnoe opisanie russkogo goroda (na materiale zapadnyh putevoditelej): XI meždunarodnaja naučno-praktičeskaja konferencija «Lingvistika, perevod, diskurs mežkul'turnoj komunikacii». Ekaterinburg: IMS, UGU im. A.M. Gor'kogo, Biznesbjuro Asociacii perevodčikov, 2009. S. 112–126.
- Karasik V.I.* Religioznyj diskurs // Jazykovaja ličnost': problemy lingvokul'turologii i funkcionalnoj semantiki: Sb. nauč. tr. Volgograd : Peremena. 1999. S. 5–19.

- Kelly-Holmes H.* Multilingualism and Commercial Language Practices on the Internet // *Journal of Sociolinguistics*. 2006. Vol. 10, no. 4. S. 507–519.
- Kiselëva L. N.* Ob osobennostjach tartuskich putevoditelej // *I vremja i mesto*. M., 2008. S. 445–454.
- Mrozek Gisbert* Moskau mit City-Atlas. Marco Polo Reiseführer. Ostfildern: MAIRDUMONT, 2009.
- Neumann-Adrian Edda, Neumann-Adrian Michael.* Reiseführer plus St. Petersburg: mit Maxi-Faltkarte zum Herausnehmen. München : ADAC-Verl., 2004.
- Nowak E., Otto A., Sergeev V.* St. Petersburg entdecken: Die europäische Metropole und ihre altrussischen Nachbarn. Trescher Verlag, 2004.
- Pavlenko A.* Russkij jazyk kak lingva franka v zarubežnoj sfere obsluživanija. SPb: Mir russkogo slova. Izd-vo. Obščestvo prepodavatelej russkogo jazyka i literatury, 2016, S. 23–32.
- Protasova E.* Russkij jazyk v turističeskom landšafte zarubež'ja. Russkij jazyk za rubežom. 2013 (5). S. 53–61.
- Pročenko, A. V.* Tipologičeskie i funkcional'no-stilističeskie charakteristiki anglojazyčnogo putevoditelja: avtoreferat dis. ... kandidata filologičeskich nauk: 10.02.04 / Sam. gos. ped. un-t. Samara, 2006. 19 S.
- Reiß K.* Text Types, Translation Types and Translation Assessment. Chesterman A., ed. *Readings in Translation Theory*. Helsinki : Finn Lectura, 1989. P. 105–115.
- Rice Christopher, Rece Melanie, Carrasco Demetrio* Moskau: [Kreml, Museen, Cafés, Ballett, Stadtplan, U-Bahn, Kathedralen, Wodka, Parks, Spaziergänge, Architektur]. München: Dorling Kindersley, 2010.
- Rucinskaja I. I.* Putevoditel' kak fenomen massovoj kul'tury. Obrazy rossijskich regionov v provincial'nych putevoditeljach vtoroj poloviny XIX – načala HKH veka. Lenard Moskva, 2013. S. 285.
- Rucinskaja I. I.* Putevoditel' kak instrument konstruirovannaja regional'nych dostoprimečatel'nostej (vtoraja polovina XIX – načalo XX v.) // *Vestnik Moskovskogo universiteta*. Serija 19. Lingvistika n mežkul'turnaja kommunikacija. Vypusk 1. M., 2011.
- Samochina I. A.* Interpretacionnyj potencial kul'turno-istoričeskich realij v raznyh vidach perevoda hudožestvennogo teksta: dis. kandidata filologičeskich nauk: 10.02.20 / Samochina Irina Anatol'evna; [Mesto zaščity: Tver. gos. un-t]. Tver', 2012. 18 S.
- Tarnaeva L. P., Dačjuk V. V.* Turističeskij diskurs: lingvopragmatičeskie charakteristiki // *Vestnik SPbGU*. Ser. 9. 2013. Vyp. 3.
- Vinokurov M. A.* Izvestija Bajkal'skogo gosudarstvennogo universiteta ekonomiki i prava, 2004.

Сетевое электронное научное издание

ВЕСТНИК Московского государственного лингвистического университета Гуманитарные науки Выпуск 14 (809)	VESTNIK of Moscow State Linguistic University Humanitarian Sciences Issue 14 (809)
---	--

Ответственные за выпуск 14 (809):

доктор филологических наук, доцент Е. Ф. Косиченко;
доктор филологических наук, доцент Н. Н. Германова;
кандидат филологических наук Н. С. Панарина

Редактор Е. М. Евдокимова
Компьютерная верстка: Ю. Л. Герасимова
Дизайн обложки: А. Г. Проскуряков

ФГБОУ ВО МГЛУ

Подписано в печать 27.11.2018 г.
Усл. печ. л. 24,3. Формат 60х90/16
Заказ № 150

Адрес редакции:

119034, г. Москва, ул. Остоженка, д. 38, стр. 1
Тел.: (499) 245 33 23
E-mail: ipk-mglu@rambler.ru

В «Вестнике Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки» публикуются основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по следующим отраслям науки и / или группам специальностей научных работников:

10.02.00 – Языкознание
10.01.00 – Литературоведение
24.00.00 – Культурология

«Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки» является преемником сборников научных трудов с 1940 года и, начиная с 2002 года, следующих выпусков «Вестника Московского государственного лингвистического университета»: «Лингвистика», «Языкознание», «Филологические науки», «Языкознание и литературоведение», «Восточные языки», «Философия», «Философия и культурология».

© ФГБОУ ВО МГЛУ, 2018

Издание зарегистрировано 10 июня 2016 г. Эл № ФС77-66051 Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
Доменное имя сайта: libranet.linguanet.ru/prk/vestnik.asp?vest_lang=rus&vest_type=gum

Учредитель: ФГБОУ ВО МГЛУ

Ссылка на издание обязательна